

Луиза Мишель

КОММУНА

Перевод с французского
Примечания О. М. Бескина
М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2011](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune) к 140-летию Парижской коммуны
воспоминания других участников и современников Коммуны,
документы, исследования, фильмы и радиопередачи [скачать здесь:](#)
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография
текст разделен на 7 файлов
части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства

Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНИЯ ИМПЕРИИ

I. Пробуждение

II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира

III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны

IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора

V. Процесс в Блуа

VI. Война. Официальные телеграммы

VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

I. 4-го сентября

II. Национальная оборона

III. 31-го октября

IV. От 31-го октября до 22-го января

V. 22-го января

VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы

VII. Росселя и Люллье

VIII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж

VIII. Всемирное движение за свободу

IX. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

I. 18-е марта

II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета

III. Дело 22-го марта

IV. Прокламация Коммуны

V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже

VI. Атака Версаля. Незданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса

VII. Воспоминания

VIII. Волна растет

IX. Провинциальные коммуны

X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года

XI. Последние дни свободы

XII. Франк-масоны

XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников

XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

I. Борьба в Париже. — Резня

II. Холодная подачка

III. Бастионы Сатори и Версаля

IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии

II. Возвращение

Приложение.

I. Рассказ Беатрисы Экскоффон

II. Письмо заключенного в Бресте

III. К коммунарам

Примечания

Алфавитный указатель примечаний

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Агония Империи.

I. ПРОБУЖДЕНИЕ.

Ночь декабрьского переворота *) и третьей империи покрыла ужасом страну. Франция казалась мертвой. Но в эпохи, когда нации будто спят в своих гробах, в тишине начинает расти, развиваться жизнь. Одно событие отвечает другому, как эхо, как одна звенящая струна заставляет звучать другую.

За кажущейся смертью наступает могучее пробуждение и плодом медленной эволюции является яркое превращение.

Какие-то особенные жизненные соки проникают в людей, собирают их вместе, несут с такой силой, точно действие предшествует воле. События стремительно учащаются, а сердца закаляются, как сталь шпаги в горне. А там, во время циклонов, когда земля и небо сливаются в одну ночь, когда волны рыдают, как человеческая грудь, и яростно бьют о скалы свои белопенные гребни, кажется, будто живешь в глубине времен среди разнузданных стихий. Но в революционную пору все, напротив, влечет человека вперед.

Следующее стихотворение выражает впечатление, которое испытывали в конце империи все бросавшиеся в битву за свободу.

«Империя в агонии старалась упиться кровью,
Она царилла еще в своих покоях, на пороге которых лежали
трупы,

Но в воздухе уже звучала марсельеза,
И солнце вставало в красном тумане».

*) См. примечание 1-е.

Над миром уже витала свобода, и через границы несся ее голос, возвещая требования обездоленных.

Сотканная Бонапартом паутина полицейских заговоров проглядывала все яснее. Задушенная римская республика, китайская и мексиканская экспедиция, воспоминания о жертвах переворота — все это составляло печальную свиту того, кого В. Гюго назвал Наполеоном Малым. Кровь доходила до брюха его лошади. Отовсюду подымалась нищета, и, конечно, не подаяния «Общества императорского принца» могли ее облегчить.

Париж, однако, был обременен для поддержки этого общества тяжелыми налогами, и до сих пор долг его доходит до двух миллионов. Ужас, окружающий Елисейский дворец, легенда первой империи, пресловутые семь миллионов голосов, которые удалось вырвать путем застрахиванья и подкупа — все это создало около имени Наполеона III крепостной вал, который молва прославила неприступным.

Человек с косыми глазами воображал, что он вечен, но стена между тем уже давала трещины, и, наконец, сквозь брешь Седана победоносно вошла революция.

Никто из нас тогда не мог себе представить, чтобы что-нибудь могло сравниться с преступлениями империи.

То время и наше походят друг на друга, как две капли крови, по выражению Рошфора. В этом аду, как и теперь, сколько поэтов, одни со страстью, другие с горьким смехом, воспевали эпопею, в которой предстояло прожить и умереть! Сколько тогдашних наших песен были бы вполне современны и в наши дни!

«Хлеб дорог, а деньги редки,

Гаусман повышает квартирную плату,

Правительство скупое, и только сыщикам хорошо платит.

Устав от долгого поста,

Бедные люди, пожалуй, закусят удила.

Будем плясать Бонапарту,

Ведь не мы угощаем,

Будем плясать Бонапарту и поставим на карту тюрьмы».

В словах не стеснялись, когда нужно было бросить в лицо власти ее низость.

Песня о «Бадингете» вызывала ярость императорских банд. Вот первый куплет:

Друзья власти,

Желаете ли узнать,

Как, по мановению палочки, случайно,

Бадингета превратилась в жену Цезаря.

Красотка жила в глубине Испании.

Ах, как ловко она пила шампанское и т. д.

Пусть мой народ вопит и проклинает.

Мне — наплевать,

Кто был шпионом в Англии, а затем палачом,

Может скоморошничать,

Не унижая своего достоинства.

К нашим веселым тюремным воспоминаниям относится песня о «Бадингете», пропетая однажды вечером во весь голос массой узниц в Версальской тюрьме. Мы лежали на полу у стен, и тела наши освещались двумя коптящими лампами. Сторожившие нас солдаты, для которых империя еще продолжала существовать, были охвачены и страхом и бешенством. «Из за вас, — кричали они, — придется нам отвечать за оскорбление его в-ва, императора».

Другой куплет, подхватываемый толпой, тоже выводил из себя наших победителей.

За два су — весь пакет —

Папашу, мамашу

И малютку Бадинге...

Вера в жизненность империи была так сильна в Версальской армии, что в распоряжении об отдаче меня под суд, доставленном мне в Версальскую тюрьму, я, как и многие другие, читала следующее: «Согласно докладу и мнению г. докладчика, а также заключению г. императорского комиссара, о предании 6-му военному суду и т. д.»

Правительство полагало, что менять формулу не стоит.

В последние мучительные годы Наполеона III нас долго возмущала локорность масс к страданиям. Мы, энтузиасты освобождения, провидели его так давно, что нетерпение наше становилось все сильнее и сильнее. У меня сохранились отрывки от этой эпохи:

«Тем, что хотят остаться рабами»:

Если народ хочет,
 Чтобы императорский орел реял над его позором,
 Если он спит,
 Придавленный под ледяной бурей вечного гнета,
 Если те, кто душат,
 Хотят, как и прежде, подставлять свою грудь под нож,
 То кинемся друзья на этот притон;
 Мы освободим стадо.
 Один — легион, когда он отдает свою жизнь,
 Когда он простился со всеми;
 Мы пойдем одни: отвага наводит ужас;
 У нас меч и огонь
 Довольно трусости, трусы — изменники.
 Презренная толпа — пей, ешь и спи!
 Ты хочешь ждать? жди, кланяясь своим господам.
 Неужели тебе мало мертвецов?
 От крови твоих детей краснеет земля,
 Спи в конуре с глухими стенами.
 Спи! Вот собираются, как пчела за пчелой,
 Герои предместий.
 Монмартр, Белльвиль, о храбрые легионы,
 Придите! время покончить с этим.
 Восстаньте! Тяжел стыд и цепи тяжелы...
 Восстаньте! Прекрасно умереть!»

Как давно уже хотелось вырвать из груди истекающее кровью сердце, и бросить его в лицо царствующему чудовищу.

Как давно уже декламировали с холодной решимостью стихи из „Chatiments“ *).

«Гармодий, час настал,

«Ты можешь спокойно сразить этого человека»

Так бы и следовало сделать — снять с рельс лежащий на них камень.

Тогда тирания воплощалась лишь в одном лице.

Мы уже грезили о будущем и герой Декабрьского переворота казался нам единственным препятствием к свободе.

*) «Возмездие» — произведение Виктора Гюго — 0 Б

II. ЛИТЕРАТУРА КОНЦА ИМПЕРИИ. МАНИФЕСТАЦИИ В ПОЛЬЗУ МИРА.

Слетайтесь вороны, слетайтесь без числа Вы все будете сыты

Гнев, накопившийся в тишине в течение 20 лет, прорывался отовсюду. Мысль освобождалась, книги проникавшие во Францию только контрабандой, начали выходить в самом Париже. Испуганная империя надела маску и называла себя *либеральной*; но никто этому не верил и когда империя зывала к 89 году, мысль переносилась к 52-му.

„L'échéance de 69“ («Расплата 69-го года») Рожара, резюмировала с 66 года общее настроение.

— Падение 69 года, — говорил он, — срок фаталистический. Единодушный голос говорит о крушении империи в 69 году.

Ждут свободы, как ждали хилиасты *) возвращению Мессии. Это знают, как знает астроном законы затмений... Нужно только вынуть часы и следить за течением явления, считая минуты, «отделяющие еще Францию от света».

«Глубокие причины этого, — говорил дальше в той же книге Рожар, — кроются в постоянном и неизменном противоречии между общественными и правительственными стремлениями; в непрекращающемся попирании всех интересов управляемых, в несогласии между словом и делом правителей; в выставлении на показ принципов 89 года и в применении на деле правил 52-го; в необходимости для правителей войны, особенно войны наступательной, составляющей жизненный нерв милитаристической монархии и в непопулярности наступательных войн, разрушений, грабежей и вторжений в наш век работы, промышленности, науки и несколько большего благоразумия, чем его предшественники.

В необходимости политической полиции и маистратуры в стране, где правительство находится в войне с нацией, необходимости, которая позорит и маистратуру и полицию, утешает преступников и приводит в отчаяние честных людей» **).

*) Хилизм — учение, проповедовавшее наступление царства Христова. — 0 Б
 **) Rogeart. Echéance de 69, chez Pagent., 10, Montagne de Sion 1866.

В той же работе Рожар прибавляет:

«Наблюдается страшный рост народного движения рядом с усилением правительственных репрессий. И если с одной стороны будет увеличиваться давление, в то время как напор усиливается с другой, то ясно, что машина взлетит на воздух.

«Я, как и вы, вижу эту агонию и ждате не хочу. Правда, что на-строение растет быстро, неодолимо. Я с этим согласен. Но зачем говорить волне: не торопись, империя умирает, империя мертва. но именно терпением мы ее поддерживаем. Надо покончить с ней, а не слушать ее предсмертное хрипение. Незачем щупать пульс, а следует читать ей отходную*).

Антонин Дюбо, впоследствии министр юстиции 3-й республики, докладчик злодейского закона, писал тогда в „Les suspects“, («Подозрительные»), книге, раскрывающей преступления империи. «Когда мы писали их имена, нам казалось, что мы видим, как головы их падают одна за другой под топором палача. Этим актом возмездия, мы хотели отомстить за мертвых».

«Пробил час, когда без поводов, без объяснений, без суда их бросят в правительственные темницы и отправят в Африку или Кайенну» **).

Капиталисты, которым Наполеон отдал Мексику, рассчитывали на новую добычу от другой наступательной войны. Война нанесла империи последний удар. Людей науськивали, как науськивают на охоте свору собак; но ни трубные звуки, ни обещание наживы не действовали на массу. Тогда империя запела марсельезу. Масса поднялась и бессознательно пела, думая, что с марсельезой получит и свободу.

— В Берлин, в Берлин! — ревели шпионы и глупцы.

— Б Берлин! — повторяли простодушные, воображая, что они пойдут туда с пением «Немецкого Рейна»... Но на этот раз он достался не нам и на земле, политой нашей кровью, остались следы немецких лошадей.

Капиталисты вновь появляются на сцену.

Один из них, Жеккер, выдвинулся среди других. Вот, что говорит о нем Рошфор в „Aventures de ma vie“. («Приключения моей жизни»).

«Все знают, а может быть и позабыли, что этот капиталист, подозрительный, как, впрочем, все капиталисты, ссудил правительству гене-

*) Rogeart, ук. соч

***) Antonin Duboel, 1868

рала Мирамона 1500 тысяч франков под проценты, в 300 или 400 раз превышающие законные. Правительство Мирамона признало за собой долг в 75 миллионов.

«Когда к власти был призван президент Мексиканской республики Жюарец, он, понятно, отказался платить по векселям, подписи на которых были так нагло исторгнуты.

«Жеккер, вооружившись своими бумажными 75 миллионами, отправился к Морни и обещал ему 30% комиссионных, если ему удастся убедить императора потребовать от Жюарца исполнения договора, заключенного с Мирамоном.

«Когда в 70 году мне было поручено разобрать бумаги, найденные в Тюльерийском дворце, после бегства императрицы и ее приближенных, большинство которых клялось умереть за нее, у меня оказались в руках вещественные доказательства этого участия Морни.

«За обещанные ему Жеккером 22 миллиона из 75, он втянул нас в ужасную войну, которая стоила нам больше миллиарда и подготовила Седан.

«Этот Жеккер, родом швейцарец был, можно сказать, в одну ночь натурализован *) и требование Жюарцу было предъявлено от его имени. Впрочем, вся эта история была проделана вновь под маской Тунисской **) экспедиции».

Происшедшая через несколько времени после Мексиканской экспедиции американская дуэль между журналистом Одиссом Баро и Жеккером наделала тем больший шум, что Баро, получивший пулю в грудь и которого заранее считали как бы покойником, вдруг почувствовал себя лучше и, наконец, совсем поправился. Он громко провозгласил, как тяжело живется врагам империи. Впоследствии мы видели еще более чудовищные финансовые операции, чем в то время. Среди науськиваний на войну, бывали и мирные манифестации студентов, интернационалистов, революционеров.

Следующие стихи, написанные ночью, после известий о разгроме, дают об этом понятие.

Манифестации в пользу мира.

Вечер. Люди идут бесконечной вереницей вдоль бульваров, восклицая: мир! мир!

В темноте их подстерегают своры деспота.

*) Натурализация — принятие в подданство данной страны. — О Б

***) Тунис — колония Франции в Африке. — О Б

Свобода! Неужели никогда не настанет твой день?
По мостовой тяжело стучат палки — раздается глухой отзвук...

Бандит хочет жить!

Он хочет освежить в крови свои увядающие лавры.
Пусть вся Франция погибнет: ему нужно бить.
Презренный! Слышишь ты из своего дворца, как проходят эти
люди?

Это твой конец. Видишь ли ты в своем страшном сне,
Как они идут по Парижу, подобно призракам,
Чуешь ты, по Парижу, кровью которого ты упьешься.
Как огромное стадо, они идут среди трупов,
Мерно отбивая свой шаг.

А Цезарь собирает, умножает свои полчища
И точит свой нож над грудью Франции.
Если нужны битвы, если не избежать войны,
Народы, с поникшим челом, с образом печальнее смерти,
Восстаньте сообща против тиранов.
Одна участь постигнет Вильгельма и Бонапарта.

Когда Рошфор написал в «Марсельезе», что дорога до Берлина не будет простой военной прогулкой, машины этой газеты были разбиты толпой агентов, переодетых рабочими, которых называли «белые блузы». Они увлекали за собой бессознательных.

Но все же крики: «мир! мир!» — покрывали иногда возгласы императорских банд: «в Берлин! в Берлин!»...

Париж все больше и больше освобождался от Бонапарта. Крылья орла отяжелели, как свинец. Революция звала под свое знамя всех, кто был молод, умен и горяч.

О, как прекрасна была тогда Республика!

„Lanterne“ *) Рошфора бродил по разбойничьему убежищу и освещал все его закоулки. И над всем, в воздухе звучал медный голос:

„Sonne aujourd'hui le glas, bourdon de Notre-Dame,
Sonne aujourd'hui le glas et demain le tocsin“...

(«Звонит сегодня колокол, большой колокол Нотр-Дам,
Сегодня звонит колокол, а завтра ударят в набат»).

С поразительным реализмом набросал Малон картину последних времен Империи.

*) «Фонарь» журнал Рошфора — 0 Б

«Тогда, — говорил он, — затрещала по всем швам смиренная рубаха, в которой томилось человечество, злоеущее содрогание чувствуется во всем свете. Индусский народ восстает против английских капиталистов. Северная Америка победоносно борется за освобождение негров и торжествует. Ирландия и Венгрия волнуются.

«Польша поднялась. Либеральное течение в России кладет начало освобождению крестьян. В то время, когда молодая Россия в энтузиазме от воззваний Чернышевского, Герцена, Бакунина делается пропагандисткой идеи социальной революции, к социалистическому движению примыкает и Германия, которую волнуют К. Маркс, Лассаль, Беккер, Бебель, Либкнехт. Среди английских рабочих, хранящих воспоминание об Э. Джонсе и Оуэне, в полном разгаре движение в пользу ассоциаций. В Бельгии, Швейцарии, Италии, Испании рабочие начинают замечать, что политиканы их обманывают и сами ищут способов обле-

чить свою судьбу
«Французские рабочие выходят из того оцепенения, в котором они пребывали с июньских и декабрьских дней. Движение всюду обостряется и пролетарии объединяются, чтобы приблизить осуществление своих еще неясных, но пылких стремлений» *).

Все здравомыслящие люди были против войны. Мишле написал одному из своих друзей, журналисту — следующее письмо, предназначенное для печати:

«Дорогой друг!

«Войны никто не хочет, но она будет, и Европу станут уверять, что мы ее желали.

«Это лицемерный и бесчестный прием.

«Вчера миллионы крестьян голосовали слепо. Зачем?»

«Желая избежать пугавшего их толчка, думали ли они, вотируя войну, вотировать смерть своих детей.

«Ужасно злоупотреблять таким бессознательным голосованием.

«Но венцом стыда, смертью всякой морали будет, если Франция допустит действовать наперекор всем своим чувствам и интересам. Устроим свой плебисцит, но более серьезный. Опросим всех, от богатейших классов до беднейших, от горожан до мужиков, спросим нацию, обратимся к тем, которые еще недавно совсем забыли о забывающее свои обещания, большинство. Каждому из них говорили:

*) J. B. Malon, 3eme Defaute du proletar page 2.

Да! Но только не надо войны! Они забыли это, но Франция это помнит! Она подпишет с нами адрес братства Европе и сочувствия испанской независимости.

«Водрузим знамя мира! А войну мы будем вести только с теми, кто желает ее упрочить в этом мире» *).

Великий историк не мог знать, что те, в чьих руках сила, не любят слушать доводы разума. Только сила на службе права могла разрушить заговор Наполеона III и Бисмарка против человеческих жизней, брошенных на пищу воронам

15-го июля война была объявлена. На следующий день маршал Лебеф заявлял, что в армии нет недостатка ни в чем, даже ни в единой пуговице на солдатских гетрах.

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ. — ОСНОВАНИЕ И ПРОЦЕСС — ПРОТЕСТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

Поляки страдают, но есть в мире великая нация, которая страдает больше, это — пролетариат.
(Митинг 28 сент 1864)

28 сентября 1864 года состоялся в С. Мартин-Галле, в Лондоне митинг, созванный по поводу польских дел. Делегаты со всех концов света дали такую картину бедствий рабочего, что в резолюции решено считать страдания человечества общим делом всех обездоленных

Так в свое время образовался Интернационал, и, благодаря процессам последних лет империи, он быстро развивался.

Когда, около 71-го года, люди всходили по пыльной лестнице дома *Corporie du Temple*, где собирались секции Интернационала, то казалось, что поднимаешься по ступенькам храма. Это и был храм, храм всеобщего мира и свободы.

Интернационал напечатал свои манифесты во всех европейских и американских газетах. Но встревоженная империя, как бы произнося суд над самой собою, осмелилась рассматривать его, как тайное общество.

Оно было так мало тайным, что секции его открыто организовывались: это не помешало признать их незаконными союзами

*) Michelet, 10 июля 1870.

Интернационалисты, объявленные преступниками, врагами государства, впервые предстали 26 марта 1868 г. перед исправительным судом Парижа, по 6-му отделению. Председательствовал Дэтево Подсудимых было 15 человек: Шемале, Толэн, Элион, Мюра, Камечина, Перрошон, Фурнэз, Дантье, Готье, Беллами, Жерардэн, Бастье. Гюяр, Делагэ, Делорм.

Захваченные документы казались чрезвычайно опасными для спокойствия государства. Увы! опасения не подтвердились. Общие замечания подсудимых были представлены Толэном:

«Все, что вы слышали здесь со стороны прокуратуры, является лучшим доказательством, какой опасности подвергаются грузеники, когда они пытаются изучить вопросы, касающиеся их самых близких интересов и просветить друг друга, когда они стараются, наконец, разглядеть ту догогу, по которой они бредут, как слепые

«Чтобы они ни делали, каких бы мер предосторожности ни принимали, каково бы ни было их благоразумие и добросовестность, им постоянно грозят преследование и кара закона».

На этот раз произошло то же, что и всегда, но сравнительно с последующими, приговор был еще мягок.

Каждый обвиняемый был присужден к 100 франкам штрафа, а Интернационал объявлен распущенным. Конечно, это было лучшее средство для его распространения

К нему призывали в эту эпоху процессы, когда суды были единственной трибуной во Франции

При этих воззваниях излагались принципы Интернационала, члены его заявляли, что не намерены больше тратить своей энергии на выбор хозяев, ни сражаться для избрания тиранов. Каждый был свободен в свободном союзе.

Эти несколько человек, поднявшиеся против империи в лице ее судов, представляли захватывающее зрелище Толэн, обыкновенно дававший объяснения от лица подсудимых, на этот раз закончил так «вас оскорбляет слово «произвол» Но что же случилось? Однажды, какой-то чиновник встал в мрачном настроении духа какой-нибудь инцидент напомнил ему о существовании Интернациональной ассоциации, кстати он в этот день видел все в черном цвете и по извинных еще вчера людей, мы, сами того не зная, обратились в преступников Ночью врываются в дома тех, кого считают главарями, как будто мы командует нашими единомышленниками Наоборот, все усилия наши

направлены к тому, чтобы проникнуться намерениями наших членов и исполнять их решения. У нас перерыли и захватили все, что могло подать повод к подозрениям. Однако, ничего, что могло послужить основанием для какого бы то ни было обвинения — не нашлось. Об Интернационале у нас нашли только то, что было известно всему миру что было предано самой широкой гласности.

«Признайтесь же, что в эту минуту над нами совершается пристрастный суд, суд не за содеянные нами преступления, а за те вины, которые мы, по мнению властей, могли совершать»...

Кажется, будто присутствуешь на современных процессах, где точно как же мирные деятели освободительного движения признаются злодеями. Приговор был утвержден, несмотря на документы, считавшиеся секретными, они были все оглашены. Пропаганда суда сделала Интернационал еще популярнее и 23 мая были привлечены новые подсудимые по тому же обвинению, почти равному своим коварством злодейскому закону.

Это были Варлэн, Малон, Эмбер, Гранжан, Бурдон, Шарбонно, Комбо, Сандрэн, Муолэн.

Все признали свою принадлежность к Интернационалу, они были активными пропагандистами. Комбо утверждал, что по его глубокому убеждению, рабочие имеют право заниматься своими собственными делами. — «Это борьба против правосудия!» — вскричал Дэлево; — «Это, наоборот, борьба за правосудие», — отвечал Комбо, при единодушном одобрении своих товарищей. Цитаты, выхваченные судьями из документов, говорили против них самих; таково было письмо доктора Оксфордского университета Паллей, где он говорил, что нищета должна исчезнуть не от истребления бедняков, но благодаря участию всех в общей жизни. «Античный мир, — писал он, — погиб оттого, что сохранил на своем теле язву рабства. Исчезнет и современная эра, если она будет упорствовать в убеждении, что все должны трудиться и терпеть лишения для того, чтобы несколькими доставлять роскошь».

Так как Интернационал был, по обыкновению, объявлен распущенным, а каждый из подсудимых приговорен к трем месяцам тюрьмы и к 100 фр. штрафа, то все ожидали нового процесса. Книги Интернационала остались у следственного судьи. Комбо, Мюра и Толэн по памяти восстановили отчетность в письме, напечатанном в „Reveil“ («Пробуждение») (отягчающее обстоятельство, которое доказывало, что Интернационал окружает себя таинственностью и вместе с тем пользуется гласностью).

Теперь начинаются крупные процессы. Вследствие того, что число членов увеличивалось, как прямое последствие каждого роспуска общества, в последнем процессе было 37 обвиняемых. Но не знаю по какой склонности к круглым цифрам, его назвали делом 30. Подсудимых разделили на две категории: вождей и последователей. При этом делении, очевидно не отдавали себе ясного отчета, потому что все обвинялись в одних и тех же поступках. Первую категорию составляли: Варлэн, Малон, Мюра, Жоаннар, Пэнди, Комбо, Элигон, Авриаль, Сабурди, Кольмиа, прозванный Франкэном, Пассдуэ, Роше, Асси, Лангевэн, Панвер, Робэн, Леблан Карль, Алар.

Вторую: Тэз, Колло, Жермэн-Касс, Дюкоки, Флаго, Ландек, Шалэн, Ансель, Бертэн, Буле, Сирод, Делатур, Дюран, Дюваль, Фурнэз, Франкель, Жиро, Малезье.

Генеральным прокурором был Олуа; защитниками Лашо, Биго, Ленте, Руссель и Лориэ, который должен был представить общие соображения.

Заговорили об «ужасающих» подробностях результатов обысков, о том, как «опасно оставить безнаказанными преступников», угрожающих «государству, семье, собственности, родине» и в довершение всего, Наполеону III.

Раздавались сильные речи, рассказы о волнениях, напечатанные в «Марсельезе» и «Веснике Восстания»; Варлен говорил 29 апреля 1870 г. в зале Марсельезы: «Интернационал уже разбил предрассудки народа по отношению к народу. Мы знаем, как нам смотреть на провидение, всегда клонящееся в сторону миллионов: время Господа Бога прошло, довольно! Мы взываем ко всем, кто страдает и борется; мы сила и право; нас должно хватить на себя самих».

«Усилия наши должны быть направлены против юридического, экономического и религиозного уклада».

Подсудимые выразили свое одобрение и Комбо воскликнул: «Мы хотим социальной революции со всеми ее последствиями».

Три тысячи человек, наполнявшие залу, поднялись аплодируя, и обезумевший от страха суд смастерил страшный сплав из терминов нитро-глицерин, бомбы, гремучая ргуть в руках кучки индивидов и т. д.

«Интернационал, — сказал Авриаль, — не кучка людей, но вся великая рабочая масса, требующая осуществления своих прав. Нас толкает на восстание только жестокость эксплуатации».

В некоторых схваченных письмах заключались мысли которые

смешали в одну кучу с обвинениями, при чем весьма слабо понимали, что все это значит. В одном письме Пипс была следующая пророческая фраза «Я не понимаю со стороны секций Интернационала этой погони за властью. Зачем, вы хотите войти в состав этих правительств Товарищи, не будем следовать этой дорогой».

Вступление в общество происходило перед лицом суда:

— «Я не принадлежу к Интернационалу, — заявил Асси, — но твердо надеюсь быть когда-нибудь в числе его членов» Этими словами он осуществил свое желание. Обвинение в заговоре против Наполеона III оставили из предосторожности; эта мысль носилась в воздухе и боялись вызвать самый факт. Испуг генеральского прокурора был так велик, что он принял за главные знаки ремесленные германы, употребленные в одном письме, перехваченном черным кабинетом. Было вменено в преступление слово «говариц», употребительное в Бельгии. Жермэн-Касс и Комбо выразили общую мысль господствующих

«Мы не станем посредством лжи уклоняться от тюрьмы, — сказал Жермэн-Касс, — закон теперь лишь орудие мщения и страстей и не имеет никакого права на уважение. Мы желаем, чтобы закон был построен на справедливости и равенстве». Он кончает так «Позвольте мне, г. прокурор, обратиться к вам со словами моего друга Малле. Не трогайте топора, это тяжелое орудие, ваша рука слаба, а наше дерево кряжисто». Комбо, возражая против утверждения суда, будто Интернационал делился на начальников и подчиненных, заявил «Каждый из нас свободен и действует свободно. Между интернационалистами не существует давления на мысль. Мне трудно понять, почему суд с такой настоятельностью обвиняет в поступках, которых мы не совершали когда нас так удобно можно осудить на основании действий, которые мы признаем: пропаганда Интернационала, вопреки ст 291 и 292, которые мы открыто нарушаем и которыми общество признано уничтоженным. Несмотря на это, заседания бюро продолжаются в Париже.

«Что касается меня, по крайней мере, я никогда не находился в таком постоянном общении с членами этого бюро, как в три месяца, протекавшие между 15 июля и 15 октября 1868 г

«Каждый из нас действует по своему. Мы не прикованы к цепи. Каждый развивает свои силы».

Это был один из самых захватывающих процессов. Шалэн, представлявший общую защиту, сказал, что обвинение Интернационала повлечет за собой столкновение с пролетариатом всего мира

Сотни тысяч новых адептов откликнулись на призыв в несколько недель, когда делегаты были заключены в тюрьму или подверглись изгнанию.

«В настоящее время, — сказал он, — образовалась нечто в роде священного союза правительств и реакционеров против Интернационала. Но, пусть знают монархисты и консерваторы! Интернационал есть выражение справедливых социальных требований. Это стремление слишком соответствует духу времени и оно не сдастся, не достигнув цели. Пролетариям надоело смирение, им надоело, что все их попытки к освобождению всегда подавляются репрессиями, им надоело быть жертвами паразитизма, видеть себя осужденными на безнадежный труд, на безграничное подчинение, на полную лишений и непосильной работы жизнь, они устали подбирать крохи с пира, совершающегося на их же счет.

«Народ желает управляться сам, без посредников, а главное, без спасителей. Он желает полной свободы.

«Каков бы ни был наш приговор, мы будем продолжать, как мы начали. Наше слово будет идти рядом с делом»

На оскорбительные выходы прокурора, Комбо возразил

«Между нами и законом идет борьба на смерть. Падет закон, потому что он никуда негоден. Если в 68 году, когда нас была горсть, вам не удалось нас убить, то неужели вы думаете, что вам это удастся теперь, когда нас тысячи! Вы можете убивать людей, но идею погнать нельзя, идея переживает все преследования».

Были приговорены

К одному году тюремного заключения и 100 фр. штрафа: Варлэн, Малон, Пенди, Комбо, Элигон, Мюра, Жаонар. К двухмесячному тюремному заключению и 25 фр. штрафа: Авраль, Сабурли, Кольма (он же Франкэн), Пасдуэ, Роше, Ланжевэн, Паньери, Рсбэн, Леблан Карль. Алар, Тэз, Колло, Жермэн Касс, Шалэн, Манголь, Ансель, Бертэн, Сирод, Делакур, Дюран, Дюваль, Фурнээ, Жио, Матезие. Асси, Дюкоки, Флаго и Ландек — были оправданы.

Все лишены гражданских прав и присуждены к уплате судебных издержек. Интернационалистам, приговоренным к годичному заключению, не пришлось сидеть так долго. Их освободили события.

Эти люди, столь мужественные перед императорским правосудием, должны были вместе с революционерами, бланкистами и клубными ораторами войти в Коммуну. Там, законность и время власти, казалось,

подточили их энергию. Но, настала последняя борьба и вместе с свободой к ним вернулась сила воли

В эпоху империи Франция была одной из наименее свободных стран.

Толэн, бывший в 68-м году делегатом на Брюссельском конгрессе *) справедливо заметил, что приходится быть особенно осторожным в стране, где не существует «ни свободы собраний, ни свободы союзов». Но, — прибавил он, — хотя Интернационал официально и не существует более в Париже, мы все, тем не менее, остаемся членами этой великой ассоциации; мы вынуждены примыкать к ней по-прежнему — один числится в Лондоне, другой в Брюсселе или Женеве. Но мы надеемся, что из Брюссельского конгресса выйдет великий союз трудящихся всего мира против войны, которая всегда помогала тиранам попирали свободу народов».

Действительно, всюду стали раздаваться протесты против войны.

Французские интернационалисты прислали немецким рабочим следующее воззвание:

«Германские братья!

«Во имя мира, не слушайте продажных или рабских голосов, которые желают вас обмануть, изображая в ложном свете настроение умов во Франции. Будьте глухи к безумной провокации, потому что война между нами — есть война братоубийственная».

«Будьте спокойны, как только может быть спокоен, не унижая своего достоинства, великий и храбрый народ. Наш раздор поведет, по обоим берегам Рейна, лишь к полному торжеству деспотизма».

«Испанские братья, и мы, двадцать лет тому назад, поверили, что занимается заря свободы, пусть история наших ошибок послужит для вас примером».

«Сегодня еще вы сами хозяева своей судьбы. Не сочитесь как мы под ярмом новой опеки».

«Уже завоеванная вами и закрепленная нашей кровью независимость — высшее благо; его потеря, верьте нам, составляет для зрелых народов предмет самых горьких сожалений. Каков бы ни был результат наших общих усилий, мы, труженики всех стран, члены рабочего Интернационала, не признаем никаких границ и шлем вам, как залог неразрушимой солидарности, привет работников Франции».

Французские интернационалисты»

*) Интернационала — 0 Б

Немецкие рабочие ответили

«Братья-французы»

«Мы тоже хотим мира, работы и свободы. Поэтому мы всей душой присоединяемся к вашему протесту, внушенному страстной ненавистью ко всем преградам, которые ставятся нашему мирному развитию преимущественно дикими войнами. Одушевленные чувствами братства, мы протягиваем вам руку и говорим вам, как честные люди, которые не умеют лгать, что в наших сердцах нет ни малейшей национальной ненависти, что нам приходится подчиняться силе, и только под этим давлением, мы вступаем в военные банды, которые внесут нищету и разорение в мирные поля наших стран».

«Мы тоже бойцы — но мы хотим сражаться, работая мирно и изо всех наших сил на благо наше и всего человечества, мы хотим бороться за свободу, равенство и братство, бороться с деспотизмом тиранов, дающих святую свободу, с коварством и ложью, откуда бы они не исходили».

«Мы торжественно обещаем вам, что ни бой барабанов, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от нашей работы на соединении пролетариев всех стран».

«Мы тоже не признаем больше границ, потому что знаем, что по обоим берегам Рейна, в старой Европе и юной Америке, живут наши братья, с которыми мы готовы идти на смерть для достижения цели наших общих усилий социальной республики».

«Да здравствует мир, труд и свобода!»

«От имени берлинских членов интернациональной ассоциации трудящихся»

Густав Квасневский»

К манифесту французских тружеников был присоединен другой

«К рабочим всех стран»

«Рабочие!»

«Мы протестуем против систематического истребления человеческой расы, против расхищения народного богатства, которое должно служить только улучшению земли и промышленности, против крови, проливаемой для безобразного удовлетворения жадности, самодобия и ненасытных монархических притязаний».

Государственная публичная библиотека

ВИГ ПИСКЕКА

Область Курляндия
г. Селовск

«Да! Мы со всей нашей энергией протестуем против войны, протестуем как люди, как граждане, как рабочие.

«Война — это пробуждение диких инстинктов и национальной ненависти.

«Война — это скрытое средство правителей для подавления общественных свобод.

Французские интернационалисты».

Эти справедливые требования были заглушены воинственным ревом императорских банд обеих стран, толкавших к общей бойне французское и немецкое стадо.

Пусть кровь пролетариев той и другой страны закрепит союз народов против их притеснителей!

IV. ПОХОРОНЫ ВИКТОРА НУАРА. РАССКАЗ РОШФОРА

Нас было триста тысяч, мы заглушали рыдания и гоговы были, стоя умереть перед ружьями

Песня В. Нуара. 1870

70-й год открывается трагическим убийством Виктора Нуара. Его убили Пьер Бонапарт в своем доме в Отейле, куда В. Нуар явился с Ульрихом де-Фонвилье в качестве секунданта Паскаля Грусье.

Это злодейски выполненное преступление довело до крайних пределов ужас, который внушали Бонапарты.

Как бык на арене, взбешенный ударами копья, дрожала толпа.

Похороны В. Нуара, словно были предназначены для того, чтобы как-нибудь разрешить положение.

Это убийство было одним из тех роковых событий, благодаря которым рушатся самые сильные тирании.

Почти все, отправившиеся на эти похороны, были убеждены, что они вернутся в республику или не вернутся совсем.

Каждый вооружился, чем мог, начиная с револьвера и кончая циркулем, чтобы быть готовым к смертному бою.

Казалось, что настал момент схватить за горло царственное чудовище.

У меня был кинжал, который я еще раньше стащила у своего дяди, воображая себя в роли Гармония. Я была в мужском платье, чтобы чувствовать себя свободней и не стеснять других.

Бланкисты, в изрядном количестве, и монмартрские революционеры были вооружены. Смерть витала в воздухе и освобождение казалось близко.

Императорское правительство также сосредоточило все свои силы. Такой мобилизации не было с декабрьского переворота.

Кортеж растянулся необычайно. Впечатление чего-то страшного испытывалось всеми; минутами чувствовалось нечто необыкновенное, меня бросало в дрожь, а глаза горели, гочно их жгло внутреннее пламя. Казалось, несетя сила, когорой нельзя противостоять. Все уже видели воочию торжествующую республику.

Но, во время пути, старик Делеклюз, когорый через несколько месяцев так героически встретил смерть, вдруг вспомнил декабрь. Его испугала мысль о бесполезной гибели стольких тысяч людей и он уговорил Рошфора не носить тела по Парижу и поддержать тех, которые настаивали, чтобы процессия направилась прямо на кладбище. Но, кто решится утверждать, что жертва была бы бесполезна? Все были уверены, что правительство набросится на революционеров и они были к этому готовы.

Половина делегатов из синдикальных камер стояла за то, чтобы пронести тело по Парижу до «Марсельезы», другая половина желала следовать на кладбище. Но Луи Нуар, когорый по общему мнению должен был стоять за неведенное мнение, заявил, что не желает для своего брата кровавых похорон — и этим вопрос был решен.

Те, что желали пронести тело по Парижу, сначала отказались было повиноваться. По голие пробежал рогот и был такой момент, когда человеческая волна, разделившись, стала вздыматься одна на другую. Опустив головы, возвращались мы.. все еще в императорский Париж. Некоторые помышляли о самоубийстве, но раздумали, что тем многочисленнее преступления правительства, тем многочисленнее повод к освобождению.

Похороны В. Нуара представляли для этого необыкновенный случай. Но общее мнение было, что единственным результатом этой безнадежной попытки будет только массовое избиение в виду полного комплекта правительственных сил.

Варлен, по мужеству не уступавший Делеклюзу, писал из тюрьмы, что, если бы бой начался в этот день, погибли бы лучшие солдаты революции и приветствовал Рошфора и Делеклюза за то, что они присоединились к этому мнению.

В июне 70 года Пьера Бонапарта судили в Туре, — суд был простой комедией и, смешной приговор — уплата семье Виктора Нуара 25,000 франков, — еще более оттенял весь ужас этого преступления.

В деле Виктора Нуара больше других был замешан Рошфор; поэтому его рассказ будет интересен.

Ссора Пьера Бонапарта с семьей Наполеона III не составляла никакого секрета. Бадинг обругал своего бедного родственника, который умолял купить его имение на Корсике, да еще попрекнул незаконными детьми.

Пьер Бонапарт отомстил, ядовито намекнув на связь своего кузена с мадемуазель де-Монтижо.

«Политический мир, — говорит Рошфор, — был прекрасно осведомлен об этой семейной ненависти и Пьер Бонапарт стал, благодаря этому, почти что интересен. Вот почему я был весьма удивлен, получив в редакции «Марсельезы» письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь!

«Оскорбив последовательно всех членов моей семьи и не пощадив ни женщин, ни детей, вы оскорбляете теперь меня пером одного из ваших борзописцев. Это совершенно естественно и моя очередь должна была настать.

«Но только у меня, может быть, есть преимущество перед всеми, кто носит мое имя, именно: я честный человек, оставаясь при этом Бонапартом.

«Поэтому я спрашиваю вас, защищаете ли Вы ваши писанья своей грудью и признаюсь вам, что надежда на благоприятный исход моей попытки у меня довольно слаба.

«Действительно, я знаю из газет, что ваши избиратели дали вам обязательный мандат уклоняться от дуэли и сохранять вашу драгоценную жизнь.

«Тем не менее я делаю опыт, в надежде, что слабый остаток чувства чести, присущий настоящему французу, заставит вас отказаться в мою пользу от тех предосторожностей, которыми вы себя окружили

«Если вы, случайно, согласитесь открыть те спасительные двери, которые делают вашу уважаемую личность неприкосновенной вдвойне, то вы не найдете меня ни во дворце, ни в замке.

«Я просто-напросто живу в улице Отейль, 59, и даю вам слово, что в случае вашего появления, вам в приеме не откажут.

«В ожидании вашего ответа, кланяюсь Вам

Пьер Наполеон Бонапарт».

«Письмо это, при всей его оскорбительности, было еще совершенно некорректно с точки зрения того, что принято называть вызовом.

«Внушавшая его статья принадлежала не мне, а одному из моих сотрудников Эрнесту Лавиню. Она в почти умеренных выражениях, отвечала на отрывок одного документа, подписанного Пьером Бонапартом, где можно было прочесть следующую гнусную фразу по адресу республиканцев: «сколько Корсика насчитывает храбрых солдат, ловких охотников, трудолюбивых земледельцев, которые гнушаются святотатцев и давно бы их изуродовал, если б им только не помешали».

«Во-вторых, когда требуют удовлетворения оружием, то пишут своему оскорбителю:

«Я считаю себя обиженным такой-то фразой вашей статьи и посылаю к вам двух друзей, которых прошу свести с вашими».

«Пьер Бонапарт, осужденный в Риме за убийство, совершенное в Италии, дрался достаточно часто, чтобы знать, что дела чести решаются переговорами секундантов, а не самих противников.

«Этот странный способ завлечь меня к себе, где делать мне было нечего, эти заботливые указания, что я не найду его ни во дворце, ни в замке, очень походили на капкан, в который он рассчитывал втянуть меня своими оскорблениями.

«Действительно, все его дерзости не имели никаких оснований, так как я никогда не отказывался драться. Именно потому, что я дрался слишком часто, избиратели, на одном собрании, где я даже не присутствовал, вынесли резолюцию, приглашающую меня быть осторожнее.

«Было странно, что от меня требовал удовлетворения во имя семьи, тот самый Бонапарт, который так оскорбительно упрекал Наполеона III за мезальянс, т.-е. за брак с m де Монтижо.

«Откуда такой внезапный поворот? Отгадать это нетрудно. Принц Пьер только одно мгновение драпировался в плащ изгнанника. Ему приходилось достаточно скверно, и, с большим здравым смыслом, он сообра-

зил, что самым верным средством к примирению с кузеном *) было избавить его от меня

«Но я был молод и проворен, охотно обнажал шпагу. Он же был голст, страдал подагрой, и если б я его, как говорится, «смазал», это было бы еще неважным ударом для бонапаргистской фанфары.

«Факт тот — и в этом центр всей истории, — что постав непосредственно мне самый дерзкий вызов, — он даже не назначил своих секундантов. Таким образом, он ждал меня дома, куда звал меня, не друзей моих, а именно меня самого.

«Только потом, перечитывая его письмо, после убийства Нуара, я понял все коварство, какое в нем скрывалось. Но в первую минуту я усмотрел в письме только поток брачи и просил двух своих сотрудников Мильера и Артура Арну условиться с принцем о немедленной встрече.

«Я мог бы понять, если б Эрнест Лавинь, автор стагги, которого я даже не знал, захотел выступить вместо меня, на что бы я, впрочем, не согласился, но я часто задавал себе вопрос: с какой стати наш сотрудник Паскаль Грусье, в свою очередь, послал секундантов Бонапарту.

«Тот его не вызывал и вообще не дал ему никаких оснований для вмешательства. Вероятно, Паскаль Грусье решился на этот шаг, как корреспондент корсиканской газеты «Реванш», которую впускал в дело двюродный брат императора.

«Попытка эта удалась не могла, так как принц, взявший на себя роль мстителя за всю семью, хотел, очевидно, иметь дело только со мной и ни с кем другим.

«Убитый Виктор Нуар не был, как это думали и часто повторяли, моим секундантом, он был секундантом нашего сотрудника Паскаля Грусье, который послал его в Отейль с Ульрихом Фоввиелем, даже не предупредив меня.

«Я только днем узнал обо всей этой истории, которая даже помешала моим планам. Но, так как я был уверен, что Пьер Бонапарт не обратит ни малейшего внимания на новый вызов, то я и ждал, в законодательном корпусе возвращения своих секундантов Мильера и Арну, которые должны были условиться с секундантами принца о завтрашней дуэли.

«Я показав некоторым членам левой провокаторское письмо и Эмануэль Араго сейчас заподозрил, что мне готовят ловушку.

«Примите все предосторожности на месте поединка, — сказал он, — а главное, не ходите к нему сами. За ним есть разные скверные дела».

«История, действительно, могла оказаться скверной. Секунданты Паскаля Грусье застали принца в зале, в халате, с заряженным револьвером в кармане. В таком виде он приготовился встретить меня (а не их). Пригласив меня, в приведенном выше письме, явиться к нему, он, конечно, рассчитывал, что его оскорбления выведут меня из себя. Вероятно, он наслышался о моей вспыльчивости, которую я лишь раз подтвердил, надавав оплеух типографу Рошегу. И так, он ждал меня один, без секундантов, хотя, по правилам, он должен был их выбрать раньше, чем послать мне свое провокаторское письмо. Во всяком случае, он обязан был назвать их немедленно. В самом деле! Каково было бы его положение, если бы я послал к нему своих друзей (как я и предполагал поступить, не имея привычки затягивать подобного рода дела) с заявлением:

— «Отправимся сейчас».

«Ему пришлось бы ответить:

— «Подождите! я должен еще найти двух человек, которые соглаются быть моими секундантами».

«После его бравад это было бы и смешно, и постыдно.

«Все происшедшее окончательно меня убедило, что он никогда и не думал серьезно со мной драться, а просто хотел меня убить, чтобы войти в милость к императору и особенно к императрице.

«После 4-го сентября, один старый служитель Гюльберийского двора мне рассказывал, что в курсе этого прожекта находился не Наполеон III, а его жена.

«Этот же человек назвал мне еще одного члена императорской фамилии, который служит посредником между Испанией и корсиканским принцем. Но так как это и вестие хотя и правоподобное, не было подтверждено ни другими свидетелями, ни письменными доказательствами, то я и не придавал ему особенного значения.

«Часов в 5 дня, я собираюсь уйти из Бурбонского дворца, чтобы перенести себе руку в фехтовальном зале, как вдруг получаю от Паскаля Грусье следующую телеграмму:

«Принц Пьер Бонапарт выстрелил из револьвера в Виктора Нуара и убит».

«Я не знал, что секунданты Грусье предупредили моих, так что в первую минуту эта телеграмма показалась мне непонятной. Я узнал все

*) Наполеон III О Б

подробности дела только в редакции «Марсельезы», куда я немедленно приехал.

«Виктор Нуар был высокий и сильный молодой человек, приблизительно 21 года, веселый, решительный, экспансивный; он часто давал нам в газету беглые заметки. Во всех опасных случаях, он был всегда готов к нам примкнуть. Словом, настоящий друг дома.

«Его трагическая смерть, для которой он так не подходил, до того нас ошеломила, что казалось, мы задохнемся в припадке бешеной ярости. Когда Мильер и Арну минут через 10 после Нуара и Фонвиеля, подехали к месту преступления, толпа, собравшаяся перед 59 номером улицы Отейль, помешала им войти

— «Не входите сюда, — кричали им. — Здесь убивают»

«Они увидели бедного Виктора Нуара, распростертого на тротуаре с пробитой грудью и подняли шляпу, выпавшую из его рук

«Раздосадованный приходом чужих, которых он не ждал, вместо того, кого он рассчитывал увидеть, Пьер Бонапарт, после короткого разговора, выхватил десятизарядный револьвер, полагая, вероятно, в случае одного промаха, поправить на остальных девяти пулях; затем он в упор высрелил в Нуара из этого револьвера, который с точки зрения французского оружейного мастерства можно было назвать последним словом, словом смерти

«Выпустив и в Ульриха Фонвиеля две пули, к счастью затерявшиеся в пространстве, он придумал для объяснения своего нападения на Нуара ту басню, которая несомненно была приготовлена для меня. Именно Бонапарт утверждал, что жертва дала ему пощечину, и явись я по его приглашению, он, конечно, уверял бы, что я его ударил.

«Я был приговорен к 4 месяцам тюрьмы за историю с типографом Рошетом. Было бы, конечно, легко уверить специально подобранных судей, которые только и мечтали бы о том, чтоб убедиться в невинности подсудимого, что я дал волю своей обычной вспыльчивости и принц был поставлен в положение необходимой обороны.

«Эта ложь, конечно, не могла объяснить — почему принц носил в халате для прогулок по своей гостиной, десятизарядный револьвер; но объяснила бы она и того, что готовясь к поединку, к которому он сам стремился, принц, тем не менее, не считал нужным назначить секундантов. Но я был враг, и государственные советники, составлявшие высший суд, который должен был судить убийцу, конечно, положили бы к ногам императора оправдательный приговор.

«У императрицы при известии об убийстве сорвалась фраза, хорошо обрисовывающая душевное состояние как ее самой, так и приближенных.

«Вот настоящий родственник!» — воскликнула она, говоря об убийце и не заботясь больше о жертве.

«Официозная пресса с своей обычной невинностью и бездарностью не постеснялась подхватить, с лестными комментариями, этот обвинительный возглас. Волнение, произведенное в Париже предательским ударом было неописуемо. Не знаю, помирил ли он Пьера Бонапарта с Тюльерийским дворцом, но Францию он поссорил с этим дворцом навсегда.

«Я узнал о преступлении в 5 часов вечера. В шесть я написал следующую статью, которая скорее походила на прокламацию, если принять во внимание шрифт, каким мы ее напечатали:

«Я имел слабость поверить, что Бонапарт, может быть чем-нибудь иным, кроме убийцы.

«Я думал, что мыслима честная дуэль в этой семье, где убийства и ловушки освящены традицией.

«Наш сотрудник Паскаль Грусье впал в ту же ошибку, и мы оба оплакиваем нашего бедного друга Виктора Нуара, застреленного разбойником Пьером Бонапартом.

«Вот уже 18 лет, как Франция во власти этих подкальывателей, которые не довольствуясь расстрелом республиканцев на улицах, заманивают их в грязные западни, чтобы удобнее их убивать.

«Французский народ, неужели ты находишь, что всего этого еще мало?»

Анри Рошфор»

«Этот «удар набата» был немедленно передан на рассмотрение суда, как заключающий призыв к оружию, хотя здесь с таким же правом можно было усмотреть призыв ко всеобщему голосованию.

«Пока меня, таким образом, карали за преступное нежелание быть убитым, арестовали и принца, чтобы дать гень удовлетворения возмущенному общественному мнению. Пьер Бонапарт был помещен в Консьержри, в квартире начальника тюрьмы и обедал за его столом.

«Сейчас же после выстрела, принц послал за доктором, который, вероятно, поспешил усмотреть на щеке убийцы следы пощечины. Доктора, ведь, готовы констатировать все, что угодно и ежедневно выдают миленьким актрисам свидетельства о болезни, которая мешает им вечером играть и не мешает ужинать в самом дорогом ресторане

«Во-вторых, никто не сгнет сомневаться, что если б Виктор Нуар, секундант Паскаля Грусье, исполняющий миссию, к которой обязывает это звание, забылся бы до того, чтобы надавать пощечин противнику своего клиента, то я был бы лично осведомлен об этом акте насилия и о вызвавших его мотивах.

«Ульрих де-Фонвиель, в которого Бонапарт также выпустил две пролетевшие мимо пули, мог еще быть заинтересован в том, чтобы отрицать перед судом мнимую пощечину.

«Но от меня, своего товарища и редактора, ему нечего было скрывать.

«Он всегда уверял меня, даю в этом честное слово, что наш друг не только не давал никакой пощечины, но наоборот все время сохранял самую спокойную позу, держа свою шляпу в обтянутой перчаткой руке. Во все время разговора он ни разу не сделал жеста, который мог бы обозначать какие-нибудь агрессивные намерения. Впрочем, этими выдумками не обманули никого: ни государственных советников, оправдавших по приказу, ни генерального прокурора Гранперрэ, который спокойно врал «чего изволите», ни подлого Эмиля Оливье, который в этом деле, как и потом в вопросе о франкско-прусской войне, показал себя самым низменным сообщником мстительности Наполеона.

«У презренного министра не нашлось ни слова осуждения убийце, ни слова сожаления к молодой честной жёриве. Он довел сервильизм по отношению к своему новому господину, до последних степеней безобразия.

«Если б Оливье, вместо того, чтоб следовать своему птичьему тщеславию, решительно бросил бы после этого преступления министерский портфель к ногам императора, он создал бы себе великодушную позицию, даже в глазах умеренных, которых он мечтал привлечь на свою сторону и в то же время избег ответственности за внешние ужасы. Отсрочка в день смерти Виктора Нуара избавила бы его от постыдного увольнения через несколько месяцев и от презрения целой нации. Но этот жалкий человек слишком дотою стоял в передней, чтобы решиться выйти из гостиной, где ему, наконец, разрешили сесть.

«После потрясающего известия, вечером собралось много публичных митингов протеста. Амуру, впоследствии член Коммуны, приговоренный Версальским военным судом к каторжным работам и умерший членом Парижского муниципального совета, обтянул трибуну черным крепком. На улицах раздавались крики негодования. Образовы-

вались группы, которые хотели взять тело, перенесенное в частный дом в Нейльи и принести его в Париж, в самую редакцию моей газеты «Марсельеза», откуда тронулась бы печальная процессия. Это была настоящая лихорадка мщения. Действительно, арест убийцы имел только одну цель — спасти его от толпы, которая, конечно, расправилась бы с ним судом Линча*). Предлагали атаковать Консьержри и умертвить мнимого заключенного.

«Неудача заговора, как передавали мне после 4-го сентября, привела в бешенство весь Тюльерийский мир. Они хотели моей смерти, а вовсе не гибели молодого Виктора Нуара, которая должна была обойтись правительству так дорого.

«На следующий день, когда я, весь бледный и расстроенный, явился в законодательный корпус, меня встретили молчанием, более грозным для империи, чем для меня.

«Я знал уже, что Оливье предал меня своим исправительным лакеям и слышал в кулуарах, как он говорил одному депутату, указавшему на всю опасность преследования:

— «Этому надо положить предел. Немыслимо управлять страной, при Рошфоре».

«Я немедленно попросил слова и позволяю себе воспроизвести происшедший инцидент, по отчету „Official“.

Анри Рошфор. — Я желаю сделать запрос г. министру юстиции

Председатель Шнейдер. — Вы его об этом уведомили?

Анри Рошфор. — Нет, г. председатель.

Председатель Шнейдер. — Я вам даю слово. Господин министр решит, отвечать ли вам немедленно.

Министр юстиции, Эмиль Оливье. — Да, немедленно

Анри Рошфор. — Вчера был убит молодой человек, облеченный священным мандатом секунданта, т.е. уполномоченного. Убийца — член императорской фамилии. Я спрашиваю г. министра юстиции, имеет ли он намерение противопоставить суду и вероятному осуждению «заявление о непринятии жалобы», как это практикуется в тех случаях, когда граждане бывают обмануты или даже избиты высшими сановниками империи. Положение серьезно, возбуждение необычайно. (Шум) *Убитый* — дитя народа.

Председатель Шнейдер. — Вчера было решено, что вопросы будут ставиться в общей форме, без деталей. Вот вопрос поставлен ясно — и

*) Линча суд или закон — народный самосуд в Соединен. Штатах — 0 Б Коммуна.

от министра зависит решить — желает ли он отвечать сегодня (Правильно!).

Анри Рошфор. — Я говорю, что убитый — дитя народа... Народ желает сам судить убийцу... Народ требует, чтобы обыкновенный суд... (Шум.)

Председатель Шнейдер. — Мы все здесь — дети народа, все равны перед законом. Вы не имеете права устанавливать различия... (Очень хорошо!).

Анри Рошфор. — Тогда зачем назначать судей, преданных императорской семье?

Председатель Шнейдер. — Вы желаете навлечь подозрение на судей, которых не знаете. Приглашаю вас строго держаться вашего вопроса. Ничего больше я не разрешу.

Анри Рошфор. — Хорошо! я спрашиваю себя — перед каким фактом, какой имел место вчера, и другими, которые совершаются давно — кто перед нами: Бонапарги или Борджиа. (Восклицания, крики: к порядку, к порядку!). Я предлагаю всем гражданам вооружиться и самим отправлять правосудие.

«Трус Оливье поспешно сделал знак председателю, чтобы он прекратил дебаты, грозившие зажечь трибуны, и попросив слова, назвал вчерашнее преступление «печальным событием». — Скажите: «убийство!» — крикнул Распайль. А министр юстиции стал раз'яснять, что закон, специально изданный в 1852 г. для семьи Бонапартов, воспрещает отдавать принца Пьера под суд, который вынес бы ему обвинительный приговор.

«Единственно, что возможно, это судить принца высшим судом... В этом суде, разумеется, с'умели бы подобрать такой состав присяжных, которые за милости и награды вынесли бы оправдательный вердикт.

«Дальше Оливье, похвалив себя за уважение к равенству, закончил следующей угрозой по нашему адресу: «Мы — умеренность, мы — свобода. Но, если вы нас заставите, мы будем — сила».

«Это бряцание оружием было встречено громом аплодисментов со стороны большинства, того самого большинства, которое, спустя несколько месяцев, поверженное в грязь, осужденное на безмолвие и покаяние, было доведено до того, что некоторые из его членов ползали передо мной, повторяя: «как вы были правы!»

«Распайль, возмущенный, попросил слова, чтобы ответить министру герским прихвостням.

— «Совершилось, — начал он, — такое убийство, перед которым бледнеют злодеяния Тропмана (его тогда судили), а вы желаете отдать преступника под такой суд, который не есть правосудие. Мы требуем присяжных, избранных не в среде врагов народного дела».

«Распайлю возразили, что магистратура независима.

— «Знаю я ваши высшие суды, — вскричал он, — я испытал их на себе. Там между судьями раз оказался даже господин, приговоренный к каторжным работам».

«Распайль был остановлен председателем, возвестившим, что он только что получил от генерального прокурора Гранперре прошение о начатии против меня преследования за оскорбление императора, возбуждение к возмущению и междоусобной войне.

«Всего за пять минут Эмиль Оливье заявлял, что он относится с пренебрежением к моим нападениям. Нельзя сказать, чтобы это было похоже на пренебрежение. Мне хотелось сохранить в памяти публики ту часть заседания, где только мы с Распайлем были на арене. Ни один из членов девой не вмешался — ни Гамбетта, ни Жюль Фавр, ни Эрнест Никар. Наше одиночество придавало цинической наглости Оливье огромный авторитет в глазах стадного большинства. Министр имел, таким образом, право — которым он не только воспользовался, но и злоупотребил — право сказать, что из моих коллег только один солидарен со мной.

«Похороны были назначены на завтра и день этот обещал быть чрезвычайно бурным. С утра дом на улице Марше в Нейльи, в котором, на двух стульях, стоял гроб с телом, до такой степени наполнился народом, что почти невозможно было двигаться. Как пронести тело до двери? Это казалось неразрешимой задачей. Я приехал измученный, всевозможные волнения так на меня подействовали, что я не ел и не спал трое суток. Меня кое-как протиснули в дом; там я нашел Делеклюза и Луи Нуара, известного романиста, брата покойного. Скоро прибыл Флуранс и сейчас же возгорелся спор о похоронах. Одни стояли за кладбище Пер Лашез, другие за Нейльи.

«Сто тысяч кавалерии и инфантерии^{*)}, мобилизованные из соседних гарнизонов, стояли наготове, чтобы утопить в крохи малейшую попытку к мятежу. Толпа была безоружна. Пораженная выстрелом, раздавшимся из Отейльского дома, она не успела ни организовать, ни сговориться. Движимая чувством гнева, она явилась манифестировать против двух убийц — одного из Тюльерийского дворца и другого.

*) Инфантерия — пехотное войско — О. Б.

«Делеклюз и я обратились с речью к нашим друзьям и огромное число присутствующих решило следовать за нами, как вдруг Флуранс уже на половине дороги к Отейльскому кладбищу, вместе с какими-то господами, которых он, по свойственной ему благородной доверчивости, недостаточно разглядел, бросился к лошадям, чтобы повернуть в Париж. Когда кучер этому воспротивился, они перерезали возжи и стали сами впрягаться в мрачную колесницу. Я вел процессию, или вернее, она вела меня и сдавленный человеческим морем, я задыхался, несколько раз падал на колеса, которые, при малейшем движении меня бы раздавили. Наконец, меня втащили на колесницу и я сел, свесив ноги, рядом с гробом. С высоты этого печального обсервационного пункта я видел как люди падали, подымались, пробирались чуть не под ногами лошадей, рискуя каждую минуту быть уничтоженными. Я отчаянно кричал чтобы они береглись, но мои крики даже не доходили до толпы. В довершение всего, под влиянием свежего воздуха, мой пустой желудок запротестовал, у меня закружилась голова и я упал без чувств к подножик погребальной колесницы.

«Когда я открыл глаза, то увидел себя на извозчике с Жюлем Валлес и двумя редакторами «Марсельезы». Мои первые слова были: «достаньте мне чего-нибудь поесть, я умираю с голоду». Валлес побежал к булочнику, купил двухфунтовой хлеб и бутылку вина. Я стал пожирать булку и проглотил немного вина. Мы уж в это время были в Париже, в Елисейских полях у Триумфальной арки.

«Я смутно помню, что меня привезли в бакалейную лавку, где мне натерли виски уксусом и затем посадили на извозчика, на котором я и проснулся.

«Такова история этого обморока, за который меня так упрекала бонапартистская реакционная печать, в действительности, он случился со мной вследствие упадка сил после 75 часов, проведенных без сна и еды. Человеческим силам есть границы. У меня эти границы были перейдены, и я оказался не в состоянии держаться дольше на ногах ни даже сидеть.

«Это единственно верное, да и правдоподобное объяснение, потому что я ничем не рисковал, среди 200 тысяч спутников, преданных мне до единого человека; но оно не помешало официозам обвинять меня в слабости.

«Мне, повторяю, было решительно нечего бояться; после минутной

борьбы, здравый смысл взял верх и похороны, как того желали Делеклюз и я, состоялись на кладбище Нейльи.

«Опасность грозила нам как раз в Париже. После обряда многие из нас возвращались пешком через Триумфальную арку.

«У круглой площади Елисейских полей стояли с саблями наголо несколько эскадронов кавалерии, им было приказано разогнать толпу, хотя на деле перед ними были люди, шедшие с похорон, которым по-неволле приходилось идти по единственной дороге, которая вела их домой.

«Но Оливье хотел доказать, что он, по его собственным словам, — сила, и вот к моему извозчику подходит полицейский комиссар, с животом, украшенным трехцветной лентой и заявляет нам, что после трехкратного предупреждения, он прикажет нас атаковать.

«Барабанная дробь затрещала в первый раз. Поткрепленный своим обедом, правда скудным и импровизированным, я выскочил из пролетки, подошел к комиссару и громко крикнул ему следующие слова (нахожу их теперь в «Марсельезе» в рассказе об этом дне):

« — Милостивый государь! Окружающие меня граждане возвращаются той же дорогой, какой они шли на кладбище. Загораживаете ли вы им путь?»

Барабаны грянули вторично.

« — Все, что вы скажете, будет лишним, — отвечает мне раскрашенный живот, — разойдитесь, иначе мы прибегнем к силе и вас изрубят саблями».

« — Я депутат, — возразит я, указывая на свой значек. — Извольте меня пропустить».

« — Нет, — сказал он, — вас изрубят первого».

«Я обернулся, улица была почти пуста; большинство манифестантов разошлось по боковым аллеям.

«Расступитесь, — сказал я остальным, — нечего даром идти под сабли. Империя все равно получила последний удар, что бы она теперь ни делала».

«Все послушались и кавалерия произвела свою атаку на деревья Елисейских полей.

«Один из всадников упал с лошади, да так и остался лежать неподвижно.

«Стоявшая вне сабель публика хохотала, потому что вид убитого врага всегда приятен.

«Если процесс квартиранта Консьержри двигался очень медленно, то мой — шел с истинно адской быстротой.

«Обсуждение вопроса об отдаче меня под суд состоялось на следующий же день после внесения предложения. Поддерживавший его Оливье заявил, что не желает повторения подобных дней»

— «А повторенья дня 2-го декабря, вы, конечно, желаете — крикнул я ему с своего места *)»

V ПРОЦЕСС В БЛУА

Всюду крадутся грязные слепки
всюду засады, и люди бродят в сетях
Л М

Как все правители, которым надо отвлечь от себя общественное мнение, Империя постоянно поднимала шум, заговоры собственного изделия, бомбы, подsunутые шпионами, скандалы, преступления, обнаруженные всегда во-время, о которых все давно знали и молчали — такими штуками отличаются последние годы некоторых царствований

Не трудно было запутать в какой-нибудь из этих махинаций самых смелых революционеров. Полицейский, предлагающий оружие, нашел бы не одну, а сто рук, чтобы его принять. Но шпионы никогда не делают таких вещей, как слишком заметен шнурок полишинеля. Приближалось время, когда настоящий заговор, обширный, как Франция, как мир — пришелся бы как раз впору. Изменник Герен и другие легко доставили своим господам все видимые признаки конспирации

Среди грозы, надвигавшейся на империю, сфабриковали процесс в Блуа. Герен, давший бомбы, знал, как их найти и указать их сыщикам. Но постановка, принимая во внимание грандиозность элементов, вышла жалкая. На таком гигантском фундаменте можно было сыграть пьесу, которая бы привела в восторг самого героя декабрьских дней. Шпионаж не хватает чутья. Получился абсурд. Театром, где поставили это произведение, долженствовало ужаснуть мир и раскрыть все козни революционеров, постужила зала заседаний государственных чинов в Блуа

Империи хотелось побольше блеска, блеск получился, но совершенно не тот, на который рассчитывали. Величие быто на стороне тех

*) Rochefort Les aventures de ma vie

кто представлял у судейской решетки борьбу за правосудие. Они чувствовали себя свободно и бросали истину судьям прямо в лицо

Обвиняемыми были Бертран, Дрэн, Т Феррэ, Рюиссо, Гронье, Менье, Рамэй, Годино, Шассэнь, Жорриж, Гренье, Греффье, Вигэ, Селье, Фонтэн, Прост, Бенель, «Герен», Ктаис, Лион, Сапия, Межи Вилленев, Дюпон, Леренар, Тони Муалэн, Перрикэ, Блэзо, Летуз, Кайоль, Бори, Бержэ, Лонэ, Дерер, Лэйг, Мабиль, Радуа, Нотрий Окс, Рондэ, Бирэ, Эвилленев, Гаро, Карм, Пегиан, Жэли, Батю, Курнэ, Паскелэн, Вердые, Пеллерэн, Баильи

Адвокаты Прото и Фюкс, которому приписывается знаменитое восклицание при проезде русского царя «Да здравствует Поляша милостивый государь!» — были в числе защитников

Некоторые из обвиняемых, до тех пор никогда друг друга не видевшие, заключили тут прочную дружбу. Как и в процессах Интернационала, известных под именем «преступных сообществ», и тут обвиняемых разделили на две категории, хотя все громко заявили о своей ненависти к империи и любви к республике. Взбешенные судьбы теряли голову. Может быть и они видели, что надвигается революция, о которой так смело говорили подsunутые. Обвинения были так несостоятельны, что, когда выдвигали одно, падало другое

Некоторые были приговорены к тюремному заключению, некоторые к кагоржным работам, но и те и другие без указания мотивов

Кое-кого пришлось оправдать, между ними был Феррэ, оскорбивший суд, но все обвинение против него было так неуклюже построено, что оно падало само собой перед изумленной аудиторией, того, что ему приписывалось, никогда не происходило, все противоречивые свидетельства обнаруживали гольку одно руку глупой полиции

Те из осужденных, которые были приговорены к ссылке не успели отправиться.

Империя напрасно рассчитывала процессом в Блуа, разбиравшимся 15-го июля, перед объявлением войны, доказать, одновременно, что война эта необходима и велика и что преследование революционеров также необходимо для безопасности отечества

Люди, которых судили в Блуа, были, несомненно, способны на борьбу и конспирацию *) против Наполеона. Но действовать они совсем иначе, чем утверждала полиция. Это были смеельчаки и полиция не сумела им дать соответствующих им ролей

*) Конспирация — сохранение тайны, тайная организация, тайный заговор — О Б

Переходя от ужаса перед революцией к мысли о триумфальном шествии в Берлин, Наполеон III, которого Занжиаккомми поздравлял с избавлением от смертельной опасности, задавал себе вопрос, не помогут ли полицейские махинации открыть, наконец, настоящий заговор. Тем временем старые бургграфы Бисмарк и Вильгельм мечтали о западной империи, о Карле Великом и его прах.

Предатель Герен предстал перед судом вместе с другими обвиняемыми, но его подозрительное поведение, неуклюжесть высшего суда, старые сомнения на его счет, вновь оживившиеся при допросе — установили во мнении всех гнусную роль, которую он на себя принял.

Так как нам не придется больше говорить об этом человеке, то скажем здесь еще несколько слов о его дальнейшей судьбе.

Служить дальше префекту *) было невозможно, потому, что Герен был изобличен, а полиция оказалась неблагодарной.

Герен, не зная, что с собой делать и как заработать насущный хлеб, приехал в Лондон как раз в тот момент, когда там искали приюта изгнанники Коммуны.

Тем, кто его не знал, он выдавал себя за политического эмигранта, позаботившись переменить фамилию, и искал работы.

Так Герен пришел к одному из изгнанников Варле, который никогда его не видал и просил его помочь найти какое-нибудь занятие.

Сжалившись над отчаянным положением этого никому неизвестного человека, Варле направил его к одному приятелю, тоже изгнаннику.

Не успел Герен войги в дом, как в ужасе бросился бежать; он узнал голос Маллэ, у которого были против него неопровержимые доказательства. Теперь Герен — гадкий старикашка с беспокойными хватками.

Он часто поворачивает голову назад, как будто желает рассмотреть что-нибудь позади себя, и единственное, что он видит — это свою измену.

*) Начальник полиции О Б

VI. ВОЙНА. — ОФИЦИАЛЬНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Наполеон III, проделав 2-го декабря свое 18 Брюмера, во что бы то ни стало хотел иметь и свой Аустерлиц. Поэтому, в начале войны все поражения назывались победами.

Тогда все кричавшие под ударами: «мир, мир!» все, кто писал: «дорога в Берлин не будет военной прогулкой» — поднялись, не желая вторжения.

Народное чувство было с ними, угадывая под официальной ложью ту правду, которая так ярко обнаруживалась при опубликовании официальных телеграмм.

В официальном расследовании о войне 71 года истина выступает в таком виде, в каком, несмотря ни на что, ее нельзя было себе представить.

Вот что писали из восточных провинций военному министерству, уверявшему, будто в армии в полной исправности решительно все вплоть до пуговиц на гетрах.

«Метц, 19 июля 1870 г.

«Генерал де-Фойльи доносит, что прибыли 17 батальонов его корпуса, и я тут же передаю его телеграмму, срочную по своему значению. «Запасов никаких, в ящиках денег нет, в корпусах тоже, требую звонкой монеты. Недостаток во всем, во всех отношениях. Пришлите повозок для штабов, их нет ни у кого, пришлите еще амбулаторных погребцов».

«20 июля 1870 г., 9 ч 50 м утра

20 июля генерал-интенданг писал в Париж

«В Метце ни сахара, ни кофе, ни рису, ни водки, ни соли, сухарей и свинины не хватает; пришлите срочно по крайней мере миллион порций на Тионвиль».

В тот же день генерал Дюкро писал военному министерству:

«Страсбург, 20 июля 1870 г., 7 ч 30 м веч

«Завтра останется едва 50 человек для защиты местечка Неф-Бриссак и форта Мортье-Петит. Пьер и Лихлембер также остались без войск, это прямой результат исполняемых нами приказаний. Кажется несомненным, что пруссаки уже завладели всеми проходами черного леса».

В первых числах августа границы охранялись меньше, чем 220 тысячами человек. Экипировали подвижную гвардию, которой до тех пор пользовались только в дни волнений, чтоб расстреливать, в мирное время она существовала только на бумагах военного министерства

Неизвестно каким путем Париж узнавал, что какой-то генерал не мог отыскать своих войск. Никто не верил подобной шутке, но потом, много времени спустя, читая следующее в расследовании о войне 70 года, пришлось убедиться в справедливости этой истории.

«Генерал Мишель военному министерству, Париж.

«Приехал в Бельфор, не нашел своей бригады, не нашел начальника дивизии, что мне делать? Не знаю, где мои полки?»

По официальным телеграммам, запасы срочно затребованные генералом Блондо 20-го июля, 24-го еще не прибыли в Тионвиль; это положение дел засвидетельствовано телеграммой командира 4-го корпуса генералу штабу в Париж

Тионвиль, 24 сего июля 1870 г., 9 ч 12 м утра

«У 4-го корпуса до сих пор нет ни амбулаторных погребцов, ни повозок для штабов и отдельных частей. Все в полном расстройстве»

Невероятная небрежность продолжается

«Интендант 3-го корпуса военному министерству

«Третий корпус выступает завтра у меня нет фельдшеров, рабочих, госпитальных повозок, сена, обоза, приборов для взвешивания, в 4-ой кавалерийской дивизии у меня нет даже ни одного помощника»

Эта серия идет в течение июля и августа без перерыва, была ли это судьба, сточняк, невежество? Телеграммы говорят о небрежности

«Помощник интенданта военному министерству, 6-я дивизия, бюро военных припасов, Париж

Мезьер 25 июля 1870 г., 9 ч 20 м утра

«В Мезьере теперь нет ни сухарей, ни солонины»

«Полковник, командующий парком 3-го корпуса, начальнику артиллерии, военное министерство. Париж

«Снаряды для орудий не приходят»

Мец, 27 июля 1870 г. 11 ч 1 м ночи

«Начальник штаба военному министерству. Париж.

«Отряды, присоединяющиеся к армии, прибывают без патронов и палаток».

«Начальник штаба военному министерству. Париж.

Мец, 29 июля 1870 г. 5 ч 36 м утра

«Не могу двинуться вперед за недостатком сухарей»

«Маршал Базэн генералу Ламиро в Тионвиль

Була, 30 июля 1870 г.

«Вы должны были получить лист известий за № 5, где Вам сообщают о больших движениях войск на Сарру и о приезде в Кобленц Прусского короля. Я видел вчера императора в С-Клу. Относительно движений нашей армии еще ничего не решено. Кажется, что склоняются в пользу наступательных действий 3-го корпуса».

«Это в то время, когда Руэр говорит своему повелителю «Благодаря вашим трудам, государь, Франция готова».

«Но, сейчас же за этим убедились, что ничего не готово, что нег и десятой части самых необходимых предметов. Пока шлет обмен этих (тогда секретных) депеш, горсть людей, разбросанная по границам, толпа в массе солдат Вильгельма»

«Сорок тысяч пруссаков, следуя по берегам Лаутера, встречали эти рассеянные кучки и мимоходом их уничтожали. Это была дивизия генерала Дуэ в Фрешвилере, Мак-Магон опираясь, с одной стороны, на Рейхсгофен, с другой, на Эльзангаузен, мирно дожидаясь Фатчи, который не приходил, не замечая, как мало-помалу, небольшими группами подходили пруссаки. Это, как оказалось, была армия Фридриха Прусского. Когда их собралось сто двадцать тысяч человек и четыреста пушек, они обрушились сразу на оба крыла французов и разбили их»

Так быт застигнут врасплох Мак-Магон со своими сорока тысячами. Тут, как и прежде, кирасиры принесли себя в жертву. Это называется Рейхсгофенской атакой. В тот же день, под Форбахом был разбит 2-й корпус.

Разрушение шло быстро.

Депеши следовали одна другой печальнее.

«Помощник начальника дивизии
Начальнику дивизии, Мец.

Верден, 7 августа 1870 г. 5 ч 45 м вечера

«В Вердене недостаток провианта: вина, воды, сахару, кофе, свинины, сухих овощей, свежего мяса. Просьба снабдить скорей оружием четыре тысячи подвижных гвардейцев».

Но ничего нельзя было послать, как видно из следующего.

Интендант 6-го военного корпуса

Париж, 10 ч. 52 м утра

«Я получил от главного интенданта Рейнской армии просьбу выслать 500,000 походных порции. У меня нет ни одной порции сухарей, ни другого провианта, кроме сахара и кофе».

Объяснение генерала Фроссара не оставляло никаких сомнений относительно нашего положения.

«Полное число наших войск, — говорит он, — едва достигало 200,000 человек в начале, затем, с прибытием разных подкреплений дошло до 250,000 и ни разу не превысило этой цифры. В генеральном штабе числилось к 1 августа 1870 г. 243,171 человек».

«Организация материальной стороны была недостаточна, командиры корпусов не имеют понятия о существовании какого-либо плана кампании».

«Мы знали только, что мы очутимся лицом к лицу с силой в 250,000 немцев, число которых может быть увеличено вдвое в самый короткий срок».

В книге полковника Прево «Французские крепости во время войны 1870 г.», можно прочесть не менее ужасное показание.

«Когда объявили войну Пруссии, то ни в одном из городов, расположенных в немецкой границе не было необходимого оружия, особенно

не хватало лафетов для пушек, новые орудия считались редкостью, так же обстояло дело с запасным провиантом и другими необходимейшими припасами».

В трудах генерала Паликао находится следующее письмо одного офицера генерального штаба «Приехав в Страсбург (дней 12 тому назад) я был поражен недостатком администрации и артиллерии. Вы не поверите, что в Страсбурге, этом большом восточном арсенале, я не мог найти никаких частей ни ружей, ни пушек».

«Первое, что нам объявляли батарейные командиры, это чтобы мы берегли снаряды, потому что их мало».

И действительно, в сражении 7-го, батареи митральез и другие должны были покинуть надолго поле, чтобы отправиться за снарядами в резервный парк, который тоже не мог похвалиться изобилием. 6-го ~~был~~ отдан приказ взорвать один мост, но нигде во всем корпусе не могли найти минного пороха, ни в артиллерии, ни у инженеров

Пруссаки вступили во Францию сразу через Нанси, Туль и Люневиль.

Фридрих шел на Париж, преследуя простоватого и упрямого Мак-Магона, который только молил о помощи Аврескую Богородицу. А может быть, вместе с Евгенией, называвшей эту злосчастную войну ~~своей~~ войной, уповал на какую-нибудь андалузскую мадонну.

Молодой Бонапарт, которого мы называли маленький Баденг, а старые замшевые штаны вешали Наполеоном IV-м, забавлялся тем, что после сражения, подбирал на поле пули

Между тем, в майские дни дети-герои сражались, как мужи. Ужасное шло рядом с забавным.

VII. СХВАТКА НА БУЛЬВАРЕ ВИЛЛЕТ. — СЕДАН.

Мы кричали: вперед! да здравствует Республика! Весь Париж откликнется, Париж выскочит, героический, смитвший своей благородной кровью империю. Огромный город был нем, ставни закрыты, улицы пусты, а мы в ярости кричали: идем на пруссаков!

Л М

Только Республика могла спасти Францию от врага, омыть ее от двадцатилетнего ига империи, открыть настежь двери будущему через горы трупов.

В Монмартре, Бельвилле, в Лагинском квартале революционеры, особенно бланкисты — призывали к оружию. Все знали о страшных поражениях, хотя правительство признавало только, что разбиты кирасиры. Все знали, что от армии Фроссара осталось только 4000 трупов и что живые взяты в плен. Все знали, что пруссаки гуляют по Франции. Но чем ужаснее было положение, тем больше проявлялось мужества. Все верили, что Республика залечит раны, поднимет дух.

Республика! Для нее не только хотели жить, за нее готовы были умирать.

В этом общем настроении разыгралась 14 августа 1870 г. битва на Виллетском бульваре. Бланкисты хотели провозгласить Республику, не дожидаясь пока сгнившая империя рухнет сама собой. Но для этого было необходимо оружие, и так как в нем ощущался недостаток, то революционеры решили напасть на пожарные казармы, на бульваре Виллет 141, и добыть там оружие. Говорили, что один пожарный убит. Он был только ранен, как сам впоследствии заявил. Караул был сильный и хорошо вооружен. Полиция, неизвестно кем предупрежденная, накинулась на революционеров. Монмартрцы пришли слишком поздно, и увидели только, как на опустевшем бульваре захлопываются ставни, да карету, в которой увозили в тюрьму Эда и Бридо, а толпа сыщиков и дураков вопила им вслед: к пруссакам! На этот раз все было кончено. Приходилось ждать другого случая.

16-го августа маленький успех Базена при Борни был раздут правительством до степени победы, чтобы обмануть народ. Это еще больше задержало движение нашей армии.

Битвы при Гравелотте, Резонвиле, Вионвилле, Марс-ла-Туре были последними до соединения обеих прусских армий, которые охватили полукольцом французскую армию.

Скоро кольцо должно было замкнуться, а правительство продолжало возвещать о наших победах.

Эти победные слухи облегчили вынесение смертного приговора Эду и Бридо.

Даже некоторые радикалы обозвали бандитами героев Виллета. Гамбетта первый предложил казнить их немедленно и без суда.

Виллетский заговор составлял в течение некоторого времени лозунг буржуазной реакции, но революционеры были не единственными людьми, верно оценивавшими людей и события.

В самой армии было несколько офицеров-республиканцев. Один из

них, Натаниэль Россель написал своему отцу (как раз 14-го августа, когда попытались провозгласить республику в Париже) следующее письмо, сохранившееся в его посмертных бумагах.

«С самого начала войны со мной происходили странные и довольно многочисленные приключения.

Но одна из особенностей, которая тебя, конечно, удивит, состоит в том, что меня ни разу не послали в огонь. Я сам ходил иногда в бой, но совершенно добровольно и рисковал мало.

В Меце я скоро убедился в бездарности наших начальников, генералов и штабов, бездарности неизлечимой, признанной всей армией — так как я привык делать выводы до конца, то мечтал даже до 14-го прогнать всю эту клику.

Я придумал для этого довольно верное средство.

Помню, что вечером я гулял с своим товарищем X, человеком храбрым, благородным и моим безусловным единомышленником; мы проходили мимо гостиниц на улице Клерк. Все было полно лошадей, экипажей, расхаживали покрытые галунами интенданты, и вообще царил тот шум, который производит надменный и веселящийся штаб.

«Мы осматривали входы, расположение дверей и обсуждали, как легко 50 решительных мужчин могли бы убрать всех этих молодцов, мы искали этих 50 человек, не нашли и десятерых. 14-го августа, вечером, мы заметили с валов Серпенуаз, как горизонт от С-Жюльвена до вала осветился огнями боя. 16-го армия перешла Мозель и очутилась лицом к лицу с неприятелем. Едва я освободился от своих дел, как стали прибывать транспорты раненых, что указывало на большое сражение. Я поехал верхом через Муэн и Шатель до возвышенностей Гравеллоты, где и наблюдал часть сражения, около батареи митральез, которая работала удивительно. (Я впоследствии видел еще раз, в день капитуляции, командира этой батареи).

«18-го вечером, я отправился посмотреть на битву и встретил генерала Гренье. Он возвращался отсюда, потеряв свою дивизию, которая оказалась, не получив подкрепления после 7-часового сражения. На следующий день блокада была закончена. Я, однако, продолжал подыскивать врагов этим нелепым генералам.

«21-го августа и 1-го сентября они попробовали дать сражение и не сумели даже ввести в дело свои войска.

«Говорят, что жалкий Лебеф искал смерти, но сумел только погубить самым глупым образом не мало храбрых людей. 31-го августа

я пошел посмотреть битву на форт С.-Жюльен, а 1-го сентября был в тылу и встретил там Сальера, теперь эскадронного командира, который ждал с двумя батареями момента выступления. Редко у меня так болезненно сжималось сердце, как при виде такого постыдного отказа от последних шансов, которые еще были у нас, потому что при всякой битве, я вновь начинал надеяться» *).

Не исключительные ли зрелище представляли эти люди, неизвестные друг другу, которые в одно время, в один и тот же час, когда деспоты заканчивали свое дело, мечтали одни — о провозглашении освободительницы - Республики, другие — об избавлении армии от напавших и развратных штабов империи.

В то время, как продолжались телеграфные победы и торжественно трубили при каждом поражении, успели бы казнить Эда и Бридо, если бы письмо Мишле, покрытое тысячами подписей, протестовавших против такой жестокости, не задержало экзекуции.

Во время этой последней фазы агонии империи, в Париже царил такой страх, что многие, сначала с восторгом подписавшие письмо, просили снять их имена. (Дело касалось жизни, говорили они). Так как оно больше всего касалось жизни наших друзей Эда и Бридо, то признаюсь, что я, со своей стороны, не согласилась снять ни одного имени со вверенных мне листов. Адель Эскирос, Андре Лео и я — до конца было снести обемистое dossier **) парижскому губернатору, которым был генерал Трошо.

Добраться до него было делом не легким, но расчет на женскую отвагу оказался правильным.

Чем больше нас уверяли, что проникнуть к губернатору немисливо, тем упорнее мы шли вперед.

Наконец, нам удалось силой прорваться в комнату, переднюю, с множеством скамеек у стен. В середине небольшой стол, заваленный бумагами. Здесь обыкновенно ожидали губернатора, желавшие его видеть. Мы были одни. Нас попробовали было вежливо выпроводить. Но усевшись на одну из скамеек, мы объявили что пришли сюда от имени Парижа, передать самому генералу Трошо бумаги, с которыми ему необходимо ознакомиться. Эти слова заставили призадуматься. Нас не решились выбросить вон,пустили в ход дипломатию, чтобы уговорить нас, оставить наше dossier на столе. Но добиться этого от нас было невозможно.

*) Papier presté de Rossel recueilli par Jules Vergès.

**) Dossier — бумага относящаяся к ответственному делу — производству — 0 Б

Один из присутствовавших вышел и вернулся с каким-то господином, которого нам назвали секретарем Трошо.

Он вступил с нами в переговоры, сказал, что Трошо уехал и он обязан принимать все бумаги, адресованные генералу. Он согласился списаться в получении dossier, которое мы ему отдали, убедившись, что нас не обманывают.

Этот секретарь, казалось, не был враждебен нашему делу и надел наши предосторожности совершенно естественными. Время не ждало, и, несмотря на убеждения секретаря, что губернатор с большим уважением относится к народной воле, мы жили под постоянным страхом, что казнь совершится внезапно во время приступа империалистского усердия.

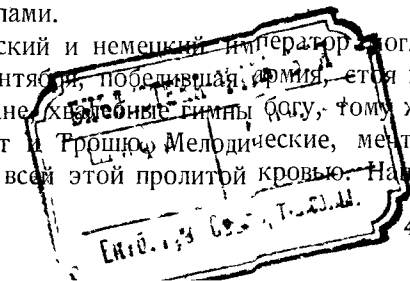
Так как немецкая армия спускалась по течению Мааса, то французы отступили к Седану.

По этому поводу в официальном отчете генерала Дюкро (того самого, который должен был вернуться победителем или мертвым, и вернулся ни тем ни другим), читаем следующее: «Эта позиция имела несомненное стратегическое значение, потому что соединяя все другие позиции через Мезьер и разветвления Гюзона, она служила единственным каналом для снабжения провиантом армии, действовавшей с севера на Мец». И эта-то позиция была едва-едва защищена, ни провианта, ни снарядов, вообще никаких запасов. На некоторые пушки приходилось по 30 зарядов, на другие по 6, но у большинства не было банников.

1-го сентября французы были окружены и стерты, как в ступке, немецкой артиллерией, занявшей высоты. Два генерала пали: Трельяр был убит, Маргерит смертельно ранен. Тогда Бофремон, по приказу Дюкро, повел все дивизии на прусскую армию. Тут были полки 1-й гусарский и 6-й стрелковый, бригада Тильера, 1-й, 2-й и 4-й полки африканских стрелков, бригада Маргерита.

Это было ужасное и величественное зрелище. Впечатление было так необычайно, что старый Вильгельм не мог удержаться от восклицания: «О! какие отважные люди!» Бойня была такая, что город и окрестные поля были завалены трупами.

В этом море крови и французский и немецкий император могли вволю утолить свою жажду. 2-го сентября, победившая армия, стоя на высотах, возносила, в вечернем тумане, хвалебные гимны богу, тому же богу, к которому взывали Бонапарт и Трошо, Мелодические, метателльные голоса немцев звучали над всей этой пролитой кровью. На то-

леон III не рассчитывал на удачу отчаяния. Он сдался неприятелю с 80-тысячным войском, всеми знаменами, ста тысячью лошадей и 650 пушками.

Империя умерла и погребена глубоко и безвозвратно. Герой декабря превратился в героя Седана и увлек за собой в пропасть всю династию. От императорской легенды остался лишь пепел.

На вершине Седанского холма, словно кружится под насмешливые звуки «Прекрасной Елены» хор оффенбаховских богов на императорском празднике, а из глубины призрачного океана встают гени мертвецов.

Впоследствии то, что сделал Бофремон, приписали Галлифе чтобы уменьшить ужас парижской бойни. Мы знаем, что Галлифе был в Седане, так как он там поднял шляпу с белыми перьями генерала Маргерита. Но не все ли равно? Чтобы Галлифе ни совершил, пролитую им в Париже кровь не смыть ничем и никогда.

Седанских пленников увезли в Германию.

Шесть месяцев спустя, по распоряжению комиссии по оздоровлению полей сражения, были разрыты ямы, куда бросали трупы.

Чтобы уничтожить все, остатки посыпали известью.

Много, в том году, пожрала людей эта известь.

Луиза Мишель.

КОММУНА

Перевод с французского
Примечания О. М. Бескина
М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны
воспоминания других участников и современников Коммуны,
документы, исследования, фильмы и радиопередачи скачать здесь:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография
текст разделен на 7 файлов
части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства

Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНΙΑ ИМПЕРИИ

I. Пробуждение

II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира

III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны

IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора

V. Процесс в Блуа

VI. Война. Официальные телеграммы

VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

I. 4-го сентября

II. Национальная оборона

III. 31-го октября

IV. От 31-го октября до 22-го января

V. 22-го января

VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы

VII. Росселя и Люлье

VIII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж

IX. Всемирное движение за свободу

X. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

I. 18-е марта

II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета

III. Дело 22-го марта

IV. Прокламация Коммуны

V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже

VI. Атака Версаля. Неизданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса

VII. Воспоминания

VIII. Волна растет

IX. Провинциальные коммуны

X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года

XI. Последние дни свободы

XII. Франк-масоны

XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников

XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

I. Борьба в Париже. — Резня

II. Холодная подачка

III. Бастионы Сатори и Версаля

IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии

II. Возвращение

Приложение.

I. Рассказ Беатрисы Экскоффон

II. Письмо заключенного в Бресте

III. К коммунарам

Примечания

Алфавитный указатель примечаний

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Республика 4-го сентября.

I. 4-го СЕНТЯБРЯ.

Друзья, как прекрасна казалась республика в проклятые времена империи

Несмотря на весь ужас, внушаемый империей, мысль, что ей приходит конец, все больше распространялась в Париже и мы, энтузиасты, мечтали о социальной революции в самом широком смысле этого слова.

Крикуны, восклицавшие когда-то: «в Берлин», хотя и продолжали уверять, что французская армия всюду побеждает, но делали уже трусливые намеки на сдачу. Этим намекам давали должный отпор, заявляя, что Париж предпочтет смерть капитуляции и что пропагандисты идеи сдачи будут брошены в Сену; они отходили дальше.

2-го сентября вечером распространившийся из подозрительных, т.-е. правительственных, источников слух о победе, навел нас на мысль, что все потеряно.

Волнующаяся толпа наполняла улицы еще днем, а ночью она еще возросла.

3-го состоялось ночное заседание законодательного корпуса, по заявлению Паликао, признавшегося, что получены важные известия.

На площади Согласия люди стояли группами; другие кучки ходили по бульварам, сосредоточенно разговаривая: в воздухе чувствовалась напряженность.

Еще утром какой-то молодой человек, прочитавший раньше других правительственное сообщение, передавал его, изумленно жестикулируя; моментально его окружила толпа, кричавшая: «к пруссакам». и

его отвели в пост Бон-Нувель, где на него набросился какой-то полицейский и смертельно ранил его.

Другого, уверявшего, что он только что в объявлении прочел разгроме, хотели убить на месте, когда один из нападавших, человек добросовестный, случайно подняв глаза, увидел следующую прокламацию, которую в эту минуту с изумлением читал весь Париж:

«Совет Министров Французскому Народу.

«Родину постигло большое несчастье. После трехдневной героической борьбы армии маршала Мак-Магона против 300 тысяч неприятеля 40 тысяч человек были взяты в плен.

«Генерал Вимпфен, принявший командование вместо тяжело раненного маршала Мак-Магона, подписал капитуляцию. Этот жестокий удар не колеблет наше мужество.

«Париж теперь в состоянии обороны, военные силы страны организуются и через несколько дней у стен Парижа будет новая армия. Другое войско формируется на берегах Луары.

«Ваш патриотизм, единодушие и энергия спасут Францию.

«Император взят в плен во время боя.

«Правительство, в согласии с общественными учреждениями, принимает все меры, соответствующие важности событий.

Совет Министров:

Граф Паликао, Анри Шевро, адмирал Риго де-Женуильи, Жюль Брам, Латур-Д'овернь, Гранперрэ, Клеман Дювернуа, Мань, Бюссон, Бильо, Жером Давид».

Несмотря на искусство, с которым была составлена эта прокламация, никому и в голову не пришло, чтобы империя могла пережить сдачу армии, с пушками, ружьями, обозом, со всем, чем можно сражаться и побеждать.

Не тревога о судьбе Наполеона III занимала Париж. Республике еще не провозглашенная, уже существовала в сердцах.

Весь позор поражения падал на империю. Надежда на республику озаряла все лица лучем света, будущее открывалось в славе. Живо море наполняло площадь Согласия.

В глубине стояли, в боевом порядке, последние защитники империи (муниципальные гвардейцы *) и полиция, полагавшие, что они все ещ

*) Городская охрана. — О. Б.

обязаны повиноваться дисциплине императорского правительства. Но все знали, что им уж не воскресить его из мертвых. К 12 часам подошли через улицу Ройаль вооруженные национальные гвардейцы. Муниципальная гвардия с саблями на голо стала тесным строем, она отступила вместе с полицией, когда национальные гвардейцы двинулись вперед со штыками на перевес.

В толпе поднялся страшный крик, и словно вопль понесся к небесам возглас: «Да здравствует республика!» Полиция и муниципальная гвардия окружала законодательный корпус, но напиральная толпа пробралась уже до решеток с криком: да здравствует республика. Республика! Это было похоже на видение. Неужели она уж наступила? В воздухе сверкают сабли городских сержантов, решетки сломаны, толпа национальные гвардейцы вступают в законодательный корпус. Звуки волосов, покрываемые криками: да здравствует республика — доносятся до улицы. Проникшие в здание бросают в окна бумажки, на которых написаны имена кандидатов и членов временного правительства. Толпа поет марсельезу. Но империя профанировала этот гимн, и мы, революционеры, больше его не поем.

Горячие куплеты «Доброго человека» неслись в воздухе.

«Добрый человек, добрый человек,
Точи свою косу».

Билетики продолжают сыпаться через окна. Некоторые имена вызывают ропот, напр., Ферри. Другие говорят: «Что за беда! ведь теперь у нас Республика! тех, кто негодится можно будет сменить».

Эти бюллетени составляются людьми правительства. На последнем списке стоят имена: Араго, Кремье, Жюль Фавр, Жюль Ферри, Гамбетта, Гарнье-Пажес, Глэ-Бизуэн, Эжен Пельтан, Эрнест Пикар, Жюль Симон и Трошю, губернатор Парижа. Толпа кричит: Рошфор! Имя немедленно заносится в список. Теперь толпа повелевает. Новые крики слышатся у здания городской думы. Перед законодательным корпусом было прекрасно, но на улице еще прекраснее. Толпа бежит к городской думе. Сегодня день могущества толпы. Временное правительство уж там. На Рошфоре — он только что вышел из тюрьмы — красный шарф. Опять крики: «да здравствует Республика!»

Словно вдыхаешь освобождение! Эта мысль у всех.

Рошфор, Эд, Бридо, четыре несчастных, которые были осуждены за Виллетскую демонстрацию, благодаря ложному доносу агентов, осуж-

денные по процессу в Блуа и еще несколько человек были освобождены из заключения.

5-го сентября, Бланки, Флет, Риго, Феррэ, Брелле, Гранже, Верте, Анри Плас, Ранвье и др. ждали у дверей тюрьмы Шерш-Миди Эда и Бридо, приказ об освобождении которых был подписан Эжен Пельтаном.

Все ждали, что с республикой наступит победа и свобода. Тот, кто бы заикнулся о сдаче — был бы убит. Над Парижем возвышались 15 фортов, похожих на военные корабли; экипаж состоял из отважных моряков. Какая армия решилась бы на их штурм.

Впрочем, вместо долгой осады предстоят массовые вылазки; теперь нет больше Баденга, теперь республика.

«Всемирная Республика
Восходит в пылающих небесах,
Покрывая своим крылом народы,
Как мать своих детей.
«На востоке белеет заря,
Заря великого века.
Вставайте, зачем еще спать.
Вставай, народ, будь силен и тверд».

Правительство клялось, что сдачи не будет. Все добровольно предлагали себя и были преданы до конца. Хотелось иметь тысячу жизней, чтобы отдать их.

Революционеры были везде, число их все увеличивалось; люди ощущали в себе огромную жизненную силу и казалось, что эта сама революция. Ходила живая Марсельеза, взамен той, которую профанировала империя.

«Долго это не продлится, — говорил старик Мио, помнивший 48 год

Однажды, на ступеньках городской думы, Жюль Фавр заключил в свои широкие объятия нас троих — Риго, Ферре и меня, называя нас своими дорогими детьми.

Я то знала его давно. Он был, как и Эжен Пельтан, председателем Общества начального образования, и на улице Готтефийль, где обыкновенно читались лекции и задолго до конца империи, уже кричали: да здравствует республика. Я думала об этом в майские дни в Сатори^{*)}, стоя перед кровавой лужей, где победители мыли себе руки. Только эту воду давали пленным, лежавшим под дождем в окровавленной грязи двора.

*) Тюрьма в Версале — О. В.

II. НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА

Друзья, у нас Республика,
Темное прошлое кончается.
Все вставайте, теперь героическое
время
Силен тот, кто умеет умирать

Власть ли изменила до такой степени героев сентябрьских дней? Независимые во времена империи, они были охвачены ужасом перед революцией.

Надо было перескочить пропасть, а они не хотели разбежаться, давали обещания, клятвы, созерцали положение и хотели навеки остаться в этом состоянии.

Мы тоже отдавали себе отчет в положении, но только с другими чувствами

Вильгельм приближался — тем лучше. Париж могучей вылазкой отразит нашествие. Армии провинции соединятся; разве у нас теперь не республика?

А когда мир будет завоеван, она не будет воинственной республикой, враждебной другим народам. Интернационал покорит мир под пылким напором социального жерминаля^{*)}). И в глубоком сознании своего долга, они просили оружия; правительство отказывало. Может быть, оно боялось вооружить революционеров, может быть, оружия действительно не хватало. Были обещания — вот и все.

Пруссаки продолжали подвигаться вперед; они уже достигли места, где прекращалась железная дорога на Париж, все ближе и ближе. Но в то же время, как газеты отмечали движение пруссаков, появлялось официальное сообщение о количестве припасов и усюкаивало голпу

В парках, в Люксембурге, в Булонском лесу 200,000 баранов, 40,000 быков и 12,000 свиней погибли от голода и тоски. Бедные животные! Но они обнадеживали всех, кто беспокоится

В складах муки, вместе с запасами буточников, было более 500 тысяч центнеров^{**)}). Насчитывалось приблизительно 100 тысяч центнеров риса, 10 тысяч центнеров кофе, и 30—40 тысяч центнеров солины; не считая огромного количества товаров, выписанных спекулянтами

*) Жерминаль — месяц прорастания, первый весенний месяц (от 21 марта до 19 апреля), по французскому революционному календарю. — О. В.

***) Центнер — мера веса равен 100 килограмм или на русские меры — 61 пуд

по цене, вздутой раз в 100. В крайнем случае, эти запасы, вместе со всеми другими, конечно, пошли бы на общее употребление.

Вокзалы, сараи, все здания были переполнены. Архитектор Гарнье велел просверлить цементный слой, на котором покоился фундамент Новой Оперы, почти уже законченной постройкой. Оттуда вырвался поток, спускающийся с Монмартра. Значит будет и вода.

Лучше бы ничего не было. Временное правительство с первых дней не успело бы затормозить геройский порыв Парижа. Можно было еще победить.

Некоторые мэры шли в полном согласии с населением Парижа. Мэры в Батиньоле и Клемансо в Монмартре открыто показали себя революционерами.

Мэрия Монмартра с Жакларом, Дерером, Лафоном, — помощниками Клемансо, приводила, минутами, реакцию в трепет.

Но скоро она успокоилась. Самое гордое мужество делалось бесполезным при старом механизме империи, в котором под новыми именами действовали все старые части.

Пруссаки все приближались. 18-го сентября они были уже под фортами, 19-го они заняли Шатильонское плато. Но чем сдаваться, Париж зажжет себя со всех концов, как сделала когда-то Москва.

Начинали ходить слухи об измене правительства; оно было только неспособно. Власть делала свое вечное дело. Она будет его делать, пока сила поддерживает привилегии.

Наступил момент, когда правители несколько бы не удивились, если бы пришлось навески на революционеров жерла своих пушек. Но чем сильнее ухудшалось положение, тем сильнее была жажда боя.

Порыв был так велик, что все чувствовали необходимость какого-нибудь исхода.

Даже „Siècle“ («Век») напечатал 5-го сентября статью, озаглавленную «Призыв к храбрецам» и начинавшуюся так: «К нам храбрые! В грядущих обстоятельствах нужна быстрая мысль и неизведанная отвага.

«К нам молодежь! Нужными нам людьми становятся недисциплинированные смельчаки. Мысль и дело должны быть свободными. Не сковывайте себя больше, не занимайтесь регламентацией, стряхните с себя старые цепи и путы. Этот совет давал на-днях нам друг Жуанье и в нем — спасение»).

*) Siècle 7 сент. 1870.

Не было надобности призывать смельчаков, они явились толпой, это была республика.

Но очень скоро тяжелое действие администрации, той же, что и при империи, парализовало все.

Ничего не изменилось, потому что все колеса получили только новые имена. Существовала маска, вот и все.

Фальсифицированные снаряды, припасы на бумаге, недостаток предметов первой необходимости для боя, скандальные барыши поставщиков, — все это не оставляло никаких сомнений: дело шло по старому.

По приказанию военного министерства, единственный батальон, вооруженный как следует, составляли служащие министерств.

«Не говорите мне об этих глупостях», — говорил генерал Гюяр о ружьях с казенными винтами.

Феликс Пиа, правда, черезчур подозрительный, но достаточно для этого поплатившийся, и люди, ускользнувшие от июньских и декабрьских времен, еще раз переживали прежние дни; революционеры надеялись победить без правительства и в комитетах и клубах обращались, главным образом, к парижскому населению.

Страсбург, осажденный 13-го августа, еще держался 18-го сентября. В этот день в Париже царило особенное беспокойство, так как мы чувствовали агонию Страсбурга, израненного, подвергнутого бомбардировке со всех сторон и все таки не желавшего умереть. И вот некоторым из нас, — большинство составляли женщины, — пришла мысль достать оружие и, преодолев все препятствия, идти в Страсбург, чтобы помочь городу защищаться или умереть вместе с ним.

Наша маленькая группа направилась к городской думе с криками: «В Страсбург! в Страсбург! охотники идти в Страсбург!»

С каждым шагом присоединялись новые манифестанты, преобладали женщины и молодые люди, большей частью студенты.

Скоро собралась громадная толпа.

На коленях статуи Страсбурга лежала раскрытая книга, где мы и расписались в своем добровольном зачислении в солдаты.

Оттуда мы молча направилась к городской думе. Это была целая маленькая армия. Пришло много учительниц, некоторые были из улицы Фобур дю-Тампль, и я встречалась с ними впоследствии. Здесь я в первый раз видела госпожу Венсен, которая, может быть, от этой манифестации, пришла к идее женских союзов.

Андре Лео и я были отправлены, как делегаты, чтоб погребовать

оружия. К нашему великому удивлению, нас приняли без всяких затруднений и мы считали, что просьба наша принята, как вдруг нас отвели в большую залу, где не было ничего, кроме скамеек и заперли за нами дверь. Там было уже двое арестованных: студент, участвовавший в манифестации, фамилия которого была, кажется, Сенар и какая-то старушка; она переходила площадь, держа в руках только что купленную бутылку с маслом и была арестована сама не зная за что: правда, что взявшие ее знали об этом немногим больше. Она так дрожала, что масло капало другом и поливало ей платье.

Через 3 или 4 часа явился какой-то полковник для нашего допроса но мы отказались отвечать, пока не освободят старухи: ее испуг и дрожавшая в руках бутылка с маслом, достаточно ясно доказывали, что она не манифестировала.

В конце концов столковались и старуха вышла дрожащей походкой стараясь не уронить своей бутылки, откуда по-прежнему капало масло.

Затем присступили к нашему допросу и так как мы воспользовались случаем, чтобы изложить свою просьбу снабдить оружием наш батальон добровольцев — то офицер, который, казаться, ничего не понимает, тупо воскликнул:

— «Какое вам дело до падения Страсбурга, раз вас там нет?»

Это был плотный мужчина, с правильными и глупыми чертами лица, широкоплечий, крепкого сложения, прекрасный экземпляр хорошего полковника. Отвечать было нечего, оставалось только смотреть на него.

Так как я вслух произнесла номер его фуражки, то, может быть он сообразил, что он сказал и ушел.

Через несколько часов один из членов правительства, приехавший в думу, приказал освободить студента, Андре Лео и меня. Манифестацию рассеяли отчасти силой, а отчасти лживыми уверениями.

В этот самый день Страсбург пал.

Много было разговоров о Луарской армии.

Уверяли, что Вильгельм будет заперт между этой армией и сделавшими сокрушительную вылазку парижанами.

Доверие к правительству падало с каждым днем. Его считали неспособным, как впрочем, всякое правительство, но рассчитывали на увлечение Парижа.

Пока каждый находил время, чтобы упражняться в стрельбе в бараках.

Я, с своей стороны, научилась этому недурно, что мы могли констатировать впоследствии в рядах Коммуны.

Париж, желая защищаться, бодрствовал сам. Федеральный Совет Интернационала заседал в Кордери дю Темпль; здесь собирались делегаты клубов; таким образом сформировался центральный комитет 20 округов, который, в свою очередь, образовал в каждом округе наблюдательные комитеты, состоявшие из ярых революционеров.

Одним из первых действий центрального комитета было — изложить правительству волю Парижа; она была выражена в немногих словах в красной прокламации. В центре Парижа люди порядка разорвали это воззвание, в предместьях его восторженно приветствовали, а правительство самым глупым образом приписало его прусским агентам. Эти агенты были для него пунктом помешательства. Вот прокламация:

Всеобщее ополчение.

Ускоренное вооружения

Раздача припасов.

Подписали ее — Авриаль, Белэ, Бриан, Шалэн, Комбо, Камелина, Шардон, Демэ, Дюваль, Дерер, Франкель, Т. Ферре, Флуранс, Жоаннар, Жаклар, Лефрансе, Ланжевэн, Лонние, Малон, Уде, Погье, Пенди, Ранвье, Режер, Риго, Серралье, Тридон, Тэз, Тренке, Вальян, Варлэн, Валлес.

Как бы в ответ на прокламацию, которая, действительно, выражала волю Парижа, распространились, как при империи, слухи о победе, предсказывающие скорое появление Луарской армии.

Вместо Луарской армии пришло известие о поражении при Бурже и о сдаче Меца маршалом Базеном, передавшим врагу крепость, которую до этого никто не мог взять, форты, снаряды, 100 тысяч войска и оставившим без защиты север и запад.

Когда 4-го сентября Андре Лео и я ходили по Парижу, одна дама пригласила нас сесть к ней в экипаж и рассказала, что в армии нег больше ни провианта, ни снарядов, словом ничего. Она заранее отвечала на обвинение, которое должно раздаться после взятия Меца и утверждала, что Базен не изменит никогда.

Это была его сестра.

Может быть, он и был скорее трусом, чем изменником; результат одинаков.

Газета Феликса Пиа „Combat“ («Борьба») об'явила 27 октября о капитуляции Меца. Это известие, говорила она, шло из верного источ-

ника; действительно, оно исходило от Рошфора, которого толпа навязала правительству 4-го сентября; не делаясь изменником, он не мог дольше молчать и сказал об этом Флурансу, командиру Бельвильских баталионов. Тот передал все Феликсу Пиа, опубликовавшему новость в „Combat“

Известие было сейчас же опровергнуто и машины „Combat“ разбиты людьми порядка, но с каждой секундой приходили новые доказательства. Пелльтан также не скрывал, что Мец сдан.

Остальные члены правительства национальной обороны, загипнотизированные своим злым гением, карликом Футрике*), который вернулся в Париж, подготовив к сдаче всех европейских монархов, продолжали отрицать, совершенно запутавшись между поражением и народным волнением.

В „Journal officiel“ («Официальные ведомости») появилось сообщение, говорившее чуть ли не о намерении предать Феликса Пиа полковому суду.

Вот это сообщение, помеченное 28 октября 1870 г.

«Правительство считало для себя вопросом чести уважать свободу печати. Принимая во внимание те неудобства, которые она иногда может представлять в осажденном городе, правительство могло бы, во имя общественного блага, уничтожить или стеснить ее. Правительство предпочитает прибегнуть к общественному мнению, составляющему его истинную силу. На этот суд правительство отдает следующие позорные строки, помещенные в газете „Combat“ редактируемой г. Феликсом Пиа: —

«Сдача Меца — совершенно достоверный, несомненный факт, который правительство национальной обороны скрывает, как государственную тайну и этот факт мы предаем негодованию Франции, как измену.

«Маршал Базен отправил к прусскому королю полковника, для ведения переговоров о сдаче Меца и о заключении мира, от имени его величества императора Наполеона III. —

«Автор этой гнусной клеветы не посмет открыть свое имя. Он подписал: «бой». Это, конечно, бой Пруссии с Францией, потому что не имея снаряда, который поразил бы в сердце страну, он раздражается против ее защитников двойным обвинением, одинаково гнусным и лживым. Он утверждает, что правительство обманывает общество и что славный защитник Меца позорит изменой свою родину.

*) Прозвище Тьера. — О. Б.

«Мы самым решительным образом опровергаем эти выдумки.

«Преданный военному суду, их автор рисковал бы подвергнуться самому суровому наказанию. Мы полагаем, что кара общественного мнения будет более действительна; оно оценит по достоинству этих мнимых патриотов, — ремесло которых, сеять раздор перед лицом врага и разрушать своими измышлениями авторитет тех, кто с ним борется.

«С 17-го августа мы не могли получить ни одного непосредственного донесения маршала Базена; но мы знаем, что далекий от мысли об измене, которую ему не стыдятся приписывать, маршал не перестает утомлять неприятеля блестящими вылазками.

«Генералу Бурбаки удалось вырваться и его сношения с делегацией Тура, принятие им важного командования, достаточно ясно указывают на лживость известий, которые мы смело предаем негодованию всех честных людей» *).

На следующий день 29, декларация правительства была напечатана в „Combat“ со следующим примечанием:

«Гражданин Флуранс для блага народа открыл мне план Базена и сказал мне, что знает его прямо от гражданина Рошфора, члена временного правительства национальной обороны

Феликс Пиа» „Le Combat“ 29 окт. 1870.).

Теперь дело шло уже не только о плане Трошию, который, по словам песни, подтвержденным историей, лежал у его нотариуса мэтра Дюклу, но и о плане Базена, состоявшем в том, чтобы отдать все.

Официальная телеграмма, расклеенная в Париже 29-го октября, объявляла с величайшими предосторожностями о взятии Бурже.

Около этого рапорта, подписанного Шмидтом, полицейские могли услышать рассуждения парижан, не особенно благоприятные для правительства.

Некоторые глупцы утверждали, что телеграмма подложна. и друзья порядка поспешили для выигрыша времени начать отстаивать эту смешную мысль. 30-го вечером, новая телеграмма уже описывала бойню под Бурже почти так, как она происходила в действительности.

На следующий день утром мы читали следующую афишу:

«Г. Тьер прибыл сегодня в Париж и немедленно отправился в министерство иностранных дел; он отдал правительству отчет в своей миссии. Благодаря сильному впечатлению, произведенному в Европе

*) Journal officiel du gouvernement, 28 octobr. 1870.

сопротивлением Парижа, чегыре великия нейтральныя державы: Англия Швейцария, Австрия и Италия сошлись на общей мысли Они предлагаю воюющим сторонам перемирие, целью которого будет созыв национального собрания.

«Само собой понятно, что условием такого перемирия, должно быть снабжение всей страны провиантом, согласованное с продолжительностью самого перемирия

«Министр иностранных дел, временно управляющий министерством внутренних дел *Жюль Фавр*».

Далее следовало сообщение о капитуляции Меца и об оставлении Бурже.

«Мы не могли, — говорит Жюль Фавр, в своей «Истории Национальной Обороны», — дальше откладывать обнародование первых двух новостей. Раз уже было объявлено о прибытии г. Тьера, необходимо нужно сказать обществу, что он будет делать в Версали.

«Об эвакуации Бурже в Париже знали уже 30-го утром. Вечером об этом говорил решительно весь Париж. Колебание могло быть относительно Меца; у нас не было официального донесения, но, к несчастью, сомневаться мы не могли. Нам показалось, что мы не имеем права дольше молчать, мы дали бы основание клеветам газеты

Сообразно с этим решением, L'officiel 31-го числа сообщает следующее:

«Правительство только что получило тяжелое известие о сдаче Меца. Маршал Базен и его армия принуждены были сдать после героических усилий, продолжать которые им не позволил недостаток провианта и снарядов. Они взяты в плен.

«Этот жестокий исход трехмесячной борьбы произведет на всю Францию глубокое и тяжелое впечатление, но не ослабит нашего мужества Полный благодарности к храбрым солдатам, к героическому населению, сражавшемуся грудью за отечество, Париж захочет оказаться достойным их и будет поддержан их примером и надеждой отомстить за них».

Наконец, донесение в следующих выражениях описывало погром под Бурже и его оставление.

30-го октября 1 ч 30 м ночи

«Деревня Бурже, расположенная впереди наших постов, занятая нашими войсками, подвергалась вчера в течение целого дня безуспешной канонаде со стороны неприятеля

«Сегодня рано утром, массы пехоты, больше чем в 18 тысяч человек, двинулись с фронта, поддержанные многочисленной артиллерией, в то время, как другие колонны обошли деревню, появившись со стороны Дюньи и Блан-Мениля.

«Часть войск, находившаяся в северной части Бурже, была отрезана от главных сил и осталась в руках неприятеля. Число их еще не определено в известность, оно будет выяснено завтра.

«Деревня Држэ, занятая нами только 24 часа тому назад, была уже оставлена и для приведения ее в состояние обороны не хватило времени.

«Было приказано ее эвакуировать, чтобы не подвергать опасности находившиеся там войска

«Деревня Бурже не входила в нашу общую систему обороны, значение ее было совершенно второстепенное и слухи, приписывающие изложенным событиям большую важность — несомнательны» *).

В таких то выражениях, приправленных придворными оборотами, объявили о катастрофе.

Ничего не осталось от суровых трибунов, боровшихся с империей Они попрятались, как белки, в клетку, где до них сидели другие, бесполезно вертя то же колесо, которое вертели раньше них и будут вертеть после них. Это колесо — власть, которая вечно давит отверженных людей.

III 31-го ОКТЯБРЯ

Вера умерла в урюмых сердцах
Человек, ты лжешь, вы лжете солнце,
небеса
Дуйте, ночные ветры, развейте
Мрачную химеру — честь и доородеть
детей

Виктор Гюго

Известия о поражениях, та непостижимая таинственность, которой окружало их правительство, решимость не сдаваться никогда, вместе с уверенностью, что собираются капитулировать тайком — все это произвело эффект потока воды, падающего в кратер вулкана Люди дышали огнем и раскаленным дымом

*) Officiel 31-10 окт лит Жюль Фавром т I tome Histoire de la défense nationale.

Париж не желал ни сдаться, ни быть сданным; с него довольно было официальной лжи и он восстал.

Так же, как 4-го сентября кричали: «Да здравствует республика», так 31-го октября раздался крик: «Да здравствует Коммуна!»

Люди, шедшие 4-го сентября к палате депутатов, направились теперь к городской думе. Иногда на дороге попадались стада баранов-людей и рассказывали, что прусская армия едва не была разрезана на три части, неизвестно кем, или сожалели, что французские офицеры не знали жаленкой тропиночки, которая привела бы их прямо в центр неприятельских позиций; другие прибавляли к этому: «все дороги у нас в руках». Знаменитые три части — это были три немецкие армии, которые и владели всеми дорогами.

Несколько дураков, подстрекаемых шпионами, продолжали горланить перед правительственными афишами, что это подложные телеграммы, сфабрикованные Феликсом Лиа, Рошфором и Флурансом, чтобы посеять смуту и раздор перед лицом врага. С самого начала и в продолжение всей войны это был клич, который должен был ослаблять сопротивление и останавливать все благородные порывы.

Толпы народа шли по тому же направлению к городской думе; наступая со всех сторон, сие мяли шпионов и крикунов. Людское море росло. Национальная гвардия толпилась перед решеткой; перед толпой носили плакаты:

Не надо перемирия!

Коммуна!

Борьба на смерть!

Да здравствует Республика!

Толпа аплодировала и временами, как бы чуя врага, издавала громовые крики. «долой Тьера!» Казалось, что это был голос смерти. Многие из тех, кто был раньше обманут, кричали громче других: «измена, измена!»

От первой посланной депутации вежливо отделались обыкновенными уверениями, что Париж никогда не будет сдан.

Трошю попытался произнести речь, утверждая, что теперь остается только побить и прогнать пруссаков единением и патриотизмом. Ему не дали продолжать, и, как 4-го сентября, неся к небесам один крик: «да здравствует Коммуна!»

Какой-то могучий толчек бросает манифестантов к думе, где на

лестницах были расставлены подвижные бретонские гвардейцы. Лефрансе клином врезывается в них, а старик Белэ, подняв к себе на плечи Лекура, члена синдикального союза переплетчиков, пропускает его через небольшое окошечко, находившееся около главных дверей; воловьяги Тибальди бросаются туда, двери распахиваются настежь и поглощают такую массу народа, какая только в состоянии войны.

В огромной зале, вокруг стола сидели Трошю, Жюль Фавр и Жюль Симон, у которых народ сурово требует объяснений трусости правительства.

Трошю, постоянно прерываемый криками негодования, объясняет, что для Франции, при таких обстоятельствах, было выгодно очистить позиции, занятые накануне немецкой армией. Упрямый бретонец продолжал говорить, не взирая ни на что, как вдруг он побледнел. Ему только что передали бумагу, на которой были написаны народные требования:

Низвержение правительства!

Коммуна!

Борьба на смерть!

Не надо перемирия!

— Это конец Франции, — сказал Трошю тоном глубокого убеждения.

Он понял, наконец то, о чем ему твердили не переставая, в течение нескольких часов — низвержение правительства национальной обороны.

В эту минуту Трошю снял с себя орден и передал его одному офицеру подвожной бретонской гвардии.

— Это сигнал! — крикнул Чиприани, спутник Флуранса.

Почувствовав, что его разоблачили, Трошю оглянулся кругом. Революционеры начинали собираться в большом количестве и он, как будто, успокоился.

Члены правительства удалились на совещание и, по их просьбе, Рошфор согласился объявить о назначении выборов в Коммуну, потому что остальным никто уже не верил. Он подошел к окну, передал народу обещание правительства и положил свое заявление об отставке на стол. Революционеры сейчас же увели его в Белльвиль, куда, по их словам, его требовали. Около Трошю сгруппировались бретонцы, глупые и упрямые, как он, оберегавшие его точно мадонну в приморских степях Бретани. Они ждали его приказаний, но Трошю их не отдал.

Тем временем несколько членов правительства, пользуясь довер-

чивостью Фтуранса и национальных гвардейцев, вышли под различными предложениями и хорошо воспользовались временем, чтобы подготовить измену. Пикар приказал бить сбор и 106-й батальон национальной гвардии, составленный исключительно из реакционеров, под командой Ибо, храбрость которого была достойна лучшего применения, подошел к решетке городской думы.

Так как 106-й батальон кричал: «да здравствует Коммуна!», то его пропустили.

Скоро городская дума была окружена 40 тысячами войск и Жюль Ферри заявил, что так условия заключены, то во избежание конфликта, отряды Флуранса должны удалиться.

Капитан Греффье, который был не так наивен, как другие, арестовал Ибо, но Трошо, Жюль Фавр и Жюль Ферри дав снова честное слово, что будет назначена Коммуна, обещали кроме того, что свобода будет гарантирована всем, независимо от исхода событий.

Оставшиеся в думе члены правительства столпились в амбразуре окна, откуда был виден выстроенный 106-й батальон.

Тогда Милльер, подозревая возможную измену, хотел призвать национальную гвардию предместий, но Флуранс отказал, говоря, что раз дано честное слово, то это совершенно лишнее подозрение. Милльер присоединился к его мнению и отправил назад свой батальон, который было выстроился на площади.

Толпа успокоилась, читая расклеенную афишу, объявляющую о назначении Коммуны, путем выборов; те, кто с полной верой вернулись домой, с изумлением узнали на следующий день о новой измене правительства.

Ферри, присоединившийся к Пикару, вернулся во главе массы войск, которые выстроились в боевом порядке.

В то же время подземным ходом, соединявшим городскую думу и казармы Наполеона, подошли новые подкрепления из подвижных бретонских гвардейцев. Трошо приказал и они шли:

«Господин Шаретт сказал нам:

Идите все, надо биться с волками».

Для успеха ловушки газ был потушен, и бретонцы со штыками наперевес двигались по подкопу, пока батальоны правительства, предводительствуемые Жюлем Ферри, входили через решетку.

Бланки, не подозревая, что можно так изменить своему слову, приказал Констану Мартену поместить в мэрии 1-го округа доктора Пило, вместо мэра Тенайль-Силиньи. У дверей мэрии солдат взял ружье

на перевес. Констан Мартен отбросил ружье и вошел с своими друзьями в зал заседания. Мелин в ужасе побежал за мэром, испугавшимся не меньше его. Он передает посланцам Бланки печати и кассу. Но вечером мэрия была взята обратно. Флуранс и старик Тамизье прошли между двумя рядами солдат; Бланки и Милльер вышли тоже, потому что правительство не осмелилось сразу показать свое презрение к собственному честному слову; в тот же вечер 31-го октября состоялось на бирже собрание офицеров национальной гвардии, для обсуждения событий последних трех дней.

Снаружи раздался крик: «офицеры по местам!» и какой-то человек с белой афишей в руках вбежал в залу. Афиша заключала в себе декрет о созыве на следующий день для назначения Коммуны.

— Да здравствует Коммуна! — крикнули присутствовавшие национальные гвардейцы.

— Революционная Коммуна, назначенная толпой была бы лучше, — послышался чей-то голос.

— Все равно, — вскричал Рошбрюн, — лишь бы она дала Парижу защищаться от нашествия.

Он высказал тогда ту же мысль, которую несколькими неделями раньше выражал Люлье, именно, что осаждающие Париж смогут сосредоточить на каждом пункте не более нескольких тысяч человек, которые легко могут и должны быть разбиты массой в 200 тысяч, сделавшей вылазку.

Раздались крики восторга; хотят назначить Рошбрюна начальником национальной гвардии, но он говорит:

— Сначала Коммуну.

Вдруг другой, только что пришедший человек, бросается к трибуне. Он рассказывает, что 106-й батальон освободил правительство, что афиша жет, что правительство национальной обороны жет, что теперь, больше чем когда-либо, Трошо определяет по своему плану передвижения и порядок поражений и что Париж должен больше всего остерегаться, чтобы его не сдали неожиданно. Кричат: — «да здравствует Коммуна!»

Какой-то толстяк, который, неизвестно зачем ждал на площади, подходит к национальным гвардейцам и старается выразить свое мнение.

— Всегда нужно начальство, — говорит он, — и всегда нужно правительство, чтобы вести вас.

Это, вероятно, оратор реакции; есть много другого дела, чем слушать его.

Да, афиша солгала, правительство солгало. Парижу не была дана Коммуна.

Все, которых приветствовали накануне, отдавались под суд. Бланки, Милльер, Флуранс, Жаклар, Верморель, Феликс Пиа, Лефрансэ, Эд, Левро, Тридон, Ранвье, Радуа, Тибальди, Гуниль, Пилло, Везинье, Режер, Сириль, Морис Жоли, Эжен Шателен.

Некоторые из них сидели уже в тюрьме. Феликс Пиа, Везинье, Верморель, Тибальди, Гумпль, Тридон, Ранвье, Жаклар, Бауэр были уже арестованы. Тюрьмы наполнялись, и кроме революционеров в них, как всегда, попало довольно много людей, ничего не сделавших, арестованных по ошибке. Эти жалкие люди на ролях статистов, попадают во всяком возмущении. Иные узнают здесь, почему существуют на свете революционеры.

Дело 31-го октября было с соблюдением всех формальностей написано судьями, состоящими на службе у правительства национальной обороны, как покушение, целью которого было возбудить гражданскую войну, вооружив одних граждан против других; к этому еще присоединилось произвольное лишение свободы, сопровождаемое угрозами.

— Неужели это империя возвращается? — говорили наивные люди. В действительности, она никогда и не уходила, законы ее не умерли. Наоборот, они еще усилились, но когда буря встречает преграду, она раздражается еще сильнее.

Судьи, которым передали дело 31-го октября, были: Казене, бывший судьей при империи, и прокурор республики Анри Дидье. Генеральным прокурором был Леблон (тот самый Леблон, который защищал когда-то одного из подсудимых перед высшим судом в Блуа; правда, что он почти отказался от своей роли, говоря, что он только поверенный Жюль Фавра и Эманюэля Араго).

Префект полиции Эдмонд Адам, не желая производить предписанные аресты, подал в отставку.

А в городской думе подвижные бретонские гвардейцы с их голубыми глазами, устремленными в пространство, спрашивали себя, скоро ли в Трошю освободит Францию от преступников, натворивших столько бед, чтоб они могли снова увидеть море, с гранитными скалами, твердынями, как их собственные черепа, степи с реющими птицами, и чтобы снова можно было плясать в прощенные дни бретонских праздников.

IV. 31-го ОКТЯБРЯ — 22-го ЯНВАРЯ.

Вот они, одетые в саван империи
Хоронят себя и Францию.
И этот карант, этот фаталистический
гном
Своими уродливыми пальцами сшивает
страшную завесу
Л. М.

Да, это действительно была империя! Полные тюрьмы, страх и доверие, поражения, превращенные на бумаге в победы!

Вылазки запрещены; имя старика Бланки, обращенное в своего рода пугало для действия на человеческую глупость.

Генералы, медлившие так перед неприятелем, спешат грозить народу.

На горизонте — июнь и декабрь еще более страшные, чем пережитые.

Жюль Фавр, которого трудно обвинять в ступлении красок в пользу революции, так описывает положение дел в армии:

«Генерал Дюкро, занимавший (31-го октября) ворота Майо, узнав о неудаче правительства, не стал ждать распоряжений, приказал своим войскам вооружиться, запретить пушки и двинуться к Парижу; он отступил только тогда, когда все было кончено».

На этот раз Дюкро не опоздал, правда, дело шло о народе.

В той же книге Жюль Фавр говорит о теориях Трошю относительно покинутых позиций:

«Что касается потери Бурже, то генерал заявил, что она не имеет никакого боевого значения и что население Парижа заволновалось совершенно напрасно.

«Деревня была занята без приказаний и даже вопреки общей системе, принятой парижским правительством и комитетом обороны: все равно позицию пришлось бы очистить» *).

Это был тот Жюль Фавр, который так смело говорил во времена империи: «Этот процесс можно рассматривать, как осколок разбитого зеркала, в котором страна видит себя вся» (дело шло о подкупности императорского режима). Но нет человека, который устоял бы перед соблазнами власти. Он должен пасть.

*) Jules Favre. Hist. de la Défense nationale, 1-e volume.

Сентябрьская республика держалась плебисцитом. Всякий плебисцит, благодаря запуганности и невежеству, всегда дает большинство противное праву, т.-е. благоприятное правительству, которое этот плебисцит устраивает.

Солдаты, матросы, люди, укрывшиеся в окрестностях Парижа — голосовали по военному, может быть к ним присоединили еще 300 тысяч парижан, воздержавшихся от голосования, так что в результате правительство национальной обороны получило 321,373 положительных ответа.

Слухи о победах не прекращались. Генерал Камбриель совершил столько подвигов, что не верили ни одному.

Ходила легенда, что преступники 31-го октября унесли из городской думы серебро и государственные печати.

После плебисцита 3-го ноября правительство объявило, что оно исполнит свои обещания и приступит к муниципальным выборам.

Тем временем обвиняемые 31-го октября все еще сидели по тюрьмам. Но когда они, три месяца спустя, предстали перед военным судом, пришлось оправдать всех присутствовавших. Обвинение их «во вражде к империи» падало само собой, раз уверяли, что мы живем в республике.

О Констане Мартен на сей раз позабыли и спохватились 26 лет спустя.

Часть обвиняемых была выбрана, в знак протеста, в разных частях Парижа.

Республиканские мэры и их товарищи были избраны вновь.

В разных мэриях были выбраны мэрами или товарищами: Ранвье, Флуранс, Лефрансэ, Дерер, Жаклар, Мильер, Малон, Пуарье, Элигон, Толэн, Мюра, Клемансо, Лафон. (Ранвье, Флуранс, Лефрансэ, Мильер и Жаклар все еще сидели в тюрьме). Монмартр, Бельвиль, их мэрии, наблюдательные комитеты, клубы, жилтели — были пугалом для людей порядка.

В народных кварталах, обыкновенно, не очень много думали о правительстве; они шли за свободой, — она не капитулирует.

В наблюдательных комитетах собирались люди, безусловно преданные революции, как будто заранее обещанные смерти. Там мужество снова подкреплялось. Там чувствовали себя свободными, обозревая разом и прошлое, не слишком подражая 93 году, и будущее, не боясь неизвестности. Сюда шли по влечению характеры, гармонировавшие вместе, энтузиасты и скептики, все фанатики революции, прекрасной, идеально великой.

Когда собирались в № 41, шоссе Клиньянккур, где согревались больше огнем идей, чем дровами или углем и только в важных случаях, когда надо было принять делегата, бросали в камин стул или словарь, то оттуда трудно было уйти.

Все приходили к 5 или 6 часам, резюмировали работу, сделанную за день, обсуждали, что надо сделать завтра; разговаривали и, оттягивая время до последней минуты, каждый в 8 часов уходил в свой клуб.

Иногда несколько человек отправлялись вместе в какой-нибудь реакционный клуб для республиканской пропаганды.

Свои лучшие дни во время осады, я провела в наблюдательном комитете Монмартра и в клубе «Отечество в опасности». Там жили немножко впереди других и радовались, чувствуя себя в своей среде во время напряженной борьбы за свободу.

В некоторых клубах председательствовали члены наблюдательного комитета, в клубе Рен Бланш — Бюро, в другом Авронзар, в зале Перо-Ферре и в клубе „Justice de paix“ («Справедливость мира») — я.

Эти два последние клуба революции называли „district des Grandes Carrières“, («Округ больших каменоломень»), название особенно неприятное людям, усматривавшим в нем следы 93 года.

Под словом «председательствовать» понимали тогда не исполнение почетной функции, но принятие на себя ответственности перед правительством, что выражалось в отбывании тюремного заключения и в обязанности оставаться на своем посту, охраняя свободу собрания, несмотря на то, что батальоны реакционеров подходили к самому бюро, оскорбляли ораторов и грозили им.

Я, обыкновенно, клала перед собой на стол маленький, старый пистолет без собачки; я оставляла его на виду; схватывая его в надлежащий момент, я не раз останавливала появлявшихся друзей порядка, которые начинали стучать своими ружьями со штыками.

Клубы Латинского квартала и народных округов были между собой в полном единомыслии.

Один молодой человек говорил 13-го января на улице Арраса:

«Положение отчаянное, но Коммуна будет взывать к мужеству, к науке, к энергии, к молодежи. Она отразит пруссаков с непобедимой энергией, но пусть они признают социальную республику, мы протянем им руку и отметит эру счастья народов».

Несмотря на настойчивость, с которой Париж требовал вылазки, правительство только 19 числа согласилось разрешить национальной гвардии попытаться взять обратно Монтрету и Бюзенваль.

В начале эти позиции были захвачены, но люди, увязнув в жидкой грязи, не смогли втащить на холмы орудия, почему им и пришлось отступить.

Там полегли сотнями, храбро отдавая свою жизнь, дети народа — национальные гвардейцы, артисты, молодежь.

Земля впитала в себя кровь этой первой парижской гекатомбы; придет время и она пресытится.

Предоставим Чиприани, служившему в 19-м полку, под командой Рошбрюна, рассказать о сражении при Монтрету.

«18-го утром. — говорит он, — мы покинули Париж и вечером стали лагерем в окрестностях Монтрету.

«19-го в 5 часов утра мы выступили, проглотив кусок хлеба и выпив стакан вина. В 7 часов мы вступили в цепь.

«Битва шла уже два часа.

«Рошбрюн поспешно направился в самый центр боя; один батальон, под командой де-Булена оставался на ферме Фульез, две роты стояли у павильона Шэны, остальная часть полка отважно кинулась вперед. Сражение продолжалось еще два часа. Тогда Рошбрюн, обернувшись ко мне, сказал:

— Отправляйтесь за батальоном, оставшимся на ферме Фульез.

«Явившись туда, я передал приказание маюру де-Булен.

— Для выступления мне нужен приказ главного командира, — отвечал он.

— Как, — сказал я, — этого требует ваш полковник, потому что, по ходу боя, это необходимо, и вы отказываетесь.

— Не могу, — был ответ.

«Пришлось вернуться с этим подлым ответом к Рошбрюну. Услышав его, Рошбрюн от гнева стал кусать себе руки с криком: — всюду измена! — Потом он смело взобрался на стену, и приказал следовать за собой, но в ту же минуту упал, смертельно раненный.

«Я участвовал в нескольких сражениях, но никогда не видал солдат в такой опасности, в какой были храбрые национальные гвардейцы в этот день 19-го января.

«С фронта их осыпали снарядами пруссаки, с тыла Мон-Валерьян, который направлял на нас все свои гранаты, думая, что обстреливает неприятельскую армию.

«Там засел хваленый губернатор Парижа, «который никогда не спается».

«Справа нас бомбардировала еще одна французская батарея, стоявшая у Рюйеля, которая как-то умудрилась принять нас за пруссаков. Несмотря на все это, никто не покинул своего места, и те, у кого больше не было патронов, брали их у мертвых.

«В 4 часа дня, после девятичасового сражения, пришел от Дюкро приказ отступить.

«Мы отказались и продолжали перестрелку до 10 часов вечера. Можно было продолжать дело еще дольше, потому что отретировавшиеся пруссаки не имели, очевидно, ни малейшего желания на нас напасть. Таким образом, если бы не измена или глупость наших генералов, 19-го января брешь была бы пробита, Париж и Франция освобождены. Трошю, Винуа, Дюкро и tutti quanti (все прочие) этого не пожелали. Победоносная республика отодвинула бы далеко в прошлое все надежды империи и раз навсегда доказала бы полную неспособность генералов Наполеона III. Для реставрации *) империи необходимо было крушение республики; в этом направлении и сделали попытку.

«В продолжение всего сражения под Монтрету, я видел Дюкро, спрятавшегося за стеной; рядом с ним стоял священник, а у их ног лежал негр, которому снесло голову гранатой с Мон-Валерьяна.

«Этот бой стоил жизни нескольким тысячам людей.

«К 11 часам вечера остатки 19-го полка начали отходить к Парижу, для похорон Рошбрюна.

«Известие о поражении под Монтрету до того взволновало парижан, что храбрец Трошю не решился больше показаться; его место занял Винуа.

«На следующий день 20-го января, нас созвали на бульвар Ришар ле-Нуар, чтобы присутствовать на похоронах нашего бедного друга Рошбрюна.

«Всюду можно было слышать, что пора, наконец, избавиться от тех, кто вплоть до этого дня продавал Францию.

«Предлагали взять тело Рошбрюна и двинуться к городской думе. Времени было слишком мало, чтобы известить гарибальдийцев, членов республиканской лиги и Интернационала, рассеянным по всем батальонам национальной гвардии; горсть решительных людей, правда, была на месте, но ее было слишком недостаточно, тем более, что все, кому толпа доверяла, сидели в тюрьме.

*) Восстановления. — О. Б.

«Таким образом, похороны Рошбрюна прошли без всяких инцидентов, если не считать того, что я видел Булена, который заметив меня, хотел пожать мне руку, и называл меня храбрецом; я отказался от этого комплимента и ответил ему:

— Возможно, но вы этого не знаете, потому что вы спрятались; вы предатель.

«Чтоб покончить рассказ об этом негодяе, скажу, что через несколько дней я встретил его снова. К моему великому изумлению, я увидел, что он украшен орденом почетного легиона и произведен в полковники. Это было наградой за его измену. Орден получил еще один герой, капитан Д., даже не показавшийся во все время боя.

«Вот единственные два труса, которых я видел под Монтрету. Оба были сделаны кавалерами ордена почетного легиона.

Амилькар Чиприани».

Под Монтрету был убит, между прочим, Гюстав Ламбер, который, за несколько времени до войны, организовал экспедицию к северному полюсу через Берингов пролив.

В это время сильно интересовались полюсами. В 70 г. поднимался вопрос о попытке достигнуть полюса на воздушном шаре.

В том же 70—71 г. должны были отправиться три путешественника, все разными путями — американец, англичанин и француз.

Только последний, Ламбер не поехал. Эти увлекательные экспедиции встречали в нашей среде восторженных сторонников. Теперь тоже подготавливаются подобные путешествия. Отправляются опять трое: американец Пири, англичанин Джексон, норвежец Янсен.

Другой норвежец Нансен, только что возвратившийся, рассказывает о своей экспедиции на несокрушимом корабле «Фрам». И как 25 лет тому назад, многие из нас мечтают о той поре, когда среди великого мира человечества, земля будет исследована, наука доступна всем, когда корабли будут рассекают воздух или скользить под водой, среди коралловых рифов, подводных лесов, скрывающих так много неизвестного, когда стихии будут покорены и суровая природа смягчена тем свободным и разумным существом, которое придет нам на смену.

Часто в глубине моей мысли проносятся имена деятелей революционного клуба; это вызываются призраки, но видеть вечный прогресс — значит в течение нескольких часов жить вечной жизнью.

V. 22-го ЯНВАРЯ.

Правители точат свой меч
И строят свои эшафоты,
Добрый человек,
Добрый человек.
Точи как следует свою косу.

Вечером, 21-го января, делегаты всех клубов собрались в Рен-Бланш и Монмартре, чтобы принять последнее решение, пока еще не наступило окончательное поражение.

Отряды национальной гвардии, возвращаясь с похорон Рошбрюна, отправились к Рен-Бланш, восклицая на всем пути: «Низложение». Национальные гвардейцы предместья условились явиться в полном вооружении на следующий день в 12 часов на площадь перед городской думой.

Их должны были сопровождать женщины, чтобы протестовать против последнего отобрания хлеба. Этому соглашались подчиниться, но для борьбы за освобождение. В знак протеста я решила взять свое ружье, по примеру товарищей. Мера унижений и оскорблений переполнилась и противников завтрашнего собрания, для предъявления правительству требований не нашлось.

— Хлеба хватит только до 4-го февраля, — заявило правительство, — но сдачи не будет, если бы даже пришлось умереть с голоду или похоронить себя под развалинами Парижа.

Делегаты Батиньоля обещали привести с собой к городской думе мэра и его товарищей, украшенных знаками их достоинства.

Делегаты Монмартра сейчас же отправились в свою мэрию. Клемансо не было, но товарищи его обещались придти и действительно явились.

Между наблюдательными комитетами, делегатами клубов и национальной гвардией состоялось общее соглашение.

Заседание открылось при криках: «да здравствует Коммуна!»

Днем, 21-го января, Анри Плас, известный тогда под своим псевдонимом Варле, Чиприани и еще несколько членов группы бланкистов, отправились в тюрьму Мазас, и Греффье попросил разрешения повидаться с одним сторожем, которого он знал, когда сидел в тюрьме.

Греффье пропустили вместе с его спутниками; он заметил, что у главной входной двери стоит только один человек.

Направо от этой двери была другая, небольшая стеклянная, где днем и ночью дежурил сторож и через которую проходили в тюрьму.

Напротив — гауптвахта, занятая национальными гвардейцами из партии порядка: это был пост. Дойдя до середины и равнодушно разговаривая со сторожем; он спросил его, где сидит старик. Таково было дружеское прозвище Гюстава Флуранса, и давно уже так называли Бланки, теперь настоящего старика.

— Корridor Б, камера 9, — наивно ответил сторож.

Действительно направо шел корridor, обозначенный буквой Б.

Заговорили о другом и вышли, рассмотрев все, что было нужно.

Вечером, в 10 часов, на улице Курон в Белльвилле в назначенном месте собралось 75 вооруженных человек.

Этот маленький отряд, зная пароль, разыгрывал из себя патруль, отвечая другим патрулям, которые могли встретиться им на пути. Капрал с двумя солдатами осмотрел их и пропустил.

Нападение могло удалиться только при большой быстроте.

Первые двенадцать человек должны были обезоружить часового, четверо следующих захватить сторожа и открыть маленькую стеклянную дверь.

Тридцать других должны были броситься на гауптвахту, стать между ружейными козлами и походными кроватями, на которых спали гвардейцы и навести на них ружья, чтобы помешать им сделать хотя бы малейшее движение.

Остальные 25 должны были подняться до середины тюрьмы, арестовать шестерых сторожей, заставить отпереть камеру Флуранса, посадить их туда, поспешно спуститься вниз, запереть на ключ стеклянную дверь, выходящую на бульвар и удалиться.

Этот план был исполнен с математической точностью.

«Только начальник тюрьмы слегка запрямылся, — говорил Чиприани, — но когда к лицу его приставили револьвер, он уступил и Флуранс был свободен».

После Мазаса, маленькая группа, начавшая триумфом, отправилась в мэрию 20-го округа, где Флуранс был недавно выбран в товарищи мэра; они ударили в набат и в количестве 20 человек провозгласили Коммуну; но никто не отозвался, подозревая, что это новая ловушка партии порядка.

В городской думе шло ночное заседание членов правительства, их можно было арестовать.

Флуранс из своей тюрьмы не оценил всей важности революционного движения и настаивал, что народа слишком мало.

Но разве первый смелый план не увенчался успехом? Отчаянная решимость действует на силу, как праща на выпускаемый камень.

На следующий день 22-го, по Парижу была расклеена неистовая афиша Клемана Тома, заменившего Тамизье, как командира национальной гвардии.

Эта афиша об'являла революционеров вне закона; о них говорилось как о виновниках смут и все люди порядка призывались к их уничтожению.

Афиша начиналась так:

«Вчера вечером горсть бунтовщиков взяла приступом тюрьму Мазаса и освободила своего начальника Флуранса».

Дальше шли ругательства и угрозы. Взятие Мазаса и освобождение Флуранса привело в ужас членов правительства; готовясь увидеть второе издание 31-го октября, они прибегли к Трошю, который наводнил городскую думу своими бретонцами, под командой Шодэ, известного своей ненавистью к Коммуне.

В 12 часов громадная толпа, большей частью безоружная, наполнила площадь перед городской думой.

У многих национальных гвардейцев были ружья без патронов: Монмартрцы были вооружены.

Молодые люди, поднявшись на фонари кричали: «Низложение!» Мелькала курчавая голова возбужденного Бауэра. По временам раздавался крик. Все кто обещал, и те кто ничего не сказал, были на месте; пришло очень много женщин: Андре Лео, Блен, Экскофон, Пуарье, Донге.

Национальные гвардейцы, которые не запаслись патронами, начинали об этом жалеть.

Предстоял «жаркий день». Сомневаться в этом было невозможно. Что же будет завтра? Городская дума еще накануне была набита мешками с землей. Подвижные бретонские гвардейцы, наполнявшие думу стояли у амбразур окон и смотрели, устремив на нас свои голубые глаза с свинцовым отливом. Лица их были бледны и неподвижны.

Для них начиналась охота на волков.

«Господин Трошю сказал людям из Ансени:

«Братцы,

Король восстановит дилию» *).

*) Дилия была в королевском гербе старой Франции.—О. Б.

Как и 31-го октября толпа все прибывала.

За решеткой перед фасадом стояли гвардейский подполковник Леже и комендант думы Шодэ, который был на подозрении: «Те, кто сильнее, — сказал он, — расстреляют других».

Правительство располагало большими силами.

Были отпущены депутаты, чтобы заявить, что Париж подтверждает еще раз свою волю; не сдаваться ни за что, и что он ни под каким видом не хочет, чтоб его сдали. Они напрасно требовали приема, все двери были закрыты. Бретонцы по-прежнему стояли у окон. Городская дума в эту минуту напоминала корабль, с открытыми отверстиями для пушек.

Человеческие волны сначала сильно расходились, затем они застыли в ожидании.

Никто не сомневался, как примет правительство тех, кто не хотел сдачи, которая привела бы с собой Баденга на буксире у Вильгельма, или была бы только позором. Это было слишком много.

Вдруг, в городскую думу вошел Шодэ.

Говорили, что он отдаст приказ стрелять по толпе. Тем не менее пытались проникнуть за решетку; там стояли офицеры и встречали народ бранью.

— Вы не знаете, что вас ожидает за противодействие воле народа, — сказал оскорбителям старик Мабель, один из стрелков Флуранса.

— Плевать мне на это, — возразил офицер, только что выкрикивавший площадные ругательства и направил свой револьвер на соседа Мабеля, который с своей стороны бросился к нему.

Через несколько секунд после того, как Шодэ вошел в думу, раздался звук, похожий на удар рукоятью шпата об дверь, затем грянул одиночный выстрел. Меньше, чем через секунду сосредоточенный залп опустошил площадь.

Шум пуль был похож на треск градинок в летнюю грозу. Те, кто были вооружены, стали отвечать. Бретонцы стреляли хладнокровно, не останавливаясь, — пули их пронизывали человеческие тела; кругом падали прохожие, любопытные, мужчины, женщины, дети.

Некоторые национальные гвардейцы впоследствии признались, что стреляли в стены, а не в тех, кто уничтожал нас, стоя за окнами.

Действительно, на стенах остались следы пуль.

Я не была в числе таких стрелков, потому что если поступать та-

ким образом, то это было бы нескончаемое поражение, с горами трупов, с постоянными страданиями, или даже предательство.

Стоя перед этими проклятыми окнами, я не могла оторвать своего взора от этих бледных лиц дикарей, которые без всякого волнения, совершенно машинально стреляли в нас, точно в стаю волков. Я думала: «настанет день, когда вы будете с нами, разбойники, — потому, что вы убиваете, но вы верите; вас можно обмануть, вас нельзя подкупить, нам нужны те, кто не продается». И в уме моем пронеслись рассказы моего старого деда о том времени, когда беспощадно бились герои с героями, когда крестьяне Шаретта, Кателино, Ларошжаклена сражались с войсками республики.

Рядом со мной, перед окнами были убиты: высокая женщина в черном, похожая на меня, и сопровождавший ее молодой человек. Мы никогда не узнали их имен и никто не имел об них понятия.

Два высоких старика спокойно стреляли, стоя на баррикаде, на улице Виктория; они напоминали две статуи Гомеровских времен. Это были: Мабель и Малезье. Эта баррикада, образовавшаяся из опрокинутого omnibusа, некоторое время выдерживала огонь городской думы. Когда Чиприани с Дюссольи и Сапиа, проходил по улице Виктория, ему пришлось в голову остановить часы городской думы; он выстрелил в циферблат и разбил его; было пять минут пятого. В ту же минуту Сапиа был убит пулей в грудь.

У Анри Пласа была перебита рука, но, как всегда, большинство жертв состояло из невинных людей, случайно попавших под пулю.

Шальные пули убивали проходивших по соседним улицам.

Продержались, сколько было мыслимо, стреляя из-за небольших построек, находившихся на углу площади, против фасада, потом пришлось уйти.

Когда первый раз защищаешь оружием свое дело, то проникаешься борьбой до того, что кажется сам обращаешься в снаряд.

Вечером мы увидели Малезье, в его длинном сюртуке, простреленном пулями, на подобие мишени.

Дерер который, несколько мгновений, занимал один двери городской думы, вернулся в мэрию Монмартра, опоясанный, как всегда, своим красным шарфом.

— Много свинцу надо, чтобы убить человека, — говорил Малезье. — старый борец июньских дней.

Для него действительно понадобилось много. Все пули кровавой не-

дели пролетели мимо него, так что вернувшись из ссылки, он застрелился сам: буржуа нашли его слишком старым для работы.

Преследования, по поводу 22-го января, начались немедленно.

Правительство по-прежнему клялось, что не сдастся ни за что и попыталось заставить замолчать наблюдательные комитеты, союзы и клубы. Тогда все сделалось клубом; улица стала трибуной, камни мостовой зашевелились. Было отдано 2000 приказов об арестах, но удалось произвести только несколько немедленных задержаний, мэрии отказывались, говоря, что это значит вызвать бунты.

Часто задавали себе вопрос, почему из всех членов правительства ни один не оказался на высоте положения. Особенное отвращение вызывал в парижанах Жюль Ферри своей возмутительной двуличностью.

На следующий день он приказал расклеить следующее лживое сообщение:

Мэрия Парижа, 22-го января, 4 ч. 52 м. веч.

«Несколько взбунтовавшихся национальных гвардейцев 101-го батальона, попытались овладеть городской думой, стреляли в офицеров и тяжело ранили полкового адъютанта подвижной гвардии; войска отвечали; городская дума расстреливалась из окон противоположных фасаду домов, занятых заранее.

«В нас бросали бомбы и стреляли разрывными пулями; нападение с самого начала было вероломное и гнусное, потому что около 700 ружейных выстрелов было дано в полковника и офицеров, провожавших только что допущенную в думу депутацию; не менее трусливо было это нападение и впоследствии, когда после первого залпа, площадь опустела и мы, прекратив огонь, подверглись расстреливанию из противоположных окон.

«Раз'ясните хорошенько все это национальным гвардейцам и сообщите мне все ли пришло в порядок.»

«Республиканская гвардия и национальная гвардия занимают площадь и выходы.

Жюль Ферри».

Один писатель, сочувствующий правительству, национальной обороны и знающий образ мыслей буржуазии, делает где-то следующее, лишенное всяких украшений, признание по поводу репрессий 22-го января:

«Пришлось ограничиться заочным приговором к смерти Гюстава Флуранса, Бланки и Феликса Пиа» *).

*) *Sempronius, Histoire de la Commune, Decembre, Alonier.*

Понял ли Жюль Фавр, что отнять у Парижа оружие было бы бесполезной попыткой и привело бы только к несомненной революции или у него осталось настолько чувство справедливости, что он считал необходимым для национальной гвардии его сохранить, но только вопроса о разоружении гвардии никогда не поднималось, хотя сообщение Фавра от 28-го января объявило о перемирии, против которого Париж постоянно восставал. Это был верный признак сдачи и только день вступления неприятельской армии в преданный город оставался неизвестным.

Те, кто так долго утверждали, что правительство не сдастся ни за что, что Дюкро вернется только победителем или мертвым, что ни одна пядь территории, ни один камень крепостей не будут отданы врагу, увидели, что их обманули.

Вот как обращались с арестованными 22-го января и с теми, которых перевезли в Венсен и поэтому не могли освободить вместе с Флурансом.

— Несчастные, — говорит Лефрансэ, — перевезенные в Венсен пробыли там 8 дней без огня. Через окна, находившейся в башне залы, где они были заперты, шел снег. Они лежали как допало на пространстве, приблизительно, 150 квадратных метров и буквально в самой возмутительной грязи.

Один из них, гражданин Тибальди, сидевший в тюрьме за 31-е октября, человек вынесший целый ряд физических и нравственных пыток в Кайенне, где империя продержала его 13 лет, говорил, что никогда не видел ничего подобного.

После Венсена заключенных перевезли в тюрьму Санте, где они в течение 15 дней сидели в нетопленных камерах, по стенам которых текла вода. (Сырость была такая, что белье, простыни делались мокрыми). Наконец их отправили в Пелажи, где они ждали еще два месяца военного суда.

Среди арестованных 22-го января был Делеклюз, которого тоже бросили в этот ад.

Только как редактор закрытого „Reveil“ Делеклюз, 75-ти летний старик, слабый, уже страдающий острым бронхитом, было, почти умирающим, выпущен из тюрьмы; выборы 8-го февраля, послали его в законодательное собрание в Бордо.

Один рабочий, гражданин Мань, был арестован в ту минуту, когда он уходил из мастерской, чтобы вернуться домой.

Он был уже болен и через месяц умер в Пелажи, жертвой примененного к нему режима *).

Вечером, 22-го января был расклеен следующий декрет, закрывавший клубы в Париже:

«Правительство национальной обороны.

«Принимая во внимание, что вследствие преступной пропаганды, очагами которой были некоторые клубы, кучка агитаторов, отвергнутых всем населением, начала гражданскую войну, — что чрезвычайно важно положить конец этим возмутительным махинациям, которые представляют для отечества настоящую опасность, и при продолжении их, грозят опорочить до сих пор незапятнанную честь защиты Парижа, постановляет: клубы уничтожаются до конца осады; помещения, где происходят их заседания, должны быть немедленно закрыты.

«Неповинующиеся будут наказаны сообразно законам.

«Статья 2. Исполнение настоящего указа возложено на префекта полиции.

Генерал Трошю, Жюль Фавр, Эмманюэль Араго, Жюль Ферри».

Пока продолжалась бомбардировка Парижа, у всех сохранялась еще надежда на последнюю борьбу.

Когда после 28-го, огонь прекратился, все почувствовали себя преданными; оставался один исход: умереть, если возмущение не могло победить.

Как! все мертвецы, которые лежат, кто на полях, кто на камнях мостовой, старики; умершие от бедствий осады, все это должно послужить только, чтобы выставить позор народного унижения, и имя республики — только маска?! Всякий республиканец был объявлен врагом республики.

Жюль Фавр, Жюль Симон, Гарнье-Пажес об'езжали департаменты; Гамбетта успел задушить созданные благодаря 4-му сентября Коммуны Лиона и Марселя с той же легкостью, с какой он на следующий день после 14-го августа требовал смертной казни для «бандитов» Виллеты.

*) Lefrançais Etude de mouvement communaliste, 1871.

VI. НЕСКОЛЬКО РЕСПУБЛИКАНЦЕВ В АРМИИ И ВО ФЛОТЕ.

ПЛАНЫ РОССЕЛЯ И ЛЮЛЬЕ.

Несмотря на дисциплину, люди иногда мыслят:
Ум может спастись от каторги казарм.

Л. М.

По условиям капитуляции, выборы в Бордосское собрание назначались на 8-е февраля, и оно должно было собраться для обсуждения условий мира.

Впечатление от этой трусости было такое, что в армии и во флоте некоторые офицеры отказывались, подобно Парижу, признать поражение; их планы были логичны и просты.

Посмертные бумаги Росселя и документы, найденные у Люлье, лишний раз показали, что, даже следуя военной науке, можно было сопротивляться и отразить вторжение.

Вот несколько отрывков:

«Борьба до последней крайности. Борьба до последней возможности, продолжение ее до победы — не утopia и не ошибка.

«Франция обладает еще сейчас громадным боевым материалом и большим количеством солдат.

«Линия Луары, представляющая превосходную позицию, едва затронута; пока Бурж не потерял; но даже если он достанется врагу, то нападение на южные провинции становится затруднительным из-за Овернского хребта, который принуждает неприятеля разделить свои силы между Лионом и Бордо; неудача пруссаков на одной из этих двух линий, освободит обе.

«Наоборот, сопротивление часто имеет большие шансы на успех; вспомните битву при Каннах; завоевание Голландии Людовиком XIV, во главе своих 4 армий, самых сильных в Европе, которыми командовали Тюррен и Конде; вторжение Наполеона в Испанию в 1808 году. Эти три положения были гораздо более безнадежными и подавляющими, оставляли гораздо меньше шансов на почетный исход, чем наше состояние после взятия Парижа.

«Тем не менее во всех трех случаях конец был счастливым, это не случайность, а может быть, результат действия постоянного закона; одно из самых резких его проявлений — это постепенное истощение победоносных армий.

«Армия, которая ведет активную войну, уничтожается даже при полной возможности пополнять свои ряды; полученные подкрепления поддерживают ее численную силу, но не заменяют ни старых солдат, ни офицеров, которых она потеряла.

«Армия Наполеона погибла от недостатка офицеров; то же самое случилось с войском Ганнибала, то же, и еще гораздо скорее, будет с прусскими войсками, не говоря уже о том, что смерть г. Бисмарка или г. Мольтке может унести все.

«Гибель Пирра - победителя не парадокс; часто наступает такой момент, когда в победе уже заложены все семена поражения: такой момент — Канны и Бородино.

«Почему что-нибудь подобное не может случиться и с пруссаками?

«Нужно только ждать удобной минуты, чтобы их изнурить, утомить; не делать им Капуи из наших городов, и никогда не торговаться с ними о выкупе.

«Нам не хватает терпения, мы заключаем мир также неосмотрительно, как мы вели войну; этот народ слишком подвижен и черезчур скептик; 80 лет тому назад можно было его нафантазировать идеями свободы, пропаганды равенства, всемирной демократии. Но кому поверят теперь?»

Это настоящий стиль военного человека, которому приходится бороться с наступательной войной, против дисциплинированной армии. Такой генерал, как Россель, был бы не лишним.

Впоследствии, когда он захотел сделать из национальной гвардии регулярную армию, Россель не оценил всей силы революционного порыва, не понял, что надо торопиться, что времени мало и надо брать количеством. Но в отчаянных положениях каждый должен пользоваться средствами, которыми он владеет. Знакомое оружие — самое лучшее. Россель хорошо знал военное дело и преданные ему люди вынесли бы в этом случае дисциплину.

Россель писал из Невера, разъясняя ошибки, допущенные генералами империи, которых сентябрьская республика удерживала во главе своих армий.

«Военные действия были постоянно неудачны, вследствие неопытности, планы никуда не годились, а генералы были неспособны. Еще может быть один Шанзи обнаружил талант, и то судить об этом можно будет только тогда, когда мы будем знать с какими силами он боролся.

«И этого единственного генерала оставили вне боевого центра.

предоставив ему с недостаточными силами колесить по Бретани и Пуату.

«Гамбетта быстро стал государственным человеком, ему необходимо было стать военным деятелем; это была наша надежда, с той поры, когда запертые в Меце, мы окончательно убедились в ничтожестве наших генералов. Гамбетта не пожелал. Мы повиновались всевозможным подагрикам; они приняли ответственность, рвали на себе волосы от страха и погибли гораздо больше от собственной беспомощности, чем от искусства неприятеля. — Все операции были постыдны.

«Обратное взятие Орлеана произошло из-за пустой ошибки, о которой говорится во всех трактатах о военном деле: она известна под именем концентрации на одном пункте, занятом неприятелем.

«Второе взятие Орлеана тоже находит себе имя среди крупных ошибок: это отступление вразброд. Битва под Амиеном называется пассивной обороной, также как и операции, предшествовавшие отступлению пруссаков от Орлеана.

«Движение Бурбаки на восток никуда не годилось. Держать свою армию, как бы приклеенной к нейтральной границе, открыть всю линию своих операций на протяжении 150 километров — это преступление, которому нет названия в военной науке.

«Если б Гамбетта действовал сам, а не полагался на старого поношенного солдата, который шел с большой неохотой, то задуманное им движение никогда не могло бы превратиться в постыдный погром.

«В этом отношении республика преступна не менее империи, потому что в выборе начальников, она оказалась такой же неумелой.

«Бордосское правительство начнет обвинять парижское — это совершенно справедливо, но если мы будем обвинять и бордосское правительство — это будет не менее правильно.

«Говорить ли о том, насколько организация была недостаточна и как мы расхитили жалкое наследство империи.

«Мы установили различие армии и подвижной гвардии, но мы придумали мобилизацию запасных, распространили мундиры и системы, исключили женатых из национальной обороны, под предлогом, что это разорит страну. Ну, а разве не достаточно ли она разорена теперь?

«И какие бездарные организаторы; они боялись только одного, что надо будет обучать слишком много народу; кого только можно — исключали из набора, не умели ни собрать людей, ни командовать, а прави-

тельство увеличивало работу совершенно ненужным устройством учебных лагерей.

«И все-таки они должны были выполнить известную задачу в определенный промежуток времени. К трудности обучения солдат этому нелегкому делу, прибавилась другая — одновременное устройство массы барачков, при формировке новых корпусов.

«Артиллерия не сумела пожертвовать ни одного гвоздя из своего прочного материала; пушки и лафеты, зарядные ящики и хомуты, правда продержатся 40 лет, но они всегда будут готовы только после войны.

«В виду необходимости быстрых действий, упростили-ли мы наше вооружение? Нет, мы его усложнили введением нарезного ствола. Наши неудачи происходили не от плохого вооружения, а от ряда причин, неизмеримо более глубоких.

«Нарезной ствол хорош для ротозеев. Пусть у нас будут гладкие стволы и постараемся действовать ими как следует. Кавалерия была так же методична, как и артиллерия и так же неспособна на поле сражения» *).

На неудачное, по мнению Росселя, движение к востоку, указывал морской офицер Люлье; горечь поражения привела его в ряды Коммуны, а после дела при Мон-Валерьян где он, полагаясь на честное слово командира этого форта, сделал первую вылазку против версальцев, он стал страдать ужасающими припадками.

Люлье еще 25 ноября 1870 г. отправил в министерство план кампании, в который он глубоко верил: его оставили без ответа.

Интересно проследить теперь как легко было бы, по крайней мере попытаться освободить Париж, который только и желал, героически защищаться. Он предлагал следующее:

I. Целью общих операций республиканских армий должно быть освобождение Парижа. Для достижения этого результата было бы большой ошибкой принять план изолированного, хотя и одновременного движения каждой армии к Парижу; дело в том, что немецкие армии, занимая вокруг него концентрическую позицию, легко могли бы комбинировать свои движения и последовательно задавить по одиночке каждую французскую армию, появившуюся у любого радиуса круга их операций. Наоборот, для наших армий было бы чрезвычайно трудно атаковать

*) Rossel, papiers posthumes recueillis en 1871 par Jules Amigues.

одновременно, принимая во внимание общее распределение сил на театре военных действий.

«Двинуться прямо на Париж — это значит напасть на неприятеля в самом центре его силы, это значит схватить быка за рога.

«С другой стороны, Париж не находится в условиях обыкновенной крепости. В его стенах заключена армия приблизительно в 390 тысяч человек, организация, обучение и вооружение которой совершенствуются со дня на день, скоро эта армия сможет выйти из города и действовать в открытом поле.

«Для освобождения Парижа, достаточно заставить врага отделить на короткое время значительную часть сил, кольцом сжимающих столицу, и отвести их на расстояние, которое дало бы осажденной армии 48 часов срока для общей вылазки: маневрируя в провинции, легко добиться этого результата и частичного освобождения Парижа.

«Каков же должен быть общий план?

II. Собрать все силы, которыми мы располагаем на юге у Лиона: все центральные — у Неверского лагеря; все западные у Тура.

«Отвести к этому городу Луарскую армию и при помощи железных дорог сконцентрировать все эти силы у Лангра.

«Меньше, чем в две недели, можно собрать под стенами этого города, сильной крепости с укрепленным лагерем рядом, армию в 300 тысяч человек. Защищенная справа крепостями Безансоном и Бельфором она может двинуться либо к Шалону через Витри-де-Франсэ, либо между Тулем и Нанси; отдав предпочтение последней, мы уничтожаем линию Мааса, защищенную слабо, да инеспособную к обороне.

«Тем или другим движением армия, собранная у Лангра, прямо угрожает сообщениям неприятеля, которые тянутся по линии в 110 лье от Страсбурга к Парижу через Шалон, Верден и Нанси. Она неизбежно заставит неприятеля частично освободить Париж и отправить значительную часть своих сил к Шалону или Мецу на помощь своей линии сообщений.

«Если Лангрская армия будет разбита — она отступит по дороге из Парижа в Лион, своей естественной линией отступления, которую она в своем движении вперед, не перестает прикрывать; она владеет, как базой Лионом, с его укрепленным лагерем и Дижоном, как местом обороны и снабжения провиантом.

«Таким образом, чтобы ни случилось, цель будет достигнута: грозить сообщениям неприятеля, не открывая своих.

«В то же время северная армия должна обложить Уаз-де-Шаньи в Крейль, затем сконцентрироваться налево, для движения через Реймс к линии сообщения неприятеля и соединиться с Лангрской армией или, смотря по обстоятельствам, сконцентрироваться направо, чтобы через С.-Дени подать руку Парижской армии и содействовать, таким образом, результату предпринятой общей вылазки.

III. Угрожать сообщениям неприятеля, чтобы заставить его выпустить свою добычу и отступить — один из наиболее употребительных военных маневров; опыт военной истории показывает, что даже при посредственном руководительстве, такое движение почти всегда увенчивалось полным успехом.

«В 1800 г. австрийский генерал Мелас действовал на р. Вар против французов.

«Его коммуникационная линия шла через Кони, Александрию и по правому берегу По. Бонапарт с 36 тысячами войск, переходит С.-Бернар и становится на этой линии у Маренго.

«Мелас, которому грозит опасность быть отрезанным от своей базы Майтуи и р. Эч, поспешно концентрирует свою армию у Александрии. Под этим городом он был разбит и перед Меласом открылась альтернатива: засесть в Александрии или подписать договор, который отдал нам Италию.

«В 1812 г. русский генералиссимус Кутузов, проиграв Бородинскую битву и очистив Москву, становится к югу линии сообщений французской армии: Наполеону сейчас же пришлось двинуться ему на встречу; после нерешительной битвы под Мало-Ярославцем, и движения русского генерала на запад, Наполеон принужден внезапно покинуть Москву и едва не был отрезан от своей базы Польши и р. Березины.

«В 1813 г. как только союзники решились предпринять концентрационное движение на Лейпциг, Наполеон должен был оставить свою концентрическую позицию у Дрездена и лететь на помощь своей угрожаемой линии сообщений; после трех битв под Лейпцигом, он принужден поспешно отступить к своей базе Рейну.

«В том же 1813 г. в Испании, едва только английский генерал Веллингтон решился двинуться через Валльядолид на Бургос, король Иосиф и французские генералы, под угрозой оказаться отрезанными от своей базы, Пиренеев, быстро очистили Мадрид и едва не были отрезаны при Виттории.

«В 1814 г. Веллингтон находился в Бордо, готовясь к походу

на Париж, но маршал Султ, принявший начальство над испанской армией, отступил параллельно границе и занял позицию под Тулузой.

«Веллингтон не мог оставить во фланге своей линии сообщений неприятельскую армию, должен был выступить на встречу французскому генералу и дать ему бой под Тулузой.

«В том же 1814 г. после нерешительного сражения при Бар-сюр-Об, Наполеон направился к Сен-Дизье, чтобы броситься на линию немецких сообщений. Хотя у него было всего 75 тысяч солдат, но будь Париж в состоянии продержаться еще две недели, это движение решило бы все.

IV. Таким образом план концентрационного движения нашей Лангрской армии, который можно выполнить с 300 тыс. человек, уже с 15-го декабря, вполне соответствует принципам стратегической науки и результат его, так сказать, гарантирован историей. Кроме того, он согласуется с элементарным здравым смыслом.

«Франция изранена, у нее осталась только одна рука, но она еще в состоянии держать шпагу. Враг, окрыленный успехом, хочет наложить руку на Париж, сумеет ли столица схватить его за эту руку, иначе неприятель нажмет сильнее и сдавит ее.

«Но если столица свободной рукой будет грозить противнику, тот сейчас же выпустит добычу.

«Пруссия захватила Францию от Страсбурга до Парижа и против этого надо бороться всеми наличными силами.

«Для удачной проектируемых операций необходимы два условия:

1. Хранить свои намерения в строжайшем секрете, потом оповестить о них фактами, так, чтобы у врага не было времени для контр-маневров.

«Военное искусство трудно, главным образом, необходимостью скрывать от неприятеля свои планы и в то же время проникать в его намерения.

2. Необходима точная комбинация деталей, ревизия материала, дорог, верное вычисление продолжительности перевозки по железной дороге; необходимое количество боевых припасов и провианта должно быть обеспечено, чтобы не оставить ни одной войсковой части без снарядов или пищи. На войне точное вычисление времени и расстояния — все.

«Лучший план в мире провалится, если один корпус подойдет к месту сражения, опоздав на несколько часов.

«Придя на 4 часа позже, чем следует, он застанет поражение и даже усилит его тяжесть.

«Четырьмя часами раньше, он превратил бы погром в победу.

«Таким образом Франция может и должна спастись войной».

Тур, 25 ноября 1870 г.

Шарль Люлье.

«Франция не спаслась ни войной, ни революцией, но была зарезана как стадо выродками буржуазии, и все-таки будущее принадлежит освободительной революции».

Эти отрывки кажутся старыми, как будто им 1000 лет. Военная наука умирает, потому что исчезает война. Несмотря на все усилия деспотов, ее дергают судороги, как издыхающего зверя, который уже больше не встанет. Но Россель и Люлье были уничтожены событиями, как ночные бабочки пламенем свечи.

Теперь дисциплина сделала свое дело. Но воспитанные ею люди, теряются и падают духом среди свободного полета человечества.

VII. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В БОРДО. — ВСТУПЛЕНИЕ ПРУССАКОВ В ПАРИЖ.

Деревенские горланы, позор Франции!

Пруссаки дали вторую отсрочку до 28-го февраля, и правительство, не доверявшее Парижу, добилось того, что немецкая армия должна была вступить в город только 1-го марта. Трошю подал в отставку, чтобы сдержать свое слово или сделать вид, что он его держит (Парижский губернатор не капитулирует). Трошю был заменен Вишуа, одним из сообщников Паполеона III в деле 2-го декабря.

Париж, как и вся Франция, сотавлял списки кандидатов, намечая их из республиканцев и интернационалистов.

Те, кто еще подходил к урнам с доверием, получили сюрпризы: так г. Тьер, имевший накануне официальной прокламации 61,000 голосов, что уже казалось преувеличенным, заявил на следующий день, что за него подано 103 тысячи голосов. Таковы тайны всеобщего голосования. В некоторых списках, прозванных списками 4 комитетов,

имя Бланки оказалось вычеркнутым, хотя имена нескольких интернационалистов туда попали.

Бланки — это было страшлище.

Клубы выбрали членов Интернационала. Либкнехт, энергично протестовавший против войны, стоял рядом с французскими интернационалистами.

Много революционеров, не доверявших всеобщему голосованию, теперь менее всеобщему чем когда-либо, воздержались от голосования. Их заменили, как во время предыдущего плебисцита: солдатами, эмигрантами, бретонскими гвардейцами.

Тьер вел кампанию в провинции, заставил голосовать всех трусов, всех реакционеров, сумел польстить всем негодьям, так что был избран в двадцати трех департаментах. Его прозвали королем радикалов.

В первом же заседании этой реакционной палаты, Гарибальди не мог произнести своей речи. Дикие крики покрыли его голос; а он предлагал республике своих сыновей.

Старик стоял среди этого шума и Гастон Кремье, расстрелянный несколько недель спустя, крикнул, при аплодисментах публики, теснившейся в трибунах:

«Деревенские горланы, позор Франции!» Бордосское собрание оказалось до конца достойным своего первого заседания; свободному уму нельзя было оставаться в этой среде, враждебной всякой благородной идее.

Рошфор, Малон, Ранк, Тридон, Клемансо сложили с себя депутатские полномочия.

Четверо из них сделали это в следующем коллективном заявлении:

«Гражданин - президент! Избиратели дали нам мандат представителей французской республики.

Решением 1-го марта, национальное собрание согласилось на расчленение Франции, на разорение родины; таким образом все обсуждения сведены на нет. Вотум 4 генералов, воздержание от голосования трех других решительно опровергают рассуждения г. Тьера. В этой палате мы не можем остаться больше ни одного дня.

Итак, мы извещаем вас, гражданин - президент, что нам остается только удалиться.

Анри Рошфор, Малон, член Интернационала, Ранк, Тридон (департ. Кот-Дор).

Гарибальди, Виктор Гюго, Феликс Пиа, Делеклюз — тоже отказались от звания депутата. Капитулирующее собрание назначило следующее министерство, названное *новым*, вероятно потому, что оно было абсолютно тождественно со старым:

Глава исполнительной власти — Тьер.

Министр иностранных дел — Жюль Фавр.

” внутренних дел — Эрнест Пикар.

” юстиции — Дюфор.

” военный — генерал Ле-Фло.

” финансов — Пуйе, Кертье.

” народного просвещения — Жюль Симон.

” морской — адмирал Потюо.

” торговли — Ламбрехт.

” общественных работ — Деларэ.

Мэр Парижа — Жюль Ферри.

Парижский губернатор — Винуа.

Условия мира: уступка Эльзаса и части Лотарингии с Мецом.

Уплата в трехлетний срок пяти миллиардов военной контрибуции.

Занятие немцами территории до полной уплаты пяти миллиардов, постепенное очищение ее, в соответствии с размером уплаченных сумм.

27-го февраля в Париже разнесся слух о скором вступлении в город немецкой армии.

Елисейские поля сейчас же покрылись массой национальных гвардейцев. Ночью били сбор. Вспомнили, что на Ваграмской площади стояли пушки, купленные по подписке для защиты Парижа национальной гвардией предместий и принадлежащие ей.

На площади Вож тоже были пушки, приобретенные батальонами Марэ; у каждого квартала были свои орудия: мужчины, женщины, дети впрягаются, везут пушки Монмартра до бульвара Орнано и втаскивают их на холм.

Орудия Белльвиля и Виллеты увезены к Бют-Шомон.

Пушки Марэ оставлены на площади Вож: это лучшее место для артиллерийского парка. Две тысячи национальных гвардейцев собрались в центральном комитете. Там заготавливаются следующие прокламации.

«Национальная гвардия, посредством своего центрального комитета, протестует против всякой попытки разоружения и объявляет, что в случае необходимости будет сопротивляться силой.

Центральный комитет национальной гвардии».

Этот манифест был расклеен 28-го числа; тогда же был опубликован и другой:

«Революционеры не желают даром подвергнуть резне часть населения.

«Народ, очевидно, склоняется к тому, чтоб не препятствовать вступлению пруссаков в Париж. Центральный комитет, который держался противоположного взгляда, теперь объявляет, что присоединяется к следующему предложению: кварталы, занятые неприятелем будут окружены цепью баррикад, чтобы окончательно изолировать эту часть города. Жители этих местностей должны немедленно уехать.

«Национальная гвардия и армия, расставленная кругом кордонами, будут наблюдать, чтобы враг, изолированный таким образом на почве, которая уже не будет нашим городом, никоим образом не мог бы общаться с укрепленными частями Парижа.

«Центральный комитет приглашает национальную гвардию оказать свое содействие принятию всех необходимых мер и избегать всяких действий агрессивного характера, результатом которых было бы немедленное низвержение республики.

«Центральный комитет национальной гвардии:

«Алавуан, Буи, Фронтье, Бурсье, Давид Буазон, Бару, Гритц, Тессье, Рамель, Бадуа, Арнольд, Пиконель, Одуанар, Массон, Вебер, Лагард, Ларок, Бержере, Пушэн, Лаваллет, Флери, Малжурналь, Шонто, Кадаз, Кастроли, Дютиль, Матте, Остин».

Армия ушла на левый берег, национальная гвардия одна, без смущения, без заносчивости, без слабости, выполнила свою программу. Эта ночь производила впечатление действительного величия.

Казалось, что куда ни взглянь, увидишь, как вооруженные тени бродят в темноте мертвого города.

Резкие полутона набата падали в черноту пустынных улиц.

Два гиганта — барабанщика Монмартра спускались по улице Рамэ и глухо били сбор, похожий на похоронный марш.

Дыхание бури носилось в воздухе, но, как это верно почувствовал центральный комитет, малейшее агрессивное движение послужило бы предлогом для реставрации династии под покровительством Вильгельма.

Черные флаги в окнах в течение нескольких секунд бились по ветру. Затем все живое, как будто притаило дыхание.

Единственным признаком непрерывной работы наблюдательного комитета были звуки набата, раздававшиеся в тишине ночи; конец ее был тяжел.

В одном кафе Елисейских полей, которое принимало пруссаков, разбили кассу и все, чем пользовались враги; сделали это спокойно, как бы исполняя долг.

С таким же спокойствием, без жалости и гнева, наказали розгами каких-то несчастных женщин, вышедших в праздничных платьях за барьеры, чтоб посмотреть на завоевателей.

И почему нельзя было на месте расправиться с этими жалкими продуктами старого мира, насквозь прогнившего общества?

Собрание в Бордо продолжало принимать целый ряд постыдных мер. Люди, составившие в Париже правительство, не клялись, как национальная оборона, победить или умереть и с радостью совершали всевозможные гадости.

Собрание боялось всех храбрых людей, которых оно называло сбродом предместий; оно никогда не осмелилось бы прямо бросить вызов Парижу и готовизо измену, чтобы отнять пушки у «акрополя*) бунта» Монмартра, названного нами и презренной толпой, крепостью свободы и священной горой.

Был момент, когда партия порядка исчезла в массе, и у Парижа была одна геройская душа, требовавшая свободы.

Г. Тьер держал в своих когтях гнома — Бордосское собрание и принижал его до себя; и это-то собрание называло себя Францией, Республикой!

VIII. ВСЕМИРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА СВОБОДУ.

Пусть великая мысль неустанно призывает людей к борьбе.

Виктор Гюго.

Около 71-го года во всем мире произошли крупные умственные перевороты.

Их посеяла буря, они расширились, вырастая в тени, среди убийств; сейчас они в цвету, настанет и пора плодов.

*) Акрополь — укрепления часть города в древней Греции. — О. Б.

Как до 70-го года, так и после него до тех пор пока не совершится переустройство мира, стремление к истинному идеалу будет жить в людях.

Разве можно помешать наступлению весны, даже если срубить все леса.

В это время Куба, Греция, Испания требовали своей свободы; всюду рабы старались стряхнуть с себя цепи. Индия, как и теперь, поднялась за свободу.

Сердца бились жаждой идеала; и пока самые беспощадные деспоты вооружали свои своры, натравляя их на человеческое стадо, восстание, которое постоянно пытались потопить в крови, неуклонно вспыхивало вновь.

Это было всюду — стремление к новому высшему этапу истории, еще не достигнутому, но не исчезающему из глаз.

Разразившиеся репрессии с приближением конца делают все более жестокими и глупыми; взывают к обезумевшей и падающей власти, как мы это видим еще теперь. В ноябре 70-го года русские тюрьмы были переполнены. Мужчины, женщины, принадлежащие, как часто и у нас, к учащейся молодежи, примкнули к Интернационалу; они старались разбудить мужиков, так долго гнувших свою спину над суровой землей.

С этими простыми людьми надо было говорить простыми словами и образным языком; тогда они просыпались от своего векового сна, словно пробужденные криком утреннего петуха.

«Русский народ, — говорил Бакунин, — находится теперь в тех же условиях, которые принудили его к восстанию, во времена царя Алексея, отца Петра Великого. Тогда во главе движения стал казак Стенька Разин и указал ему путь к свободе.»

«Чтобы восстать теперь, — говорил Бакунин, — народ уже 26 лет ждет только Стеньку Разина и на этот раз его заменит легион молодых людей, живущих теперь жизнью народа. За ними чувствуется Стенька Разин, герой не индивидуальный, а коллективный, и, благодаря этому, непобедимый. Это будет вся наша чудная молодежь, над которой витает его дух».

В одном стихотворении друга Бакунина, Огарева («Студент»), молодые люди с пылкой и благородной душой, видели, как один из них жил наукой и идеалами гуманности среди борьбы и нищеты.

Обреченные злобой власти и знати на кочевую жизнь, он ходил с запада на восток и говорил мужикам: «соединяйтесь, поднимайтесь!»

Арестованный императорской полицией, он умирает в ледяных пустынях Сибири, повторяя до последнего вдоха, что каждый человек обязан отдать свою жизнь за землю и волю.

Со времен процессов Коммуны, интернационалистов в России судили с тем же зверством, внушенным страхом правды, который испытывают все деспоты.

Движение в Америке началось с 1866 года в Филадельфии, где Урия Стефенс пропагандировал идею оборонительного союза рабочих против эксплуатации.

В течение нескольких лет, собрания этих „knights of labour“ («рыцарей труда») происходили тайно; затем Джемс Райт, Роберт Маклей, Виллиам Куз, Иосиф Феннеди и много других, соединившись с Урией Стефенсом, образовали первую группу пропагандистов, за которой скоро явились и другие. Теперь „knights of labour“ считаются уже не сотнями, а сотнями тысяч.

По поводу стачек у них завязались сношения с трэд-юнионами и рабочими ассоциациями Северной Америки, и с ирландскими организациями, возникшими на почве борьбы против безземелья. В действительности этот союз угнетенных против грабителей существовал всегда, в течение веков; менялись только имена. Но в некоторые эпохи, в роде 71-го года, он сильнее реагирует на гнет, когда может быть приближен час разбить одно из звеньев длинной цепи рабства.

В 70-м году Алжир изнывал под французским владычеством и в своих страданиях нашел мужество восстать.

«Наша администрация, — говорит сам Жюль Фавр, — собирала таким образом печальные плоды политики, которой она в течение долгих лет жертвовала интересами колоний» *).

К концу февраля арабы, зная, что такое военный деспотизм, но не имевшие понятия, чем будет гражданский деспотизм, и предпочитая уже известное зло неизвестному, начали громко роптать, что к ним даже в семьи присылают французов, для которых они всегда только побежденные. Они требовали присутствия в бюро своих соотечественников и всего больше боялись, что им навяжут еще гражданскую администрацию.

Восстание, мысль о котором всегда таится у покоренных народов, словно огонь под пеплом, — распространилось с чрезвычайной быстротой.

*) Jules Favre, Simple récit d'un membre de la défense nationale, p. 269, tome 2

Старый шейх Гада вышел из кельи, в которой он сидел уже 30 лет, с тех пор, как его родина попала в рабство, и начал проповедывать священную войну.

Его два сына Мохаммед и Бен-Азис, Эль Мокрани, бен Али Шериф и другие подняли кабилы; скоро у них образовалось небольшое войско. и приблизительно 14-го марта, Ага-Меджан, как настоящий рыцарь, послал алжирскому губернатору объявление войны.

Восемь дней арабы осаждали Борджибу-Арреридж, но были окружены колоннами Бонвале в несколько тысяч человек.

Тогда один из шейхов сошел с лошади и медленно поднялся на холм, осыпаемый ядрами.

«Он встретил желанную смерть, — говорит дальше Жюль Фавр, — так же гордо и надменно, как триумф» *).

Так должен был поступить Делеклюз в мае 71-го года.

Можно подумать, что, когда он писал эти строки, Жюль Фавр вспоминал то время, когда его окружала учащаяся молодежь; он был добр с нами как отец, и мы любили его, как любили мысль о восстании за республику и свободу.

О, республика, о которой мы мечтали тогда, как она была велика и прекрасна!

IX. ЖЕНЩИНЫ 70-го ГОДА.

Казалось, что в них пробуждалась Галлия: они были свободны, жаждали умереть, храбрость их росла перед опасностью. Л. М.

Среди самых беспощадных борцов, которые сражались с врагами и защищали республику, как зарю свободы, выделилось много женщин. Из женщин захотели сделать касту, и под давлением силы и обстоятельств, отчуждение произошло. С нами об этом не советовались и нам не с кем было советоваться. Новый мир соединит нас с свободным человеком, где каждому будет свое место.

Борьба за права женщин велась Марией Дерем энергично, но исключительно с идейной стороны; в профессиональных школах занимались госпожи Жюль Симон, Полен Труссен. Обучение маленьких детей госпо-

*) Jules Favre, *op. cit.* tome 2, p. 273.

жей Пан Карнетье близко примыкало к обществу начального образования; при империи оба общества соединились, так что наиболее деятельные члены участвовали во всех группах сразу. Помогал нам в этом деле г. Франколэн, член общества элементарного образования, которого мы по дружбе и по его сходству с учеными времен алхимии, называли доктор Франколинус.

Он основал, почти исключительно собственными усилиями, даровую профессиональную школу на улице Тевено.

Лекции читались там вечером. Те из нас, которые принимали в них участие, могли, таким образом, отправляться на улицу Тевено после своих классов; мы почти все были учительницами; здесь была Мария-Сесилиа, тогда молодая девушка. Директрисой была Мария Андрие, несколько женщин читали лекции, я читала тру курса: литературу, где так легко найти цитаты из старых авторов, применимые к настоящему моменту; географию древности, где имена и исследования прошлого, приводили к именам и открытиям современности, где так интересно это восстановление прошлого из развалин. Я с наслаждением отдавалась этой работе.

По четвергам я вела еще класс рисования. Императорская полиция оказала мне честь прийти посмотреть портрет Виктора Нуара на смертном одре, сделанный мелом, на черном фоне и оттушеванный пальцем, что производит очень мягкое впечатление.

Когда события разрослись, Шарль де-Сиври взяла класс литературы, а мой друг, мадемуазель Потэн — класс рисования.

Все женские общества, думая только о страшной минуте, переживаемой нами, соединились с обществом помощи жертвам войны, и женщины из среды буржуазии, жены тех самых членов правительства национальной обороны, которые так мало обороняли, показали себя героинями.

Направление этого общества было широкое и благородное. Говорю это без всякого сектантского чувства, потому что сама я чаще бывала в наблюдательных комитетах и в клубе: «Отечество в опасности», чем в обществе помощи жертвам войны. Помощь оказывалась, правда, крохами, чтобы хоть немного облегчить все страдания и тем поддерживать веру, что сдачи не будет.

Если бы кто-нибудь заговорил в этом комитете вспомоществования о сдаче, его бы выгнали вон так же энергично, как из клубов Белльвиля или Монмартра. Женщины Парижа были похожи на женщин предместий;

я припоминаю, как в обществе начального образования я сидела на скамеечке, направо от бюро, в маленьком кабинете, а в комитете вспомоществования мое место было на табурете у ног госпожи Годшо, напоминавшей своими белыми волосами маркизу прежних времен; иногда она с улыбкой охлаждала мои мечтания.

Почему я была там на положении привилегированной? Не знаю; впрочем, может быть, правда, что женщины любят бунтовать. Мы не лучше мужчин, но власть нас еще не развратила.

И факт тот, что они любили меня, и я любила их.

После 31-го октября я была арестована г. Крессоном не столько за участие в демонстрации, сколько за свою фразу: «я была там, чтобы разделить опасность, которой подвергались женщины, непризнававшие правительства». Госпожа Мерис от имени общества вспомоществования жертвам войны явилась с требованием моего освобождения, одновременно с Ферре, Авронсаром и Кристом, пришедшими с тем же требованием от имени клубов.

Что только не пытались сделать женщины в 71-м году. Сначала мы устроили походные госпитали в фортах, и так как, вопреки своему обыкновению, правительство национальной обороны приняло нас, то мы уже начинали верить, что правительство готовится к бою; вдруг оно прислало в форты целую массу молодых людей, совершенно бесполезных, невежественных и белоручек, издававших крики ужаса, в то время, когда форты находились в критическом положении; мы сейчас же поспешили подать в отставку, стараясь найти себе более полезное дело; в прошлом году я встретила одну из мужественных работниц в этих больницах, госпожу Гаспар.

Где мы не работали: в походных госпиталях, в наблюдательных комитетах, мастерских мэрий, особенно в Монмартре, где г-жи Пуарье, Эскоффон, Блэн, Жарра находили возможность раздавать всем одинаковые порции.

Столовая, устроенная госпожой Лемель, членом союза переплетчиц, работала все время осады и не дала массе людей умереть с голоду; эта столовая была истинным подвигом самоотвержения и ума.

Женщины не спрашивали себя — возможно ли известное дело, а полезно ли оно; они добивались его осуществления.

Однажды нашли, что в Монмартре слишком мало госпиталей; я и одна, тогда еще совсем молодая девушка, член общества начального образования, решили создать еще больницу. Девушка эта была Жанна А. впоследствии госпожа Б.

Луиза Мишель

КОММУНА

Перевод с французского
Примечания О. М. Бескина
М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
к 140-летию Парижской коммуны
воспоминания других участников и современников Коммуны,
документы, исследования, фильмы и радиопередачи
скачать здесь:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография
текст разделен на 7 файлов
части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства
Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНИЯ ИМПЕРИИ

- I. Пробуждение
- II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира
- III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны
- IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора
- V. Процесс в Блуа
- VI. Война. Официальные телеграммы
- VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

- I. 4-го сентября
- II. Национальная оборона
- III. 31-го октября
- IV. От 31-го октября до 22-го января
- V. 22-го января
- VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы
- VII. Росселя и Люлье

- VII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж
- VIII. Всемирное движение за свободу
- IX. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

- I. 18-е марта
- II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета
- III. Дело 22-го марта
- IV. Прокламация Коммуны
- V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже
- VI. Атака Версаля. Неизданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса
- VII. Воспоминания
- VIII. Волна растет
- IX. Провинциальные коммуны
- X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года
- XI. Последние дни свободы
- XII. Франк-масоны
- XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников
- XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

- I. Борьба в Париже. — Резня
- II. Холодная подачка
- III. Бастионы Сатори и Версаля
- IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

- I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии
- II. Возвращение
Приложение.
I. Рассказ Беатрисы Экскоффон
II. Письмо заключенного в Бресте
III. К коммунарам
Примечания
Алфавитный указатель примечаний

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

К о м м у н а.

Необыкновенный рост новых идей их поразила и ужаснула, а запах пороха нарушал их пиццерии. У них закружилась голова и они нам этого не простят.

«Реванш Коммуны», Ж. Б. Клеман

I. 18-е МАРТА.

Орель де-Паладин командовал парижской национальной гвардией, хотя та не желала ему повиноваться и выбрала своим начальником Гарибальди.

28-го января Брюнэ и Пиаса также были выбраны начальниками. По приговору военных судов оба они были заключены на два года в тюрьму, но были освобождены в ночь с 26-го на 27-ое.

Никто больше не слушался. Правительство прислало на Вожскую площадь артиллеристов за пушками. Им было отказано, они не посмели настаивать, а пушки увезли на Бют-Шомон. Журналы, которых реакция обвиняла в стачке с неприятелем, были закрыты с 12-го марта. Этой участи подверглись „Vengeur“ («Мститель»), Феликса Пиа; „Cri du peuple“ («Крик народа»), Валлеса; „Mot d'ordre“ («Слово порядка»), Рошфора, основанный на следующий день после перемирия; „P è g e Duchesne“ («Пер Дюшез»), Бермеша, Эмбера, Марото и Гильома, „Bouche de fer“ («Железные уста») Вермореля; „Fédération“ («Федерация»), Одисса Баро и „Carricature“ («Карриатура») Пилотеля. Афиши заменили журналы и солдаты защищали от полиции те листки, которые призывали их не душить Париж и защищать республику. Когда г. Тьер, этот злой гений Франции, 10-го марта кончил свои странствования. Жюль Фавр обратился к нему с следующим невероятным письмом

Париж, 10 марта 12 час. ночи.

«Дорогой президент и друг, совет с величайшей радостью получил приятное известие в тот же *) собрания. Вашей неумолимой преданности принадлежит вся честь этого вótума, который обязывает еще большей благодарностью вам. Меня это радует со всех точек зрения, я вижу в этом залог вашей связи с собранием, это возвращает вас к нам и дает вам возможность, наконец, приступить к осуществлению наших многообразных обязанностей. Мы должны успокоить и защитить нашу несчастную, глубоко потрясенную страну. Мы должны начать с исполнения законов. Сегодня вечером мы закрыли пять газет, которые каждый день проповедывают убийства: „Vengeur“, „Mot d'ordre“, „Bouche de fer“, „Cri du peuple“ и „Carricature“.

«Мы решили покончить с редутами Монматра и Бельвиля и надеемся достигнуть этого без кровопролития. Сегодня происходил суд над второй категорией обвиняемых 31-го октября, и военный совет приговорил заочно к смертной казни: Флуранса, Бланки, Левро — а присутствовавшего на суде Валлеса к шести месяцам тюрьмы.

«Завтра утром я уезжаю в Ферьер. Мне нужно объяснить с прусскими властями относительно целой массы подробностей. Пруссаки по-прежнему нестерпимы. Я хочу попытаться — нельзя ли взаимными уступками добиться смягчения участи наших несчастных соотечественников.

«Надеюсь, что вы выедете завтра, в субботу. Париж и Версаль приготовились к вашей встрече, а в Париже есть человек, который очень счастлив, что вы возвращаетесь.

Ваш Жюль Фавр».

17-го вечером правительственные афиши были расклеены по Парижу, чтобы обыватели прочитали их, как можно раньше, но 18-го утром никто уже не интересовался правительственными декларациями.

Но афиша все-таки была курьезная и авторы считали, что вложили в нее много искусства.

Не понимая совершенно настроения Парижа, они говорили о капитуляции, т.-е. все равно что на чужом языке, которого никто не желал понимать.

*) Голосование — О. В.

«Жители Парижа,

«Мы опять обращаемся к вам, к вашему патриотизму и надеемся, что будем услышаны.

«Ваш великий город может существовать лишь при господстве порядка. Порядок глубоко нарушен в некоторых кварталах и хотя смута не передалась в другие кварталы, тем не менее она мешает водворению труда и благосостояния.

«С некоторого времени, злонамеренные люди под предлогом сопротивления пруссакам, которые уже находятся вне наших стен, объявили себя хозяевами одной части города, возвели там укрепления, устроили стражу, заставляют вас стоять на страже по приказу тайного комитета, который присвоил себе право командовать частью национальной гвардии, не признает власти генерала Ореля, вашего достойнейшего начальника и стремится составить формальное правительство, избранное всеобщим голосованием.

«Эти люди, которые уже причинили вам столько вреда и которых вы сами разогнали 31-го октября, претендуют защищать вас против пруссаков, которые едва показались у ваших стен и которые бы уж давно окончательно удалились, если бы не смута этих самозванных защитников. Поставленные ими пушки, прежде всего, поразят ваши дома, ваших детей и вас самих. Вместо того, чтобы защищать республику — ее дискредитируют, ибо, если в общественном мнении Франции укрепится мысль, что республика есть неотлучная спутница беспорядка — республика будет похоронена.

«Не верьте же этим людям.

«Верьте, что мы искренно говорим вам правду.

«Правительство, избранное нацией, уж давно могло бы убрать эти пушки, украденные у государства и угрожающие в настоящую минуту гольку вам; убрать эти смешные воспоминания, которые только мешают правильной жизни и отдать в руки правосудия преступников, которые желают на смену войны с врагом внешним, вызвать войну внутреннюю. Но правительство желало дать обманутым людям время опомниться и добровольно уйти от обманщиков. Но время, которое дано добросовестным людям для оценки тех, которые их смущают — это время отзывается на вашем покое, благополучии, и благоденствии всей Франции и не следует его увеличивать неограниченно.

«При таком порядке вещей, торговля стоит, ваши лавки пусты, заказы не могут исполняться — ваши руки праздны, кредита нет. Капи-

талы, необходимые правительству, чтобы очистить от неприятеля нашу территорию — отсутствуют.

«В ваших собственных интересах, в интересах города и всей Франции — правительство решило действовать. Виновные, желавшие образовать новое правительство — будут преданы правосудию. Похищенные у государства пушки будут водворены в арсеналах. Чтобы выполнить эту меру, вызываемую справедливостью и благоразумием, правительство рассчитывает на ваше содействие.

«Пусть добрые граждане отойдут от дурных и этим увеличат общественную силу вместо того, чтобы ее ослаблять. Этим они помогут возвращению благосостояния и окажут поддержку республике в общественном мнении Франции.

«Парижане! Мы обращаемся к вам с этим воззванием, потому что рассчитываем на ваш здравый смысл, на вашу мудрость, ваш патриотизм. После этого предупреждения вы одобрите наше решение прибегнуть к силе. Порядок должен быть водворен немедленно и безповоротно.

Тьер, глава исполнительной власти».

Париж. 17 марта 1871 г.

Но, воззвание господина Тьера имело не более успеха, чем, если бы оно шло от короля Дагобера. Все отлично знали, что «похищенные» яко бы у государства пушки принадлежат национальной гвардии и отдать их, значило бы оказать содействие реставрации. Господин Тьер попался в собственные сети, ложь была очевидна, угрозы слишком ясны.

Жюль Фавр с той безотчетностью, которая отличает власть, рассказывает, как подготовлялась провокация.

«Винуа, — поведствует он, — думал, что всего лучше для начала борьбы — отказать в плате жалованья национальной гвардии. Но мы решили, что такой прием более опасен, чем настоящая провокация» *).

Это значит, что попытка настоящей провокации была. Но драка на Вожской площади научила всех осторожности. 31-го октября и 22-го января показали, на что способны буржуа, напуганные красным призраком.

Седан и наши поражения были еще слишком близки, чтобы солдаты, которых так братски кормили парижане, согласились поддержать репрессии. «Но все чувствовали, — говорит Лефрансэ, — что если не будет решительных и быстрых действий — республике и свободе грозит гибель, как 2-го декабря».

*) Жюль Фавр. История национальной обороны 2-я часть. стр. 209.

Армия вошла в предместья в ночь с 17-го на 18-ое. Но, несмотря на несколько жандармских и полицейских выстрелов — она побраталась с национальной гвардией.

На холме, в улице Розье, № 6, находился пост 61-го полка. Я отправилась туда с поручением от Дарделя и там осталась.

Два подозрительных человека, появившиеся вечером, были под конвоем отосланы в мэрию, на которую они ссылались, но где, оказалось, никто их не знал. Их задержали, но во время схватки, ночью, они исчезли.

Третий подозрительный субъект, Суш, явился под каким-то неясным предлогом ночью. Он стал рассказывать разные небылицы. Ему, конечно, никто не поверил и за ним зорко следили. Вдруг, часовой Тюрпэн, упал, раненный пулей. Весь пост был окружен. Никто не слышал холостого пушечного выстрела, который должен был предупредить нас об опасности. Но все и так чувствовали, что этот день не пройдет даром.

Мы с маркитанткой разорвали свое белье, чтобы сделать перевязку Тюрпэну. Вдруг, входит Клемансо, который, не зная, что раненный уже перевязан, просит белья. И он, и я, пообещав, что мы вернемся, ушли. Под мантилей у меня был карабин. Я спускалась с холма и кричала: «Измена!» Сформировалась колонна. Весь наблюдательный комитет был налицо: Ферре, старик Моро, Авронсар, Лемуссю, Бюрло, Шейнер, Бурдейль. Монмартр проснулся, барабан бил тревогу и я, исполняя обещание, возвращалась назад, но не одна, а с теми, кто шел отбивать холмы.

В наступающем рассвете раздавались звуки набата; мы шли, зная, что наверху нас ждет, готовая к битве армия, но мы шли с мыслью умереть за свободу. Нас точно что-то поднимало выше земли. Если мы умрем, весь Париж встанет. Бывают такие часы, когда толпа воплощает авангард человечества.

Холм был окутан белым светом, прекрасной зарей освобождения.

Вдруг, я увидела свою мать и сердце мое замерло от ужаса. Ее посылала сюда тревога. Оказалось, что за нами шли все женщины. Как это случилось, я не знаю. Но наверху, там, где армия уже приготовила пушки, нас ждала не смерть, а народная победа. Между нами и армией, на митральезы и пушки, бросались женщины, а солдаты остались неподвижны на своих местах.

В ту минуту, как генерал Леконт командовал стрелять в толпу, — из рядов вышел унтер-офицер и громче, чем Леконт крикнул: «Стреляйте вверх!» Солдаты повиновались.

Этот унтер-офицер был Вердагер, которого, несколько месяцев спустя, расстреляли версальцы.

Революция совершилась.

Леконт был арестован в ту минуту, когда он в третий раз приказывал дать залп; его отвели в улицу Розье; туда же отравили и Клемана Тома, которого узнали, несмотря на штатское платье, когда он изучал монмартрские баррикады.

По законам войны, они должны были погибнуть. В Шато-Руж, главном штабе Монмартра, Леконт подписал эвакуацию холмов.

По дороге из Шато-Руж в улицу Розье, на Леконта обрушились прежде всего его собственные солдаты. Попытки, которые военная дисциплина заставляет людей выносить молча, — накапливают в сердцах ненависть.

Монмартрские революционеры может быть и спасли бы генералов от вполне ими заслуженной смерти, хотя приговор над Клеманом Тома был произведен уже давно. Гарибальдский капитан Герпен-Локруа хотел рискнуть собственной жизнью, чтобы их защитить, хотя преступления обоих генералов были очевидны, но волны гнева были слишком сильны, раздавался выстрел, ружья, казалось, сами стреляли. Клеман Тома и Леконт были расстреляны около четырех часов в улице Розье. Клеман Тома умер мужественно.

В улице Гудон офицер ранил солдата, отказавшегося стрелять в толпу; офицер был немедленно убит.

Жандармы, скрытые за бараками на окраинных бульварах, не могли там удержаться. Винуа бежал с площади Пигаль, потеряв, по слухам, шляпу.

Победа была полная; она была бы прочная, если бы на другой же день вся масса хлынула в Версаль, где укрывалось правительство. Многие из нас погибли бы по дороге; за то реакция была бы задушена в своем логовище.

Законность, всеобщее избирательное право, все те сомнения и нерешительность, которые всегда губят революции — сыграли и тут свою роль.

18-го марта, вечером, арестованные вместе с Леконтом и Клеманом Тома, офицеры были отпущены на свободу Жакларом и Ферре. Никто не желал ни слабости, ни бесполезной жестокости.

Несколько дней спустя умер Тюрпэн, сказавший, что он счастлив, потому что видел революцию; он просил Клемансо позаботиться о своей жене, которую он оставлял без всяких средств.

Возбужденная, огромная масса провожала Тюрпэна на кладбище.

«В Версаль!» — кричал Ферре, стоя на погребальной колеснице.

«В Версаль!» — вторила толпа. Всем казалось, что мы уж идем туда; промедление представлялось для монмартрцев невозможным.

Но Версаль пришел к ним.

К этому привели сомнения и колебания революционеров.

II. ЛОЖЬ ВЕРСАЛЬЦЕВ. МАНИФЕСТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Грядущее! Пленительные видения!
Винтор Гюго.

19-го марта, Брюнель с национальными гвардейцами заняли казармы принца Евгения, а Пэнди и Ранвье — городскую думу. Некоторые части центра, политехники и небольшая группа студентов, до тех пор находившиеся в авангарде, стали вдруг оплакивать смерть Клемана Тома и Леконта; в то же время, собравшийся в думе центральный комитет заявил, что в виду того, что срок его мандата истекает, он сохранит власть лишь до тех пор, когда будет сформирована Коммуна. О! если бы эти преданные делу люди поменьше бы заботились о законности, какую Коммуну они бы могли провозгласить по дороге в Версаль. Манифесты центрального комитета разъяснили события 18-го марта в ответ на манифест правительства, которое продолжало извращать факты. Даже батальоны центра с изумлением читали декларации г. Тьера и его коллег, которые, повидимому, совсем не понимали положения; быть может, они и в самом деле не понимали.

«Французская Республика.

Париж, 18 марта 1871 г.

«Национальные гвардейцы Парижа.

«По городу распускают пустые слухи, будто правительство подготавливает переворот.

«Правительство Республики не может иметь иной цели, как благо Республики. Принятые меры были необходимы для поддержания порядка. Правительство желало и желает покончить с мятежным комитетом, чле-

ны которого почти неизвестные населению люди, представляют собой лишь коммунистические доктрины. Они способны отдать на разграбление Париж и похоронить Францию, если национальная гвардия не восстанет, чтобы общим усилием защитить отечество Республики.

А. Тьер, Дюфор, Э. Пикар, Ж. Фавр, Ж. Симон,
Пуйе-Кертье, генерал Ле-Фло, адмирал Потюо,
Ламбрехт де-Сарси».

Париж, 18 марта 1871 г.

Генерал Орель де-Паладин, который в свою очередь воображал, что он командует парижской национальной гвардией, тоже обратился к ней с прокламацией:

Париж, 18 марта 1871 г.

«Национальные гвардейцы!

«Правительство призывает вас на защиту вашего города, ваших семейств и вашей собственности. Некоторые заблуждающиеся люди, объявив себя выше законов и подчиняющиеся только своим тайным начальникам, направляют против Парижа пушки, которые были захвачены у пруссаков. Они силой сопротивляются против национальной гвардии и армии. Неужели вы это допустите? Желаете ли вы, на глазах у чужеземца, готового воспользоваться нашими раздорами, отдать Париж в руки бунтовщиков. Если вы не задушите мятежа в зародыше — конец Парижу и, быть может, Франции.

«Судьба их в ваших руках. Правительство желает оставить вам оружие. Возьмитесь же за него, чтобы защитить закон и спасти Республику от анархии, которая грозит стране гибелью. Соберитесь вокруг ваших начальников, это единственный способ избежать гибели и иностранного владычества».

Министр внутренних дел Э. Пикар.

Командующий национальной гвардией генерал Д'Орель.

Древние говорили, Юпитер ослепляет тех, кого он хочет погубить. Этот Юпитер — есть власть.

Громы, которые неслись из Версаля, не достигали цели, так как они не соответствовали положению вещей.

Центральный комитет в нескольких словах опровергнул официальную ложь.

Свобода, Равенство, Братство.
Французская Республика.

19 марта 1871 г.

«К народу.

«Граждане! Население Парижа сбросило с себя ярмо, которое ему желали навязать.

«Спокойный, в сознании своей силы, он без страха и без вызова ждал, пока бесстыдные безумцы осмелились посягнуть на Республику. На этот раз наши братья в армии не захотели поднять руку на священный ковчег свободы. Мы благодарим всех. Пусть все, вся Франция положит основание Республике, которую мы приветствуем со всеми последствиями; только такое правительство может раз навсегда покончить с эрой вторжений и гражданских войн. Осадное положение снято; население Парижа создано по секциям для коммунальных выборов. Безопасность граждан обеспечена национальной гвардией.

Центральный комитет:

«Асси, Бильорэ, Ферре, Бабияк, Эд. Моро, Ш. Дюпон, Варлэн, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лаваллет, Журд, Руссо, Ш. Люлье, Бланше, Горлар, Барру, Н. Дерем, Фабр, Фужерэ».

Вторая декларация еще подробнее разъяснила сущность положения
Французская Республика.

Свобода, Равенство, Братство.

«Граждане!

«Вы поручили нам организовать защиту Парижа и ваших прав. Мы сознаем, что с помощью вашего героического мужества и вашей замечательной дисциплины мы выполнили возложенную на нас миссию. Мы прогнали вероломное правительство. В настоящее время срок нашего мандата истек и мы вам его возвращаем, так как не желаем занять место тех, которые были низвергнуты народом.

«Приготовьтесь же, как можно скорей, к коммунальным выборам. Для себя мы просим лишь одной награды, это — видеть, как вы положите основание истинной Республике.

«До тех пор мы останемся в городской думе по воле французского народа.

Городская дума Парижа, 19 марта 1871 г.

Центральный комитет национальной гвардии».

Бедные друзья! никто из вас не понимал, что красноречивее всех деклараций была революция, которая заканчивала свое победоносное дело освобождения. Все так привыкли обращать взоры к 89 и 93 г.г., что продолжали говорить стилем той эпохи. За то Версаль выражался еще более старинным слогом, принимая воинственные позы, за которыми чуялась западня.

Провинция вначале не обращала внимания на инсинуации, но мало-помалу, они проникали в умы.

Гном *) не терял времени.

Любопытны некоторые прокламации этого ужасного человека, Та, которая относилась к чиновникам, не нуждается в комментариях:

«По указанию исполнительной власти, вы приглашаетесь отправиться в Версаль, чтобы находиться в ее распоряжении.

«По распоряжению правительства никакая корреспонденция из Парижа не должна быть ни отправляема, ни доставляема по назначению.

«Все, что будет получено в ваших отделениях в форме запечатанных депеш из Парижа или других мест, должно неизменно отсылать в Версаль».

На основании этого приказа, исполненного провинциальными почтами, г. Тьер, впоследствии, обвинял Коммуну в перехватывании писем.

Так было напечатано в „Journal Officiel“ («Официальные ведомости») Версаля, которые рассылались по всей Франции.

«Правительство, избранное собранием, которое было созвано на основании всеобщего голосования, много раз объявляло о своем намерении установить республику. Те, которые желают ее низвергнуть — смутьяны, убийцы, они не боятся сеять ужас и смерть в стране, которую может спасти лишь спокойствие и уважение к законам.

«Это люди, очевидно, субсидируемы врагами республики, или сторонники деспотизма. Их преступления, надо надеяться, вызовут справедливое негодование парижского населения, которое сумеет наказать их так, как они заслуживают.

Глава исполнительной власти А. Тьер».

Депеша этого старого буржуа в руанскую мэрию еще нагляднее. Убежав из Парижа, он решил спокойно убить его дома, как убивал в своей комнате Пьер Бонапарт.

*) Гном, карлик — прозвище Тьера. — О. Б.

Версаль, 19 марта 1871 г. 8 ч. 25 м. утра.

«Президент совета министров, глава исполнительной власти — префектам, начальникам дивизий, старшим председателям судов, генеральным прокурорам, архиепископам и епископам.

«Правительство в полном своем составе собралось в Версале, национальное собрание находится там же.

«Армия в количестве 400,000 человек в полном боевом порядке сосредоточена в Версале под начальством генерала Винуа.

«Тут же находятся все власти, все начальники армий; власти, как гражданские так и военные будут исполнять распоряжение только законного правительства, находящегося в Версале, иначе они будут рассматриваться, как мятежники.

«Члены национального собрания приглашаются ускорить свое возвращение, чтобы присутствовать в заседании 20-го марта.

«Настоящий циркуляр будет опубликован.

Глава исполнительной власти А. Тьер».

Чтобы вновь пережить эту эпоху, надо перебрать груды документов, восстановить язык этого прошлого, которое отдалено от нас не 26-ю годами, а словно тысячелетием, благодаря детской скромности героических людей, так легко отдававших свою жизнь делу.

Центральный комитет счел долгом оправдаться от версальской клеветы.

Его обвиняли в скрытности, но члены его подписывали свои имена на всех прокламациях.

Он не был неизвестен, так как был избран голосованием двухсот пятнадцати батальонов. К нему примкнула вся интеллигенция, все таланты.

Его членов называли убийцами, но никто из них не подписал ни одного смертного приговора.

Благодаря одному из наиболее кротких своих членов, центральный комитет чуть не решился протестовать против казни Леконта и Клемана Тома. Его остановило замечание Руссо: «Берегитесь, — сказал он, — отрицательного отношения к народу, чтобы и он, в свою очередь не отказал в своем доверии вам. В революционном движении оно кончается там, где личности или группы желают свалить с себя ответственность».

После бегства правительства в Версаль, сундуки казначейства оказались пусты. Госпитали, амбулатории, кладбища остались без средств; все хозяйство города расстроено. В руках Варлена и Журда было четыре миллиона, но ключи от банка находились в Версале; взломать кассы они не решались, а потому обратились к Ротшильду с просьбой — открыть им кредит на миллион, что и было исполнено. Из этой суммы заплатили жалование национальной гвардии, которая удовлетворялась тридцатью су, убежденная в полезности своего самопожертвования.

Больницы и другие учреждения получили все необходимое, а *убийцы и грабители* Центрального Комитета завели самую строгую экономию и держались ее до последнего дня Коммуны. Таковы были *«бандиты»*. Страшно думать, сколько можно было бы спасти человеческих жизней, если бы комитет не так бережно относился к сердцу вампира-капитала. Это сердце называется банком. Вот где был настоящий заложник. Противники Коммуны признают теперь, что если бы Коммуна воспользовалась находившимися в ее руках богатствами — она бы победила.

Подтверждение этого легко найти, между прочим, в следующих выдержках из статьи „*Matin*“ («Утро») от 11 июня 1897 г.

«Из времен Коммуны», — история банка во время и после восстания.

«Итого во французском банке тогда находилось три миллиарда триста двадцать три миллиона, т.-е. более половины военной контрибуции.

Что бы произошло, если бы Коммуна овладела этим богатством, а сделать это было так же легко, как и с другими общественными учреждениями.

Не может быть сомнения, что с этим нервом войны она бы победила. Разумеется, банк был вынужден отпустить некоторые суммы Коммуне. Отчеты Журда, делегата министерства финансов, признанные вполне точными, показывают цифру полученных до 7,750,000 франков; но, что это значит в сравнении с тремя с половиной миллиардами, лежавшими в сундуках банка».

«Линейная пехота, охранявшая банк, уж почти дошла до Версаля. Для защиты банка оставалось не более 130 человек, все банковские служащие, под командой чиновника Бернара, бывшего командира батальона; они были плохо вооружены, у них было не больше десяти тысяч патронов. 23-го марта после отъезда г. Рулана в Версаль, управление банком перешло к г. де-Плэк и т. д.

Для начала г. де-Плэк получил от Варлена и Журда угрожающее письмо. Тогда Плэк послал главного кассира в первый и второй округ к адмиралу Сессэ, чтобы узнать, должен ли он вступить в борьбу и может ли он рассчитывать на помощь. Адмирал Сессэ не возвратился из Версаля и вообще его невозможно было отыскать. Помощник мэра второго округа, Мелин, велел передать де-Плэку, чтобы он избегал борьбы и попытался вступить в мирные переговоры. Но другого пути к соглашению, кроме выдачи денег, не было. Г. де-Плэк, выслушав мнение банковского совета, приказал выдать 350,000 фр. вместо 700,000, которые требовал Журд.

В тот же день он выдал 200,000 фр. чиновнику казначейства, присланному из Версаля...

Центральный комитет об этом узнал. Он уведомил г. де-Плэк, что всякая выдача денег в Версаль, будет рассматриваема, как государственная измена.

24-го марта, г. де-Плэк, наконец, увидел адмирала Сессэ, который заявил ему в присутствии Тирара и Шельшера, что он будет защищать банк. Но, провожая его, он признался, что не обладает достаточными силами, что бы это сделать. Об эвакуации банка нечего было и думать. Для этого необходимо было 80 подвод и армейский корпус...

Г. де-Плэк воспользовался этими переговорами, чтобы увезти из Парижа тридцать два клише и помешать, таким образом, печатанию кредитных билетов на случай, если бы Коммуна завладела банком.

Плэк стал уговаривать Белэ, посланного к нему делегатом, что самое лучшее назначить комиссара, что если комиссаром этим будет Белэ и если он согласится ограничить свой мандат выяснением отношений между банком, Версалем и городом Парижем, то он, де-Плэк, охотно его примет. — «Право, г. Белэ, — сказал он ему, — роль, которую я вам предлагаю почетна, помогите мне спасти банк, это достоинство вашего отечества, это богатство Франции».

Белэ дал себя убедить, Коммуна согласилась назначить своего делегата и т. д.

24-го мая, утром, в первый раз после 67 дней, перед банком появились солдаты, но вместо того, чтобы защищать его от посягательства, они прошли мимо, не останавливаясь. Затем прошел второй батальон и г. де-Плэк распорядился, чтобы над зданием было поднято трехцветное знамя. В 8 часов, в банк явился генерал Леритье и устроил там свою главную квартиру, и т. д.

(„Matin“, 11-го июня 1897 г.).

Люди, получавшие тридцать су, семьи которых нуждались в хлебе, имели в своих руках, в течение почти трех месяцев, эти несметные богатства. Но они были движимы тем же чувством, что и бедный, старый Белэ, которого так бессовестно обманули, они думали, что охраняют сокровищницу Франции.

Несколько журналов сделали коллективное заявление о том, что созыв избирателей представляет акт народного суверенитета *) и может иметь место лишь с согласия властей, избранных всеобщим голосованием; признавая 18-е марта народной победой, желательным было бы сделать попытку к примирению Парижа и Версаля. Тирар, Демарэ Вотрэн и Дюбайль отправились в мэрию первого округа, где находился Жюль Ферри; он их послал к Гендле, секретарю Ж. Фавра, который им заявил, что не желает вступать в переговоры с бунтовщиками.

Милльер, Малон, Толэн, Пуарье, Клемансо и Вильнев предложили центральному комитету отказаться от борьбы и не доводить дела до вмешательства пруссаков, а положиться во всем на муниципалитеты **); те, в свою очередь, обязывались провести свободные муниципальные выборы, так как полицейская префектура была упразднена, а за безопасность Парижа отвечал центральный комитет. Варлэн, председательствовавший в этом заседании, отвечал, что в агрессивных действиях виновато правительство и, что ни центральный комитет, ни национальная гвардия гражданской войны не желают.

Варлэн, Журд и Моро сопровождали делегатов в мэрию банка; там они продолжали дебаты, но ни к какому соглашению не пришли, так как центральный комитет не пожелал устранить себя.

До 23-го тянулись переговоры. В этот день, на заседании национального собрания, Милльер, Клемансо, Малон, Локруа и Шолэн стали требовать, чтобы для города Парижа были произведены муниципальные выборы.

Передать впечатление этого заседания могли только делегаты. Вот отчет Малона:

23 марта 1871 г., 6½ ч. утра.

«Я только что покинул собрание под самым тяжелым впечатлением. Заседание кончилось такой ужасной парламентской бурей, подобную которой можно найти разве только в анналах Конвента. Но когда

*) Суверенитет —, верховенство, верховные права — О. Б.

**) Муниципалитет — городское выборное управление. — О. Б.

читаешь эти мрачные страницы конца прошлого века, всегда находишь утешение в развязке, смягчившей трагические ужасы. Отечество, Республика — выходят из этого кризиса еще величественнее и самые бурные дебаты приводят к героическим решениям.

«Ничего подобного вы не найдете в конце моего рассказа.

«Две первые трибуны первой галереи справа открылись, лица их занимавшие поднялись и ушли и показались тринадцать мэров Парижа в шарфах.

«Сейчас же на всех левых скамьях раздались бешеные аплодисменты и крики: «да здравствует Республика!» Некоторые кричали: «да здравствует Франция!»

«В ответ на это с правых скамей, точно прорвалась волна. Это уж не гнев, а ярость, бред, крик, призывы к насилию; мэрам грозят кулаками.

«Группа депутатов бросается к трибуне, на которой надрывается несчастный Баз; ему и президенту грозят кулаками. Шум невообразимый, неопишущий. Наконец, вероятно от изнеможения, шум несколько затихает, крайние правые надевают шляпы и устремляются к двери.

«Председатель, не перестававший все время звонить, тоже надевает шляпу, объявляет заседание закрытым и порядок дня исчерпанным. Волнение в трибунах дошло до крайности; зала понемногу пустеет.

«Бедные изры продолжали стоять, смущенные, с растерянными лицами. Арно де-Лариежс присоединился к ним; они вышли после всех.

«При выходе, я встретил женщин из лучшего общества, благородных, образованных, тонко чувствующих; оне плакали над зрелищем, которое они только что видели. Как я их понимаю! Разве не слезами должны быть написаны мрачные страницы истории наших последних месяцев. Вот как понимали примирение господина из Версаля».

Бенуа Малон, «Третье поражение Пролетариата».

— На вас, — закричал Клемансо, обращаясь к собранию, — на вас ляжет вина за все, что произойдет. Флокэ прибавил: — эти люди — сумешедшие.

Они в самом деле сошли с ума от страха перед революцией. Но разве те, кто обращались к этим безумцам, заслуживали лучшего приема! Большинство мэров уцепились за последнюю попытку к примирению, но и она ни к чему не привела. Желали назначения Дориана — мэром Парижа, Эдмон Адана — префектом полиции, Ланглуа — генера-

лом национальной гвардии. Но в то время, как строили эти планы, Ланглуа собирал правительственные батальоны в Гранд-Отеле. Эдмон Адан отказался. Адмирал Сессэ, заставив признать в Версале свое назначение — приказал расклеить афиши о сохранении Республики, о муниципальных вольностях, о выборах в кратчайший срок, о законе, касательно срочных платежей и квартирной платы.

Не напоминает ли это испанское министерство, легализующее независимость Кубы с Вейлером в качестве начальника генерального штаба.

Париж знал, чего ждать.

25-го мая, парижские депутаты обратились с письмом в Национальное собрание, умоляя правительство не оставлять дольше города без муниципального совета.

Письмо положили под сукно и оставили без ответа.

Переговоры между Центральным Комитетом и мэром продолжались. Комитет чувствовал, что всякая попытка к примирению обречена на неудачу. Тогда мэры объединились и примкнули к Центральному Комитету.

Прокламация мэров и депутатов города Парижа, принятая на совместном совещании в Сен-Жермен Оксерруа 25 марта 1871 г.

Депутаты Парижа, мэры и их товарищи, возвращенные в свой округ, члены центрального федерального совета национальной гвардии.

«Убежденные, что единственный способ избежать гражданской войны, кровопролития в Париже, и в то же время упрочить Республику, это приступить к немедленным выборам — объявляют о созыве на завтрашний день, в воскресенье, всех граждан в избирательной коллегии.

«Бюро откроется в 8 часов утра и закроется в 12.

Да здравствует Республика!

Мэры Парижа и их товарищи:

1-й округ	Эдмон Адан, Мелин товарищ.
2-й "	Эмиль Брелэ, Луазо-Пенсон.
3-й "	мэр Бонвалэ, товарищ его Ш. Мюра.
4-й "	мэр Вотрэн, товарищ его де-Шатильон, Луазо.
5-й "	товарищи мэра Журдан, Колэн.
6-й "	товарищ мэра А. Леруа.
7-й "	—
8-й "	—

- 9-й округ мэр Демарэ, товарищи его Е. Ферри, Андрэ Наст.
 10-й " товарищ мэра А. Мюра.
 11-й " мэр Мотю, товарищи его Бланшон, Пуарье, Толэн.
 12-й " мэр Гриво, товарищи его Денниссон, Дюма, Тюрильон.
 13-й " товарищи мэра Комб, Лео Мелье.
 14-й " товарищи мэра Жюб, Дюваль, Секстус-Мишель.
 15-й " товарищи мэра Шодэ, Севестр.
 16-й " мэр Франсуа Фар, товарищи его Малон, Вилленев, Коше.
 17-й " мэр Клемансо, товарищи его Ж. Лафон, Дерер, Жюклар.
 18-й " товарищи мэра Дево, Салори.

Депутаты Сены, находящиеся в Париже:

Докруа, Флоке, Толэн, Клемансо, Шельшер, Грессо.

Комитет национальной гвардии:

«Авуан-сын, Антуан Арно, Г. Арнольд, Асси, Одиниу Буи, Жюль Бержере, Бабик, Барон, Билиорэ, Бланши, Л. Бурсье, Костиони, Шонто. А. Дюнон, Фабр, Ферра, Анри, Фортюне, Флери, Фужере, Годье, Гуне, М. Герем, Грелье, Гролар, Журд, Жосселэн, Лавалетт, Лисбон, Малжурналь Эдуард Моро, Мортье, Прюдом, Руссо, Ранвое, Варлэн».

Едва был опубликован этот манифест, как г. Тьер, по своему обыкновению, сейчас же телеграфировал по всей Франции свои провокационные измышления.

«Франция, полная решимости, возмущенная, по-прежнему сплачивается вокруг правительства и Национального собрания, чтобы подавить анархию, которая все еще пытается овладеть Парижем.

«Между мнимой Коммуной и мэрами, состоялось соглашение для призыва к выборам, которому правительство осталось чуждо. Выборы будут произведены не свободно и лишены поэтому всякого нравственного авторитета.

«Пусть страна о них не заботится и верит нам.

«Порядок будет восстановлен в Париже, как и везде.

А. Тьер».

Пока г. Тьер и его сообщники распространяли эту ложь, центральный комитет, с помощью нескольких пылких революционеров, как Эд. Вальян, Ферре, Варлэн, послал всюду, и „Journal Officiel“ в Париже известил о следующих мерах:

«Осадное положение в Санком департаменте снято.

«Военные суды уничтожены.

«Объявляется полная политическая амнистия.

«Всем начальникам тюрем отдан приказ немедленно выпустить на свободу политических заключенных.

«Новое республиканское правительство приняло все министерства и административные учреждения.

«Исполнение этой задачи национальной гвардией налагает большие обязанности на граждан, принявших на себя этот труд.

«Армия, понявшая, наконец, свое положение и выпавшие на ее долю обязанности, слилась с жителями города; линейные войска, подвижная гвардия и моряки соединились для общего дела.

«Сумеем же воспользоваться этим соединением, чтоб еще раз сомкнуть свои ряды и раз навсегда утвердить республику на твердых и вечных основах.

«Пусть национальная гвардия, соединившись с линейными войсками и подвижной гвардией, храбро и самоотверженно продолжает свою службу.

«Пусть походные батальоны, кадры которых почти полны, займут форты и все передовые позиции, чтоб обеспечить защиту столицы. Муниципалитеты округов, исполненные рвением и патриотизмом, как армия национальная гвардия, присоединились к ней, чтоб обеспечить спасение республики и подготовить предстоящие выборы в коммунальный совет; пусть не будет расколов; полное, единение, полная и абсолютная свобода.

Центральный комитет национальной гвардии».

III. ДЕЛО 22-го МАРТА.

Восстание для вас слишком велико;
 Не играйте в эту игру.

Сторонники правильной эволюции, друзья порядка и реакции, не довольствуясь заговором в Версале, попытались поднять в Париже контрреволюционный бунт; но восстание вообще было им до того не по плечу, что смотря на их манифестацию, 22-го марта, в 2 часа дня, на площади Новой Оперы, можно было подумать, что видишь перед собой труппу актеров, репетирующих историческую драму.

Кое-что из их планов, правда, вышло наружу. Они говорили, что заколют часовых, обнимая их, но все это скорее напоминало театральное представление; даже место было хорошо выбрано для репетиции; ждали, чтоб посмотреть, до чего этим людям хочется пойти. Когда манифестация разрослась, ее участники, большей частью элегантно одетые молодые люди, направились по улице де-ла Пэ, под предводительством известных бонапартистов, г.г. Пена де-Котлогона, де-Геккерна; во главе колонны несли флаг без надписи. Безоружных национальных гвардейцев, осведомлявшихся о цели демонстрации, обругали и побили; они дошли до Вандомской площади, где находились вооруженные федералисты, которые в боевом порядке двинулись на встречу манифестантам, но стрелять было запрещено.

При встрече обоих отрядов, манифестация приняла агрессивный характер. Раздались крики: долой комитет! Долой убийц, разбойники! Да здравствует порядок! И выстрелом из револьвера был ранен член центрального комитета Мальжурналь.

При всем добродушии национальных гвардейцев, они ясно увидели, что имеют дело не с мирной демонстрацией.

Бержере отдал приказание разойтись, затем повторил его, и так до десяти раз.

После десятого призыва разойтись поднялись крики: да здравствует порядок! долой убийц 18-го марта! послышались выстрелы. Тогда национальные гвардейцы стали отвечать; надо было отражать нападение.

И характерно для этих федералистов, с мягкой душой, которые так мало ценили свою жизнь и так заботились о жизни других, что многие из них выстрелили в воздух, как 22-го января.

Как тяжело было этим «убийцам» 18-го марта целиться в человеческую грудь.

Не то было со стороны нападавших; люди, стоявшие у окон, присоединились к ним, и если б не осторожность федералистов, на месте осталось бы масса убитых.

Правда, что многие манифестанты стреляли так плохо, что переранили друг друга.

Они бросались на национальных гвардейцев с такой яростью, что убили двоих: Валэна и Франсуа. Были убиты и со стороны манифестантов. Один молодой человек, виконт Молина был убит сзади выстрелом из своих же рядов; он упал ничком. На теле его нашли кинжал, прикрепленный к поясу небольшой цепочкой, как будто этот бедный

щеголь боялся потерять свое оружие. Эта детская черта растрогала одного национального гвардейца.

Г. Пена едва не сразил выстрел, раздавшийся сзади из рядов его сторонников.

После поражения манифестантов, земля была усеяна оружием: кинжалами, лалками со спрятанными клинками, револьверами; все это они сбросали, убегая.

Подоспевший доктор Райнлов, бывший штабной хирург тулузского лагеря и несколько других врачей, приказали перенести убитых и раненых в амбулаторию при ломбарде.

Лица национальных гвардейцев, сражавшихся с этими молодыми людьми, были грустны, хотя они вели борьбу с необыкновенным благородством — до того сердце этих людей было мягко.

Во время кровавых версальских репрессий, я часто думала о поведении национальной гвардии 22-го марта и в течение всей борьбы.

По приказанию центрального комитета была расклеена афиша, угрожавшая всяким заговорщикам против Парижа строгими карами; но с этого дня и до конца Коммуны реакция непрестанно конспирировала безнаказанно.

Храбрецы 71-го года, героические жертвы гекатомбы! Вы унесли это благородство с собой, в свои пропитанные кровью могилы; оно вновь вернется на землю только после окончания борьбы, в мире нового порядка.

Если пересмотреть все прокламации, выпущенные после того, как 18-го марта революция овладела Парижем, то вновь переживешь драму, читая эти волнующие слова.

Столько событий нагромождено одно на другое, столько людской пыли рассеяно по ветру, что в холодных резолюциях настоящего дня, мы не найдем во всей их полноте благородных мотивов того времени.

О, это великодушные, эта чистая эпопея людей удивительнейшей доброты!

И я, которую обвиняют в этой безграничной слабости, я, не бледнея, отняла бы жизнь у этого карлика, которому суждено было погубить так много людей; я взяла бы его жизнь, так же легко, как сбросила бы камень с рельс. Волны крови не пролились бы, груды трупов, высокие как горы, не наполнили бы Париж, и город не превратился бы в бойню.

Угадывая наперед все результаты деятельности этого буржуа с сердцем тигра, я думала, что ужас, который наведет на всех убийство Тьера в палате, остановит реакцию.

Как я упрекала себя в дни поражений за то, что спрашивала совета. Наши две смерти предвратили бы парижскую резню.

Я сообщила свой план Ферре, который напомнил мне, как смерть Леконта и Клемана Тома перепугала всех в провинции и даже в самом Париже и едва не явилась предлогом к порицанию народа; эта смерть, — говорил он, — может остановить все движение.

Я этому не верила, а порицание меня не интересовало, если только мой поступок мог быть полезен революции, но все-таки Ферре мог быть правым.

Риго присоединился к его мнению. «Помимо всего, — прибавили они, — вам и не добраться до Версаля».

Я имела слабость поверить, что в своих суждениях об этом чудовище они были правы.

Но относительно путешествия в Версаль я была убеждена, что, при некоторой решительности, оно удастся и решила сделать опыт.

Через несколько дней, я переделась так, что не узнавала сама себя и отправилась в Версаль, куда и прибыла без всяких затруднений. Также спокойно я пошла пропагандировать дело революции 18-го марта в самый парк, где были разбиты рваные палатки, служившие помещением для солдат.

Эти разорванные палатки под голыми деревьями производили гнетущее впечатление.

Не помню уже, что я говорила этим людям, но я чувствовала, что они меня слушали.

Один офицер явился на следующий день в Париж через Сен-Сир и сказал, что придут многие другие.

Армия в это время была не в блестящем виде. У кавалерии были только тени лошадей. Выйдя из парка я пошла в большой Версальский книжный магазин; там была дама, которой я внушала большое доверие; я взяла кипу газет и, спросив адрес какой-нибудь безопасной гостиницы, отправилась назад по дороге в Монмартр; для потехи я не преминула самым отчаянным образом ругать Луизу Мишель. Комиссарами в Монмартре были тогда Лемусю, Шнейдер, Дианкур, Бюрло. Я сначала отправилась в бюро к Бюрло, который, как я знала, был того же мнения, что Риго и Ферре; он меня не узнал. «Я из Версаля», — сказала я

ему и рассказала всю историю; потом я передала ее Риго и Ферре, называя их жирондистами, *) но не была уверена в их ошибке и в том, что кровь этого чудовища не будет роковой для Коммуны. Ни что не могло быть фатальнее майской резни, но может быть, идея выше всего. Через несколько месяцев после своего версальского путешествия, когда я сидела в тюрьме Шантье, куда по воскресеньям являлись, точно в зверинец, офицеры с разряженными дамами, один из них вдруг сказал мне:

— Да, ведь, это вы приходили в Версальский парк.

— Да, — отвечала я, — можете об этом сообщить куда следует; это будет в соответствии с общей картиной, да у меня и нет никакого желания защищаться.

— Что вы нас за шпионов принимаете, что-ли? — закричал он тоном настоящего негодования.

Когда все это происходило, бойня едва заканчивалась; мы все были под впечатлением страшного отвращения, и я ему жестоко сказала:

— Вы, конечно, убийцы.

Он не отвечал, и я поняла, что многие из них были бессовестно обмануты, а некоторые начинали чувствовать угрызение совести.

IV. ПРОКЛАМАЦИЯ КОММУНЫ.

Они стояли, готовые к жертве.
(Из старо-французских песен).

Прокламация Коммуны была великолепна; это был не праздник власти, а торжество самоотвержения; чувствовалось, что избранники готовы к смерти.

Днем 28-го марта, при ярком сиянии солнца, напоминавшем зарю 18-го марта, 7 жерминаля 79-го года республики, парижский народ, выбравший 26-го свою Коммуну, вступил в городскую думу.

Это был океан людей под ружьем; штыки теснились как колосья ржаного поля, трубные звуки разрезали воздух, глухо били барабаны, и

*) Жирондисты — мощная политическая партия, во время первой французской революции, ревностно отстаивавшая умеренное направление в политике и видевшая в конституционной монархии переход к республике. — О. Б.

между всеми выделялся неподражаемый бой двух больших барабанов Монмартра, которые в ночь вступления пруссаков и утром 18-го марта будили Париж своими похоронными ударами; их стальные палки и теперь вызывали странные созвучия.

На этот раз набат молчал. Тяжелый рев пушек, раздававшийся через правильные перерывы, приветствовал революцию.

Штыки склонялись перед красными флагами, сетью, окружающими бюст республики.

На вершине — огромное красное знамя; знамена батальонов Монмартра, Белльвилля, ла-Шапелль, украшены фригийской шапкой*); подумай, — секции 93-го года.

Выстроены солдаты всех родов оружия, оставшиеся в Париже: пехота, моряки, артиллеристы, зуавы.

Штыки, теснясь все более и более, выходят на соседние улицы. Это, действительно, впечатление поля ржи. Какова-то будет жатва?

Весь Париж на ногах, с перерывами гремят пушки.

На эстраде помещается центральный комитет, перед ним — члены Коммуны, все в красных шарфах.

В нескольких словах, в перерывах между выстрелами, центральный комитет объявляет, что его мандат кончен и передает свои полномочия Коммуне.

Делают переключку имен, раздается грандиозный крик: «Да здравствует Коммуна!»

Бой барабанов; земля дрожит от залпов артиллерии.

— Во имя народа, — говорит Ранвье, — провозглашена Коммуна.

Все было грандиозно в этом прологе Коммуны; ее апофеозом будет смерть.

Речей нет, один крик: «Да здравствует Коммуна!»

Все инструменты играют Марсельезу и „Chant du Depart“. Ураган голосов подхватывает.

Группа стариков опускает головы. Можно подумать, что они слышат голоса павших за свободу. Это уцелевшие от июньских и декабрь-

*) Высокий колпак с ниспадающим или выдающимся вперед верхом. Напоминает головной убор древних фригийцев, который впоследствии носился освобожденными рабами. Это название применяется обыкновенно к „красной шапке“, которая была символом республиканства во время Французской революции (особенно с 1791 по 1794 г.). У греков и римлян шапка составляла принадлежность свободного человека, так как раб ходил с непокрытой головой. Как символ революции она была принята во время Нидерландской и Американской революции. — О. Б.

ских дней; некоторые совсем белые — участники 1830 г., Мабиль, Мальезье, Кайоль.

Если какая-либо власть могла что-нибудь сделать при данных обстоятельствах, то это, конечно, была Коммуна. В нее входили наиболее умные, мужественные люди, идеально безкорыстные, давшие неопровержимые доказательства своей энергии и преданности идее.

Власть, естественно, их сжала; у них осталась только беспощадная сила самопожертвования и героическое умение умирать.

Да, власть — это проклятие.

Вот почему я анархистка.

Вечером, 28-го марта, Коммуна собралась в первое заседание; она была ознаменована принятием резолюции, достойной этого великого дня. Дабы избежать всяких личных вопросов в такое время, когда личность должна была раствориться в революционной массе — было решено, что манифесты будут подписываться лишь одним словом: — *Коммуна*.

Уже в этом первом заседании обнаружилось, что не все могут выдержать давление столь знойной революционной атмосферы, и некоторые тут же заявили о своем выходе в отставку.

Эти отставки повлекли дополнительные выборы, и Версаль поспешил использовать время, которое Париж тратил около избирательных урн.

Вот декларация первого заседания Коммуны.

Париж, 28 марта 1871 г.

«Граждане!

«Наша Коммуна составлена. Голосование 26-го марта санкционирует победоносную Республику.

«Подлая, гнетущая власть схватила вас за горло. Из чувства законной самообороны вы должны были оттолкнуть правительство, желавшее вас опозорить и навязать вам короля.

«Преступники, которых вы не желали преследовать, злоупотребляют вашим великодушием; они — у самых ворот города — организовали очаг монархической конспирации, они призывают к гражданской войне, они пускают в ход всевозможные подкупы, вступают во всякие заговоры и даже осмеливаются умолять иностранцев о вмешательстве.

«Мы апеллируем по поводу таких действий к суду Франции и всего мира.

«Граждане, вы сами создали такие учреждения, которые не боятся никаких посягательств.

«Вы сами хозяева своих судеб... Сильное вашей поддержкой представительство, вами созданное, исправит те несчастья, которые принесла стране низвергнутая власть.

«Подорванная промышленность, прерванный труд, парализованные коммерческие отношения — должны получить могучий толчок новой деятельности.

«Сегодня же будет проведен давно ожидаемый квартирный закон, а завтра — об отсрочке платежей по вексялям. Все общественные учреждения восстановлены и порядок занятий в них упрощен.

«Национальная гвардия отныне единственная вооруженная сила страны — будет реорганизована немедленно.

«Таковы будут наши первые действия.

«Избранники народа просят вас — дабы упрочить торжество Республики — поддержать их своим доверием.

«Что касается их, — они исполнят свой долг.

Коммуна Парижа, 28 марта 1871 г.»

Они, действительно, исполнили свой долг. Они направили все свои заботы, чтобы обеспечить жизнь массам...

Но, увы! прежде всего следовало позаботиться о том, чтобы окончательно одолеть реакцию.

В то время, как в Париже возрождалось доверие, версальские крысы точили в корабле дыры. Еще несколько человек под разными предложениями ушли в отставку: Улис Паран, Фрюно, Гупиль, Лефебр, Робинэ, Мелин.

С первых же дней было образовано, хотя и не в окончательном виде, несколько комиссий. Смотря по способностям, члены одной комиссии переходили в другую. Коммуна, разделившаяся на большинство — страстно-революционное, и меньшинство — социалистическое, слишком рассудительное для обстоятельств данного момента, сходились в одном пункте: те и другие боялись принимать несправедливые или деспотические меры.

Одинаковая любовь к революции привела их и к одинаковой судьбе. — «Большинство» — тоже умает умирать», — сказал несколько недель спустя Ферре, целуя мертвого Делеклюза.

Члены Коммуны, избранные при дополнительных выборах были: Клюзерэ, Потье, Жоаннар, Андрие, Сералье, Лонгэ, Пильо, Дюран, Сикар, Филипп, Луэла, А. Дюпон, Помпе, Виар, Тринкэ, Курбе, Арнольд.

Рожар и Бриан из щепетильности не желали заседать, получив незначительное большинство голосов. Это были настоящие люди 71-го г., не похожие на обыкновенных кандидатов.

Менотти Гарибальди был избран, но не явился, оскорбленный еще, быть может, собранием в Бордо, где Гарибальди, предложивший двух своих сыновей Республике, был освистан.

Комиссии — очень часто изменявшие состав своих членов, в первоначальном виде, состояли из следующих лиц:

Военная: Делеклюз, Тридон, Авриаль, Арнольд, Данвье.

Финансовая: Белэ, Бильоре, Виктор Клеман, Лефрансэ, Феликс Пиа.

Комитет общественной безопасности: Курнэ, Верморель, Ферре, Тринке, Дюпон.

Просвещения: Курбе, Вердюр, Жюль Мио, Валлес, Ж. Б. Клеман.

Продовольственная: Варлэн, Паризель, Виктор Клеман, Артур Арну, Шампи.

Юстиции: Камбон, Дерэр, Клеман, Ланжевэн, Дюрон.

Торговли и обмена: Тез, Малон, Сералье, Ш. Лонге, Шалэн.

Внешних сношений: Лео Мелье, Ш. Жерардэн, Амуру, Жоаннар, Валлес.

Общественных работ: Остин, Везинье, Растуль, Антуан, Потье.

Делегации:

Военная — Клюзере. *Финансов* — Журд. *Продовольствия* — Виар. *Внешних сношений* — Паскаль Груссе. *Просвещения* — Вальян. *Юстиции* — Прото. *Общественной безопасности* — Рауль Риго. *Труда и обмена* — Френкель. *Городского хозяйства* — Андрие.

«Чтобы ни случилось, — говорили члены Коммуны и национальные гвардейцы, — мы своей кровью запечатлеем новый этап».

Кровь их, действительно, так глубоко запечатлела этот этап, что пропитала ею землю. Она вырыла такие пропасти, что возврата назад, по окрашенным алой кровью обрывам — уже нет.

V. ПЕРВЫЕ ДНИ КОММУНЫ. МЕРЫ. ЖИЗНЬ В ПАРИЖЕ.

Грядущее, пленительные видения.
 Народы миновали бездну,
 Пройдена мрачная пустыня:
 После песков — цветущий дуг
 И земля ликует как новобрачная,
 А человек счастлив, как молодой суженый.

Виктор Гюго.

Париж ждал! Те, кто во время прилива смотрят, как надвигаются волны, чтобы захлестнуть их крышу, переживают подобное положение. Медленно, но твердо надвигался Версаль.

Первые декреты Коммуны запретили продажу вещей, оставшихся за городским ломбардом, уничтожили бюджет культов, и расходы по набору.

Тогда думали, а может быть, думают и теперь, что мыслимо расторгнуть соединение церкви и государства, за которыми лежит столько трупов; они должны исчезнуть только вместе.

Конфискация выморочных имуществ, пенсии на содержание федералистов, раненных в бою, выдаваемые законной или гражданской жене, законному или незаконному ребенку каждого убитого федералиста.

Версаль своими убийствами позаботился об этих пенсиях.

Жена, требовавшая развода и подтвердившая это требование достаточными доказательствами, имела право на пенсию.

Обыкновенная судебная процедура уничтожена и сторонам предоставлено право защищаться самим.

Запрещены обыски без точных приказов.

Запрещено соединение в одном лице нескольких должностей и максимум жалования определен в 6000 франков в год.

Оклад членов Коммуны составлял 15 франков в день, что далеко не достигало максимума.

Коммуна постановила открытие в Париже новой палаты гражданского суда; она решила провести выборное начало в администрации и суде, а также принцип судимости равных равными.

Немедленно приступили к использованию брошенных мастерских для трудовых союзов.

Жалование учителям было положено в 2000 франков.

Решено снести Вандомскую колонну, воплощение грубой силы и укрепление императорского деспотизма; этот монумент грозил братству народов.

Позже, чтоб положить конец убийству пленных, Коммуной издан был декрет о заложниках, взятых из сторонников Версаля (это оказалось единственным действительным средством для приостановки избий пленных), к нему прибегли поздно, когда без явной измены, стало невозможным предоставлять версальцам резать пленных федералистов. Коммуна запретила налагать штрафы в мастерских, уничтожила политическую и профессиональную присягу, призвала к себе ученых, изобретателей, артистов. Время шло.

Для Версаля уже прошла та пора, когда у кавалерии были только тени лошадей. Г. Тьер ласкал, льстил армии, которая была ему нужна для его высоких и низких дел.

Вещи, заложенные в ломбарде по цене ниже 25 франков, были проданы.

Хотели уничтожить ночную работу в булочных, как слишком тяжелую, но по привычке ли, или потому, что работать днем было еще труднее, булочники предпочли делать по-прежнему.

Всюду шла напряженная деятельность. Курбе в горячем призыве писал:

«Париж будет вдвое сильнее, когда каждый беспрепятственно отдается своим способностям. И интернациональный европейский город даст искусству, промышленности, торговле, и путешественникам всех стран зрелище порядка, поддерживаемого гражданами, который не может быть нарушен притязаниями выродков-претендентов.

Прощай старый мир и дипломатия.

В Париже в этом году была выставка, но устроенная старым миром и его дипломатией — выставка мертва. Сто тысяч трупов лежали в громадном морге, в каменной раме укреплений.

Но для искусства была пора посева. Об этом расскажет первая эпопея.

Комиссия союза артистов была составлена следующим образом.

Художники:

Бувэн, Коро, Курбе, Домье, Арно, Дюрсе, Ипполит Дюбуа, Фейен, Перрэн, Арман Готье, Глюк, Жюль Геро, Лансон, Эжен Леру, Эдуард Моне, Франсуа-Милле, Улевэ, Пиккиэ.

Скульпторы:

Беке, Аженор Шапюи, Далу, Лагранж, Эдуард Линденер, Моро, Вотье, Ипполит Мулэн, Отлэн, Пуатэн, Деблезер.

Архитекторы:

Буало-сын, Делбрук, Николль, Ашилль Удино, Ролэн.

Граверы-литографы:

Жорж Белланже, Бракемон, Фламенг, Андрэ Жиль, Хюе, Потэ.

Артисты-ремесленники:

Эмиль Обен, Будье, Шобер, Шено, Фюзье, Мейер, Оттэн-сын, Эжен Поттье, Ранбер, Ресте.

Эта комиссия действовала с половины апреля, а Версальское собрание распространяло слухи о так называемых тенденциях Коммуны уничтожить науки и искусства. Музеи были открыты для публики, Тюльерийский и другие сады для детей.

В Академии Наук ученые мирно вели свои дебаты, не заботясь о Коммуне, которая их не давила.

Тенар, Беккерли, отец и сын Эли де-Бомон, собирались, как обыкновенно.

Например, в заседание 3-го апреля г. Сердильо прислал брошюру о перевязке раненных на поле сражения, доктор Друэ — о различных способах лечения холеры, что было вполне современной темой, а американец Симон Ньюкомб совершенно удалялся от событий и даже от земли, анализируя движение луны вокруг земли.

Делонэ исправлял ошибки в метеорологических наблюдениях, не интересуясь ничем другим.

Доктор Дюккен занимался изучением моральной ностальгии, на которую более всего действуют нравственные средства; он мог бы присоединить к этому исследование припадков страха и жажды крови умирающих властей. Ученые занимались спокойно всем, начиная от неправильного питания гиацинтовой луковицы и кончая электрическими волнами. Химик Бурбуз, занимающийся при Сорбонне, изобрел электрический аппарат, при помощи которого, он без проволоки передавал на короткие расстояния телеграммы. Академия Наук уполномочила его произвести опыты между мостами Сены, так как вода лучший проводник электричества, чем земля.

Опыт удался; аппарат поставили на виадуке Отейля, чтобы сообщаться с одним местом Пасси, занятым немцами.

Доклад оканчивался сообщением о вторичном опыте, сделанном с воздушного шара, чтобы получить из Отейля известия Бурбуза; шар занесло ветром, правда не так далеко, как в наши дни шар Андрэ.

Шеврель слегка разбитым голосом объявлял, что, не будучи безусловным сторонником классификации инфузорий, он все-таки признает значение эмбриологических исследований.

Говорили о многих вещах, например, о черном веществе метеоритов, об изменении агрегатного состояния тел под влиянием различных температур. Шеврель занимался еще смешением однородных тел, действия которых различны; отмечал необходимость не ограничиваться изучением внешних изменений тел, так как важно химическое исследование. И когда Версаль, во имя порядка, внес смерть в Париж, ученые занялись звездами вследствие некоторых новых данных о коэффициенте лунного экватора. Это было, кажется, последнее заседание.

Всюду, для удовлетворения потребности молодежи в знании, были открыты публичные курсы. Людям хотелось охватить все сразу: искусства, науки, литературу, открытия... Жизнь кипела. Все спешили бежать от старого мира.

VI. АТТАКА ВЕРСАЛЯ. НЕИЗДАННЫЙ РАССКАЗ ГЕКТОРА ФРАНСА И ЧИПРИАНИ О СМЕРТИ ФЛУРАНСА.

Они призывали мир на бой священный,
На подвиги энтузиазма
И сквозь дым канонады
Указывали ему великие деревья мира.

Чтобы легализовать избрание членов Коммуны голосованием, решено было подождать атаки со стороны Версаля, чтобы не раздувать гражданской войны на глазах у врага. Все как будто забыли, что единственный враг народа — это тираны.

Когда генералы, на этот раз действительно подготовленные, решили, что пуговицы на гетрах и сабли в исправности, версальцы двинулись. Своры рабов, которые под кнутом вопили о своих несчастьях, обвиняли во всем Коммуну и соединились против нее с своими господами.

Привычка ждать приказаний так сильна в человеческом стаде, что армия крикунов в Версале, на Монмартре и в Белльвилле, с 19-го марта вполне вооруженная, не трогалась с места.

Кто знает, не повторится ли подобное явление при других условиях?

2-го апреля Париж был разбужен пушечным залпом. Сначала все думали, что у пруссаков, окружавших Париж, какой-нибудь праздник, но скоро узнали в чем дело. Это Версаль начал обстреливать Париж.

Первыми жертвами оказались ученицы какого-то пансиона в Нейльи (она шла в церковь, вероятно, молиться за г. Тьера и Национальное Собрание). Версальцы стреляли куда попало. Бог убийц привык узнавать своих, особенно второпях. На Париж шли две армии; одна через Мон-трету и Вокресон, другая — через Рюейль и Наншерр, она соединились у круглого перекрестка в Берже и возле Курбеуа настигли и передавили федералистов.

Оставшиеся в живых федералисты сначала отступили, но затем, получив подкрепление от гарибальдийских вольных стрелков оправились и пошли вперед. В тот же вечер Курбеуа был взят обратно. На набережной лежали рядами трупы узников. На этот раз вылазка была решена.

Армии Коммуны двинулись 3-го апреля в 4 часа утра.

Бержере, Флуранс и Ранвье командовали со стороны Мон-Валерьяна, который все считали нейтральным. Эд и Дюваль двигались со стороны Кламара и Медона. Коммуна шла на Версаль. Вдруг форт покрылся дымом, ядра градом посыпались на федералистов. Мы уже упоминали, что комендант Мон-Валерьяна, обещав Люлье, который явился к нему от имени центрального комитета, что форт останется нейтральным, тут же поспешил донести об этом г. Тьеру. Так как французский офицер не мог нарушить данного обещания, то г. Тьер просто заменил этого офицера другим, который ничего не обещал. Этот другой и стал палить с утра.

Маленькая гвардия, под предводительством Флуранса с Чиприани, в качестве начальника главного штаба, разделилась на мосту в Нейльи. Флуранс направился по набережной Пито к Мон-трету, а Бержере через Авенко, Сен-Жермен к Нантерр. Они должны были соединиться в Рюейль, располагая силами приблизительно 15,000 человек и, несмотря на катастрофу в Мон-Валерьян, большинство федералистов продолжало свой поход до соединительного пункта. Некоторые, заблудившись в полях около Мон-Валерьяна, возвращались в Париж поодиночке. Оба корпуса армии встретились в Рюейль, и там они выдержали огонь, продолжавшийся нести с Мон-Валерьяна. Только тогда, когда вся земля была усеяна трупами, оставшиеся в живых разошлись.

Версальцы установили на перекрестке Курбеуа батарею, которая бомбардировала мост Нейльи.

Множество федералистов попало в плен.

Одновременно с началом военных действий версальцами, Галлифе разослал следующий циркуляр, не оставлявший никаких сомнений, относительно его собственных намерений и настроения правительства:

«Война объявлена парижскими бандами. Вчера и сегодня они убили у меня солдат. Я объявляю этим убийцам непрерывную и беспощадную войну. Сегодня утром мне пришлось дать им урок. Да послужит он им на пользу. Желаю, чтобы меня больше не принуждали к таким крайним мерам. Не забывайте, что страна, закон и право, конечно, на стороне Версаля и Национального Собрания, а не того смешного собрания, которое называет себя Коммуной.

Генерал, начальник бригады *Галлифе*».

3 апреля 1871 г.

Эту прокламацию Галлифе написал в мэрии Рюейля, не потрудившись даже смывать кровь, которой он был весь покрыт. Глашатай, читавший это воззвание под барабанный бой, между улицами Рюейля и Шату; по приказанию свыше, добавлял: «Президент муниципальной комиссии Шату предупреждает обывателей, в их же интересе, что всякий кто приютит у себя врага Национального Собрания, будет подлежать действию законов военного времени». Имя этого президента было — Лебеф.

И благополучные жители Рюейля и Шату, схватившись обеими руками за голову, чтобы убедиться, что она еще держится у них на плечах, поспрашивали, не увидят ли они какого-нибудь беглеца с поля битвы, чтобы поскорей выдать его Версалью.

Отряд Дюваля с утра сражался с частями регулярной армии, к которым присоединились городские. Он отступил к Шатильону только после настоящей бойни.

Дюваль, с двумя офицерами и несколькими федералистами был взят в плен; почти все были расстреляны на следующий день утром вместе с солдатами, перешедшими на сторону Коммуны, у которых перед казнью срывали галуны.

Утром, 4-го апреля, бригада Дерожа и генерала Пелле завладели Шатильонским плато. Положившись на обещание генерала сохранить им жизнь, окруженные федералисты сдались. Узнавшие солдаты были тут же расстреляны, а остальных отправили в Версаль, осыпая их бранью.

По дороге их встречает Винуа, и не смея, после обещания Пелле, расстрелять всех, спрашивает, есть ли начальники.

Из рядов выступает Дюваль:

— Я, — говорит он.

Его начальник штаба и командир волонтеров Монружа, тоже вышли вперед и стали рядом с ним.

— Вы отвратительные негодяи, — кричит Винуа и отдает приказ расстрелять их.

Все трое сами становятся к стене, пожимают друг другу руки и падают с криком: — «Да здравствует Коммуна!»

Какой-то версалец стягивает с Дюваля сапоги и показывает их. Привычка снимать обувь с убитых коммунаров была общепринятой в Версальской армии.

На следующий день Винуа заявлял: «Федералисты сдались безусловно. Их начальник, некто Дюваль убит в сражении». Другой прибавлял: — «Эти разбойники умирают с какой-то хвастливостью».

После первых же стычек, вслед за Версальской армией появились неизвестно откуда отвратительные твари, богато, одетые, которые оскорбляли пленных и втыкали зонтики в глаза трупам. Они жаждали крови, как настоящие ведьмы, и с ними случались настоящие припадки бешенства; говорили, что там были женщины из всех слоев общества, действовавшие под влиянием самых грязных инстинктов. Они были ужасны и вместе с тем неменяемы, как волчицы.

Среди пленных парижских «убийц», встреченных в Версале диким ревом, находился географ Элизе Реклю. Его с товарищами отправили в Сатори, откуда их послали на понтоны в скотских вагонах.

Больше всех были обмануты солдаты, — это пушечное мясо и постоянная добыча лгунов. У всех жителей Версаля голова была набита рассказами о разбоях и о соглашении с пруссаками; благодаря этим выдумкам, армия была послушным орудием самых невероятных жестокостей. Сведения о последних минутах и смерти Флуранса, были сообщены мне в прошлом году для опубликования их в этой книге Гектором Франсом, который последний видел Флуранса живым и Амилькаром Чиприани, его товарищем по оружию и единственным свидетелем его смерти.

«Я уже накануне был с Флурансом, — говорит Гектор Франс; — он взял меня в адъютанты и я присоединился к нему около ворот Майо, где были собраны для вылазки батальоны федералистов.

«Мы провели ночь без сна; на военном совете присутствовали все начальники отрядов; я вернулся с Флурансом на рассвете; федералисты стояли шпалерами; Флуранс ехал верхом. Пустились в дорогу. Когда пришли к мосту, он оказался разведенным: ни пушки, ни омнибусы, никакой экипаж не мог быть провезен. Флуранс мне сказал: — «возьмите пушки и другие снаряды и отправляйтесь кругом через другой мост».

«Надо было пройти ниже Мон-Валерьяна, который начал пальбу по корпусу Бержере, некоторые батальоны которого, направлявшиеся в Париж, я встретил.

«Я продолжал идти, восклицая: в Версаль, в Версаль! Но, не зная, по какому направлению идти — я был вынужден справиться об этом у одного служащего железной дороги. Он сказал, что не знает, но когда я приставил ему ко лбу револьвер, он показал нам дорогу. Я помчался в галоп с тремя пушками и фургонами боевых припасов, под конвоем федералистов. Артиллеристы везли пушки и с нами была только полурота национальной гвардии, которую Флуранс дал нам для охраны; но гвардейцы не могли поспеть за пушками и отстали.

«Мы прошли мимо одного форта, который стрелял не переставая.

«Я безпрепятственно догнал Флуранса в некотором расстоянии от Шату. Он сейчас же отправил меня известить Бержере о моем прибытии и попросить его присоединиться к Флурансу.

«Тогда то гранаты с Мон-Валерьяна дождем посыпались на Шату.

«Когда я вернулся, чтоб дать Флурансу отчет о моей миссии к Бержере, я нашел его и Чиприани среди массы офицеров и простых гвардейцев, которые подозревая измену, осыпали их бранью. Гранаты начинали падать в деревню и это выводило гвардейцев из себя.

«Флуранс, увидев себя предметом стольких обвинений, слез с лошади, и страшно бледный, не говоря ни слова, направился в поле; я сообщил о своих предчувствиях Чиприани и сказал ему:

— «Вы знаете его лучше меня; ступайте за ним и помешайте ему выкинуть какую-нибудь скверную штуку».

«Чиприани спешил и пошел за Флурансом, который был уже далеко.

«Я один остался верхом; вдруг разорвавшейся гранатой убило нескольких федералистов и вся ярость остальных обратилась на меня: я был в мундире конного стрелка. Меня называли изменником, версальцем, говоря, что меня порешат тут же. К счастью, приведенные мною

артиллеристы, из которых некоторые были в форме, заступились за меня и успокоили федералистов. Все это время гранаты падали непрерывно. Мне сказали:

— «Раз вы верхом, поезжайте посмотреть, где Флуранс».

«Я поскакал галопом в направлении, куда он скрылся».

«Проехав через несколько полей, я добрался до каких-то пустынных переулков, где увидел только старую даму, сидевшую у окна. Я спросил ее, не проезжали ли тут верхом два высших офицера национальной гвардии. Она ответила:

— «Вы ищите Флуранса? — На мой утвердительный ответ, она мне указала на закрытый со всех сторон дом. Я постучался в дверь, потом стал стучать в соседние двери, но никто не отозвался на мой стук. Я понесся галопом обратно к федералистам. На некотором расстоянии я заметил с одной стороны — корпус армии Бержере, спускавшийся с холма и возвращавшийся в Париж, с другой, гораздо дальше — версальский авангард, который приближался с величайшими предосторожностями».

«Первый крик федералистов был:

— «Где Флуранс? Что нам делать?» — Жестом я им показал на корпус Бержере и сказал:

— «Последуем за ним, надо сомкнуться». Так и было сделано. Я остался последним, отстав от всех метров на 200 и все оглядывался, поджидая Флуранса. Вскоре с полей, из кустов, через заборы, со всех сторон на нас посыпались выстрелы. Битва была проиграна, масса федералистов убита, других враги увели на расстрел, а Флуранс словно сгинул».

Гектор Франс».

Подробности, передаваемые Чиприани о последних минутах Флуранса — составляют вторую часть этой мрачной одиссеи.

— «Меня занимает не жизнь Флуранса, — говорит Чиприани, — а его трагическая смерть. Это настоящее убийство, совершенное жандармским капитаном Демарэ. Это произошло 3-го апреля 1871 г. Коммуна Парижа решила на массовое выступление против войск реакции, которые расстреливали федералистов, схваченных вне Парижа. Флуранс получил приказ идти в Шату и ждать там Дюваля и Бержере, которые должны были атаковать версальцев в Шатильоне и соединившись идти на Версаль, чтобы выгнать оттуда изменников».

«Флуранс прибыл в Шату около трех часов пополудни. Там он узнал о поражении Дюваля и Бержере у Шатильона и у моста Нейльи».

«Дюваль был взят в плен и расстрелян. Вследствие этой неудачи федералистов, положение Флуранса стало не только затруднительным, но прямо невыносимым».

«Налево от него федералисты были обращены в бегство, и, преследуя их, версальцы старались окружить нас обходным движением».

«Сзади — форт Мон-Валерьян, который благодаря легковурию Люлье попал в руки неприятеля и наносил нам большой урон».

«Необходимо было выбраться из Шату и отступить к Нантерру, иначе мы оказались бы отрезанными и запертыми, как в мышеловке; надо было сформировать вторую боевую линию, которая защитила бы нас от всяких неожиданных нападений».

«Федералисты шли целый день, они устали, изголодались; понятно, что в таком состоянии, немыслимо было в три часа дня вступить в бой с врагом, ободренным успехом при Шатильоне».

«Таким образом все обстоятельства требовали отступления к Нантерру, чтобы на следующий день при помощи свежих войск из Парижа, завладеть высотами Бюзенваля и Монтрету и двинуться к Версало».

«Как друг Флуранса и начальник штаба колонны, я предложил этот план Флурансу и соединившемуся с нами Бержере, который его одобрил; Флуранс ответил:

— «Я не отступаю».

— «Мой друг, — сказал я, — это не отступление и еще меньше бегство; если хотите, это мера предосторожности, которая диктуется нам всеми обстоятельствами, о которых я вам уже говорил».

«Он отвечал мне утвердительным кивком головы».

«Я просил Бержере стать во главе колонны, Флуранс принял центр, а я остался, чтобы окончательно эвакуировать Шату».

«Все тронулись и я подехал под своды железнодорожного моста, где только что беседовал с Бержере и Флурансом; он был все на том же месте, верхом, бледный, мрачный, молчаливый».

«На мою просьбу отправиться в путь, он ответил отказом, сошел с лошади, поручил ее стоявшим тут же национальным гвардейцам и стал расхаживать вдоль берега реки».

«Я заметил ему, что и как близкий друг, и как начальник штаба отряда, я не могу и не имею права покинуть его на месте, которое скоро будет занято версальской армией, что я твердо решил не бросать его и уйти или остаться вместе с ним».

«Усталый, Флуранс растянулся на траве и крепко заснул.

«Сидя рядом с ним, я легко мог наблюдать версальских кавалеристов, гарцовавших в долине и приближающихся к Шату.

«Моей обязанностью было испробовать все, чтобы спасти друга и любимого вождя народа.

«Я разбудил его и попросил не оставаться в таком месте, где его заберут, как ребенка.

— «Ваше место не здесь, — сказал я ему, — а во главе вашей колонны. Если жизнь вам надоела, умрите завтра утром в бою, во главе людей, которые шли за вами из любви и симпатии к вам; вы говорите, что не хотите отступить; дезертирство хуже простого отступления; оставаясь здесь, вы дезертируете, или хуже — вы изменяете революции, которая ждет от вас многого.

«Флуранс встал и взял меня за руку. — Пойдем, — сказал он.

«Сказать «пойдем» было легко, но исполнить это незаметно для версальцев, окруживших всю деревню, почти невозможно.

«Необходимо было спрятаться и ждать наступления ночи, а затем догнать наши войска в Нантерре.

«Вернувшись в Шату, мы вошли в маленький домик, своего рода кабачек, под № 21, и спросили хозяйку — есть ли у нее для нас комната; она повела нас в первый этаж.

«Меблировка комнаты состояла из постели, стоявшей направо от входа, налево — комод, в середине — маленький столик.

«Флуранс, положив на комод свою саблю, револьвер, кепи, бросился в постель и заснул.

«Я сел у окна, опустил стору и стал сторожить.

«Несколько минут спустя, я разбудил Флуранса и спросил его, могу ли я послать кого-нибудь на разведки — свободна ли дорога в Нантерр.

«Он согласился. Я позвал хозяйку и спросил ее, нельзя ли кого-нибудь послать с поручением.

— «Мой муж может пойти», — сказала она.

— «Пришлите его сюда; — сказал я.

«По виду, это был крестьянин... Я попросил его разузнать, свободна ли дорога в Нантерр и обещал ему двадцать франков за хлопоты.

«Этого человека звали Лекок.

«Он ушел. Я закурил сигару и опять сел сторожить у окна.

«Через пять минут из маленькой улицы направо, выходящей на улицу Нантерр, показался подпоручик главного штаба верхом и стал внимательно глядеть в сторону нашего дома.

«Я сказал об этом Флурансу и вернулся на свой наблюдательный пункт, к окну.

«Офицер исчез. Через несколько минут с той же стороны показался жандарм.

«Потом он направился к нашему дому, как человек, знающий куда он идет; перед нашим домом было незастроенное место, жандарм наклонился и с минуту посмотрел на улицу, по которой следовало человек сорок жандармов. Я подошел к Флурансу и сказал:

— «Перед домом стоят жандармы.

— «Что делать? во всяком случае не сдаваться», — сказал он.

— «Их не бог знает сколько, — сказал я.

— «Сторожите у окна, а я стану у двери.

«В эту минуту снаружи послышался шум, словно кто-то пытался войти.

«Я открыл дверь и очутился лицом к лицу с жандармом, который направил на меня револьвер.

«Не дав ему времени выстрелить, я разрядил свой револьвер прямо ему в грудь.

«Раненный жандарм бросился на лестницу и стал звать своих.

«Я погнался за ними и в нижней зале наткнулся на остальных жандармов, подымавшихся по лестнице.

«Я был оглушен ударами штыков и ружейных прикладов.

«У меня была разбита голова в двух местах, проколота нога, расшилены руки, одно ребро вдавлено, разбита грудь, изо рта, ушей и носа текла кровь, я был на половину мертв.

«Управившись таким образом со мной, жандармы пошли на верх и арестовали Флуранса. Его не узнали. Проходя мимо меня и увидав, что я лежу на полу, весь в крови, он воскликнул:

— «О, мой бедный Чиприани!

«Меня подняли и я поплелся за своим другом.

«Его арестовали при выходе из дома, а я остался на пустыре в обществе жандармов.

«Флуранса обыскали, в кармане у него оказалось письмо или депеша на имя генерала Флуранса.

«До этой минуты с ним обращались прилично, но тут сцена вдруг переменялась.

«Все стали его осыпать оскорблениями и кричать:

— «Это Флуранс! теперь он в наших руках, теперь ему не вырваться».

«Подскакал какой-то жандармский капитан. Он спросил:

— «Кто этот человек?»

— «Это Флуранс», — ответили ему дикими криками.

«Флуранс стоял, гордо выпрямившись, скрестив руки, с непокрытой, прекрасной головой.

«Жандармский капитан, верхом, находился направо от Флуранса; с высоты своей лошади он спросил его резким наглым тоном:

— «Это вы, Флуранс?»

— «Да».

— «Это вы ранили моих жандармов?»

— «Нет», — ответил Флуранс.

— «Лжец», — заорал этот негодяй и ударом сабли, нанесенным с ловкостью палача, он раскроил Флурансу череп пополам — и ускакал.

«Имя убийцы Флуранса — капитан Демарэ.

«Флуранс в ужасных судорогах метался по земле. Тогда один жандарм, смеясь, сказал:

— «Я его пристрелю», — и, приложив дуло ружья к уху несчастного, выстрелил.

«Флуранс был неподвижен. Он умер.

«Тут я бы должен остановиться, но испытания еще не кончились.

«В Версале труп великого революционера — мыслителя ждали такие поругания, что, если бы я не видел этого собственными глазами, я бы никогда этому не поверил.

«Считаю необходимым довести читателя до Версаля, этого подлого и проклятого города, чтобы сохранить все факты до того момента, когда меня разлучили с трупом Флуранса.

«Друг мой перестал страдать, но мои страдания только начинались.

«Когда убийца Флуранса ускакал, я остался во власти жандармов, которые были вокруг меня, как гиены.

«Меня подняли и поставили возле трупа Флуранса, чтобы расстрелять.

«Один из жандармов обратился ко мне с каким-то вопросом.

«Я отвечал ему с отвращением и на меня сейчас же посыпался град ударов и оскорблений.

«Это замедление спасло мне жизнь. Проехал какой-то жандармский подпоручик и спросил, кто я.

— «Это адъютант Флуранса», — ответили ему (таким образом мне стал известен мой чин).

— «Досадно, — сказал подпоручик, — его следовало убить не здесь, а в Версале».

«Обернувшись ко мне, он прибавил:

— «Свяжите хорошенько этого мерзавца. Завтра, в Версале, его расстреляют с остальной сволочью, которую мы захватили».

«Меня крепко связали, привезли тележку с навозом, положили меня туда, а на колени ко мне бросили труп Флуранса.

«Мы тронулись в Версаль, окруженные эскадрой конных жандармов.

«Известие, что везут Флуранса, дошло до Версаля раньше, чем прибыл наш кортеж.

«В воротах стоял полк солдат, которые, не зная о смерти Флуранса, приготовились меня убить.

«Мы двигались среди пьяной, жестокой черни, вопившей:

— «Смерть им, смерть!»

«В префектуре меня отвели в комнату и у ног моих положили труп Флуранса.

«Расфранченные твари, в обществе армейских офицеров приходили, смеясь, поглядеть на труп Флуранса. Мертвый, он был не страшен. С гнусными, подлыми жестами, они тыкали кончиком своих зонтиков, его мозг.

«Ночью меня разлучили с окровавленными останками моего бедного, дорогого друга. Меня заперли в подвал.

«Так надругались над трупом Густава Флуранса версальские бандиты

Амилькар Чиприани».

Предвидел ли Флуранс гекатомбу после первых ужасов, совершенных версальской армией? Понимал ли он, что люди Коммуны, благородные, доверчивые энтузиасты, заранее обречены на поражение, благодаря изменам, подлой политике и лжи правительства.

Я сама шла в 61-м монмартрском батальоне и могла проверить то, в чем была раньше убеждена: в грандиозном движении вооруженной борьбы люди забывают страх смерти и страх убийства; их вдохновляет идея.

После взятия Мулино, мы пошли на форт Исси; тут ядром у одного из наших оторвало голову.

Эд и его штаб расположились в иезуитском монастыре в Исси.

Через два — три дня, к нам пришли человек двадцать женщин, между которыми были: Беатриса Эскофон, Мальвина Пулен, Марианн Фернанец, госпожи Гулле, Данге, Картье; они несли красное знамя.

При их появлении, собравшиеся в форте федералисты приветствовали их поклоном.

Откликнувшись на напечатанный нами в газетах призыв, они явились ходить за ранеными и часто приносили нам взятые у убитых ружья.

Было у нас и много маркитанток: Мария Шмит, г-жа Лашет, г-жа Викторина Руши маркитантка тюрокосов Коммуны и т. д.

Я часто работала в амбулатории, но еще чаще участвовала в переходах с товарищами: начав с ними, мне не хотелось от них отставать и, кажется, я была недурным солдатом. В рапорте официального журнала Коммуны о деле при Мулино 3-го апреля, в номере от 10-го апреля 71 г. читаем следующее: «в рядах 61-го батальона сражалась энергичная женщина, которая убила нескольких жандармов и стражников».

Я не покидала 61-й батальон и в 3-го апреля до майской недели была в Париже два раза по несколько часов. Моими товарищами по оружию были охотники артиллеристы Исси и Нейльи, разведчики Монмартра.

Я знаю, как отважны были армии Коммуны и как мало дорожили своей жизнью мои друзья Эд, Ранвье, Ла-Сесилия, Домбровский и др.

VII. ВОСПОМИНАНИЯ.

Трубный звук раздается в таинственном мраке.

Много товарищей пойдут туда вместе со мною.

Чу! чьи-то тяжелые шаги.

Это идет человечество будущего; с ним пойду и я.

Л. М.

Первоначально я писала эту книгу, не говоря ни слова о себе; по настояниям друзей, я прибавила, к первым главам, правда, неохотно, несколько личных эпизодов; впоследствии мое настроение изменилось;

по мере того, как рассказ развивался, я с радостью переживала еще раз эту эпоху борьбы за свободу, которая была моей настоящей жизнью, и теперь я охотно не отделяю себя от тех времен.

Вот почему в моей памяти проходит целый ряд живых картин и передо мной воскресают тысячи живых людей, угаснувших навсегда.

Вот мы на Марсовом поле; ружья сложены; ночь прекрасна. Около трех часов утра мы выступаем, думая, что дойдем до Версаля.

Я разговариваю со стариком Луи Моро, который тоже счастлив, что идет вперед. Вместо моего старого ружья, он дал мне небольшой карабин «Ремингтон»; впервые я вооружена как следует, правда, говорят, что оружие мое ненадежно, но это неверно. Я рассказываю, какими выдумками я успокаивала свою мать, чтобы она не волновалась; все меры приняты, в кармане у меня лежат готовые письма с утешительными известиями, я их помечу после; я пишу ей, что мое присутствие необходимо в больнице и при первой возможности вернусь в Монмартр.

Бедная мать! Как я ее любила, как я была ей благодарна за такую полную свободу поступать по совести, которую она мне предоставляла и как я желала бы уберечь ее от черных дней, которые наступали для нее так часто.

Монмартрские товарищи здесь; все уверены друг в друге, верят и своим начальникам.

Теперь мы умолкаем; идет борьба; перед нами горка и я бегу вперед с криком: «В Версаль! В Версаль!» Рауа бросает мне свою саблю, чтобы поддержать меня. Мы пожимаем друг другу руки на вершине горки под градом снарядов; никто не ранен. В поле, покрытом пнями рассыпаются стрелки; можно подумать, что нам это не впервые.

Вот Мулино. Жандармы не удерживаются там, вопреки нашим ожиданиям; мы думали, что идем дальше, но нет; одни ночуют в форте, другие в иезуитском монастыре.

Нам монмартрцам, которым хотелось идти вперед, просто плакать хочется от досады, но мы все-таки не теряем веры. Ни Эд, ни Ранвье — никто не задержался бы без достаточных причин. Нам приводят доводы, но мы не слушаем.

Наконец, мы снова начинаем надеяться; теперь в форте Исси стоят пушки; удержаться там дело нелегкое. Мы выступили с какими-то странными снарядами (остатки осады); орудия и снаряды были разного калибра. Как тени проходят те, кто сидел в большой нижней зале монастыря: Эд, братья Мэй, братья Кариа, три старика, храбрые как герои,

Моро, Шевале, Кариа, Радуа, федералисты Монмартра; один негр, черный как смоль, с белыми, волчьими зубами; он очень добр, очень понятлив и храбр; один бывший папский зуав, перешедший на сторону Коммуны.

Иезуиты все выехали, кроме одного старика, который, по его собственным словам, не боится Коммуны и спокойно сидит в своей келье, и повара, неизвестно почему напоминавшего мне брата Иоанна из Этемюр.

Картины, украшающие стены, не стоят ломаного гроша; только одна, похожая на Мефистофеля, передает впечатление сильного характера; это, должно быть, какой-нибудь генерал иезуитского ордена; есть там и поклонение волхвов, из которых один напоминает *en laid* нашего черного федералиста, есть хронологические таблицы священной истории и тому подобные глупости.

Сам форт великолепен; это какая-то сказочная крепость; в одном месте форт поврежден пруссаками и эта брешь к нему очень идет. Я провожу в нем большую часть времени с артиллеристами; там нас навестила Викторина Эд, моя старинная подруга, хотя она и очень молода; стреляет она тоже недурно.

Вот и женщины с их красным знаменем, простреленным пулями, которому федералисты отдают честь; они устраивают в форте больницу, откуда раненных направляют в парижские госпитали, которые обставлены лучше. Я иду на вокзал Кламара; его целую ночь обстреливала версальская артиллерия.

К форту Исси ведет тропинка между заборами; по дороге растут фиалки; гранаты обращают их в пыль.

Совсем близко находится каменная мельница; часто нас сидело слишком мало в траншеях Кламара. Если б нас не поддерживала артиллерия форта, можно было бы ждать нечаянного нападения. Версальцы никогда не знали, как мало нас было.

Не помню, как это случилось, но однажды ночью в траншее, перед вокзалом нас было только двое; бывший папский зуав, и я с двумя заряженными ружьями; такого караула было как-никак недостаточно, чтобы во-время предупредить товарищей. По какому-то невероятному счастью, этой ночью вокзала не атаковали. Мы ходили по траншее взад и вперед и, при встрече, он меня спросил:

— Какое впечатление производит на вас жизнь, которую мы ведем?

— Впечатление, как будто я вижу перед собой берег, которого я должна достигнуть.

— А мне кажется, — сказал он, — что я читаю книжку с картинками.

Мы продолжали ходить по траншее, а над Кламаром царил полная тишина.

Когда утром Лизбон пришел с подкреплениями, он был и взбешен и доволен; кругом снова свистели пули, а он встряхивал свои волосы, как будто отгонял назойливых мух.

На Кламарском кладбище произошла ночная стычка. Могилы вдруг озарялись; вслед затем их опять освещала луна и, при ее сиянии, можно было видеть белые памятники, похожие на привидения, позади которых вспыхивали быстрые огоньки выстрелов.

В эту же сторону направилась ночная экспедиция Берсо. Ушедшие возвращались под огнем версальцев, среди тысячи опасностей.

Все это видится мне, как сон в стране мечты, мечты о свободе. Один студент, совсем не разделявший наших убеждений, но еще менее согласный с убеждениями Версаля — пришел в Кламар специально для того, чтобы пострелять, — главным же образом, чтобы проверить свои вычисления по теории вероятности.

Он принес с собой том Бодлэра, и мы читали из него в свободное время несколько страниц.

Однажды несколько федералистов были один за другим убиты гранатой на одном и том же месте — маленькой платформе по середине траншеи. Студент захотел окончательно проверить свои выкладки и пригласил меня выпить с ним чашку кофе.

Мы устроились поудобнее и читали стихотворение Бодлэра „La charogne“. Кофе был почти допит, когда на нас кинулись национальные гвардейцы и насильно оттащили нас с криком:

— Довольно, ради бога!

В ту же минуту в платформу ударила граната, разбила оставленные там чашки и обратила книгу в порошок.

— Это вполне подтверждает мои вычисления, — сказал студент, стряхивая покрывавшую его землю.

Он пробыл с нами еще несколько дней, и больше я его никогда не видала.

Один из немногих трусов, которых я помню во время Коммуны, — был толстый человек, явившийся к нам для того, чтобы надугать свои

молодую жену. Он был ужасно счастлив, когда я велела ему отнести записку Эду, в которой просила отослать этого храбреца в Париж. Злоупотребляя его доверием, я написала Эду приблизительно следующее:

«Милый Эд,

«Не можете ли вы отправить этого дурака в Париж. Тут он мог бы только навести панику; по счастью, у нас нет трусов. Чтобы он скорей удрал, я его уверила, что залпы с нашего форта — это пальба версальских пушек. Будьте добры, уберите его». Больше он не показывался, до того он перепугался. Если Версальская армия застала его в форме федералиста, то, вероятно, он был расстрелян вместе с другими защитниками Коммуны.

Был у нас еще один воин, в таком же роде, совсем молодой человек. Как-то ночью, мы стояли горсточкой у вокзала в Кламаре; версальская артиллерия неистовствовала. На молодого человека точно нашел припадок безумия: он непременно желал сдать. Сколько мы его ни убеждали, он ничего не понимал. — Что-ж, — сказала я, — сдавайтесь, если вам не терпится. Я остаюсь здесь и взорву вокзал, если вы осмелитесь его сдать... Я взяла в руки свечу и уселась на пороге маленькой комнаты, где лежали снаряды. Так я и провела целую ночь с зажженной свечей. Кто-то пришел пожать мне руку, и я убедилась, что он тоже не спал; это был негр. Вокзал держался, как всегда. Молодой человек на другой день уехал и больше не возвращался.

В Кламаре же с Фернанец и со мной произошло довольно странное приключение.

Мы с несколькими федералистами отправились к дому одного полевого сторожа, куда сзывали охотников.

Вокруг нас свистало столько пуль, что Фернанец сказала мне: «Если меня убьют, позаботьтесь о моих маленьких сестрах». Мы поцеловались и пошли дальше. В доме сторожа лежали на матрацах, постланных на полу, трое или четверо раненных; самого его не было, а жена выглядела, как безумная. Когда мы хотели взять раненных, она стала умолять нас уйти и оставить раненных, которых, по ее словам, нельзя было перенести, — под присмотром сопровождавших нас двух или трех федералистов.

Не зная мотивов этой просьбы, мы ни за что не захотели оставить своих в этом подозрительном месте.

С большим трудом мы перенесли наших раненных на больничные повозки, а женщина в это время на коленях умоляла нас уйти, хотя бы только вдвоем.

Видя, что ничего не добьется, она замолчала и вышла на крыльцо посмотреть, как мы удаляемся с нашими больными, на которых дождем сыпались снаряды. У версальцев было в обычае стрелять в санитаров.

Впоследствии узнали, что в подвале дома сторожа были спрятаны солдаты регулярной армии. Боялась ли эта женщина, что при ней зарежут других женщин, или просто на нее нашел припадок безумия?

Вместе с нашими ранеными, мы унесли полумертвого версальского солдата; его отправили, как и других, в Париж и положили в больницу, где он начал поправляться. При взятии Парижа версальской армией, победители, по всей вероятности, прикончили этого солдата вместе с остальными ранеными.

Когда Эд отправился в помещение ордена Почетного Легиона, я пошла в Монруж с ла-Сесилиа, а затем в Нейльи с Домбровским.

Эти два человека, в лицах которых не было никакого сходства, в деле производили одинаковое впечатление; тот же быстрый глаз, та же решительность, то же спокойствие.

В траншеях от Брюйер я познакомилась с Пентандром, командиром охотников. Если кем-либо было заслужено это звание охотников, то, конечно, наши товарищи были наиболее достойны носить его. Их отвага была так велика, что убить этих людей казалось невысказанным. Тем не менее, Пентандр погиб и с ним полегло не мало других. Думаю, что прожить больше храбрости, чем это сделали федералисты — невозможно; то был сам порыв, который один мог победить во время стремительного натиска революции.

В провинции про армию Коммуны распространяли всевозможные клеветы; ее составляют бандиты и подонки общества самого отвратительного разряда, уверял Футрике!

И все-таки Поль Минк, Амуру, и другие мужественные революционеры взволновали большие города, в которых образовались Коммуны, присылавшие в Париж заявления о своем присоединении; остальные провинции, главным образом, деревни знали только версальские военные отчеты. Например, рапорт об убийстве Дюваля наводил ужас на деревни.

«Наши войска», говорилось в донесении, «взяли в плен более 1500 человек, и можно было насмотреться вблизи на этих негодяев, которые,

для удовлетворения своих хищнических страстей, с легким сердцем, вели страну к разорению. Никогда еще низменная демагогия не представляла таких гнусных лиц взору честных людей; большинство было в возрасте 40—50 лет; но в этой длинной цепи отвратительных фигур были и старики, и дети. Среди них находилось несколько женщин. Эскортировавший их взвод кавалерии только с большим трудом защищал этих людей от разъяренной толпы, но в конце-концов удалось довести их невредимыми до больших конюшен.

«Начальник отряда Дюваль был еще утром расстрелян в Бисетре с двумя офицерами из штаба Коммуны.

«Все трое, как фанфароны, приняли участь, которую закон карает всякого начальника инсургентов, взятого с оружием в руках» *).

Мы хорошо знали, что представляют из себя генералы, перешедшие на службу от империи к версальской республике, при чем и они, и палата переменяли только название.

Главная мечь, которую будущее готовило им за парижскую резню, заключалась в раскрытии гнусных измен, столь характерных для милитаристической реакции.

VIII. ВОЛНА РАСТЕТ.

Настал, наконец, час прилива.
В. Гюго.

Волна, народная волна подымалась отовсюду; прилив ее уже захлестывал берега старого мира, грозный ропот раздавался все шире и дальше.

Куба, как и ныне, жаждала свободы. Около Майяна, Максимо Гомец и пятьсот инсургентов имели большое сражение с испанскими войсками, которые принуждены были отступить. Четыреста других инсургентов с Бембета и Хозе Мендога африканским пробили брешь в крепостной башне.

*) La guerre des Communeux de Paris par un officier supérieur de l'armée de Versailles.

Испанские республиканцы в то время не принимали участия в преступлениях королевской власти.

Кастелар и Оренза потребовали у члена версальского правительства Пикара освобождения того Хозе Гизалоло, который, будучи приговорен к смерти на родине, бежал во Францию и был арестован в Гульяке мэром, по приказанию префекта Бакозе. Десятью годами раньше, вся Европа была возмущена, когда Ван-Бенерт выдал Австрии венгерца Тебеки, хотя он и не был приговорен к смерти. Власти, находящиеся в состоянии прогрессивного разложения, соединяют, обыкновенно, свои силы против всякого народа, стремящегося к свободе. Несколько французов, заподозренных в принадлежности к Интернационалу были высланы из Барцелоны, где они имели постоянное жительство. Республиканцы внесли интерпелляцию.

По этому поводу г. Кастелар произнес следующие слова:

«Когда родной является испанская нация, нация, гордая своей независимостью и свободой, нация, которая с ужасом видела имя Сагунты, замененное именем иностранца, нация, которая при Ронсевале победила величайшего воина средних веков Карла Великого, которая при Павии победила великого полководца Возрождения — Франциска I, которая при Белена и Талавера победила величайшего генерала новейшего времени Наполеона, нация, славы которой не вмещает пространство, творческий гений которой может создать новый мир в пустыне океанов, нация, за триумфальной военной колесницей которой смиренно шли французские короли, германские императоры, миланские герцоги, нация, у которой оруженосцами и маркитантами служили бедные, скромные, маленькие савойские герцоги, основатели ныне царствующей династии... (Шум).

Кастелар. — Вы можете, конечно, призвать меня к порядку г. президент, но я здесь не для того, чтобы защищать свою скромную особу, в настоящую минуту я защищаю неприкосновенность и свободу этой трибуны... (Новый шум).

Кастелар. — Я опираюсь на историю, которая пером Тацитов и Светониев свободно обличала тиранов, Неронов и Каллигул; я сказал, — и это исторический факт, — что Филиберт Савойский, что Карлос Эммануил Савойский, что все герцоги Савойские шли жалкими нищими за триумфальной колесницей наших предков...

«Какое же слово будет считаться не оскорбительным, если я не имею права говорить даже о предках наших королей, если даже особы предков священны! Почему, когда через эти ворота возвращалась Изабелла Бурбонская, ее глаза встречали имена Мариано, Пинеда, Риего-Ласи и Эмпечинадо, имена жертв ее отца! И вот, я повторяю, что герцоги Савойские, как жалкие нищие следовали за колесницей Карла V, Филиппа II, и Филиппа V»...

Как далека от нас гордость старой Испании, воплотившаяся в заседании 20 апреля 71 г., эта трагическая гордость, невольно заставлявшая вспоминать Сиду! Казалось, что по залу проносятся в ореоле славы призраки минувшего. И вот, через двадцать шесть лет, вместо этих призраков, указывающих перстом на предком, мы попадаем в крепость Монжюик, во власть палачей-мучителей и убийц Масело... Провозглашение республики во Франции возбудило энтузиазм в русской молодежи.

За республику и Гамбетту поднимались бокалы в Петербурге и в Москве. Издалека это казалось так прекрасно! Испуганная власть призвала полицию. По всей России пошли аресты. Чтобы успокоить своих повелителей, начальник полиции уверил их, что у него в руках нити обширного заговора. На самом деле он держал в своих руках лишь ключи от тюрем и орудия пыток.

Бельгийская федерация, секции Интернационала в Каталонии и Андалузии посылали Коммуне привет от сыновей Ван-Артевельда, от художников, писателей, ученых, преемников Рубенсов, Гретри, Везалей и всех истинных граждан гордой и свободной Испании. Все кругом было за освобождение и гуманность, между тем, как, подавая сигнал к травле Парижа, версальские газеты в подлых статьях призывали к убийству.

Они восклицали: «Поменьше эрудиции и филантропии, господа, и побольше опытности и энергии. Если опытность не далась вам, позаимствуйте ее у *жертв!*»

«В этот момент мы ставим на карту Францию. Время ли теперь заниматься литературными упражнениями? Нет, тысячу раз нет! Мы знаем цену этому красноречию. Поступайте, как поступали в подобных обстоятельствах великие энергические народы:

«Не надо пленных!»

«Если в толпе окажется *честный* человек, действительно *вовлеченный силой*, вы его узнаете. Честный человек окружен ореолом. Дайте нашим молодцам солдатам свободу отомстить за своих товарищей, и пусть они сегодня, в пылу мести совершат то, что холодный рассудок запретит им совершить завтра».

«Версальские ведомости». 3-я неделя апреля.

Вот на какое дело — мыслимое лишь в безумии битвы — была направлена армия, опьяненная ложью, вином и кровью. Национальное Собрание и высшие офицеры улюлюкали, и Париж был брошен на ножи.

IX. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КОММУНЫ.

Чего добивается кроваваждный Том Пус, который держит в своих руках организованные силы Франции? Он хочет вызвать раскол между Парижем и департаментами, заключить мир; во что бы то ни стало, обезглавить революционный Париж, задавить пробудившееся сознание рабочих масс, восстановить монархию. Он не остановится ни перед каким преступлением...

Рошфор.

Много лет спустя после Коммуны, в 1895 году, в Париже, у Плона, 10, ул. Грансьер появилась книга — «Дипломат в Лондоне». В этой книге содержалась целая масса данных, свидетельствующих о том, какое трогательное согласие существовало между г. Тьером и теми господами, которые спали и видели, как короны будут плясать по лужам крови. Между прочим, в книге можно было прочесть следующее:

«Г. Тьер насаждал орлеанистов *) во французское посольство в Лондоне; там находились: герцог де-Брольи, Шарль Гавар и др.

«Было очень трудно, — говорит автор, — уловить тот оттенок, который чувствовался в речах его (графа Парижского) о г. Тьере. Он выражался о нем крайне почтительно, и, однако, в словах его звучала какая-то снисходительность. Я догадался предложить принцу перо, и он собственноручно написал за моим столом следующую депешу:

*) Орлеанским домом именуется младшую линию потомков французских королей Бурбонов. На французском престоле из этой линии был только один — Луи Филипп (1830—48). Орлеанисты — монархисты, приверженцы Орлеанского дома. — О. Б.

«В субботу граф Парижский прибыл в Albert-Gate-House. Он заявил мне, что посольство является национальной территорией, и потому он поспешил навестить его; впрочем, ближайшая цель его визита — выразить официально представителю Франции свою глубокую радость по поводу решения Национального Собрания открыть ему доступ на родину, которую он никогда не переставал любить выше всего на свете.

«В частности и в особенности, он просил меня сообщить о его чувствах и засвидетельствовать его почтение главе исполнительной власти».

«Депеша была отправлена в тот же вечер. Мне пришлось только приписать к имени графа Парижского: «Его Королевское Высочество Монсеньер...»

(„Un diplomate à Londres“ стран. 46, 47).

Лондон, 12 января 1871 года.

На 5-й странице той же книги мы читаем: «Последние события сделали кандидатуру Бонапартов невозможной; тогда стали запасаться претендентами из Орлеанского дома».

Нет нужды цитировать дальше эту книгу; это значило бы перепечатать ее целиком.

Пока г. Тьер возился с претендентами, припасенными на всякий случай, он не упускал из виду ничего, чем можно было потопить в крови освободительное движение, развивавшееся во Франции.

В Лионе и в Марселе уже возрождались из пепла Коммуны, — казалось, задушенные Гамбеттой.

«Мы желаем административной децентрализации, основанной на автономии Коммун, — писала 30 марта 1871 года Парижской Коммуне, Коммуна гор. Марселя: «при этом выборному совету каждого большого города должны быть предоставлены административные и муниципальные функции.

«Учреждение префектур — пагубно для общественной свободы.

«Мы желаем, чтобы на всем пространстве французской территории проведено было начало федерации национальной гвардии: это скрепит между собою отдельные части республики.

«Но, прежде всего и больше всего, мы желаем того, чего пожелает Марсель».

Выборы были назначены на 6 часов 5-го апреля. Поэтому генерал Эспиван соединил все войска, которые находились под его командой, с экипажами судов „Couronne“ и „Magnanime“, («Корона» и «Великодушный») и 4-го открыл бомбардировку по городу.

Выстрелом из пушки дан был сигнал солдатам; но, встретившись с безоружной толпой, которая манифестировала с черным знаменем и с криками: «Да здравствует Париж!» Войско было увлечено этим народным потоком; в волнах его потонули и артиллеристы со своим орудием, которое только успело дать еще два выстрела.

Между тем, предполагая, что Коммуна заседает в здании префектуры, Эспиван уже собирался бомбардировать его с другой стороны, из форта св. Николая.

Парижские делегаты — Ландек, Межи, Канле де-Тайак вместе с Гастоном Кремье явились к Эспивану: по их словам, они не могли допустить мысли, чтобы генерал решился на истребление беззащитных людей.

Вместо всякого ответа, и несмотря на формальный протест своих офицеров, Эспиван приказал арестовать всю депутацию.

Впрочем, что касается парижских делегатов, которым было поручено сообщить генералу требования Марселя, Эспиван принужден был освободить их; они заявили ему, что город желает свободных выборов и передачи охраны города в руки одних национальных гвардейцев.

«А я требую, — ответил Эспиван, — чтобы префектура была сдана в десять минут, или же в один час я возьму ее силой».

«Да здравствует Коммуна!» — воскликнули делегаты. С этими словами они ушли назад через толпу, где солдаты братались с народом.

Эспиван приказал скрыть в окнах стрелков — охотников и добровольцев из реакционеров. Затем открыта была стрельба, которая продолжалась семь часов. Она была поддержана канонадой из форта св. Николая.

Когда огонь прекратился, земля была покрыта трупами.

В то время, пока на улицах лилась кровь и трупы устилали мостовую, марселец Галиффе расстреливал пленников на вокзале. В числе их были гарибальдийцы, с оружием в руках защищавшие родину против вторжения французов, а также солдаты, которые отказывались стрелять в народ. Тут же были расстреляны: женщина с ребенком на руках и какой-то прохожий — за то, что порицали излишнюю жестокость Эспи-

вана. Такая же участь постигла еще нескольких марсельцев и, между прочим, начальника станции, сын которого, юноша, тщетно умолял пощадить отца...

Эспиван так доносил в Версаль своему правительству:

Марсень, 5 апреля 1871 года.

«Командующий дивизией Господину военному министру.

«Я с триумфом ввел мои войска в город Марсель; население шумно приветствовало меня. Моя главная квартира помещается в префектуре. Делегаты революционного комитета по одиночке покинули город вчера утром.

«Генеральный прокурор из Э оказывает мне самое горячее содействие: он рассылает по всей Франции вызовы на суд; у нас пятьсот пленных; я отправляю их в замок Иф.

«В настоящее время в Марселе царствует полное спокойствие.

Генерал Эспиван».

Так была окончательно раздавлена Марсельская Коммуна. Героем этой кровавой эпопеи был тот самый Эспиван, который, на основании каких-то фантастических слухов, вел в марсельском порте знаменитую охоту на несуществующих акул...

Репрессии в Марселе были ужасны; несмотря на это поднялся Сент-Этьенн.

Префекту этого города, — де-Леспэ, — удалось было сперва восстановить порядок мерами в духе Эспивана. Не даром повторяли характерную фразу префекта: «Я знаю, что такое бунт, я не боюсь этой сволочи!»

И «сволочь», как он выражался, тоже хорошо знала префекта. Внезапно захватив город обратно в свои руки, она тотчас арестовала де-Леспэ и распорядилась отвести его в думу. Там его постигла смерть при самых неожиданных обстоятельствах.

Арестованный префект был поручен двум лицам; одного звали Витуар, другого Филлон. Оба должны были смотреть за пленником.

Витуар был, в своем роде, жирондистом; напротив, Филлон оказался таким экзальтированным, что украсил себя двумя шарфами в память минувших битв: один шарф он повязал вокруг пояса, другой развевался на его шляпе.

Скоро между обоими стражами загорелся спор. Витуар пытался найти обстоятельства, смягчающие вину префекта; Филлон, возражая ему, цитировал слова де-Леспэ.

Витуар не унимался; тогда Филлон, вне себя, выстрелил из револьвера сначала в него, а потом в префекта. На шум прибежал национальный гвардеец и выстрелом из ружья свалил самого Филлона. — Бедный старик! Он столько видел измены на своем веку, что помешался на этом и ничего не видел кругом, кроме предательства.

В смерти де-Леспэ винили всех революционеров; за гибель Филлона отвечал один только его убийца.

Несколько лет тому назад я была в Марселе, куда заехала, совершая свое лекционное турнэ. Тамошние старожилы рассказывали мне, как они были поражены, словно видением, фигурой старика Филлона, когда, впереди всех, с красным шарфом на шляпе и с глазами, мечущими молнии, он шел в Думу.

Его рот был широко открыт, и, покрывая все голоса, издавек слышался его крик: «Вперед! вперед, Коммуна!»... То был призрак — призрак кровавых схваток...

К восстанию в Сент-Этьенне присоединились рудокопы, которые покинули свои шахты... Но не национальной гвардии удалось сохранить в городе порядок: и здесь он был водворен смертью.

Тогда поднялся Нарбонн. Дижон, натура героическая, увлек за собой весь город. В первый раз движением были захвачены и солдаты.

Рейналь старший, который являлся руководителем первого приступа реакции, был взят Дижоном в качестве заложника.

Прокламация Дижона заканчивалась следующими словами:

«Пусть другие покорно сносят вечный гнет! пусть они остаются презренным стадом, отдавая шерсть свою и мясо хозяевам!

«Что касается нас, то мы не сложим оружия, пока не будут удовлетворены наши справедливые требования. Если же, вместо этого, против нас опять будет выставлена сила, мы заявляем громко, перед лицом неба, что сумеем защищаться до последней капли крови».

Славный Дижон! не мало он видел на своем веку! Когда я вернулась с Каледонии, я увидела, что из революционера авторитарного направления он сделался анархистом. При своей неподкупной честности, он не мог не убедиться, что власть есть источник всех преступлений против народа.

Когда Нарбонн отказался сдаться, были вызваны войска и орудия. Власти прислали из Монпелье две роты саперов, из Тулузы — артиллерию, из Фуа — пехоту; из Каркассона прибыла кавалерия, из Перпиньяна — отряды африканцев. Команду над всей этой армией принял на себя генерал Цент; ему было внушено, что на людей, которые, в действительности, поднялись во имя правды и гуманности, нужно смотреть, как на гиен и врагов рода человеческого.

Когда всей этой своре дали понюхать крови, ее спустили на город.

Бой начался ночью. Он продолжался до двух часов дня.

Весь Нарбонн был превращен в кладбище; тогда он сдался.

Дижон один оставался в думе, не желая капитулировать; толпа насильно увела его оттуда. Он был арестован только на другой день, — и то потому, что не хотел скрываться.

Девятнадцать солдат 52-го линейного полка были приговорены к смерти за то, что отказались стрелять в народ; однако, из опасения народной мести, они не были казнены.

Правительство удовлетворялось тем, что без разбору расстреляло всех, кто был захвачен в бою.

И Нарбонн сохранил в памяти имена девятнадцати членов военного совета.

Вот эти имена: Менье, Вараш, Ренон, Боссар, Мейер, Парренэн, Маляре, Лестаж, Арно, Руайе, Монаван, Лега, Дюко, Адан, Делибессар, Гарнье, Шаррюе, Рене.

В Крезе, восстание вспыхнуло еще раньше Парижа. Поводом к этому явилась засада, устроенная по дороге в Моншанэн, куда рабочие отправлялись всякий раз, когда надо было известить товарищей о начавшемся движении.

На дороге была скрыта бомба; когда показались какие-то подозрительные люди, был произведен взрыв, чтобы выяснить в чем дело: убитых оказалось пятнадцать человек... Такими мерами думало тогда правительство остановить движение!

Получив известие о 18-ом марта, Крезе поднялся. Сначала войска были удалены. «Устраивайте себе Коммуну», — заявил комендант. И Крезе принялся ликовать, с шумными восклицаниями: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!»

Вскоре вернулись усиленные отряды войска, и манифестанты были рассеяны. Однако, им удалось захватить нескольких агентов Шнейдера, которые, смешиваясь с толпой, кричали: «Да здравствует гильотина!» Задержанные сознались в провокации.

Революционное население Крезе отправило делегатов в Лион и в Марсель, где в это время царствовало величайшее возбуждение.

В Лионе, вся площадь предместья Ла-Гильотьер была покрыта толпой. По всему городу было расклеено воззвание, которое заклиняло граждан быть стойкими и не допустить гибели Парижа и республики.

Да, и лионцы были стойки. Но префект Валентэн и генерал Кроза располагали слишком значительными силами, и они воспользовались этим так, как никогда не решились бы воспользоваться против вторжения иноземцев...

К войску примкнула часть национальной гвардии, остававшаяся верной порядку. Началось истребление лионских коммунаров.

В предместьи Ла-Гильотьер и во многих местах города бой продолжался пять часов.

Делегат Интернационала, Альберт Леблан не мог пробраться в Ла-Гильотьер и принужден был сражаться в самом городе.

После пяти часов страшной борьбы, между плохо вооруженными людьми и стройными батальонами, Коммуна города Лиона пала.

Когда внезапным и смертельным ударом сражен бывает человек, полный жизни, — члены его тела еще некоторое время вздрагивают; такие же точно конвульсии чувствовались еще долгое время в больших городах, где Коммуна захлебнулась в крови.

До нас дошли многочисленные документы, которые свидетельствуют о революционных вспышках в следующих городах: Бордо, Монпелье, Сетт, Безьер, Клермон, Люнель, Л'Эро, Марсельян, Марсилярнь, Монбазэн, Жиган, Мароссан, Абейльян, Вишьнев-Ле-Безьер, Тибери.

Все эти и многие другие города решили отправить своих делегатов на общий конгресс, который должен был открыться 14-го мая в Лионе, в здании городского театра.

Из провинциальных городов в Версаль приходили послания, полные упреков. Мы запомнили имена Гренобля, Нион, Макон, Валанс, Цруа, Лимож, Памье, Безье, Лиму, Ним, Драгиньян, Шаролль, Ажан, Монтелимаф, Вьенн, Бон, Роанн, Лодев, Тарар и Шалон. Малон, у которого были точные сведения, насчитывал целые тысячи негодующих писем, где провинциальные города посылали свои проклятия Парижу.

Когда город Ле-Ман узнал о том, что в Париже провозглашена Коммуна, в нем вспыхнуло восстание. Из Ренн были присланы два пехотных полка; за ними были вызваны кирасиры... Этими силами надеялись раздавить движение: но войска примкнули к манифестантам.

Свое послание парижской Коммуне радикальный комитет Макона начал следующими словами:

«Республика дороже всеобщего голосования.

«Государственные перевороты и плебисциты — вот настоящие причины всех наших бедствий».

Да, плебисцит как раз только что показал свою силу, и состав Бордосского собрания являлся довольно подозрительным, если вспомнить, какое брожение происходило тогда во всей Франции. Впрочем, обратная сторона всеобщего голосования ни для кого уже не составляет тайны; если же к этому прибавить ужасы репрессий, то станет очевидно, что только деревенское население могло простодушно поддаться обману: все же сознательные элементы страны были подавлены террором.

Послание радикального комитета Макона парижской Коммуне было датировано 9-го марта 1871 года; его подписали: П. Ординэр, Пьер Ришар, Орлеа, Ловернье, Сеньо, Верж, Шашюа, Жона, Гине.

Республиканцы города Бордо также опубликовали свой манифест вместе с проектом конгресса, который должен был собраться в Бордо. Этому конгрессу они предлагали выработать соответственные меры для подавления междоусобной войны, обеспечить муниципальные вольности и упрочить Республику.

Коммуна казалась тогда такой естественной формой, которая вернее всего может обеспечить свободу. Манифест бордосских республиканцев был подписан следующими лицами: Леон Билло, журналист; Шевалье, негодник *); Кусто, судохозяин; Дельбуа, член муниципального совета; Делины, гражданский инженер; Депоуже, негодник; Сюре, капитан национальной гвардии; Парабер, тоже; Поле, выбывающий член муниципального совета; Руссель, негодник; д-р Сарро, журналист; Сожонн, бывший член генерального совета Жиронды; Тресс, домовладелец.

Все эти люди обращались к Коммуне не в силу увлечения, а вследствие известных общих мотивов. Быть может им также внушала отвращение гнусная политика версальского правительства, о которой можно судить по циркуляру, приводимому ниже. Этот документ прошел по всем ступеням служебной иерархии; его удалось извлечь на свет божий из управления одного мэра в департаменте Сены и Уазы.

*) Негодник — крупный торговец, ведущий дела с колониями, с иностранными государствами — О. Б.

«К сведению г. мэра.

«Установить ежедневный надзор за гостиницами и меблированными комнатами; следить, чтобы хозяева их вели для полиции список постояльцев; требовать представления этих списков в управление мэра, полицейскому комиссару, или жандармерии.

«Частных лиц, которые пожелали бы сдавать свои помещения на короткое время приезжающим, обязать особым распоряжением заявлять о том в мэрию; при этом они должны указывать имена постояльцев, место и время их рождения, занятие и постоянное местожительство.

«Наблюдать за постоянными дворами, кафе и питейными заведениями. Не допускать там чтения каких бы то ни было парижских газет».

Все члены версальского правительства, как большие, так и малые, должны были нести полицейские обязанности; Франция превратилась в одну огромную мышеловку. Разумеется, по мере того, как эти гнусности обнаруживались, всеми честными людьми овладевало негодование.

В Руане, в первых числах апреля, франкмасоны заявили, что они всецело присоединяются к официальному манифесту совета своего ордена, на знамени которого начертаны слова — свобода, равенство, братство. Пусть раздастся проповедь мира среди людей; пусть во имя человечности, объявлена будет неприкосновенной человеческая жизнь, и прокляты будут всякие войны; орден желает прекратить кровопролитие и заложить основы истинного мира, который явится зарей светлого будущего.

«Таковы наши настоятельные требования», — заявляли руанские франкмасоны: — «и если донныне наш призыв оставался без ответа, то теперь мы вам заявляем: вместе с нами этого требует человечность и родина.

«Почетный председатель руанских масонов Дессо; досточтимый из ложи «Объединенные искусства» Эдиар; досточтимый из ложи «Мерило твердости» Лоро; досточтимый ложи «Венец постоянства» Э. Виено.

Из лож «Объединенное искусство» и «Венец постоянства» Эдиар и Гуда; председатель философского совета и уполномоченный соединенных мастерских, а также «Восток» Руана — Дьети; секретарь Жюль Годфруа».

Кровопролитие! Человечность! Нет, несмотря на свои средневековые титулы, франкмасоны говорили на языке, еще неизвестном дикарям, которые заседали в Версале.

26-го апреля, по приглашению федерального комитета, 500 человек собрались в два часа пополудни в зале федерации. Власти распорядились оцепить помещение. Однако, когда главный комиссар Жерар с двадцатью пятью агентами вошли в залу, она оказалась пустой: собрание состоялось несколько раньше. Полиция успела только захватить некоторые бумаги, после чего направилась к отдельным членам Интернационала. Несколько человек было арестовано; в том числе были: Воган, Кордом, Монде, Фрич, Буланже.

Таким образом, лица, которых считали вожаками движения, были заключены в тюрьму. Но правительство все еще было в страхе: власти собирались выслать арестованных на остров Беллиль или даже дальше; в первую партию должны были войти двадцать пять человек.

В Версале газета „Gaulois“ («Галльская кровь») опубликовала некоторые устрашающие подробности, которые касались заключенных. Дело было полно таких разоблачений, в нем сплетались такие запутанные нити, что, несмотря на все старание уголовных властей Руана закончить поскорее предварительное следствие, процесс коммунаров оказывался слишком сложным, чтобы немедленно поступить в суд.

«Тайна, которая первоначально окутывала арестованных, начинает понемногу рассеиваться», — писал „Gaulois“.

«Мы можем, — добавляла газета, — сообщить уже некоторые подробности о главных обвиняемых.

«Душа заговора, Кордом, — богатый домовладелец и оптовый торговец вином; на выборах 70-го года он прошел в члены генерального совета по предместью Сэн-Север.

«Независимо от своих политических убеждений, он пользуется некоторой любовью местных жителей; в сущности, это — честный человек, который, однако, всегда был одержим манией революционера.

«Воган, товарищ мэра в Дарнетале, близ Руана, является весьма влиятельным и деятельным членом Интернационала; он пользуется репутацией выдающегося знатока химии; не из этой ли области почерпнул он тот, более чем французский пыл, которым проникнута одна написанная им поэма? Камбронн пишет в своей камере эпиграммы *) на начальника тюрьмы. Он держится очень стойко.

*) Эпиграмма — короткое остроумное стихотворение, авяляющее в себе едкую насмешку — О. В.

«Делапорт — бывший редактор газеты „Patriote“, («Патриот»), запрещенной прусским правительством; это — еще молодой человек, по слухам, весьма интеллигентный.

«В руках судебного следователя г. Леру находятся два вещественных доказательства.

«Первый документ — воззвание, приглашающее граждан воздержаться от последних муниципальных выборов.

«Это воззвание составлено в возмутительном тоне, по отношению к законному версальскому правительству.

«Второй документ — есть постановление примкнуть к парижской Коммуне, или, по крайней мере, копия этого акта — без подписи; эта бумага была найдена у Фроссара, башмачника в Эльбеф, тоже замешанного в заговоре.

(„Le Gaulois“, 14 апреля 1871 года).

Не в первый раз черновики без подписи приравниваются к подписанным документам; не в первый раз люди, добивающиеся свободы, относятся с недоверием к обещаниям врага!.. Выборы, от участия в которых уклонялись руанские революционеры, должны были неизбежно обратиться в правительственный плебисцит.

Напуганные версальцы трепетали от ужаса, читая подобные бессмысленные обвинения; они кричали, что нужно быть настороже — потому что один из обвиняемых — Ридне, бывший офицер генерального штаба в Гавре, был выпущен на свободу под честным словом вернуться в тюрьму, если следствие установит его вину. До последнего же момента против него не находилось решительно никаких улик.

Между тем, несмотря на постоянные репрессии, революционное движение все еще развивалось в Монпелье, Тулузе, Бордо, Гренобле, Сент-Этьенне; гонимая печать возрождалась из пепла, наводя ужас на Версаль, хотя пушки правительства и громили Исси, Нельи, Курбуа: волонтеры, явившиеся для действий против Парижа, оказывались ничтожной горстью, — и правительство, отчаянно взывая к мирным обывателям, старалось запугать их призраком раздела имущества... которого у них не существовало!

Напротив, в Париже благородные до наивности коммунары заставляли старого и столь же наивного Белэ спать в банке, охраняя сокровища буржуазии с опасностью для жизни. Они воображали, что этого

Несколько дней спустя после 18-го марта „L'Emancipatin de Toulouse“ («Освобождение Тулузы»), высказывала следующее суждение о версальском правительстве.

«Существует, действительно, заговор: он организован с тем, чтобы разжечь взаимную ненависть между гражданами и на смену войне против иноземцев вызвать чудовищную междуусобицу. Кто лелеет этот преступный план? Это те самозванцы, которые наглым образом присваивают себе титул защитников порядка, семьи и собственности.

«Одним из наиболее деятельных участников этого заговора против общественной безопасности является Винуа; он был сенатором; теперь он генерал».

Первые исторические работы, посвященные 71-му году, возникли в то время, когда правительство было еще одержимо жаждой крови. Поэтому авторы их, из страха перед репрессиями, которые постоянно угрожали всякому свободному слову, не решались упоминать о всех тех революционных движениях во Франции, которые были аналогичны Коммуне или соответствовали однородным явлениям в Европе — Испании, Италии, России и в других частях света Азии и Америки. Повсюду еще этот материал ждет своего историка; исследование его должно послужить как бы прологом к современному положению вещей.

X. АРМИЯ КОММУНЫ. — ЖЕНЩИНЫ 71-го ГОДА.

Трупами усеяна земля,
Будущее соберет эту жатву
Л. М.

С 5-го апреля батареи южной и западной стороны, возведенные еще немцами против Парижа, служили для той же цели всерсальцам: недаром они были прозваны «парижскими пруссаками». Впрочем, в интересах справедливости, следует оговориться, что никогда самые свирепые немецкие уланы не совершали таких жестокостей, какими опозорили себя версальцы.

Версальская армия употребляла против федералистов разрывные пули, которые были пущены в дело только при осаде Парижа. Мне самой пришлось видеть одного несчастного, который, скрываясь в траншеях

От-Брюйер, был поражен таким снарядом прямо в лоб. Я сохранила несколько таких пуль: их можно было бы демонстрировать на какой-нибудь выставке орудий, употребляемых при охоте на слонов. К сожалению, они исчезли у меня после нескольких обысков.

Весь район Елисейских полей был точно начисто выметен пулями. С Мон-Валерьяна, Медона, Бримборьона версальцы без усталости осыпали картечью несчастное население этой части Парижа.

С другой стороны, редут Мулино и форт Исси все время переходили из рук в руки: там положение оставалось неопределенным.

В сравнении с армией версальцев, защитники Коммуны представляли собою ничтожную горсть. Разумеется, от них требовались чудеса храбрости, чтобы продержаться так долго, несмотря на постоянные попытки врагов взять их предательством и на потерю времени при начале борьбы. Военных по профессии было очень мало в этой армии: Флуранс погиб. Чириани томился в плену; оставались только Кюзере, братья Домбровские, Врублевский, Россель, Околович, Ла Сесилиа, Гектор Франс, несколько унтер-офицеров и солдат, примкнувших к коммунарам и, наконец, моряки, также ставшие на сторону Парижа. В том числе было несколько морских офицеров — Куанье, явившийся вместе с Люлье, был гардемарин^{*)}, а Перюссэ — капитаном дальнего плавания. «Зачем платить контрибуцию пруссакам? — рассуждали моряки: — когда мы покончим с версальцами, мы пойдем на abordage^{**)} и возьмем обратно наши форты». Один из этих молодцов, Кервисик, был потом сослан вместе с нами на полуостров Дюко; он и там продолжал твердить то же самое всякий раз, как мы вспоминали время Коммуны, которое нам, заброшенным за океан, казалось таким уже далеким?

В первых числах апреля, Домбровский назначен был комендантом города Парижа. Осажденные все еще не теряли надежды; борьба не ослабевала, хотя версальцы наступали одновременно на Нейльи, Леваллуа, Аньер, Булонский лес, Исси, Ванв, Бисетр, Клиши, Пасси, ворота Бино, Терн, авеню Великой Армии, Елисейские поля, Триумфальную Арку, Сен-Клу, Отейль, Вожирар, ворота Майо.

И в это время Футрике заявлял, что усиленную пальбу из пушек производят только парижские бандиты: они де хотят показать, что на них нападают!

^{*)} Гардемарин — морской унтер-офицер. — О. Б.

^{**)} Абордаж — сцепление кораблей для рукопашного боя. — О. Б.

Несколько дней спустя после 18-го марта „L'Emancipatin de Toulouse“ («Освобождение Тулузы»), высказывала следующее суждение о версальском правительстве.

«Существует, действительно, заговор: он организован с тем, чтобы разжечь взаимную ненависть между гражданами и на смену войне против иноземцев вызвать чудовищную междуусобицу. Кто лелеет этот преступный план? Это те самозванцы, которые наглым образом присваивают себе титул защитников порядка, семьи и собственности.

«Одним из наиболее деятельных участников этого заговора против общественной безопасности является Винуа; он был сенатором; теперь он генерал».

Первые исторические работы, посвященные 71-му году, возникли в то время, когда правительство было еще одержимо жадной кровью. Поэтому авторы их, из страха перед репрессиями, которые постоянно угрожали всякому свободному слову, не решались упоминать о всех тех революционных движениях во Франции, которые были аналогичны Коммуне или соответствовали однородным явлениям в Европе — Испании, Италии, России и в других частях света Азии и Америки. Повсюду еще этот материал ждет своего историка; исследование его должно послужить как бы прологом к современному положению вещей.

X. АРМИЯ КОММУНЫ. — ЖЕНЩИНЫ 71-го ГОДА.

Трупами усеяна земля,
Будущее соберет эту жатву
Л. М.

С 5-го апреля батареи южной и западной стороны, возведенные еще немцами против Парижа, служили для той же цели всерсальцам: не даром они были прозваны «парижскими пруссаками». Впрочем, в интересах справедливости, следует оговориться, что никогда самые свирепые немецкие уланы не совершали таких жестокостей, какими опозорили себя версальцы.

Версальская армия употребляла против федералистов разрывные пули, которые были пущены в дело только при осаде Парижа. Мне самой пришлось видеть одного несчастного, который, скрываясь в траншеях

От-Брюйер, был поражен таким снарядом прямо в лоб. Я сохранила несколько таких пуль: их можно было бы демонстрировать на какой-нибудь выставке орудий, употребляемых при охоте на слонов. К сожалению, они исчезли у меня после нескольких обысков.

Весь район Елисейских полей был точно начисто выметен пулями. С Мон-Валерьяна, Медона, Бримборьона версальцы без усталости осыпали картечью несчастное население этой части Парижа.

С другой стороны, редут Мулино и форт Исси все время переходили из рук в руки: там положение оставалось неопределенным.

В сравнении с армией версальцев, защитники Коммуны представляли собою ничтожную горсть. Разумеется, от них требовались чудеса храбрости, чтобы продержаться так долго, несмотря на постоянные попытки врагов взять их предательством и на потерю времени при начале борьбы. Военных по профессии было очень мало в этой армии: Флуранс погиб. Чиприани томился в плену; оставались только Кюзере, братья Домбровские, Врублевский, Россель, Околович, Ла Сесилиа, Гектор Франс, несколько унтер-офицеров и солдат, примкнувших к коммунарам и, наконец, моряки, также ставшие на сторону Парижа. В том числе было несколько морских офицеров — Куанье, явившийся вместе с Люлье, был гардемарин^{*)}, а Перюссэ — капитаном дальнего плавания. «Зачем платить контрибуцию пруссакам? — рассуждали моряки: — когда мы покончим с версальцами, мы пойдем на abordaj^{**)} и возьмем обратно наши форты». Один из этих молодцов, Кервисик, был потом сослан вместе с нами на полуостров Дюко; он и там продолжал твердить то же самое всякий раз, как мы вспоминали время Коммуны, которое нам, заброшенным за океан, казалось таким уже далеким?

В первых числах апреля, Домбровский назначен был комендантом города Парижа. Осажденные все еще не теряли надежды; борьба не ослабевала, хотя версальцы наступали одновременно на Нейльи, Леваллуа, Аньер, Булонский лес, Исси, Ванв, Бисетр, Клиши, Пасси, ворота Бино, Терн, авеню Великой Армии, Елисейские поля, Триумфальную Арку, Сен-Клу, Отейль, Вожирар, ворота Майо.

И в это время Футрике заявлял, что усиленную пальбу из пушек производят только парижские бандиты: они не хотят показать, что на них нападают!

^{*)} Гардемарин — морской унтер-офицер. — О. Б.

^{**)} Абдордаж — сцепление кораблей для рукопашного боя. — О. Б.

«Значит, те раненные, которые в таком множестве наполняют версальские госпитали, только делали вид, что они ранены? — замечал по этому поводу „*Mot d'Ordre*“: — значит, те версальцы, которых хоронили после боя, только притворялись, что они убиты? Такова логика кровожадного Том-Пуса, который обрушил на Париж целый ливень огня и картечи, заявляя в то же время в своих циркулярах и газетах, что Париж вовсе не подвергается бомбардировке».

При атаке баррикады у моста в Нейльи был убит капитан Бургуэн: это было тяжелой потерей для Коммуны.

В распоряжении Домбровского было едва ли две или три тысячи человек, иногда и того меньше; и с такими то силами он должен был выдерживать постоянный натиск более десяти тысяч регулярного войска.

Генерал Вольф, полководец типа теперешних Вейлеров, приказал оцепить один дом, в котором засели 200 федералистов: все они были взяты и перебиты.

В парке Нейльи пули сыпались непрерывным градом: при этом в древесной листве слышался характерный, всем нам знакомый шум, как будто в грозу летом. Иллюзия была так полна, что, казалось, вы ощущаете сырость кругом, хотя всякий понимал, что все это делает картечь.

В течение нескольких ночей версальская артиллерия затопляла своим огнем баррикаду Пейроннэ, у дома, где находился Домбровский со своим главным штабом; казалось, земля содрогается, и море пламени падает с неба.

Как то ночью товарищи потребовали, чтобы я пошла отдохнуть. Возле баррикады я заметила покинутую протестанскую церковь: оказалось у ее органа перебито всего две или три клавиши. Я села за орган и совсем было увлеклась игрою, как вдруг передо мною вырос капитан федеральных войск в сопровождении трех или четырех человек. Они были вне себя.

«Как, — воскликнул капитан, — так это вы указываете цель гранатам?! Я шел сюда расстрелять предателя, который сигнализирует врагам».

Так закончилась моя попытка воспроизвести в музыке танец бомб.

В парке, перед домами кое-где виднелись фортепиано, оставленные своими хозяевами. Некоторые из этих инструментов сохранились в полной исправности и были даже хороши, хотя и подвергались действию сырости. Я никак не могла понять, почему их предпочли вынести наружу, а не оставили в домах.

Баррикада Нейльи была, положительно, засыпана гранатами, которые причиняли страшные раны людям. У одних были оторваны руки до самой спины, так что обнажены были кости лопаток, у других пробита грудь, у третьих — снесена вся челюсть. Таких раненных перевязывали, без надежды спасти их. Те, которые сохранили еще голос, восклицали перед смертью: «Да здравствует Коммуна!» Мне никогда не приходилось видеть таких ужасных ран.

В нескольких пунктах Нейльи наши линии совсем сблизилась с версальцами; с поста Анри Пласа можно было даже слышать их разговор.

Когда явились Фернандец, г-жа Данге и Мариани, мы устроили летучий госпиталь, около баррикады Перроне, как раз против главного штаба; сравнительно легко раненные оставались здесь, более тяжелых препровождали в большие госпитали, соответственно распоряжениям врачей; во всяком случае, первая повязка спасла жизнь не одному человеку.

Как всегда бывает, к трагическому в эти дни применялось и смешное.

Один крестьянин в Нейльи посеял дыни на своих грядках. Во время бомбардировки он не отходил от огорода, как будто мог спасти этим свои посадки от гранат. Пришлось увести его силой, а для того, чтобы он не вернулся — уничтожить его парники, где стекла уже были разбиты.

Любители посмеяться рассказывали также, как несколько агентов из Версаля были посланы г. Тьером в Париж, где они должны были собраться в условленном месте и подготовить заговор. Эти шпионы должны были проникнуть в Париж через сточные трубы, но они так плохо рассчитали свои шансы, что некоторые из них застряли, как крысы, в самом устье труб и не могли выбраться наружу. Пришлось им самим звать на помощь и просить коммунаров сжалиться и вытащить их на божий свет. Так открылся их умысел.

Другие агенты Версаля пытались было возбудить вражду между Центральным Комитетом и Коммуной. Но при этом они прибегали к такому низменному заискиванию, что сами выдавали себя головой.

Над всем этим не мало смеялись в свое время. А, между тем, кругом рвались гранаты и жужжали пули.

Ворота Майо все еще держались под защитой своих легендарных героев — артиллеристов. Их было немного; среди них были и старики, и молодежь, и даже совсем дети, которые помогали старшим.

Утром 9-го апреля одному моряку снарядом вырвало живот, когда он был у своего орудия. Его звали Ферилон. Это имя было тогда хорошо известно.

Толковали еще о другом храбрце — Краоне; прочие остались неизвестными... Но зачем знать все эти имена? Мы знаем Коммуну, и во имя Коммуны будут отомщены наши доблестные легионы.

Словно образы сновидения проходят беред нами батальоны Коммуны; все эти мстители за Флуранса — смелые, с гордой и свободной осанкой истинных революционеров; тут и зуавы Коммуны, тут и наши разведчики, напоминающие испанских гверильясов*), готовые на самые отчаянные предприятия; тут и охотники, в увлечении своем прыгающие все дальше и дальше, из траншеи в траншею; тут и тюркосы**) Коммуны и отряды Монмартра с Женсулем, и еще многие другие..

Все это — храбрцы с нежным сердцем; в Версали их звали бандитами; их пепел развеяли ветры; их кости с'ела негашеная известь; но это Коммуна, — это призраки майских дней!

В рядах коммунаров находились и женщины; они были марки-тантками, госпитальными сестрами, даже солдатами. Женщины не отставали от других.

Вот всего несколько имен, которые были нам известны: Лашэз, марки-тантка 66-го батальона, Викторина Руши — у тюркосов Коммуны, марки-тантка охотников; Мариани, Данге, Фернандец, Мальвина Пу-лэн и Картье — сестры в госпиталях Коммуны; члены наблюдательных комитетов — Пуарье, Экскоффон, Блэн; женщины из Кордери и учительницы: Лемель, Дмитриева, Лелу; организаторши инструкторской части до борьбы в самом Париже, где они показали себя истинными героинями — Андре Лео, Жаклар, Перье, Реклю и Сапия.

Всех этих женщин можно считать в составе армии Коммуны; их были тоже легионы.

17-го марта форт Ванв был окружен, и версальцы открыли огонь с Банье между двух баррикад.

В ночь на 16-го мая в Нейльи происходил жестокий артиллерий-ский бой; но от Сент-Уан на Пуэн-дю-Жур до Берси и обратно все время держались две армии Коммуны.

Держались и ворота Майо, не отступал и Домбровский.

*) Испанские партизаны действовавшие против французов в 1812 г.—О. Б.

**) Африканские (из Алжира) стрелки; часть регулярной французской армии.—О. Б.

На позиции часто приходили члены Коммуны — Паскаль Груссе, Ферре, Дерер, Ранвье; они были так храбры, что им невольно прощали излишнее великодушие.

Армия Коммуны была так малочисленна, что везде встречались одни и те же лица. Что за беда!.. Так шли наши дела. Несмотря на все заботы Коммуны, кое-где граждане терпели еще страшные лишения. В некоторых местах, между прочим, на улице Перголез, дети подбирали снаряды, чтобы продать их за несколько су иностранцам. Одни занимались этим потому, что были бездомны и не знали, что могут найти помощь у Коммуны; другие добывали этим пропитание для своих семей. Дети ходили с обожженными бровями и руками; просто непостижимо, как с ними не приключалось еще чего-нибудь худшего! От времени до времени они собирались повеселиться в театр Гиньоль, который держался до конца мая, когда по авеню де-Л'Этуаль какая-то женщина отвела их в Городскую думу.

До этого момента армия Коммуны была армией свободы, после него ей суждено было сделаться армией отчаяния.

Я заканчиваю эту главу двумя фразами Росселя. Первая предшествовала его вступлению в армию Коммуны и заключает в себе его суждение о ней. Эту цитату я взяла из его письма, посланного 19-го марта 71 года из лагеря при Невере генералу, военному министру в Версаль.

«В стране борются две партии. Без всяких колебаний я становлюсь на сторону тех, которые не подписывали позорного мира и не имеют в своих рядах генералов, виновников преступной капитуляции».

Вторая тирада содержит в себе суждение Росселя о регулярной армии: он высказал его, перед казнью, своему защитнику Альберту Жоли:

«Вы — республиканец, — сказал он: — если вы очень скоро не переделаете армии, она низвергнет республику. Я умираю за гражданские права солдата: в этом, по крайней мере, вы должны быть уверены»...

XI. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СВОБОДЫ.

«Послушай, как волки воют в лесах: один воет, как другой; так же и люди-зверя в один голос воют в защиту порядка»...

Армия федералистов была одушевлена истинным героизмом. Но у героев были свои слабости, которые нередко приводили к гибельным последствиям.

Несмотря на декрёт, разрешавший рабочим союзам пользоваться покинутыми помещениями, мастерские веревочников почему-то оставались неприкосновенными; мало того, на некоторых улицах возле этих домов была даже поставлена охрана, как и у банка. Естественно, что эти трусы, бежавшие из Парижа, когда они чувствовали себя в опасности, — стали скоро во множестве возвращаться из провинции. Или попросту, из Версаля. Они яростно поносили Коммуну и, конечно, охотно могли оказать гостеприимство шпионам версальского правительства. И, действительно, скоро эти банды наводнили весь Париж.

Некоторые из шпионов селились в домах терпимости; комиссарам Коммуны приходилось искать их и здесь. Однако, благодаря укрытельству со стороны женщин этих притонов, старания комиссаров не приводили ни к чему и, в отместку, их же порочили грязной клеветой.

Некоторые постановления Коммуны были приведены в исполнение. Так, была низвергнута Вандомская колонна; однако, отдельные части ее остались целы, и впоследствии ее реставрировали для того, чтобы перед этим бронзовым символом будущее молодое поколение могло проникаться культом войны и деспотизма.

Впрочем, те даты кровавых гекатомб, которые были вырезаны на колонне, могли и охладить подобное увлечение.

Был предан сожжению и эшафот. К такому общественному позорищу приговорила его комиссия, в состав которой вошли Капелларо, Давид, Андре Иджиен, Доргаль, Февр, Перье, Колэн.

6-го апреля, в 10 часов утра, было сожжено гнусное орудие человеческой бойни. То была совсем еще новая гильотина; в наше время ее успели уже заменить несколькими другими, еще более новыми. При теперешнем частом пользовании этой машиной, она изнашивается, повидимому, скорей, чем когда бы то ни было.

Как и гильотина, опять заняли свое место четыре проклятых плиты...

Со всех сторон Коммуна получала выражение симпатий; к сожалению, то были пока одни слова. Поэтому уполномоченный по внешним сношениям, Паскаль Груссе не без основания обращался к главным городам Франции со следующим письмом:

«Большие города! прошло время манифестов: пришла пора действовать, и слово принадлежит пушкам; довольно симпатий: у вас есть ружья и боевые припасы. Подымайтесь большие города!

«Париж смотрит на вас, Париж ждет, что вы сомкнетесь вокруг шайки трусов, которые его расстреливают, и не позволите им избежать наказания, которое мы им готовим.

«Париж исполнит свой долг, и исполнит до конца; но не забывайте его вы, Лион, Марсель, Лиль, Тулуза, Нант, Бордо и другие.

«Если бы Париж пал в своей борьбе за свободу всех, то история мстительница имела бы право сказать: «он погиб, потому, что вы допустили совершиться этому преступлению».

Уполномоченный во внешних сношениях

Паскаль Груссе».

Послание Груссе не дошло по назначению: в провинцию проникали только распоряжения версальского правительства. Что же касается корреспонденции, которая направлялась из провинции в Париж, то вся она доставлялась в Версаль, где в замке письма лежали кучами в Галлерее битв.

Несмотря на всю энергию делегатов Парижа в провинции, в том числе неутомимого Поля Минка, все депеши из Парижа перехватывались на почте в местах назначения и направлялись в Версаль; многие из частных адресатов подвергались аресту.

Воззвание к сельскому населению, редактированное Андре Лео, тщательно уничтожалось правительством.

В полдень 21-го марта, Тьер — живое воплощение духа реакции, — посылал Жюлю Фавру следующую телеграмму:

«Господин Бисмарк может быть спокоен. Война будет кончена в течение недели. Нам удалось уже пробить брешь со стороны Исси, и в настоящий момент идет работа над ее расширением.

«Брешь пробита и в Ла-Мюэт, где дело быстро подвигается вперед; к тому же предприятию мы приступаем в Пасси и на Пуэн-дю-Жур. Однако, нашим солдатам приходится работать под огнем картечи, и не будь нашей большой батареи на Монтрту, подобные смелые попытки были бы невозможны.

«Во всяком случае, предприятия такого рода зависят от стольких случайностей, что нелегко определить вполне точно срок их окончания. Я умоляю господина Бисмарка во имя Порядка предоставить нам самим подавить этот антисоциальный разбой, который на несколько дней свил себе гнездо в Париже.

«Действовать иначе, значило бы нанести новый удар сторонникам порядка во Франции и законности в Европе.

«На нас могут рассчитывать: общественный порядок восторжествует в течение недели.

«Что касается наших пленников, то сегодня утром я сообщил вам, куда их отправить. Перевозить их морем, за поздним временем, невозможно. Наши войска готовы и стоят на сухопутной границе: немедленно по прибытии, пленники будут распределены, как нужно. Во всяком случае, мы не будем ждать их, чтобы начать свои действия; но предосторожность эта необходима на всякий случай.

Ваш преданный друг А. Тьер» *).

Разгром Коммуны постепенно надвигался. Некоторые газеты, которые сперва возмущались действиями Версаля, уже начали открыто призывать к измене.

В комитете Общественного Спасения большинство составляли люди, которые более заботились о защите Коммуны, нежели о том, что скажет о них потомство. Курне, Риго, Ранвье, Ферре, Верморель с презрительным равнодушием относились к свирепым нападкам реакции.

Старый Делеклюз состоял членом военной комиссии.

На 21-е товариществом артистов был назначен концерт в Тюльери в пользу вдов и сирот граждан, убитых на войне.

«Ваша победа будет триумфом всех народов», — говорил Делеклюз, обращаясь к армии Коммуны.

XII. ФРАНКМАСОНЫ.

Над Терн, Елисейскими полями, Нейли, Леваллуа рвались гранаты, повсюду внося разрушение. И в это самое время господин Тьер своим неизменным прямотушием уверял всех, что версальцы ограничатся атакой на передовые позиции, и что, если Париж откроет свои ворота и выдаст членов Коммуны, то он не подвергнется бомбардировке.

*) Жюль Фавр, „Simple récit“, III, 428, 429.

Сознание близкой опасности заглушило последнее разногласие среди защитников Коммуны. Миновала пора идейной нетерпимости для людей, которые готовились умереть вместе, умереть как свободные граждане, борющиеся за свободу.

Даже те люди, которым не чужда была подозрительность — наследие долгой борьбы среди предательств императорской эпохи, — чувствовали, что близится решительный момент, когда Коммуна, как один человек подписывавшая свои манифесты, встанет так же единодушно, чтобы грудью встретить смерть.

Началось всеобщее движение среди лиг Парижа и департаментов.

Коммуне грозила смерть! К чему же тогда был всеобщий энтузиазм?.. Происходили грандиозные общественные манифестации, но каменное сердце Версаля могла тронуть только одна забота — забота о банке.

26-го апреля франкмасоны избрали на двух собраниях в Париже депутацию из «достоверных» и представителей лож: эти делегаты должны были заявить, что франкмасоны примыкают к революции. При этом было решено, что 29-го они пройдут в торжественной процессии по насыпи между Пуэн-дю-Жур и Клиши и водрузят там хоругвь мира. Если же Версаль отвергнет мир, то франкмасоны, с оружием в руках, станут на сторону Коммуны.

И, действительно, утром 29-го, франкмасоны явились в думу: здесь, от лица Коммуны, Феликс Пиа приветствовал их прочувствованной речью и вручил им хоругвь.

Это странное, фантастическое зрелище напоминало какой-то сон.

И теперь еще, когда я вспоминаю о нем, кажется мне — опять идут передо мною рядами эти призраки с атрибутами далеких и чуждых времен, — идут со словом мира и свободы, которые должны воцариться в будущем.

Это зрелище производило сильное впечатление. Было нечто прекрасное в картине шествия, которое двигалось под аккомпанимент канонады.

Тут были рыцари Казон в своих черных шарфах, обшитых серебром.

Тут были представители «Красного Креста», с красной лентой на шее... И все это с такой массой знаков и эмблем, что зритель перенесся в какую-то сказочную область.

Во главе процессии шествовали делегаты Коммуны с Ранвье, старым Белэ и Тирифокком, делегатом франкмасонов.

В воздухе колыхались невиданные хоругви... А кругом гремела ружейная и пушечная пальба, падали и рвались снаряды.

В шествии участвовало шесть тысяч представителей от пятидесяти тысяч лож.

Эти призраки прошли по улице Сент-Антуан через площадь Бастилии, бульвар Мадлен, Триумальную Арку и по авеню Дофин. Наконец, они достигли линии укреплений, отделявших армию версальцев от защитников Коммуны.

От ворот Майо до ворот Биццо протянулась линия знамен; впереди всех развивалась белая хоругвь мира с надписью красными буквами: «Любите друг друга». Это полотнище было в нескольких местах пробито пулями. Передовые посты федералистов и версальцев обменялись сигналами; но огонь прекратился только через пять часов. После этого состоялись переговоры, и три делегата от франкмасонов отправились в Версаль.

Им удалось добиться только перемирия на двадцать восемь часов.

По возвращении делегатов, франкмасоны выпустили воззвание к федерации франкмасонов.

В этом воззвании был передан весь ход событий и выражен протест против профанации *) знамени мира.

«Франкмасоны, — заявляло воззвание, — это люди мира, согласия, братства, науки и труда; они всегда боролись против тирании, деспотизма, лицемерия и невежества.

«Они неустанно защищают слабых и угнетенных против тех, которые над ними властвуют.

«Весь свет полон наших adeptов: это философы, которые учат морали, справедливости, праву.

«Это те, которые также думают, размышляют и действуют во имя прогресса и освобождения человечества.

«Франкмасоны и братья сотрудники вышли из своих таинственных святилищ, неся в левой руке оливковую ветвь, символ мира, а в правой — меч справедливости.

*) Профанация — низкое использование, унижение. — О. Б.

«Мирные попытки франкмасонов были трижды отвергнуты теми, которые выдают себя за представителей порядка, и потому все франкмасоны должны поднять оружие мести и воскликнуть:

«Восстаньте, братья! пусть кара постигнет предателей и лицемеров.

«Огонь, прекратившийся 29-го в 4 часа дня, возобновился 30-го в 7 часов 45 минут вечера еще с большей, ужасной силой; посыпались бомбы, от которых начались пожары. Таким образом перемирие длилось только 27 часов 45 минут.

«Делегаты франкмасонов, находившиеся у ворот Майо засвидетельствовали такое надругательство над знаменем мира.

«Первые выстрелы были сделаны со стороны версальцев; первой жертвой пал один из франкмасонов.

«Франкмасоны и братья сотрудники Парижа, объединенные 2-го мая, обращаются ко всем, которые их знают.

«Братья каменщики и братья сотрудники! нам ничего не остается, как только поднять оружие и покрыть нашей священной эгидой *) ту сторону, которая защищает правое дело.

«Спасем Париж!

«Спасем Францию!

«Спасем человечество!»

«Вы окажете великую услугу всеобщему человечеству, вы обеспечите будущее счастье народов.

«Да здравствует республика! Да здравствуют Коммуны Франции, соединенные союзом с Парижской Коммуной!»

Париж, 5 мая 1871 года.

От имени франкмасонов и делегатов:

Тирифок, бывш. досточтимый. Масс, казначей союза, председатель собрания уроженцев Юнны. Бальдю, бывш. досточт. от ложи «Правая стезя». Дешан, ложа «Твердость». Ж. Рэми, от «Калифорнии». Ж. Б. Парш от «Парижа». Де Бомон — «Терпимость». Гранд Ланд, Лакомб, от ордена «Париж». Венсэн, орден «Париж». Грассе, союз Нанта «Мир». А. Гам-

*) Эгида — охрана, защита. Эгидой назывался у древних греков щит верховного божества Зевса. — О. Б.

бье, ложа «Ж. Ж. Руссо». Мартэн, экс-секр. ложи «Гармония Парижа». Э. Луэ, от «Истинных друзей Парижа». А. Леметр, орден «Филадельфия» (Лондон). Кондюэ — «Акации». Луи Лебо — «Предусмотрительность». Ганти — тоже. Эмм. Вальян — «Единственные». Жан-Батист Элен — «Ликующие друзья». Леон Клейн — «Истинный союз твердости». Бюдаиль — «Друзья мира». Пьер Лашамбоди — «Роза молчания». Дюран — «Марсель». Магделенас — «Международная дружба». Моссюренги — «Бразилия». Фошри — «Восприемники св. Оуэна». Радиг, Рюдайе — «Друзья мира» (Ангулем). Русселэ.

Делегаты-сотрудники:

Венсент, он же Пуатевэн — «Духовные друзья». Картье, он же Драньян; Шабан, он же Нивернэ — «Благородное сердце». Тевенэн, он же Нивернэ; Дюмни, он же Гатинэ — «Покровители долга». Гайар, он же Анжевэн — «Друзья искусств». Тома, он же Пуатевэн — «Непринуждение». Рюфен, он же Контуа — «Храбрые друзья». Ориоль, он же Каркассон; Франккер; Марсильи. Ла Либертэ из Нанта. Ласса; Лаженэ, сотрудник капитула. Лионэ — «Светильник долга».

Неправда ли, — как и символические хоругви, так и странные названия лож и людей сообщают эпизоду с участием франкмасонов какой-то двойственный характер? Тут и прошлое, и будущее, и могила, и колыбель; тут мертвое смешивается с нарождающимся.

Но между свирепствующей реакцией и революцией, которая силась подняться, эти признаки были так у места. Некоторые из франкмасонов сражались, как обещали, и погибли славной смертью.

Часто, в долгие ночи в тюрьме, перед глазами моими вновь вставала длинная вереница франкмасонов на насыпях Парижа; и мне трудно представить себе, чтобы эти люди, одушевленные верой в будущее, письменно удостоверяли, как рассказывает в своих скучных сочинениях Диана Воган, что они беседуют с Люцифером.

Эта глава моей книги сообщает, по преимуществу, анекдотические сведения; я хочу закончить ее рассказом о случаях в церкви Сэн-Лоран и в монастыре Пикпюс.

Что касается церкви, то — я не знаю, при каких обстоятельствах — там найдены были скелеты в склепе, позади хор. По поводу этого открытия тамошние сторожилы припомнили некоторые давние, темные слухи. Я заимствую описание склепа у одного из очевидцев.

«Склеп представляет собою полукруглую нишу под сводом; свет проникал туда сквозь две узких отдушины, которые были заложены сравнительно недавно.

«К склепу ведут три входа в виде арок; скелеты лежат без гробов, прямо на земле, на слое негашеной извести.

«Четыре скелета лежат ногами вместе; девять остальных расположены двумя рядами, так что ноги лежащих в верхнем ряду приходятся над головами нижних.

«Челюсти у погребенных широко раскрыты, как будто несчастные кричали от невыносимых мучений.

«Головы почти всех скелетов наклонены налево, зубы, за немногими исключениями, целы.

Мы, склонны были думать, что эти останки относятся к ранней, сравнительно, эпохе, когда хоронили еще в церквях; но один энтомолог нашел в склепе насекомое, которое питается связками: очевидно, оно не могло столь долго оставаться без пищи.

«Сохранились надписи несколькими имен: Бардуэн, 1712, Жан Серж, 1714, Валент..., без даты. В углублении склепа оказался скелет женщины с белокурыми волосами.

«Каменная лесенка при склепе, очевидно, позднейшего происхождения (Journal officiele de la Commune.— («Официальные ведомости Коммуны»).

Этьен Коржа снял фотографию со скелетов при электрическом освещении.

Начато было следствие, которое производилось с искренним желанием раскрыть истину. Однако, это дело не было даже доведено до конца, когда Версаль заставил всех забыть о старых скелетах перед свежими трупами, засыпанными негашеной известью...

Случай в монастыре Пикпюс относится к той же категории.

Описание его, данное также очевидцем, я заимствую опять из официального источника — именно, из „*Moniteur officiel*“ («Официальные ведомости») республики эпохи Коммуны.

«Я всегда считал католицизм с его конгрегациями способным на все, после того, у пленной Жанны д'Арк украли ее женское платье, чтобы заставить ее надеть мужское, и чтобы впоследствии ее же обвинить в этом. И, однако, мне стоило некоторого труда поверить тем разоблачениям, которые касались внутренней жизни монастыря Пикпюс, и были мне сообщены. Самое простое для меня было отправиться туда самому. Я так и сделал.

«В монастыре меня принял капитан батальона: он заявил мне, что старался избавить сестер от всякого беспокойства — ничего от них не требовал и, вообще, отнюдь не относился к ним, как к пленницам.

«С своей стороны, я сам готов был, по возможности, еще расширить предоставленную монахиням свободу; во всяком случае, если бы одна из них заявила мне хотя малейшую жалобу, я тотчас позаботился бы о том, чтобы кому нужно было воздано по заслугам. Однако, для сестер-монахинь мое имя было настоящим пугалом. Весть о моем прибытии поразила монастырь ужасом.

«Чтобы приветствовать меня от имени учреждения, ко мне отрядили здоровенную привратницу: перед этой широкоплечей фигурой легко сробел бы и самый храбрый человек.

«Я должен признать, что мужество этой достопочтенной матери вполне соответствовало ее атлетическим формам.

«Я принял ее в довольно торжественной обстановке: но это ни мало ее не смутило. Напротив, она прямо обратилась ко мне самым решительным и даже высокомерным тоном. Впрочем, эта речь очень понравилась мне: сколько в ней слышалось энергии!

«Вы хотите предложить мне некоторые вопросы, милостивый государь?

«Сударыня, — ответил я учтиво, (как известно, назвать монахиню сударьней, значит нанести ей кровное оскорбление) — «сударыня, хотят какие-то мрачные слухи о режиме вашего монастыря; я хотел бы лично убедиться в их ложности. Поэтому, не будете ли вы добры показать мне хотя бы те кельи, где, как говорят, содержатся две монахини, которых вы подвергаете незаконному заключению?

«Мать привратница не ответила мне ни слова и молча отправилась куда-то в угол сада. Я последовал за нею.

«Одна из заключенных прохаживалась по аллее; рядом с ней выступала монахиня, которая ее увещевала. Другая арестованная вязала, сидя на своей постели, которая занимала всю ее клетку. Да, это была настоящая клетка, в отверстие которой легко могли проникать и холодный ветер, и дождь.

«Как, — обратился я к привратнице, (а озабоченные лица уже выглядывали из окон главного здания) — «как можете вы допускать, чтобы обитательницы вашего монастыря могли подвергаться заключению в конуре, едва ли достаточной, чтобы разводить кроликов?

— «Извините, — возразила мне спутница, — их никто не подвергает заключению; вы видите, они могут даже гулять».

— «Да, но, ведь, это мы заставили вас выпустить их из этих ящичков.

«Тогда сестра сразила меня ответом, который заставил меня оцепенеть.

«Они сами виноваты, зачем они не хотят подчиняться правилам монастыря!

«Да, даю честное слово, это было сказано вместо всякого оправдания.

«Несколько дней спустя мне передавали, что обе несчастные монахини были освобождены федералистами и вернулись в свои семьи.

«Я должен засвидетельствовать, что одна из них мне показалась, если не сумасшедшей, то, пожалуй, идиоткой, или во всяком случае, идиотичной.

«Мне демонстрировали, между прочим, какие-то железные предметы, которые показались мне подозрительными; во всяком случае, попытка выдать их за ортопедические приборы была явной и грубой ложью. Были ли еще эти предметы в постоянном употреблении, или же к ним порою прибегали раньше; пускались ли они в дело и тогда еще, когда я видел их, или же они были уже сданы в склад всякого старого хлама? Я не мог и не могу еще ответить определенно на эти вопросы. Но, как бы то ни было, признать в этих приборах ортопедические принадлежности было невозможно.

А. Рошфор».

Как известно, какие-то орудия пытки были открыты и вновь пущены в дело в последнее время в Монжюике.

Кто знает, если бы поискать там хорошенько, не помогло ли бы это выяснить, для какой цели употреблялись загадочные предметы, найденные в монастыре Пикпюс?

Мрачна и загадочна область религиозного фанатизма. Не под его ли влиянием сложилась в наши дни в России секта мистиков, которые замуровываются добровольно в могилах?

Впрочем, быть может, эти странные орудия употреблялись при пытках, которым подвергали монахинь, колеблющихся в вере? Быть может, этими средствами думали облегчить им доступ в царство небесное?

Кто знает, наконец, не терзали ли себя этими орудиями сами несчастные, одержимые религиозным экстазом?

Те, кому приходилось петь в сумраке церкви, при тусклом свете восковых свечей, когда с высоты хор волнами льются звуки органа, уносящие вас куда-то в облаках фимиама, — те знают, что в такие минуты кажется, будто голос ваш на крыльях парит в вышине, словно отделился от вас, и вы сами слушаете его.

Кто знает, до чего могут довести такие впечатления, если повторять их каждый день! Пусть разум говорит свое; все, что способно так захватить наше существо — музыка, внешняя обстановка, благоухание, — все это предчувствия грядущего времени, когда человечество будет обладать более совершенными и даже недоступными нам ощущениями. Но если культивировать все это в среде грубого суеверия, то благородное чувство притупляется и не только не способствует развитию человека, но напротив противодействует прогрессу.

Как бывает опьянение кровью, так возможно и мистическое опьянение сумраком. А известно, что всякое опьянение способно породить самые чудовищные явления.

Придет день, когда Монжюик будет разрушен и раскроются все его тайники. Сколько окажется там черепов, которые, как в церкви Сен-Лоран, будут смотреть пустыми глазными впадинами в ту сторону, откуда несчастные ожидали нового света! И истинный свет засияет в тот день, восторжествует знание, загорится вечная заря.

Сколько жертв падет еще до того желанного дня? Когда читаешь чудовищную историю убийцы пастухов, то видишь, что такое мания убийств, которая овладевает то одним человеком, то целым обществом людей... Таким кровожадным безумием одержима была и армия версальцев.

Такие моральные эпидемии страшнее чумы. Они исчезнут тогда, когда истинная свобода укрепит человеческий дух.

XIII. ДЕЛО ОБМЕНА БЛАНКИ НА АРХИЕПИСКОПА ПАРИЖСКОГО И ДРУГИХ ЗАЛОЖНИКОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Бланки посвящены уже несколько биографических заметок; поэтому я ограничусь всего несколькими строками о нем.

В первый раз Бланки был присужден к пожизненному тюремному заключению за попытку произвести восстание 12 мая 1839 года. Он отбывал это наказание вместе с некоторыми своими товарищами в тюрьме Мон-Сен-Мишель, когда революция 24-го февраля 1848 года дала ему свободу.

Вскоре после того люди, которые боялись его проницательности, стали распространять про него гнусные клеветы. В ответ на это он ограничился следующим заявлением:

«Кто испил, такую чашу горечи, как я? Целый год вдали от меня в отчаянии и смертных муках угасала женщина, которую я любил; а потом, — потом целых четыре года одиночества в тюрьме, лицом к лицу с призраком дорогого существа, которого уже не было в живых!

«Такое мучение выпало на долю меня одного в этом Дантовском ладу.

«Я вышел оттуда с седыми волосами; сердце и голова мои разбиты... И, вот, меня, жалкую руину, которая влачится среди людей в своих лохмотьях, прикрывающих израненное сердце, меня поносят именем продажного человека! И это тогда, когда холопы Луи Филиппа, превратившись в блестящих мотыльков республиканского строя, порхают по коврам Ратуши, с высоты своей добродетели, откормленной жирными кусками, уничтожая бедняка, бежавшего из тюрьмы их повелителя».

Бланки был вновь осужден, и только революция 4-го сентября открыла ему двери тюрьмы Белль-Иль.

После плебисцита 3-го ноября, Бланки предсказывал капитуляцию.

«Близится развязка, — писал он: — вся эта комедия с приготовлениями к обороне теперь уже становится ненужной... Сначала будут толковать о перемирии; затем наступит ужас перед поражением со всеми его позорными последствиями. Вот, к чему приведет Францию правительство!»

Капитуляция совершилась после клятв 31-го октября, канонады и новых клятв. Она была объявлена 28-го.

Бланки был арестован в качестве участника движения 31-го октября. Он вновь получил свободу только при амнистии. Самый арест произошел 19-го марта 71 года на юге Франции, и был произведен по распоряжению Тьера.

Бланки был заочно приговорен к смерти, хотя правительство и обещало, что за дело 31-го октября никто не подвергнется преследованию.

Бланки носил звание члена Коммуны. Тем не менее, судьба его была совершенно неизвестна; никто не знал, жив он или умер; скорее даже предполагали, что его нет в живых.

Впрочем, некоторые из его друзей еще не потеряли надежды; они задумали выкупить его на свободу.

Повидимому, версальское правительство было особенно озабочено судьбою архиепископа парижского и некоторых других священников. На этом основании особая комиссия с участием Флотта, старого товарища Бланки по заключению, попыталась начать переговоры относительно обмена пленными.

Флотт начал с того, что отправился к архиепископу в тюрьму Мазас. Условившись с ним, он принялся готовить дело, идея которого со всех точек зрения казалась весьма счастливой.

Было решено, что в Версаль отправится главный викарий Лагард: он предложит г. Тьеру обмен пленными и привезет ответ.

Всем этим делом руководил с величайшим тактом Риго, прокурор Коммуны: под маской мнимого скептицизма этот человек скрывал самое чувствительное сердце.

Ни ему, ни кому другому не приходило в голову, что Лагард может и не вернуться.

«Хотя бы мне грозило расстреляние, — говорил викарий Флотту, прощаясь с ним на вокзале, — я вернусь в Париж; неужели вы допускаете, что я могу оставить здесь монсеньера одного».

Лагард повез господину Тьеру длинное и обстоятельное письмо от архиепископа:

«Дарбуа, архиепископ парижский
Г. Тьеру, главе исполнительной власти.

Тюрьма Мазас.

«Милостивый Государь!

«Имею честь сообщить Вам некоторое предложение, которое мне самому было сделано вчера вечером; прошу Вас отнести к нему так, как подскажут Вам Ваша мудрость и человечность.

«Одно влиятельное лицо, тесно связанное с господином Бланки общностью некоторых политических идей и, особенно, чувствами старинной и прочной дружбы, усиленно старается возвратить г. Бланки свободу; с этой целью он внес в соответствующую комиссию следующее предложение:

«Если г. Бланки будет освобожден, то, с нашей стороны, будут выпущены на свободу — архиепископ парижский с своей сестрой, г. президент, Бонжан, г. Дегерри, кюре церкви Мадлены и г. Лагард, главный викарий Парижа; последнее лицо должно передать Вам настоящее письмо.

«Такое предложение встретило сочувствие в комиссии; в настоящее время меня просят поддержать его перед Вами.

«Конечно, я лично заинтересован в этом деле; тем не менее, я решаюсь просить Вас не отказать ему во внимании. Надеюсь, что мои мотивы Вы признаете вполне благовидными.

«В самом деле, между обеими сторонами имеется слишком много поводов для вражды и взаимного ожесточения; теперь представляется случай совершить мирный акт, который, впрочем, касается только лиц, а отнюдь не принципов. Не требует ли благоразумие, чтобы мы оказали содействие этой попытке и, таким образом, подготовили почву для успокоения умов? Быть может, общественное мнение не извинило бы нам безучастного отношения к этому делу.

«Мы переживаем острый общественный кризис. В такие моменты всякая репрессалия, всякие насильственные действия и крайние меры способны только возбуждать людей друг против друга и ухудшать положение.

«Позвольте заметить Вам без дальнейших слов, что при настоящем положении дела в Париже этот вопрос гуманности заслуживает самого серьезного внимания с Вашей стороны.

«Осмелюсь ли я, г. Президент, привести Вам мой последний аргумент? Лицо, о котором я говорил, обнаружило такую преданность, такую горячую привязанность к г. Бланки, что сердце мое было глубоко тронуто. Ни как человек, ни как священнослужитель, я не мог отказать столь убедительным просьбам и взялся, с своей стороны, ходатайствовать перед Вами о возможно скорейшем освобождении г. Бланки. В моем письме я и выполняю это обещание.

«Я был бы счастлив, г. Президент, если бы то, о чем я прошу Вас, было признано Вами возможным; я мог бы еще быть полезным и отдельным лицам, и всей моей родине.

Дарбуа, архиепископ парижский».

Флотт начинал уже беспокоиться, когда, 16-го апреля, он получил, наконец, следующее письмо от Лагарда.

Версаль, 15 апреля 1871 года.

Г-ну Флотт.

«Милостивый Государь!

«В конверте на имя г. начальника тюрьмы Мазас, я отправил письмо Монсеньеру архиепископу; надеюсь, что оно дошло уже по

назначению. Теперь, согласно Вашему разрешению, я пишу непосредственно Вам, чтобы выяснить некоторые затруднения, возникшие вновь в нашем деле.

«Я виделся четыре раза с лицом, к которому было адресовано письмо архиепископа; в настоящее время, согласно его распоряжению, я должен остаться в Версале еще два дня, чтобы получить окончательный ответ.

«Каков будет этот ответ? Могу сказать Вам только одно: я употребил все усилия для того, чтобы он удовлетворил и Ваши, и наши желания.

«При последней аудиенции я уже надеялся, что так оно и будет, и что в скором времени я вернусь к Вам с этим приятным известием.

«Правда, были еще кое-какие затруднения, но, в общем, намерения другой стороны казались мне вполне благоприятными. К несчастью, появилось известное письмо в „*Affranchi*“ («Освобождение»); оно доставлено было сюда вскоре после напечатания и передачи моего письма, и резко изменило настроение; состоялось новое совещание о нашем деле, и решение его было отложено; почему я и получил формальное предложение отсрочить свой отъезд еще на два дня. Это значит, что еще не все кончено, и мне придется опять приниматься за хлопоты. Дай Бог, чтобы труды мои опять увенчались успехом: во всяком случае, Вы не должны сомневаться ни в искренности моих желаний, ни в моем усердии.

«Позвольте мне добавить, что, независимо от серьезности нашего дела, так близко затрагивающего и мои интересы, я был бы счастлив, если бы мог не только на словах доказать Вам ту признательность, которую возбуждают во мне Ваши чувства и Ваши действия. Что бы ни случилось, каков бы ни был результат моего путешествия, поверьте мне, я всегда буду хранить самые лучшие воспоминания о нашем знакомстве.

«Не откажитесь, при случае, передать мои симпатии Вашему другу, который сопровождал Вас на вокзал, и примите, М. Г., новые уверения в моем уважении и преданности.

Э. Ф. Лагард».

Это было первым признаком предательства, который обеспокоил архиепископа больше, нежели Флотта. Ведь, они были удивительно честны и наивны — эти люди 71-го года.

«Лагард вернется», — говорил Флотт. Но архиепископ казался взволнованным: он лучше знал Тьера и Лагарда.

Несколько дней спустя, Флотт попросил его написать новое письмо, которое он сам собирался было отвезти в Версаль; однако, после первого опыта, доверие к Тьеру было уже поколеблено. Поэтому вместо Флотта, который, как друг Бланки, мог быть задержан в Версале, туда отправился другой надежный человек.

Вот второе письмо архиепископа:

«Архиепископ парижский г. Лагарду, своему главному vicарю.

«Г. Флотт, обеспокоенный затруднениями, которые замедляют возвращение в Париж г. Лагарда, и желая сдержать слово, данное им самим Коммуне, отправляется в Версаль, чтобы сообщить о своих опасениях г. Лагарду.

«С своей стороны, я могу только просить г. главного vicаря сообщить г. Флотту истинное положение дела и решить совместно с ним, продолжить ли свое пребывание в Версале еще на двадцать часов, если это необходимо, или же немедленно вернуться в Париж, если того требуют обстоятельства.

Архиепископ парижский».

Мазае. 23 апреля 1871 года.

Лагард вручил полателю письма следующий ответ, набросанный наспех карандашом:

«Г. Тьер все еще удерживает меня здесь и, волей неволей, мне приходится ожидать его распоряжений. Я уже несколько раз писал архиепископу; как только выяснится что-либо новое, я немедленно сообщу ему об этом.

Лагард».

Разумеется, он так и остался в Версале и таким образом оказался подлым сообщником Тьера, желавшего помешать Коммуне честным путем предупредить гибель заложников.

Бланки был арестован в крайне болезненном состоянии у своего племянника Лакамбра; легко было допустить поэтому, что он умер в тюрьме. В виду этого сестра его, г-жа Антуан, обратилась к г. Тьеру со следующим письмом:

Г. Тьеру, главе исполнительной власти.

«Г. Президент!

«Уже более двух месяцев я страдаю болезнью, которая отнимает у меня последние силы. Тем не менее, я не теряла надежды восстановить здоровье и лично явиться к Вам с некоторой просьбой. К сожалению, болезнь моя все затягивается, и это принуждает меня отказаться от первоначального намерения.

«В настоящее время я поручаю моему единственному сыну явиться в Версаль и передать Вам мое письмо. Надеюсь, господин Президент, что Вы благосклонно отнесетесь к его просьбе.

«Каковы бы ни были события времени, никогда во имя их не отрицались ни права человека, ни прерогативы *) семьи. Во имя этих священных прав, я и взываю к Вашей справедливости. Я желала бы знать, каково состояние здоровья моего брата, Луи Огюста Бланки, который был арестован совсем больным 18-го мая сего года. С тех пор я не имела от него ни одного слова, и крайне беспокоюсь о его здоровье, которое так расшатано.

«Я хотела бы просить Вас, господин Президент, о разрешении мне свидания с братом, хотя бы на несколько минут; быть может, однако, Вы признаете это совершенно невозможным. В таком случае, Вы не должны отказывать несчастной семье, от лица которой я ходатайствую перед Вами, в разрешении для моего брата написать нам хотя несколько слов, которые успокоят нашу тревогу; с своей стороны, мы воспользуемся таким разрешением и дадим знать брату, что родные не забывают его в несчастье и ценят его должным образом.

Вдова Антуан, урожденная Бланки».

Г. Тьер приказал ответить, что здоровье Бланки, действительно крайне слабо, но что это несколько не угрожает его жизни. При всем этом, несмотря на беспокойство г-жи Антуан, он принужден формально воспретить ей как личные, так и письменные сношения с заключенным.

Флотт все еще не хотел расстаться с мыслью об обмене заложниками. Он упросил архиепископа написать новое письмо к Лагарду, которое и отправил в Версаль.

«По получении настоящего письма, и не взирая на то, в каком положении находятся переговоры, порученные г. Лагарду, главный викарый благоволил немедленно выехать в Париж и явиться в Мазас.

*) Прерогативы - преимущественные права.—О. Б.

«Здесь не могут понять, каким образом в течение десяти дней, правительство не решается ответить определенно, согласно ли оно на предлагаемый обмен, или же нет. Во всяком случае, подобное замедление создает нам ложное положение и может иметь самые печальные последствия.

Архиепископ парижский».

Мазас, 23 апреля 1871 года.

Лагард не вернулся.

Что касается меня, то никогда я не обольщала себя надеждами на порядочность г. Тьера в данном случае; но ни мне, ни кому другому и в голову не приходило, что Лагард может не вернуться.

Когда-то доктор Нелатон оказался более благородным, нежели Тьер, представитель буржуазной республики... Один из его учеников помог Бланки бежать: почтенный доктор сам принял участие в этом деле, дав беглецу денег на дорогу... Впрочем, как всякая вырождающаяся каста, буржуазия все более и более подвергается растлению.

XIV. КОНЕЦ.

«Прогнанные государства рушатся.
Все человечество подымается.
Настал день, когда рассеется вековая
дождь.
Дыхание героической эпохи обвеет
мир.
Набат, раздавайся среди буреи».
Л. М.

Казалось близится победа. Республиканские лиги забывали мало-по-малу свою прежнюю осторожность; Интернационал, заседавший в Кордери, становился более решительным.

6-го мая присоединилась к Коммуне федерация синдикальных камер, объединявшая тридцать тысяч человек.

Два депутата от г. Парижа в версальском собрании — Флоке и Локруа, в энергических выражениях заявили, что слагают с себя свое звание.

Толэн не последовал их примеру.

Теперь картина Парижа носит уже трагический характер. На улицах все чаще и чаще попадаются погребальные колесницы с четырьмя красными знаменами по углам; за ними идут члены Коммуны и делегаты от батальонов; процессия движется под звуки марсельезы.

По вечерам сверкают огнями революционные клубы, приютившиеся в церквях; и здесь гремит марсельеза; но ей аккомпанирует не глухая похоронная дробь барабана, а мощный рокот органа, который потрясает гулкие своды храма.

В церкви Вожирар, поместился клуб якобинцев; они собирались в подzemелье, что напоминало Марата, работавшего некогда в своем подвале; и в самом деле, то была искра пламенного 93-го года, которая тлела уже под землею. В клубе Социальной Революции, в церкви Сен-Мишель, в Батиньоле, Комбо с первых же собраний стали раздаваться речи, подобные тем, что произносились когда-то перед трибуналами Бонапарта: ораторы восклицали, что преследования только ускоряют торжество свободы в мире.

1-го мая в Коммуну прибыла депутация от клуба „Saint Nicolas des Champs“; она заявила, что всякий, кто заикнется о примирении с версальцами — изменник.

И, правда, как можно было примирить вековое рабство с стремлением к свободе?!

Каждый вечер в десяти или двенадцати церквях Парижа многотысячные хоры воспевали гимн свободы.

Мне приходилось слышать об этом рассказы, полные энтузиазма. Женщины, говорят, особенно страстно призывали к свободе; но с 3-го апреля до кровавой недели Коммуны мне удалось побывать там, как сказано уже, всего два раза, и то на короткое время. Что-то тянуло меня к внешней борьбе, и сила эта была так велика, что я и не пыталась с ней бороться.

В первый раз мне пришлось отправиться в думу, по поручению Ла Сесилиа; я должна была вернуться к нему с ответом.

Почти на пол-пути навстречу мне попадают три или четыре национальных гвардейца. Осмотрев меня с ног до головы, они подошли ко мне.

«Мы вас арестуем, — заявляет мне один из них. Очевидное дело, что-то во мне показалось им подозрительным; я думала, что это были мои короткие волосы, подобранные под шляпу; вероятно, они приняли меня за переодетого мужчину».

— Куда вы хотите быть отведенной?
Кажется даже, что они сказали *отведенным*.

— В думу — раз уже вы согласны водить ваших арестантов, куда они захотят.

Храбрец, который меня спрашивал, весь вспыхнул от гнева.

— Ну, мы посмотрим, — сказал он.

Мы трогаемся. Дорогой они продолжают меня рассматривать; я же сохраняю величайшую серьезность, хотя все это происшествие меня забавляло.

Наконец, мы у входа. Тот, который уже говорил со мной, спрашивает меня:

— Кстати, как ваше имя?

Я назвала себя.

— Нет, не может быть! — воскликнули они в один голос, хотя мы ее никогда не видали, но это, конечно, не она: разве она так обувается?

Смотрю, на мне гетры; очевидно, я забыла утром сменить их на ботинки, и они выглядывали из-под моего платья. Что-ж делать! все-таки то была я.

Как ни была я благодарна своим спутникам за доброе мнение о Луизе Мишель, мне пришлось их убедить, что они ошибались. Со мной было достаточно бумаг, чтобы рассеять всякое сомнение на этот счет. — Оказалось, что, в самом деле, меня приняли за мужчину, переодетого в женское платье; во всем виноваты были гетры, которые на уличном тротуаре производили странное впечатление.

В другой раз, не помню уже где, — в думе или в комитете Общественной Безопасности, я встретила несчастных женщин улицы; они обливались слезами, так как их не желали допустить к уходу за ранеными. Да, люди Коммуны желали, чтобы раны их товарищей перевязывали чистые руки.

Бедные женщины рассказали мне о своем горе. Несчастные жертвы старого общества! кому же, как не им, принадлежало право отдать свою жизнь новому миру?

Я обещала им, что люди Коммуны признают справедливость их просьбы, и она будет удовлетворена.

Не знаю, что я говорила в их защиту; но горе несчастных женщин поразило меня в самое сердце, и мне удалось найти слова, которые тронули душу моих слушателей. После этого женщины были направ-

лены в дамский комитет, члены которого были достаточно благородны, чтобы встретить их самым радушным образом.

Когда бедняжки узнали, что просьба их принята, они вновь залились слезами; то были слезы радости.

Словно дети, они хотели сейчас же надеть красные пояса. Как могла, я разделила им свой.

— Мы не заставим Коммуну краснеть за нас, — говорили они мне. И, в самом деле, все они погибли в майскую неделю.

С одной только пришлось мне свидеться вновь в тюрьме Шантье; она рассказала мне, как две из них были убиты ружейными прикладами в тот момент, когда подавали помощь раненым.

Мы уже собирались расстаться. Они направлялись в госпиталь на Монмартр, я должна была возвращаться к Ла Сесилиа на Монруж. В эту минуту кто-то, кого я не видала, бросил мне сверток в бумаге. Там оказался красный шарф, который я и надела вместо своего.

Между тем агенты версальского правительства все более и более изощрялись в искусстве предателей; они постоянно стремились вызвать в нашей среде новые несогласия. Отчасти, им это удавалось. 17-го мая де-Монтон — изменник, проникший в штаб, благодаря проискам Версаля — опубликовал известие об оскорблении и убийстве версальскими солдатами сестры милосердия Коммуны. По этому поводу в Коммуну было внесено предложение, которое вызвало там сильнейший раздор.

Большинство Коммуны было оскорблено манифестом меньшинства. Оно дало понять противникам, что серьезность положения требует иного образа действия. Пусть, как некогда, всех одушевляет одна мысль: что значит наша слава! Только спасена была бы Коммуна!

Бурное заседание было прервано известием о катастрофе.

Только что взлетел на воздух патронный завод на улице Рапп. Было множество убитых и раненных; четыре дома были совершенно разрушены, и, конечно, если бы пожарные Коммуны не успели с опасностью для жизни вытащить из пламени фургоны с патронами, то катастрофа была бы еще ужаснее.

Первая мысль всех была об измене. «Это месть за Вандомскую колонну», — говорили некоторые. Было арестовано четыре человека — в том числе один артиллерист; Комитет общественного спасения объявил, что дело будет расследовано... Но грозные прокуроры Коммуны не привыкли судить без доказательств, и история взрыва так и осталась покрытой мраком.

«Первыми бросились в пекло Або, Денье, Бюффо, пожарные — саперы 6-й роты, — писал Делеклюз в своем рапорте Комитету общественного спасения: — почти одновременно прибежали граждане — Дюбуа, капитан флотилии Жаго, моряк; Буассо, начальник личного состава морской делегации; Феврие, командир плавучей батареи.

«Благодаря их героизму, удалось во время извлечь из пламени бочки с порохом и патроны, находившиеся в фургонах, колеса которых уже загорались.

«Мы не говорим уже о спасении раненных и обитателей улицы, погребенных под развалинами домов. Здесь граждане и пожарные соперничали в мужестве и самоотвержении.

«В числе первых, явившихся на место катастрофы, были члены Коммуны, граждане Авриаль и Сикар.

«Двенадцать хирургов национальной гвардии, собравшись на улице Рапп, организовали медицинскую помощь, с энергией, которая выне всяких похвал.

«В итоге — полсотни раненных, по большей части, легко; вот все, чего добились господа версальцы.

«Материальные потери не идут в счет, так как мы располагаем огромными запасами; поэтому на долю врагов выпадает один позор гнусного и совершенно напрасного преступления. Если сопоставить его с рядом других злодеяний, то этого будет вполне достаточно для того, чтобы навсегда замкнуть перед версальцами ворота Парижа и без того, впрочем, охраняемые непобедимыми силами нашей обороны.

«В борьбе с несчастием все граждане самоотверженно исполняли свой долг; поэтому нам приходится оплакивать смерть только немногих жертв.

Ш. Делеклюз».

Париж, 28 февраля 78 года.

Вполне вероятно, что катастрофа на улице Рапп явилась, как думали, мстью за Вандомскую колонну. Но как гнусна эта месть на живых существах, за какое-то бронзовое изображение!

Спустя несколько дней, какая-то женщина, личность которой осталась неизвестной, прислала в полицейскую префектуру Парижа письмо, будто бы найденное ею в вагоне первого класса между Парижем и Версалем. Она рассказывала при этом, что один из ее случайных спутников, сидевший в вагоне против нее, показался ей очень взволнован-

ным. Когда поезд достиг линии укреплений и послышалось бряцанье ружей федералистов, этот подозрительный человек бросил под лавку пакет, в котором женщина нашла, по ее словам, следующее письмо:

«Главный Штаб национальной гвардии,

Версаль, 16 мая 1871 года.

«Милостивый Государь!

«Вторая часть плана, который сообщен Вам, должна быть выполнена 19-го сего мая в 3 часа дня; примите все предосторожности, чтобы на этот раз дело прошло вполне удачно.

«Чтобы облегчить Вашу задачу, мы условились с одним из ведущих патронным заводом: последний будет взорван 17-го сего мая.

«Постарайтесь самым точным образом выполнить инструкции во всем, что касается Вас, и что находится в Вашем ведении.

«Блюдите неусыпно за Ла Мюэтт.

Полковник, начальник главного штаба Ш. Горбэн.

«Второй взнос сделан в Лондоне на Ваше имя».

Документ был снабжен голубым штемпелем с надписью: «главный штаб национальной гвардии».

Дальнейшие события помешали выяснить, не было ли это письмо только средством для версальцев отвлечь подозрения в другую сторону: во всяком случае, таинственные женщины, которые посылают письма, или их находят, никогда не внушали доверия Коммуне... Можно с несомненностью утверждать только одно: преступление, совершенное на улице Рапп, было делом рук реакции.

Могло ли оно, однако, прикрыть горькую правду знаменитого четверостишия, которое на несколько часов сумело превратить Вандомскую колонну в позорный столб:

Стрелок, взобравшийся на ходули!

Если бы вся кровь, которую ты пролил

Могла собраться на этой площади,

Ты мог бы пить ее, не нагибаясь.

Хотя члены Коммуны — Бланше и Эмиль Клеман никогда не подавали повода для подозрений, теперь, в эти смутные дни Коммуны, кто-то вспомнил о том, что раньше они были реакционерами. Быть может, это было и не вполне справедливо, потому что всякий новообращенный был когда-то врагом той идеи, которую теперь он признает истинной.

переменить взгляды было неотъемлемым правом обоих граждан, но в последние дни Коммуны, когда предательство повсюду раскидывало свои сети, иного отношения к ним и быть не могло. Всякая неосмотрительность в выборе людей при таких условиях является, в своем роде, преступлением.

Истинное положение вещей было вполне точно изображено в манифесте мэрии 18-го округа. Да, нужна была победа и при том скорая. Эта победа зависела от быстроты действий... Впрочем, вот некоторые отрывки из этого манифеста, который обращался к революционерам Монмартра.

«Великие и славные деяния совершены нами с 18-го марта; но дело наше еще не окончено: нам предстоит совершить еще большее, и мы сделаем это, ибо мы будем преследовать нашу цель без усталости и без страха перед настоящим и будущим.

«Для этого мы должны сохранить все мужество, всю энергию, которые одушевляли нас доныне; более того, мы должны быть готовы к новому самоотвержению, ко всем опасностям, ко всяким жертвам: чем больше мы решимся отдать нашему делу, тем легче оно нам удастся.

«Вот какой ценой может быть достигнуто наше спасение, и ваши действия ясно показывают, что вы поняли это.

«Нам объявлена война, беспределная в истории человечества: нас она покрывает славой, наших врагов — позором.

«Вы знаете, как достигается торжество истины, справедливости и свободы на земле: когда народ стремится к этим благам, всегда поперек пути его становятся во всеоружии интрига, честолюбие и насилие, которые стараются задушить его светлые мечты.

«В настоящее время, граждане, перед вами две программы.

«Одна из них — программа версальских роялистов, тех, которые идут за легитимизмом шуанов, подчиняются генералам, сторонникам государственных переворотов, и поддаются интригам агентов бонапартизма. Таким образом, эту программу поддерживают три партии, которые после победы стали бы пожирать друг друга в борьбе из-за добычи — Тюльери.

«Эта программа — есть вечное рабство, постоянное унижение всего народа; она есть угнетение сознательности и справедливости; она есть наемный труд, ошейник нищеты, заклепанный на вашей шее, угроза всякому вашему шагу. Она требует вашей крови, крови жен ваших и

детей, она требует наших голов... Как будто головы эти могут прикрыть раны на вашей груди, нанесенные рукою роялистов; как будто, падая, они могут воскресить тех, кто пал среди вас от той же руки.

«Эта программа есть народ в положении вьючного скота, народ, который трудится для горсти эксплуататоров и паразитов, для того, чтобы на счет его отъедались высокопоставленные особы и министры, сенаторы и маршалы, архиепископы и иезуиты.

«Эта программа есть Жак Боном, у которого продают все — хозяйственную снасть и доски с его убогой лачуги, юбку хозяйки и пеленки ребят... И все для того, чтобы уплатить тяжелые налоги, которые кормят короля и дворянство, попа и жандарма.

«Другая программа, граждане, та, во имя которой вы совершили три революции, и за которую сражаетесь теперь; это программа Коммуны, это ваша программа, наконец.

«Эта программа — восстановление прав человека; это народ, определяющий свою судьбу; это — справедливость и право на труд; это — молот рабочего, разбивающий скипетр тиранов; это — законное пользование капиталом, разум, карающий коварство и глупость; это — естественное равенство всех.

«Скажем прямо, граждане; человек без определенных взглядов в настоящее время не человек; тот, кто остается безразличным к общей борьбе и не принимает в ней участия, никогда не будет со спокойной совестью наслаждаться теми социальными благами, к которым мы стремимся: он всегда должен будет краснеть перед своими детьми.

«Теперь мы переживаем уже не 1830 и 1848 годы; мы переживаем восстание великого народа, который хочет жить свободным или умереть.

«Вам нужно побеждать во что бы то ни стало, ибо что принесло бы вам поражение? Вдовы ваши стали бы жертвой гонений, обид и злобы жестоких победителей; сироты ваши были бы отданы во власть вашего врага, который преследовал бы их, как малолетних преступников; Кайенна была бы вновь заселена, и честные труженики кончали бы там свою жизнь, скованные одной цепью с ворами, мошенниками и убийцами; тюрьмы уже завтра были бы переполнены, и городские добивались бы чести быть тюремщиками, а жандармы — смотрителями ваших каторжных работ; июньские расстрелы начались бы снова, но уносили бы еще больше жертв и проливали бы еще больше крови.

«Победители вы, и вы спасете не только себя, жен ваших и детей, но и республику, и все народы мира.

«Скажем без обиняков: тот, кто уклоняется от борьбы, не достоин и называться республиканцем.

«Будем же тверды: близок конец наших страданий. Достоинство Парижа не может допустить и мысли, чтобы какой-нибудь Бонапарт вновь взял его приступом; не может быть, чтобы враг вернулся сюда и утвердил свое царство на развалинах и трупах; не может быть, чтобы мы подпали под иго предателей, которые в течение месяцев не выпустили ни одного выстрела по пруссакам, а теперь ни на минуту не перестают осыпая нас градом картечи.

«Итак, пусть не будет праздных людей среди нас; пусть женщины утешают раненных, пусть старики ободряют молодежь, пусть, не взирая на возраст, достаточно сильные граждане идут вместе за своими братьями и делают с ними опасности.

«Найдутся, быть может, люди, которые, обладая физической крепостью, станут, однако, уклоняться от борьбы, ссылаясь на свои годы; пусть знают они, что в свободном обществе будущего они окажутся вне закона. — и какой позор будет тяготеть над ними!

«Не смешно ли, граждане? Господа версальцы уверяют, что вы пали духом и утомлены. Они лгут, и прекрасно знают это... Вам изменяет мужество, вы отчаяваетесь в победе! Когда? Когда все идут к вам? когда со всех сторон Парижа под ваши знамена стекаются все новые и новые силы? Когда солдаты регулярных войск — братья ваши и друзья, повертывают фронт и стреляют в жандармов и городских, приказывающих им убивать вас? Когда из рядов неприятеля начинается бегство, когда их расстраивают беспорядки и мятежи, когда среди них распространяется паника?!

«Вся Франция подымается вам на помощь; восемь месяцев вы сумели героически переносить страдания; и теперь, когда остается потерпеть еще несколько дней, когда свобода готова увенчать вашу борьбу, вы, говорят, устали? Нет, мы должны победить, и победить скоро. Наступит мир, и земледelec вернется к своему плугу, художник к своим кистям, рабочий в свою мастерскую; опять земля будет приносить

свой плод, и возобновится спокойный труд. Наступит мир, и мы повесим наши ружья, опять возьмемся за орудия благословенного труда, и, в гордом сознании исполненного долга, мы смело сможем сказать: мы граждане — воины великой революции.

Члены Коммуны:

Дерер, Ж. Б. Клеман, Верморель,
Паскаль Груссе, Кюзере,
Арнольд, Т. Ферре».

То, что предсказывал манифест, случилось. Создалось положение еще худшее, нежели в июне и декабре. Причиной тому явились роковые случайности в соединении с предательством буржуазии; следует отметить, впрочем, что и лица, стоявшие во главе армии Коммуны, обнаружили недостаточное понимание характера борющихся сторон и вообще реальных условий.

В момент кризиса все могло пригодиться — и регулярная, дисциплинированная армия, как понимал ее Россель, и революционные боевые дружины, как представлял их себе Делеклюз; во имя победы фанатики свободы с радостью подчинились бы железной дисциплине: необходимы были обе армии — одна — из стали, другая — из пламени.

Россель не понимал характера революционной армии; он знал только регулярные войска.

С другой стороны, делегаты Коммуны, облеченные военными полномочиями, усвоили только общий энтузиазм великой борьбы; они умели идти напролом с открытой грудью, прямо держать голову под градом выстрелов. Конечно, это было прекрасно; но против таких врагов, как версальцы, требовалось сочетание воинской дисциплины с революционным одушевлением.

Порою это удавалось Домбровскому.

В одном из своих приказов по армии, Россель писал следующее:

«Воспрещается прекращать огонь в сражении даже в том случае, если бы неприятель опустил оружие или выкинул парламентарный флаг.

«Воспрещается под страхом смерти продолжать огонь после приказа прекратить стрельбу, а равно продолжать наступление, когда приказано остановиться. Беглецы и отстающие поодиночке будут изрублены кавалерией; если же их будет много, против них будет открыт артиллерийский огонь; во время сражения начальствующие лица имеют безусловную власть над подчиненными им офицерами и солдатами, чтобы заставить их идти и, вообще, повиноваться».

Росселю следовало бы несколько иначе редактировать свой приказ; он должен был бы объяснить, что строгая дисциплина необходима для победы; тогда все те, которые были оскорблены резкостью приказа, приняли бы его беспрекословно. Разумеется, не следовало смешивать непокорных с беглецами, но так как на стороне версальцев было численное превосходство, то, несомненно, что в армии Коммуны горячность должна была умеряться тактической выдержкой. У федералистов никогда не было кавалерии; верхом раз'езжали только некоторые офицеры, лошадьми же пользовались только при перевозке артиллерии и при других подобных случаях; между тем, бесспорно, что выгода всегда на стороне нападающего.

Россель привык к дисциплине регулярных войск: когда один из его приказов был смягчен Коммуной, он обвинил ее в слабости, подал в отставку, не объяснившись толком, и даже потребовал в своей горячности, чтобы его заключили в Мазас.

На помощь Росселю явился его друг Шарль Жерардэн, который устроил его побег. Россель тем легче решился на это, что в, сущности, сама Коммуна желала от него избавиться.

Во всяком случае, это было действительной потерей для Коммуны. Версальцы понимали это: потому они и умертвили Росселя.

Член военной комиссии, Делеклюз, старик с душою юноши, восклицал в своем манифесте:

«Вы сами знаете, положение серьезно; ужасная война, которую ведут против вас феодалы, стакнувшиеся с защитниками отжившего монархизма, стоила вам уже не мало благородной крови. Конечно, нельзя не оплакивать наших тяжелых потерь; но когда я рисую себе великое будущее, уготованное детям нашим, я думаю — пусть даже не приведет нас судьба пожинать то, что мы сеяли; все-таки я с энтузиазмом буду приветствовать революцию 18-го марта: она открыла перед Францией такие перспективы, о которых еще три месяца тому назад мы не смели и мечтать. Итак, на места, граждане, в боевые ряды! Стойко держитесь перед врагом!

«Наши укрепления так же тверды, как и ваши сердца. При том вам известно, что вы сражаетесь во имя свободы и равенства.

«Свобода и равенство! вам принесено уже столько жертв на этот алтарь! Пусть теперь грудь вашу поражают пули и снаряды версальцев; вас ожидает великая награда — освобождение Франции и всего света, неприкосновенность вашего очага, спокойная жизнь жен ваших и детей.

Луиза Мишель.

КОММУНА

Перевод с французского

Примечания О. М. Бескина

М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

воспоминания других участников и современников Коммуны,

документы, исследования, фильмы и радиопередачи скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография

текст разделен на 7 файлов

части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства

Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНИЯ ИМПЕРИИ

I. Пробуждение

II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира

III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны

IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора

V. Процесс в Блуа

VI. Война. Официальные телеграммы

VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

I. 4-го сентября

II. Национальная оборона

III. 31-го октября

IV. От 31-го октября до 22-го января

V. 22-го января

VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы

VII. Росселя и Люллье

VIII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж

IX. Всемирное движение за свободу

X. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

I. 18-е марта

II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета

III. Дело 22-го марта

IV. Прокламация Коммуны

V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже

VI. Атака Версаля. Неизданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса

VII. Воспоминания

VIII. Волна растет

IX. Провинциальные коммуны

X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года

XI. Последние дни свободы

XII. Франк-масоны

XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников

XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

I. Борьба в Париже. — Резня

II. Холодная подачка

III. Бастионы Сатори и Версаля

IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии

II. Возвращение

Приложение.

I. Рассказ Беатрисы Эскоффон

II. Письмо заключенного в Бресте

III. К коммунарам

Примечания

Алфавитный указатель примечаний

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Гекатомба.

I. БОРЬБА В ПАРИЖЕ. — РЕЗНЯ.

С криком — «да здравствует республика!»

Погиб борабль «Мститель»...

Старая песня.

Незадолго до вступления в Париж 25,000 версальцев, под командою генерала Дуэ, один из членов Коммуны, Лефрансэ, обходил пояс наших укреплений. Его поразила заброшенность ворот Сен-Клу и полное безлюдие этого места.

И, тем не менее, захват этих ворот, как и предательство Дюкателья было делом случайности. Ворота Монруж, Ванв, Вожирар — вот пункты, которые граф Де-Бофор указывал Тьеру, как наименее защищенные.

Лефрансе поспешил предупредить Делеклюза, но указание его было получено слишком поздно. — С другой стороны, Домбровский был извещен о событии батальоном федералистов; он распорядился отправить волонтеров на место происшествия: они тотчас остановили наступление версальцев, убив у них офицера при переходе по набережной. После этого те, которые, считая благоприятный момент упущенным, полагали, однако, что надо еще раз попытать счастье в сражении, стали восклицать: «Париж победит! или, во всяком случае, он погибнет, не будучи побежден! Так было с Карфагеном, Нуманцией, Москвою; так будет и с нами!»

Домбровский отправил на Монмартр одного или двух федералистов, — жу Данге, Мариани и меня.

Мы должны были попытаться туда пройти и требовать скорее организовать оборону.

Не знаю, который был час; ночь была тиха и прекрасна; не все ли равно, сколько было времени! пришла пора, когда революция не должна была допустить своего поражения, хотя бы ей пришлось умереть.

Между тем, в Коммуне усилились подозрения. Когда Биллиоре явился с депешою от Домбровского, Ключере стоял перед судилищем, где его обвиняли в небрежности. Время ли было для пререканий!

Заседание суда кончено; Ключере оправдан. Теперь единственная забота всех — оборона Парижа.

Письмо Домбровского отличалось ясностью:

«Домбровский — военной комиссии и Комитету
Общественного Спасения.

«Версальцы вошли через ворота Сен-Клу.

«Я принимаю меры, чтобы отбросить их. Если вы можете прислать мне подкрепление, я отвечаю за все.

Домбровский».

Комитет общественного спасения собрался в думе. Здесь наскоро были отданы первые распоряжения. Один перед другим, присутствующие заявили о своей готовности жертвовать собою.

Резня началась среди глубокой тишины. Асси, возвращаясь с Ла Мюэтт, проезжал по улице Бетховена: здесь он увидел людей, которые лежали на земле и, казалось, спали. Ночь была ясная: Асси признал федералистов и хотел под'ехать к ним поближе, чтобы разбудить их. Но лошадь его поскользнулась в луже крови. Спящие люди оказались трупами; весь пост был перебит версальцами.

Разве „Officiel“ версальцев не проповедывал подобных убийств? Возможно ли забыть его призывы?

«Не надо пленных! Если даже в толпе и окажется какой-нибудь честный человек, насильно увлеченный другими, вы всегда узнаете его среди этой банды. Вокруг каждого честного человека есть свой ореол; поэтому дайте нашим молодцам солдатам отомстить за смерть товарищей! Пусть сегодня в опьянении схватки они расправятся с изменниками так, как не решатся, быть может, завтра, когда остынет их пыл».

Этим было сказано все. Солдат убедили, что они должны отомстить за своих товарищей; людям, только что вернувшимся из прусского плена, внушали, что Коммуна стakнулась с пруссаками... Они поверили, и в своей ярости упивались братской кровью.

Правительство опасалось, однако, как бы не повторилось 18-е марта, и в решительный момент войска не отказались действовать против федералистов. Поэтому решили пустить в ход старое средство: одурманили солдат смесью алкоголя, пороха и грубой лжи. К старой басне о гвардейце, будто бы распиленном между двух досок коммунарами, добавили еще какую-то, столь же невероятную, сказку.

«Проклятый» Париж мечтал о всеобщем счастье; «бандиты» Центрального Комитета и Коммуны, «изверги» Комитетов общественного спасения и безопасности только и помышляли о том, как бы пожертвовать своею жизнью во имя общего блага. Все это было выше понимания черствой буржуазии, которая, в своем себялюбии была еще более жестока, нежели феодализм. Всего на всего какое-нибудь полустолетие после 89-го года буржуазному классу удалось продержаться на известной высоте. Делеклюз и Дижон были последними эпигонами революционной буржуазии, напоминавшими героев Конвента.

Лицом к лицу с бедою деятели Коммуны словно воскресли, и вновь стали самими собою. Каждый принялся за свое дело. Бремя власти спало с их плеч; решимость победить или умереть уничтожила всякий формализм; исчезли наконец, взаимные подозрения, развеянные живительным дуновением истинной свободы. Всякий проявлял себя без ложной скромности и без мелкого тщеславия.

Быть может, Париж и выдержит? Кто знает?

Батарея из десяти орудий, расположенная у ворот Майо и в продолжении шести недель поддерживавшая огонь, продолжала обстреливать неприятеля. Все там было, как и раньше: упадет артиллерист, сраженный у своего орудия, и тотчас на его место бросается другой.

Больше двух человек у орудия не было нигде.

Моряк Краон так и погиб с запалами в обеих руках: он один работал при двух орудиях.

Имена всех почти героев, погибших на этом месте, остались, к сожалению, неизвестными.

Придет день, и все они будут отомщены заодно. Это будет тогда, когда великая революционная армия развернет свой фронт по всему миру.

Рано утром 21-го версальцы захватили Ла Мюэтт; теперь их армия окружала уже почти весь Париж; они наступали, чтобы соединиться с теми 25,000 своих, которые проникли в город ночью.

В эти последние дни события сменялись с головокружительной быстротой: казалось, в этот короткий срок мы прожили тысячу лет.

Отчаянно раздается набат, барабаны бьют тревогу.

С окраин города федералисты стягиваются к центру; слух о вступлении версальцев принимается с явным недоверием. Обсерватория Триумфальной Арки решительно его опровергает; тем не менее, мысль о защите Парижа овладевает умами.

Около трех часов утра в Комитет общественного спасения является Домбровский. Он слышит обвинения; он не сразу понимает, в чем дело, наконец он догадывается... «Как», — восклицает он, — «меня могли счесть за изменника?!» Все его успокаивают, со всех сторон к нему протягивают руки.

К Домбровскому был прикомандирован Дерер, как Жоаннар к Ла Сесилиа и Лео Мейэ к Врублевскому; но делегат Коммуны вполне основательно умалчивал перед военачальником о гнусных подозрениях на его счет.

Домбровский видит, что ему все еще доверяют; но удар уже нанесен, и гордый поляк не переживет его.

В мэрии Монмартра Ла Сесилиа — бледный, решивший бороться то что бы то ни стало, пытается организовать оборону.

Тут же и мы вместе с несколькими членами наблюдательного Комитета, старым Луи Моро и Шевало.

Я сговариваюсь с Луи Моро и двумя другими лицами, и мы отправляемся на разведки, чтобы взорвать холм, когда явятся версальцы. Мы ясно предчувствуем, что они придут, хотя и твердим друг другу: «Париж победит!» Но мы уверены также, что будем защищаться до последней капли крови.

У дверей мэрии мы сталкиваемся с федералистами 61-го батальона.

«Вот, — говорят они мне, — мы идем на смерть; с нами вы были в первые дни, с нами должны быть и в последний!»...

Я беру слово, со старого Моро, что холм будет взорван, и ухожу с батальоном 61-го батальона на кладбище Монмартра, где мы занимаем позицию. Нас очень мало, но мы намерены держаться и держаться долго.

Кое-где на стенах мы руками устроили зубцы.

Между тем, гранаты все чаще и чаще взрывали кладбище.

Кто-то из наших объяснил, что большая часть снарядов падает с батареи холма; по его словам, орудия этой батареи были недоста-

точно дальнобойны, и потому огонь их, не достигая неприятеля, обрушивался на нас; негодность этой батареи была выяснена еще 17-го мая; несомненно, потому она и бездействовала утром.

Почти все федералисты, которые пострадали от огня, были ранены, именно, с этой батареей; об этом предупредили, кого нужно, когда отправляли товарищей в госпиталь.

Наступила ночь. Нас была горсть, но мы были готовы на все.

Некоторые снаряды падали через ровные промежутки времени — точно отбивали часы. То были часы смерти.

Ночь была ясная. В воздухе разливалось утонченное благоухание цветов. Мраморные памятники, казалось, оживали...

Мы несколько раз выходили на рекогносцировку. Снаряды все падали — одни, по-прежнему, правильно и мерно, другие, словно сбиваясь, наперерыв.

Я хотела было пройти одна по кладбищу. Вдруг снаряд упал совсем около меня... Он задел за ветви деревьев и осыпал меня дождем из цветов. Это было возле могилы Мюрже.

Белая фигура бросала на нее мраморные цветы. Зрелище было восхитительное. Я положила туда же часть своих цветов; остальными украсила могилу моего друга — г-жи Пулэн, попавшуюся мне тут же, по пути.

Товарищи мои расположились у могилы с бронзовой статуей Кавеньяка. Когда я вернулась к ним, они мне решительно заявили: «теперь мы вас больше не отпустим»... Я осталась с ними... Откуда-то, из окон соседних домов раздалось несколько выстрелов.

Кажется, уже наступал день. Еще несколько наших ранено гранатами. Нас становится все меньше и меньше, а между тем, начинается атака; надо бежать за подкреплением. Спрашивают — «кто пойдет?» А я в это время выбралась с кладбища через брешь в стене — и уже далеко. Кажется, нельзя бежать скорее, а между тем, как будто я не двигаюсь с места... Вот, наконец, и мэрия Монмартра; возле нее плачет какой-то молодой человек. В чем дело? Его не хотят принять федералисты, у него нет документа, нет ничего, — начинает он мне рассказывать. Но мне некогда. «Пойдемте», — говорю я и вхожу к Ла Сесилиа. Я требую у него подкреплений и указываю ему на молодого человека. Тот объясняет товарищу, что он студент, что он ни разу еще не принимал участия в сражениях, но теперь хочет драться вместе с нами.

Ла Сесилиа смотрит на студента: впечатление благоприятное. — «Хорошо», — говорит он. Мы опять бежим на кладбище: со мной студент и пятьдесят человек подкрепления. Молодой человек счастлив: впереди рядом со мною, идет Баруа; пули сыплются градом — скорей, скорей, на кладбище дерутся. Вот мы и у места; мы проходим внутри через ту же брешь, — наших оказывается уже только пятнадцать человек; не больше уцелело и из новой полусотни, убит и наш студент. — Число наше все уменьшается; мы отступаем к баррикадам, которые еще держатся.

Проходят женщины с красным знаменем впереди; у них своя баррикада у площади Бланш. Тут — Елизавета Дмитриева, г-жа Лемель, Мальвина Пулэн, Бланш Лефевр и Экскоффон. Андраэ Лео была на баррикадах Батиньоля. В майские дни более десяти тысяч женщин — поодиночке или группами сражались в Париже за свободу.

Я была на баррикаде, которая переграждала доступ к шоссе Клиньянкур; туда пришла ко мне Бланш Лефевр.

Мне удалось даже угостить ее чашкой кофе в кафе, которое находилось возле баррикады. Угрожающим тоном я приказала хозяину открыть нам дверь. Бедняга сначала перепугался; но, услышав наш смех, он принял нас довольно любезно.

В виду его беспокойства, мы, уходя, позволили ему опять запереть кафе.

Мы крепко обнялись с Бланш Лефевр, и она вернулась на свою баррикаду.

Спустя немного проехал верхом Домбровский со своими офицерами.

«Мы пронази», — сказал он мне. — Нет, — ответила я. Он протянул мне обе руки: то было последний раз, что я видела его живым.

Всего в нескольких шагах от нас он был смертельно ранен. Нас было еще семь человек на баррикаде, когда мы опять увидели Домбровского: он лежал, еле живой, на носилках; его несли на Лафибуасьер, где он и умер.

Скоро, вместо семи, нас осталось только трое.

Один из двух товарищей моих — капитан федерального войска, высокий брюнет, сохранял невозмутимое спокойствие среди ужасов смерти. Он все говорил со мною о своем сыне, мальчике двенадцати лет: он хотел, непременно, оставить ему на память свою саблю.

«Вы передадите ее сыну», — говорил он мне... Но мог ли кто-нибудь из нас рассчитывать остаться в живых?

Мы разместились втроем вдоль всей баррикады: я стояла посредине, они — на обоих концах.

Другой товарищ был коренастый, широкоплечий малый, с белокурыми волосами и голубыми глазами; он очень походил на Пулуэна, дядю г-жи Эд, но, конечно, то был не он.

Этот бретонец был уже иного склада, чем вандейцы Шарэтта. К своей новой вере он относился с той же пламенной страстью, с какой, несомненно защищал некогда свое старое исповедание.

На его бледном лице блуждала, порою, та самая улыбка дикаря, которую подмечали мы и у негра на форте Исси, когда он скалил, как волк, свои белые зубы. Не пришлось нам больше свидеться и с ним.

Хотя нас и было всею трое, нельзя было и подумать, что нас так мало; мы все держались. Вдруг впереди появляются национальные гвардейцы, они подходят ближе, мы прекращаем стрельбу. — Я кричу им: «сюда, нас только трое!»

В ту же минуту я чувствую, что меня хватают, приподнимают на воздух, и я лечу в траншею при баррикаде с мыслью, что все кончено.

Действительно, я была не далека от смерти: прибывший отряд оказался версальцами, переодетыми в форму национальных гвардейцев.

Я была несколько ошеломлена падением; тем не менее, я чувствую, что жива и невредима. Приподнимаюсь. Кругом уже никого; оба мои товарища исчезли. Версальцы бросились обыскивать соседние дома, и я спешу уйти в другое место к своим, чувствуя, что все потеряно. Я вижу, что осталось только одно средство задержать версальцев, и кричу: «зажигайте, зажигайте дома!» — Впрочем, у Сесилиа уже не оказалось полкреплений. Сражение все еще продолжалось. Остатки отряда женщин с площади Бланш отступили на ближайшие баррикады, к площади Пигалль.

Направо от дельты, в улицах позади шоссе Клиньянкур поспешно построили баррикаду; была минута, когда можно было запереть версальцев между двух огней; к сожалению, здесь народ оказался недостаточно проворным, и момент был упущен.

Домбровского положили сначала в здании Думы; затем ночью труп его понесли на кладбище Пер-Лашэз. Проходя по площади Бастилии, дорожную ношу сложили у подножия колонны. Здесь, при свете факелов,

которые образовали над покойным подобие огненного катафалка, федералисты, шедшие умирать — отдавали последние почести почившему герою.

Утром его похоронили на Пер-Лашэз. Здесь покоится он, завернутый в красное знамя.

«Вот тот, — говорил Верморель, — кого обвиняли в измене! Поклоняемся, — прибавил он, — что мы выйдем отсюда, для того только чтобы умереть».

Брат покойного, офицеры его и часть солдат окружали его гроб.

Батиньоль, Монмартр были уже в руках версальцев; сражение превращалось в бойню. Груды трупов дежали на Элизе Монмартр. Вскоре словно гигантские факелы, вспыхнули Тюльери, государственный совет, здание почетного легиона, контроль.

Кто знает, не будь этих притонов монархии, так ли легко было бы королям возвращаться в Париж!

Но, увы! целые тысячи королей — королей финансов — вернулись в Париж вместе с буржуазией.

Ужасы, происходившие в майские дни, были прежде всего делом тирании; к ним нас приучила еще империя.

Теперь деспотизм начинал превращаться в многоголовую гидру: таким он остается и впредь.

Как только г. Тьер узнал о взятии Монмартра, он, как всегда, разослал телеграммы о том в провинцию.

Однако, Коммуна была еще жива; глава исполнительной власти убедился в этом, когда над Парижем стали вздыматься остроконечные языки пламени.

Пришла пора для подвигов самоотвержения; воцарился необузданный разгул кровавых репрессалий: версальцы косили народ, как траву.

В то самое время, когда на Пер-Лашэз отдавали последние почести Домбровскому, огромная толпа вела Вейссе на Пон-Неф. Этот шпион версальского правительства имел в Париже целых семь квартир; он-то и пытался подкупить Домбровского. Его расстреляли за это по приказу Ферре. Перед смертью он произнес странные слова: «вы ответите за мою смерть перед графом де-Фабриз». Тогда специальный комиссар Коммуны, П... обратился к толпе со следующей речью: «Этот негодяй хотел подкупить наших военачальников от имени версальцев. Вот, как умирают предатели».

В распоряжении уцелевших федералистов остается еще XI округ. Члены Коммуны и Центрального Комитета собрались в библиотечной

зале. Поднимается трагическая фигура Делеклюза. Ослабевшим, едва слышным голосом, он предлагает, чтобы члены Коммуны, надев свои шарфы, произвели смотр батальонам: эта мысль встречена громом аплодисментов.

И, словно услышав зов, батальоны уже теснятся в залу... Раздаются пушечные залпы. Наступает величественный момент, и люди, которые окружают Делеклюза, уже готовы уверовать в победу.

Ищут начальника инженерного корпуса. Его нет. Быть может, он уже погиб.

Комитет общественного спасения решает действовать, не дожидаясь отсутствующих. Смерть носится повсюду; каждый должен сражаться до последней капли крови.

В предместье С.-Антуан улицы забаррикадированы; там стоят три пушки.

На площади Шато д'О возведена целая стена из булыжника. Эта баррикада защищена двумя орудиями.

Брюнель на первом посту, Ранвье — на Бютт Шомон.

Врублевский засел на Бютт О Кай. Здесь царит еще бодрое настроение.

У ворот Сен-Дени и Сен-Мартэн также держатся еще федералисты. Кто знает, быть может, Делеклюз и прав? Коммуна победит! Или, во всяком случае, Париж погибнет, но не будет побежден.

На ступенях мэрии XI округа группами сидят женщины; они молча, сосредоточенно шьют мешки для баррикад.

В зале мэрии собрались члены Комитета Общественной безопасности; они не изменяют себе в критическую минуту.

Как и Делеклюз, — Ферре, Варлэн, Ж. Б. Клеман и Верморель сохраняют непоколебимую веру — конечно, в неизбежность смерти.

С двух сторон ураганом несутся снаряды. Огненный вихрь сосредоточивается над площадью Шато д'О. В эту грозную минуту там появляется Делеклюз.

Свидетель героической смерти Делеклюза, Лиссагарэ, так рассказывает об этом событии.

«Он шел по направлению к Шато д'О вместе с Журдом, Верморелем, Тэзом и Жакларом; их сопровождало около пятидесяти федералистов.

«Делеклюз был в своем обыкновенном платье: шляпа, черный сюртук, красный шарф вокруг пояса — мало заметный, как всегда его носил Делеклюз. Он шел без оружия, опираясь на трость.

«Опасаясь паники, на Шато д'О, мы последовали за делегатом, другом нашим.

«Некоторые из нас остановились у церкви Сент-Амбруаз, чтобы запастись патронами. Здесь мы встретили одного негодяя из Эльзаса, который приехал пять дней тому назад, чтобы свести счеты с национальным собранием, предавшим его родную страну; теперь он возвращался из огня с простреленным бедром. Еще дальше — раненный Лиссбон, которого поддерживают Верморель, Тэз, Жаклар.

«Верморель, тяжело раненный падает; Тэз и Жаклар поднимают его и уносят на носилках. — Делеклюз пожимает ему руку и говорит несколько слов утешения.

«В пятидесяти метрах от баррикады немногочисленная свита Делеклюза ретируется, так как густая масса гранат осыпала вход на бульвар.

«За площадью садилось солнце. Не обращая внимания на свиту, Делеклюз тем же шагом подвигался вперед; он был единственным живым существом на проезде Вольтеровского бульвара. Дойдя до баррикады, он свернул налево и взобрался на камни.

«В последний раз увидели мы это строгое лицо, обрамленное короткой седой бородой; оно смотрело в глаза смерти.

«Вдруг Делеклюз исчез. Он упал, сраженный ядром на площади Шато д'О.

«Несколько человек попытались было его поднять; трое или четверо из них тут же были убиты. Ничего не оставалось, как позаботиться о баррикаде и собрать ее немногих защитников. Стоя посреди проезда, Жоаннар потрясал своим ружьем и, плача от гнева, кричал на напуганных людей: «нет, вы не достойны защищать Коммуну!»

«Пошел дождь; мы вернулись к себе, оставив тело нашего бедного друга на поругание врага, который не уважал даже самой смерти.

«Он не предупредил никого, не исключая самых близких. Молча, не доверяя никому, кроме суровой совести, Делеклюз шел на баррикаду, как некогда монтаньяры шли на эшафот».

(Лиссагарэ, История Коммуны).

Во всех частях, захваченных версальцами, кровь лилась ручьями. Кое-где, утомленные резней, солдаты останавливались, словно сытые звери.

И однако, не будь репрессалий с нашей стороны, бойня приняла бы еще большие размеры; только постановление Коммуны расстреливать заложников могло помешать Галлифе, Винуа и другим вырезать все население Парижа.

Уже первая попытка наша привести в исполнение этот декрет, заставила версальцев оставить мысль о казни пленных федералистов, которых ударами приклада они отгоняли уже к стене, к кучам мертвых и умирающих.

На Каледонии нам пришлось встретить счастливых, которые, таким образом, избежали смерти.

Вот как передает Рошфор рассказ об этом одного из товарищей своих по путешествию к антиподам или, точнее, по клетке: «Уже казнили пятнадцать пленных; пришла его очередь; его поставили к стене, завязав глаза платком. Эти палачи умели иногда соблюдать формы!

«Он ожидал двенадцать пуль, которые ему предназначались и начинал уже испытывать некоторое нетерпение, как вдруг сержант сорвал с его глаз роковую повязку и громко скомандовал своему взводу: «полуоборот налево!»

«В чем дело?» — спросил осужденный.

«Дело в том, — с искренним сожалением ответил лейтенант, командовавший казнью, — что Коммуна только что объявила о своем решении расстреливать наших пленных, если мы будем расстреливать вас; поэтому правительство и распорядилось теперь прекратить массовые казни».

«Таким образом, одновременно с рассказчиком, тридцать федералистов были избавлены от казни. Однако, они не были освобождены: их отправили на понтоны, откуда, вместе со мною, товарищ мой по заключению выслан был затем в Новую Каледонию».

(А. Рошфор, *Aventures de ma vie*, (Приключения моей жизни), 3-й том).

С окончательной победой версальцев возобновились и массовые казни; солдаты ходили, как мясники, с красными от крови руками; правительству нечего уже было бояться.

Мы увидим, насколько ничтожно было число казненных по распоряжению Коммуны в сравнении с тридцатью пятью тысячами жертв версальского правительства; заметим, впрочем, что эта цифра удостоверена лишь официальными данными; в действительности же, погибло не менее, а, может быть, и больше ста тысяч человек.

В числе казненных Коммуной был и граф де-Бофор. Его узнали гвардейцы 166-го батальона, которых он оскорбил несколько дней тому назад. Многочисленные свидетели удостоверили сношение графа с версальцами, и он был расстрелян, несмотря на отчаянные попытки спасти его со стороны маркизантки Маргариты Гендэ, по прозвищу — тетка Лашэз.

Впоследствии ее же самое обвинили в его смерти и даже в надругательстве над его трупом. Это было как бы наказанием великодушной женщине за ее желание избавить изменника от смерти.

Шодэ, как известно, был арестован еще за несколько недель, по обвинению в том, что 22-го января он распорядился стрелять в толпу. Не начни версальцы вновь своих расправ, не был бы расстрелян и он, хотя уликой против него и являлась следующая телеграмма к Жюльи Ферри, посланная из Думы 22-го января, в 2 часа 5 минут дня.

«Шодэ согласен остаться на месте, но примите возможно скорые меры к тому, чтобы очистить площадь; впрочем, я вам сообщаю лишь мнение Шодэ».

Камбон».

Были известны и некоторые характерные замечания самого Шодэ. «Версальцам не придется начинать резню: сильнейшие сами расстреляют слабых», — заметил он между прочим. И, однако, до своего заключения в тюрьму, этот человек казался не столь уже опасным врагом. Пусть же и его смерть, как и гибель других, как и все ужасы этих дней, падет на голову извергов версальцев. Они сами начали истреблять ни в чем неповинную толпу; этим вынудили к репрессалиям и нас.

Что делалось в колодцах? Что творилось в каменоломнях? Чем покрыты были мостовые улиц? Весь Париж был полон трупов, и пеплом его пожарища усыпана была вся земля.

Что говорили те страшные волонтеры нашего экзекуционного отряда, которые вызывались расстреливать первых заложников? Раньше то были самые кроткие люди, — а что заявляли они теперь? «Я должен отомстить за отца. — Я — за сына. — Я за тех, за кого некому отомстить».

Когда-нибудь борьба возобновится. Возможно ли, чтобы память о минувших преступлениях была погребена навеки, и кровь невинных жертв уже не вопияла о мщении?

Мщение обездоленных! Во имя его подымется весь мир».

В городе распространялись самые нелепые басни о поджигательницах. Никаких поджигательниц не было. Правда, наши женщины сражались как львицы; но к поджогам, я помню, призывала только я одна, когда кричала: «зажигайте, зажигайте все перед этими чудовищами!»

За поджигательниц принимали даже не защитниц Коммуны, а бедных матерей семейств, которые, в кварталах, уже занятых версальцами, выходили на улицу за провизией для своих детей. Несчастные, они считали себя в полной безопасности, держа в руках какой-нибудь кувшин молока! И однако, их схватывали, как поджигательниц, разносящих керосин и расстреливали у какой-нибудь стены. Долго приходилось бедным детям дожидаться своих матерей!

Несколько детей было расстреляно вместе с матерями, которые держали их на руках. Все тротуары были завалены трупами.

Казалось, убитые дети хотели сказать матерям: «мы умрем непобежденными под пеплом Парижа»...

Дума пылала, как факел. Огонь, раздуваемый ветром, вздымался стеною. Мстительное пламя отражалось в потоках крови, струившейся из-под ворот казарм по улицам, повсюду.

Из казармы Лобо кровь текла двумя ручьями; скоро этот поток направился к Сене, и долго потом можно было видеть его красную струю.

Милльер падает на ступенях Пантеона с криком: «Да здравствует человечество!» То был пророческий клич: ныне он объединяет всех нас.

Риго был убит на улице Гэй-Люссак, где он и жил — в тот самый момент, когда версальцы завладели этой частью города. Несколько времени спустя П., тот самый комиссар Коммуны, который присутствовал при казне Вейссе, проходил по этой улице. Там царил молчание ужаса, который везде сопровождал «победоносную» армию Версаля. П. взглянул вверх, на квартиру, где жили друзья Гастона Дакоста: в окне стоял человек и, смотря вниз, как будто на что-то ему показывал.

П. оглянулся и заметил труп, лежавший на тротуаре со скрещенными руками; мундир на нем был растянут, галуны сорваны, небольшие белые ноги босы: версальцы имели обыкновение разувать убитых ими; вся голова была в крови, которая струилась из маленького отверстия на лбу, покрывая лицо и бороду и делая покойника неузнаваемым.

Один очевидец рассказывал ему потом, что Риго подошел к своей квартире, одетый в боевую форму командира 114-го батальона.

Он шел домой, чтобы сжечь бумаги, оставшиеся в его квартире.

Солдаты заметили Риго по его форме; они вошли в дом тотчас за ним и сделали вид, что приняли домохозяина Кретьена за офицера федеральных войск: они рассчитывали, что он из страха выдаст им того, кто скрылся в его доме.

Кретьен стал протестовать; Риго услышал шум...

«Я не трус, — воскликнул он: — спасайся ты сам!»

Он смело сошел вниз, развязал свой пояс, отдал солдатам свою саблю и револьвер, и его повели.

Посреди улицы, навстречу им попался офицер регулярной армии. «Это еще что за негодяй», — закричал он. — «Кричи — да здравствует Версаль!» — обратился он к пленнику.

«Вы — убийцы! — ответил Риго: — да здравствует Коммуна!»

То были его последние слова. Офицер, сержант, выхватил револьвер, и в упор выстрелил ему в голову. Пуля пробила ему отверстие посреди лба — то самое, откуда текла кровь.

Долго не хотели верить смерти Риго. Некоторые уверяли, что собственными глазами видели его во главе 114-го батальона; но все знали, как храбр был Риго; он слишком долго не появлялся, и волей неволей, пришлось признать его смерть.

Как только версальцы вошли в Париж, национальные гвардейцы, оставшиеся верными правительству, стали возбуждать армию к убийствам. Одни из них были просто предателями, другие боялись, как бы их не приняли за бунтовщиков... Глупцы, жестокие как звери! ради этого они готовы были вырезать весь свет.

Большинство из них, конечно, старалось выслужиться перед правительством: для этого они указывали войскам сторонников Коммуны и заставляли расстреливать всех, против кого питали злобу.

Слышались глухие пушечные выстрелы; свистели пули; отчаянно бил набат; над городом стояла туча дыма, прорезываемая языками пламени... Все это говорило, что агония Парижа не кончилась, и что Коммуна не хочет сдаться.

Не все пожары были делом Коммуны. Некоторые домовладельцы и купцы сами поджигали свои дома и залежавшиеся товары: они рассчитывали получить впоследствии щедрое вознаграждение за все убытки.

В других местах дома зажигались от бомб, которыми стреляли версальцы, или же вспыхивали сами.

Пожар в министерстве финансов ложно приписывали Ферре. Нет сомнения, что он и не стал бы отрицать своего поступка, если бы, действительно, распорядился поджечь это здание: оно сильно затрудняло действие обороны.

Нам известны некоторые из волонтеров, которые, желая доказать свою преданность версальцам, принимали деятельное участие в убийствах. Среди них, говорят, находились — старик, бывший мэр одного округа, один батальонный командир, изменивший Коммуне, и пивовары — последние в качестве простых любителей; все они, обезумев от крови, вели за собою банды версальцев.

Охота за федералистами шла во всю; версальцы не щадили даже госпиталей; когда больничный врач, доктор Фано, отказался выдать своих больных, его тут же расстреляли. — Какая сцена!

Версальцы стараются окружить последних защитников Парижа: они обходят их по каналу, по линии укреплений.

Баррикада С.-Антуан уже в руках правительственных войск; защитники ее почти все расстреляны. Лишь несколько их забежали во двор Ситэ Паршапп и спрятались там; дальше бежать некуда... Учительница Лоншан указывает им отверстие в стене, через которое они могут спастись; они разбирают его и бегут.

Версальцы набрасывают на Париж саван, красный как кровь. Одна только часть не захвачена этим страшным покровом.

Митральезы извергают в казармы целый ливень картечи. За людьми ведется настоящая охота; это какая-то бойня; тех, кто не добит, остается на ногах или пытается бежать вдоль стены, убивают спокойно, не торопясь.

Тогда федералисты вспоминают о заложниках: попы и тридцать четыре агента Версаля и Империи подвергаются расстрелянию.

Пусть так! на другой чаше весов лежали уже целые горы трупов. Прошло время, когда Коммуна говорила: «женщины и дети не причастны к политике; поэтому мы послали хлеба семидесяти четырем женщинам того лагеря, откуда в нас стреляют».

Правда, не много дней прошло с тех пор; но время сострадания миновало.

Готовясь к последнему бою, федералисты заперлись на кладбище Пер Лашэз, но ядра версальцев пробили брешу в воротах кладбища.

Боевые запасы федералистов подходят к концу; но они готовы сражаться до последнего патрона.

Горсть храбрецов сражается на кладбище против целой армии: бой идет среди могил, в ямах и склепах; бьются саблями, штыками, ружейными прикладами; более многочисленные, лучше вооруженные, сберегавшие свои силы для Парижа, — версальцы беспощадно истребляют храбрецов.

Последние из этой кучки героев были немедленно расстреляны у высокой белой стены, которая выходит на улицу дю Репо. Они падают с криками: «Да здравствует Коммуна!»

Как и везде, последние залпы покончили с теми, кто уцелел от первых. Некоторые испустили дух свой под грудами тел или даже в земле.

Остается еще горсть последних защитников Коммуны: в свих красных шарфах, они отступают к баррикадам на улице Фонтэн-о-Руа. К ним присоединяются с других улиц члены Коммуны и Центрального комитета: в этот смертный час большинство и меньшинство протягивают друг другу руки.

Над баррикадой развивается огромное красное знамя. Тут оба Ферре-Теофиль и Ипполит, Ж. Б. Клеман, Камбон, какой-то гарибальдиец, Варлэн, Верморель, Шампи.

Вот замолкла баррикада на улице Сен-Мор; но на Фонтэн-о-Руа все еще не хотят сдаться, и баррикада этой улицы изрыгает огонь в кровавое лицо версальцев.

Чу — уже приближается стая бешеных волков. В руках Коммуны остается ничтожная часть Парижа — от улицы предместья Тампль до бульвара Бельвиль.

На баррикаде улицы Рампоно остается всего один защитник; и, однако, на короткое время он останавливает наступление версальцев.

В этот момент замолкает канонада на Пер Лашэз. Кто еще держится? Одни герои баррикады на Фонтэн-о-Руа.

Не надолго им хватит снарядов. А пушки версальцев уже громят баррикаду.

Храбрецы в последний раз заряжают свои пушки. В этот момент является молодая девушка. Она пришла с баррикады на улице Сен-Мор; она предлагает им свои услуги. Ее убеждают уйти с этого страшного места; несмотря на просьбы, она остается.

Спустя несколько минут с потрясающим грохотом баррикада извергает свои последние снаряды и замолкает вслед за этим ужасным залпом. Мы услышали его в Сатори, где были арестованы.

Никто не видал больше героини последней баррикады и предсмертных минут Коммуны. Но мною времени спустя, Ж. Б. Клеман посвятил ей свою песню о «Вишнях».

Я всегда буду любить пору вишен,
С этой поры опустело
Мое сердце.

Это послано мне было судьбою,
И никогда она не утолит моей печали...
Я всегда буду любить пору вишен
И память, которую хранит мое сердце.

Ж. Клеман.

Коммуна умерла. Под ее развалинами были погребены тысячи, которые остались неизвестными.

Как страшен был этот последний — потрясающий и глухой залп из пушек с двойным зарядом! Мы сразу почувствовали, что то был конец; но упорные, как часто бывает с побежденными, мы не хотели в том сознаться.

Я стала уверять, что слышала еще несколько выстрелов... Присутствующий при этом офицер из версальцев весь побледнел от ярости. Быть может, впрочем, он был не столько раздражен моим упорством, сколько боялся, как бы я не оказалась права.

В то же воскресенье 28-го мая, маршал Мак Магон приказал раскленить по безлюдному Парижу следующее объявление:

«Жители Парижа!

«Французская армия явилась спасти вас. Париж освобожден; в 4 часа последние позиции инсургентов перешли в руки наших войск. Ныне борьба окончена; порядок, труд и безопасность вступают в свои права.

Маршал Франции, главнокомандующий
Мак Магон, герцог Маджентский».

В этот же день был арестован Варлэн близ улицы Лафайет: ему связали руки, и, так как он назвал себя, вскоре его окружила целая толпа, привлеченная его именем. То была характерная толпа черных дней.

К арестованному приставили целый взвод солдат, чтобы отвести его на холм; там было место казни.

Толпа становилась все больше и больше. То была не та толпа, которую мы знали — волнующаяся, впечатлительная, великодушная; то были подонки, которые после поражения приветствуют победителей и ругаются над побежденными, подонки — воплощение вечного *vae victis* (Горе побежденным!)

Коммуна была повержена, и эта толпа помогала доканать ее.

Сначала хотели было расстрелять Варлэна около стены у подножия холма, но кто-то крикнул: «Пусть его еще прогуляется!» Другие подхватили: «пойдем на улицу де Розье».

Солдаты и офицер повиновались. Варлэн, все еще со связанными руками, стал взбираться на холм, сопровождаемый воплями, осыпанным градом ругательств и ударов. Толпа увеличилась уже до двух тысяч. Варлэн шел бодро, с высоко поднятой головой. Какой-то солдат выстрелил в него, не дожидаясь команды, и положил конец его мучениям: за первым выстрелом последовали другие. Солдаты бросились было прикончить Варлэна: он был уже мертв.

Поглядеть на труп Варлэна ходил весь Париж, — Париж реакционеров и зевак, — Париж обывателей, которые прячутся в минуту опасности, и выходят на свет, когда им нечего бояться.

Не даром Мак Магон твердил без устали о восьмистах слишком версальцах, убитых коммунарами! Этим он достиг того, что в глазах слепого населения смерть и террор явились законными средствами возмездия.

Бойней распоряжались Ламиро, Винуа, Дуэ, Кленшан; по словам Лиссагарэ, они разделили Париж на четыре комендантства.

О, если бы мы живыми погибли в пламени пожарища! Насколько величественнее был бы такой погребальный костер, нежели эта огромная мясная лавка. Если бы пепел погибших за свободу развеяли на все четыре стороны буйные ветры, насколько бы меньше это терроризовало народы, нежели человеческие боины Парижа.

Нет! старикам Версаля необходима была эта кровавая баня, чтобы согреть свои дряхлые, дрожащие тела.

На всех зданиях Парижа, разрушенных пламенем отчаяния, лежит какая-то своеобразная печать.

Своими окнами, зияющими, как глазные впадины черепа, Городская дума спустя десять лет еще глядела на восстановление народных прав; не будь снесены эти развалины, они и доныне смотрели бы вперед, словно ожидая наступления всем желанного мира.

Когда я вернулась с Каледонии, я поклонилась этому памятнику нашей борьбы. Развалины Контроля и Тюльери повествуют и теперь о том, как мы хотели умереть, чтобы не сдать. Впрочем, руины Контроля скоро будут уничтожены, так как этого требуют работы по устройству выставки.

Перед очисткой места производится аукционный торг: продаются фрески работы Теодора Шассро; из них хорошо сохранилась только одна — *Сила и Порядок*. Тут же продаются и деревья, выросшие на развалинах: многочисленное птичье население, гнездившееся в этой зелени, встревожено происходящим разгромом. Если бы вместо дворцов догадались сжигать лачуги, чтобы там больше не умирали с голоду! Тогда, быть может, не так бы легко было бы залить Париж кровью! Но не будем жаловаться на слишком медленный ход событий: над прахом могил уже расцветает вечная весна.

Правда, терпение угнетаемых кажется неистощимым. Но, ведь, и волны перед прибоем бывают терпеливы и кротки: они сбегают с берега длинными, плавными рядами; но, вот, они уже вздымаются, как горы, и, с ревом обрушиваясь на берег, поглощают его в своей бездне.

Мы созерцали эти величественные картины в стране циклонов, где борьба стихий бывает беспощадна: нам казалось, что мы присутствуем при грандиозном сражении. Воды внезапно обрушиваются на леса, они хлещут деревья, производя гром, напоминающий залпы...

С треском ломаются деревья, утесы распадаются зияющими раселинами, и грозный хор бури покрывает все, среди молчания и ужаса всего живого. Слышится грохот обвалов; что-то разрывается, и вопли, напоминающие жалобные человеческие голоса, несутся повсюду, прерываясь от времени до времени словно пушечными залпами.

Громче медных труб завывает ветер, и электричеством, словно порохом, насыщен весь воздух.

Волны режут, и как будто на приступ бросаются на утесы, цепляясь за них своими когтями, белыми от пены.

Чудовищная сила приподымает океан и вновь низвергает его в бездну, точно гигантские руки месят его, как тесто в квашне, — и, при виде этой страшной игры неведомых сил, сердце ваше начинает биться чаще, и в душе просыпаются те смутные голоса бездн и незапамятной, седой старины, которые звучат кругом в борьбе разнузданных стихий.

То же, приблизительно, впечатление испытывали мы в разгар беспощадной борьбы в Париже; но не прошлое просьпало тогда в нашем сердце; мы уносились душою вперед, в отдаленное будущее человечества.

Кто знает — быть может в эти дни мы переживали одну из вековых, стихийных трансформаций.

Когда Коммуна погибла, то вслед за регулярной армией и незадолго до появления мясных мух, показались женщины вампиры, привлеченные запахом убийств. В них воскресало, повидимому, какое-то темное прошлое; быть может, впрочем, они просто обезумели, опьянели от крови и, все-таки, еще жаждали ее.

В своих элегантных костюмах, они бродили среди мертвецов, упиваясь этим мрачным зрелищем; иногда концом своего зонтика они старались раскрыть залитые кровью глаза трупов.

Случалось, что этих женщин принимали за поджигательниц; тогда их расстреливали тут же, на кучах мертвецов.

II. ХОЛОДНАЯ ПОДАЧКА.

При свете Луны окровавленный Париж
Стоит, как во сне, перед общей могилей.
Виктор Гюго.

Первую, горячую добычу собаки получают над трепещущим телом затравленного зверя; вечером же, после охоты, егеря бросают собакам на псарне холодную подачку — куски хлеба, налитанного кровью животного. Такую же точно холодную подачку бросило своим войскам версальское правительство.

Сперва были массовые убийства — повсюду, куда вступала регулярная армия; затем началась охота за федералистами в домах, в госпиталях, везде.

В катакомбах защитников Коммуны выслеживали с собаками и факелами; тоже самое было и в американских каменоломнях. Впрочем, к увлечению этой охотой примешивался и некоторый страх.

Случилось, что солдаты регулярной армии как-то заблудились в катакомбах: они уже думали, что погибли...

Их вывел на свет один федералист, только что захваченный ими в плен; в благодарность, они оставили его в живых. Разумеется, впоследствии они умолчали об этом, иначе их самих расстреляло бы собственное начальство. После этого случая они стали рассказывать о катакомбах самые невероятные вещи.

С другой стороны, стали распространяться слухи, будто вооруженные федералисты скрываются в американских каменоломнях, — и увлечение подземной охотой, бывшей в большом ходу с легкой руки Англии с ее собаками, начало мало-по-малу ослабевать. Самой дичи как бы надоело спасаться: она равнодушно смотрит, как проходят охотники с собаками; ее заметили, но она не хочет бежать и вести за собой разгоряченных собак...

Некоторые федералисты умерли в катакомбах от голода, мечтая о свободе.

Версальские офицеры были полными хозяевами своих пленников и распоряжались их жизнью, как хотели.

Теперь митральезами пользовались, сравнительно редко; если казнимых было более десяти, то их убивали в удобных помещениях — в запертых казематах крепостей; когда же трупов здесь набиралось слишком много, можно было отвести осужденных хотя бы в Булонский лес, а кстати и прогуляться.

Весь Париж был полон трупов; зловоние, распространяемое этой страшной гекатомбой, привлекло в мертвый город целые тучи трупных мух. Это заставило версальцев прекратить убийства из опасения чумы.

Однако, смерть продолжала косить свои жертвы. Пленные в огромных массах были скучены в дворцовой Оранжерее, подвалах, в Версале, Сатори; у раненных не было белья, всех кормили хуже, чем животных, и горячка уносила истощенных людей десятками.

Некоторые из заключенных, увидев сквозь решетки жену или детей, тут же сходили с ума.

Возле общих могил бродили женщины, дети и старики, стараясь узнать своих среди трупов, непрерывно подвозимых телегами.

Тут же, понутив голову, с воем бродили тощие собаки; с бедными животными справлялись несколькими ударами сабли. Если же какая-нибудь женщина или старик слишком громко выражали свое горе, их немедленно арестовывали.

В первое время после победы, правительство обещало какую-то награду в 500 франков за указание места, где скрывается член Коммуны или Центрального комитета.

Это объявление было распространено по всей Франции и даже за границей. Оно вызывало всех, желающих продать голову злополучного изгнанника.

Уже 20-го мая все агенты французского правительства в иностранных державах получили следующий циркуляр из Версаля:

«Милостивый Государь!

«Гнусные преступления злодеев, побежденных ныне героическими усилиями нашей армии, отнюдь не следует рассматривать как акты политического характера; они представляют собою ряд действий, предусмотренных уголовными законами всех цивилизованных стран.

«Убийства, грабежи, поджоги были возведены у них в систему и организованы с адским, по-истине, искусством; виновники подобных злодеяний могут рассчитывать только на одно убежище — именно, на то, где они будут нести законное искупление своих проступков.

«Ни одна нация в мире не должна признавать их иммунитета и пребывание их на чьей бы то ни было территории является позором и угрозой для страны. В виду этого, как только Вам станет известно, что лицо, замешанное в парижских злодеяниях, вступило в пределы государства, где Вы аккредитованы, я предлагаю Вам немедленно сделать представление местным властям о задержании упомянутого преступника и безотлагательно уведомить меня, дабы я мог соответственно направить дело, потребовав выдачи виновного.

Жюль Фавр».

В ответ на это Англия широко распахнула двери перед бегдцами Коммуны; только испанское да бельгийское правительства заявили Версалю о своей готовности выдавать федералистов.

Впрочем, Бельгия скоро изменила свое решение. После осады дома Виктора Гюго, приютившего изгнанников, о которых, правда, великий поэт не имел точных сведений, Бельгия лучше уяснила себе истинное положение дела; тогда она открыла свои границы бегдцам и более их не выдавала.

Кто же были те злодеи, выдачи которых требовало версальское правительство? Воган, Деневилле, Констан Мартэн...

Англия искони славилась своим широким и безусловным гостеприимством. Другие нации наследуют от своего прошлого бессмысленные и жестокие переживания; Англия вынесла из глубины веков великую добродетель — гостеприимство.

Как некогда изгнанники федералисты, так ныне еще бегдцы, спасающиеся от истязаний красного султана или от пыток Монжюика, находят в Лондоне угол, где могут преклонить свою голову.

В бельгийской газете „Liberté“ был напечатан грустный рассказ одного федералиста, арестованного при взятии Шатильона и, после ряда всяческих надругательств, отправленного в Брест. Эта печальная повесть давала ясное представление и о характере федералистов, и о жестокости версальцев. Мало-помалу и в Брюсселе, как и в Лондоне, установилось совершенно правильное отношение к событиям майских дней.

После взятия Парижа правительство еще более усилило свою жестокость.

Солдатам и жандармам было приказано, если они услышат какой-нибудь шум в скотских вагонах, в которые набивали арестованных для высылки в отдаленные места, немедленно стрелять из револьверов внутрь вагонов через отдушины. Такое приказание исполнялось в точности. Сатори являлась центральной тюрьмой, откуда арестованных препровождали в Версаль, на понтоны или на место казни.

Кровь медленно засыхала на мостовых; пропитанная ею земля не принимала ее больше, и красные потоки, по слухам, продолжали еще струиться в Сену.

Нужно было приниматься за уборку трупов. Пруды на Бют Шомон были переполнены ими; раздувшиеся трупы плавали на поверхности воды.

Наскоро заброшенные землею, трупы разбухали, как зерно, которое дает росток; тонкий слой земли приподымался над ними и давал трещины.

Чтобы свезти трупы в общие могилы, пришлось разворошить неминдверную груды разлагающегося человеческого мяса: его прятали повсюду, где только можно, — и в казематах, где потом сжигали трупы, обливая их керосином и смолою, и в ямах возле кладбищ; на площади Этуаль мертвецов сжигали целыми телегами.

Для предстоящей выставки придется производить земляные работы на Марсовом поле. В майские дни 71-го года здесь длинными рядами горели костры, на которых сжигали трупы, посыпая их смолою. Быть может, под заступами рабочих покажутся на свет обуглившиеся, белые кости, вытянувшиеся в боевой строй, как стояли некогда герои Коммуны.

Быть может, кое-кто припомнит, как, после взятия Парижа, можно было видеть издали по вечерам какие-то красноватые огни и густым дымом на окраинах города: то были костры, распространявшие кругом себя отвратительный запах жареного человеческого мяса...

Среди этих бесчисленных и неведомых мертвецов были и такие, которых где-то ждали свои, ждали еще долго, пока не устали ждать. Бросили ждать — и все-таки продолжали надеяться.

На общие могилы приходили женщины. Под своими старыми платками они прятали семена цветов и, украдкой, разбрасывали их по дорогим местам.

И семена давали пышные всходы; кое-где зазелели цветы, как капли крови... За женщинами стали следить; их подвергали грубейшим оскорблениям. И, все-таки, могилы неизменно покрывались цветами.

Одной из таких женщин была г-жа Жантиль. Ее муж сражался еще в революцию 48-го, а, может быть, и 30-го года. И, вот, в течение многих лет после Коммуны, она оставляла свою дверь незапертой, чтобы муж ее мог войти к ней, никем не замеченным.

Он пережил июньские дни и вернулся к ней однажды вечером; почему же не вернуться ему и еще раз — после майских дней?

Бедняжка называла свой сад цветником для мертвых; она выращивала свои цветы только для могил. Но мужа своего она ни за что не хотела признать погибшим. Ее мохнатый белый пудель всегда ждал хозяйку у ворот кладбища; по ночам вместе с нею он поджидал любимого хозяина.

Г-жа Жантиль была уверена, что знает место, где похоронен был Делеклюз; она указала его своей сестре, которая часто бывала вместе с нею.

Ее не арестовали. Почему? Быть может, видели, что она ждет своего мужа и рассчитывали захватить его у нее; быть может, также, она была обязана тем одной влиятельной семье, которая без ведома бедной женщины ограждала ее от неприятностей, будучи тронута ее упорным нежеланием примириться с смертью мужа.

Когда мы вернулись с Каледонии, г-жа Жантиль была необыкновенно счастлива: такой ее уже давно не видали. Она готова была раздать беднякам все, что было в ее убогой лавочке. И, всякий раз, когда ей слышались шаги, напоминавшие покойного мужа, или собака, насторожившись, подымала уши, бедная женщина дрожала от волнения.

Количество жертв версальских репрессий официально исчислялось в тридцать пять тысяч человек, мы уже сказали, что эта цифра отнюдь не отвечает действительности.

Неоспоримые доказательства этого мы находим в письме Бенжамэна Распайля к Камиллу Пелльтану; данные этого письма находят себе подтверждение в многочисленных позднейших известиях того же рода.

«Дорогой друг!

«Могут сколько угодно стараться установить точную цифру убитых во время резни, последовавшей за низвержением Коммуны; точное число этих жертв никогда не будет известно.

«В статье Вашей, напечатанной в субботу в „la Justice“, Вы утверждаете, что число трупов, зарытых на кладбище Иври, превосходит три с половиной тысячи человек.

«Могу Вас уверить, что Вы весьма далеки от истины.

«Прежде всего, уже в одной огромной могиле, вырытой на так называемом первом парижском кладбище Иври, похоронено более пятнадцати тысяч человек.

«Но, ведь, кроме того, было еще несколько могил; в общем, как предполагали, в них было около шести тысяч трупов; вот, Вам уже двадцать три тысячи.

«В свое время я постарался добыть немедленно самые точные сведения, и когда приходилось расспрашивать полицейских чинов, стороживших несколько лет под ряд эту огромную могилу, и запрещавших родственникам и друзьям покойных оставлять на ней хоть какой-нибудь знак своей любви и памяти, они всегда называли первую цифру. Замечу кстати, что некоторые из них не скрывали, как тяготятся они своими жестокими обязанностями.

«Словом, цифра пятнадцать тысяч человек в большой могиле никогда не подлежала сомнению.

«Когда впервые я открыл кампанию против администрации ведомства общественной благотворительности, то в своей полемической брошюре, вышедшей в 1875 году, я привел на странице 9-й эту именно цифру — пятнадцать тысяч. Вы знаете, как блюстители порядка следили тогда за малейшими разоблачениями кровавой эпохи 71-го года, как они старались задушить их всяческими преследованиями. И, однако, правительство не осмелилось выступить против меня с опровержением.

«Нет, никогда не узнать нам точного количества жертв, павших во время борьбы с Коммуной и после победы над нею. Незвестным останется и огромное число неповинных людей, которые были расстреляны и перебиты в ту пору, хотя и не принимали участия в революционном движении.

«Еще более известная деталь: более шести недель под ряд, каждое утро от 4 до 6 часов в форте Бисетр происходили казни.

«В самые последние дни в каждой партии казнимых было не менее тридцати человек.

«Во многих местах на внешней городской черте расстрелянных кучами хоронили в траншеях, вырытых еще пруссаками.

Многозначие в этом месте письма означает, несомненно, что автор привел слишком страшные подробности событий или сообщил чрезмерно большое количество жертв, так что Пелльтан не решился предать этого гласности. — Бенжамэн Распайль продолжает:

«После всех разоблачений в прессе за последние недели, после неосторожных слов, вырвавшихся у г. Леруайэ, нельзя забывать прошлого, мы не допустим этого. Да, мое мнение таково: правосудие, человечность и культура тогда были потоплены в крови, ныне они должны восторжествовать. Нельзя было думать о настоящем расследовании, пока царил террор; теперь оно возможно и необходимо.

«Первое, что можно установить, сводится к следующему: везде, где происходили казни, людей убивали без всяких судебных формальностей, не производя ни допроса, ни следствия.

«Это происходило тогда, когда борьба, когда сражения уже были кончены: то были подлинные убийства, и в настоящее время вам известно уже достаточное количество виновных, чтобы поразить мечом правосудия хотя бы главных злодеев.

«Жму руку Вашу.

Бенжамэн Распайль, депутат и член генерального совета деп. Сены».

20 апреля 1880 года.

Бедный Бенжамэн Распайль, — как он жестоко заблуждался! «Дело расследовано»... Не значит ли это, что оно еще лучше скрыто, чем раньше?

«Члены муниципального совета, — добавляет Камилл Пелльтан, — произвели частную анкету о последствиях репрессий для рабочего населения Парижа. Если меня не обманывает память, они пришли к за-

ключению, что без вести пропало около ста тысяч рабочих *). Придет день свободы, и для великих сооружений возрожденного человечества взрыта будет наша земля. Найдется ли хотя одна пядь ее, в которой не будет праха безыменных и бесчисленных жертв, погибших во имя светлого будущего народов?

В своей ссылке на Каледонии мы не знали, сколько времени продолжались аресты по делу Коммуны; последний из ссыльных, поселенный на полуострове Дюко, прибыл туда незадолго до амнистии.

То был старый крестьянин; он был... бонапартист, и, понятно, никак не мог постигнуть, за что его осудили.

Бедняга обливался слезами. Мы утешали его по-своему и уверяли, что он еще легко отделался.

Нам удалось настолько изменить мирозерцание этого человека и так поднять его дух, что, в момент нашего возвращения на родину, он начинал уже, пожалуй, заслуживать свою кару.

Версальцы убивали людей в исступлении, ярости; они арестовывали их в зависимости от чистой прихоти. Горе тому, у кого находился какой-нибудь низкий недоброжелатель: стоило такому негодяю послать донос, — был ли он анонимным или за подписью, сообщал ли подлинный факт или вымысел, правительство принимало его за чистую монету и решало судьбу несчастного без всякого следствия.

В майские дни жизнью парижских граждан распорядилась армия; и свобода всех оказалась в руках полиции.

Так было до той поры, пока тюрьмы не переполнились окончательно. Правительству нельзя было уже, как раньше, безнаказанно и легко расправляться с арестованными, — и, вот, оно объявляет к сведению доносчиков, что они должны впредь подписывать свои ябеды.

* Но самая низкая зависть, самая гнусная злоба людская успела уже насытиться к этому времени.

Крупнейшие провинциальные города — вся Франция превратилась как бы в одну огромную мышеловку.

С некоторыми из арестов и казней были связаны целые истории.

В ночь на 26-е мая, в доме № 52, по бульвару Ликпюс сидели за чаем два старых поляка, поселившихся в Париже еще с эмиграции 31-го года. Старики рассказывали друг другу о событиях дня, в которых, по возрасту, уже не могли принимать участия. Будь иначе, они, несомнен-

*) Camille Pelletan. „La semaine de mai“.

но, оказались бы на стороне версальцев, среди которых находился любимый племянник одного из них, по имени Швейцер; другого старика звали Розвадовский. Приятели знали, что регулярная армия, где племянник служил лейтенантом, уже завладела этой частью города; поэтому они решили поставить на стол еще третью чашку, в надежде, что молодой человек, быть может, забежит к ним.

Пока старики мирно беседовали, за своим чаем, к дому подошли солдаты, и, как всегда делали, стали допрашивать консьержа; тут же был и офицер.

В квартире, рядом со стариками, помещались еще двое жильцов. Они были сторонниками Коммуны и все время прислушивались к разговору поляков, боясь как бы те на них не донесли.

— Нет ли у вас здесь иностранцев? — спросил офицер у консьержа.

— Да, господин офицер, — ответил тот почтительно, — у нас в № 5 живут двое старых поляков.

— Поляки! Они за Домбровского. Идите вперед, покажите.

Консьерж повиновался.

Офицер постучал в дверь. Швейцер бросился отворять и увидел перед собой чужого человека.

— Вы тут сигнализируете! — вскричал офицер, указывая на две свечи, зажженных стариками по-праздничному.

— Вы заодно с бандитами Коммуны; там, вель, все поляки! Марш вниз, живей!

Старики думали, что все это — шутки...

— У вас три чашки... Тут прячется еще третий... Где он?

Бедняги пытались было объяснить, в чем дело... Их не стали и слушать. Что они — смеются? Солдаты вытолкали их на лестницу... «Старые каналы!» Их расстреляли неподалеку от дома.

Вокруг стариков поляков не было «ореола», по которому узнаются «честные люди!» Поэтому brave солдаты в своем «боевом увлечении», как выражались в Версале, сделали то, на что не решились бы на другой день, когда пыл их охладел. Племянник узнал о «недоразумении», когда было уже поздно.

В доме оставили засаду. Несмотря на это, двум другим жильцам удалось ускользнуть в одну минуту.

В газете „Globe“ было помещено следующее сообщение, перепечатанное затем другими органами:

«Один из членов Национального собрания отправился посмотреть на арестованных женщин, которых было приведено в Версаль уже несколько сот; среди них он узнал одну из лучших своих знакомых — даму высшего света: она была случайно захвачена вместе с другими и, как и все, пешком приведена из Парижа.

«Ее освободили. Остальных женщин казнили. Правда, они дали все показания, которых от них требовали; но за себя самих они не могли представить никакого поручительства, и потому их расстреляли — вместе с лицами, которых они оговорили».

Бывали эпизоды, по-истине, ужасного свойства.

31-го мая 71 года „Petit Journal“ сообщал:

«Брюне расстреляли в то время, когда он находился у своей любовницы; с ним вместе была убита и эта женщина. После двойной казни, двери квартиры были запечатаны. Вчера явились люди, чтобы похоронить обоих убитых: оказалось, что женщина еще дышала. Несчастную не решились добивать, и она была перевезена в госпиталь».

Что же оказалось? Злополучная пара явилась жертвой случайного внешнего сходства. Настоящий Брюне успел бежать в Лондон.

Билльорэ умер на Новой Каледонии; Ферре был арестован впоследствии; Вальян бежал в Англию. И сколько раз живые копии этих людей бывали расстреляны версальцами! Горе тому, кто походил случайно на кого-нибудь из членов Коммуны или Центрального комитета! Всякий раз, как версальцы находили человека, чем-нибудь напоминавшего Камбона, Лефрансэ, Эда или Валлеса — эти несчастные двойники расстреливались — нередко одновременно в нескольких местах.

Один торговец, по имени Констан, был дважды присужден к смерти по доносу своих личных врагов: в первый раз его нашли похожим на Вальяна, во второй — приняли за Мартэна. Казнить Констана версальцам удалось, конечно, только однажды.

Пока происходили эти события, версальское собрание и реакционная пресса превозносили армию за совершаемое ею кровопролитие.

«Какая честь! Французская армия, отомстила за свои поражения неопределимой победой! (Journal des Debats).

В воскресенье, 4-го июля, во время богослужения во всех церквях произведены были сборы в пользу сирот, оставшихся после войны. Во главе этого начинания стояли г-жа Тьер и супруга маршала Мак Магона... Так завершилась расправа буржуазного общества с жертвами

войны. Какая горькая ирония, как ужасен этот переход буржуазии от бессознательной жестокости к столь же бессознательной и холодной благотворительности!

Но идея Коммуны не погибла. Ее воспримут грядущие поколения, чтобы придать ей еще больше величия. Предсмертный клич Милльера — человечность! уже разносится по всему миру; и двадцатый век принесет с собою тот великий культурный переворот, который приветствовал, умирая, герой Коммуны.

После победы правительственной партии, террор распространился повсюду. Не даром муниципальный совет Орнана — города, где родился Курбе — постановил убрать статую луарского рыбака.

Не так легко было уничтожить кровавые вежи, которыми в таком множестве отмечена была эта мрачная эпоха!

III. БАСТИОНЫ САТОРИ И ВЕРСАЛЯ.

Огромная гекатомба, страшная могила.
Берлога диких зверей...

Я уже давно не видела своей матери; между тем убийства на Мон-мартре все продолжались, и меня мучила тревога о ней.

Я условилась с товарищами, где их найти, и решила сходить домой, чтобы рассказать ей, что делается, и хотя бы обманом, заставить ее никуда не выходить из дома. Впрочем, поверить ли она мне? и там ли она еще? Понять мое мучительное беспокойство могут только люди, сами пережившие эти страшные дни.

Мне достали серую юбку: моя была пробита пулями, достали откуда-то летнюю шляпу, и, придав себе по возможности буржуазный вид, я пустилась в дорогу. Я шла, не спеша, на улицу Удо: там, в доме № 24 помещалась моя школа и при ней наша квартира. Монмартр кишел солдатами; но так же, как и при путешествии из Версаля я не вызвала к себе особенного внимания. По дороге мне встретилась т-жа Блэн — старый друг нашей семьи: она пошла вместе со мною. По ее словам, она ничего не знает ни о моей матери, ни о школе — слышала только, что дети ходят туда в последние дни, как и раньше. Чем ближе мы подходили к дому, тем тревожней сжималось мое сердце... Надо было видеть Монмартр в майские дни: это было какое-то кладбище!

Навстречу попадались только люди подозрительного вида с трехцветными повязками на руках; они смотрели исподлобья и перебрасывались словами с солдатами.

На дворе школы ни души; дверь закрыта, но не заперта на ключ; желтая собачка Финетт услышала меня и завизжала. Вместе с кошкой она заперта в кухне; бедные животные рвались наружу. Но матери не видно нигде; я спрашиваю привратницу: она заминается; наконец, она решается сказать, что за мной приходили версальцы и, не найдя меня, увели с собою мать, чтобы расстрелять ее.

В кафе, напротив, расположился пост регулярных войск. Я бегу туда; я спрашиваю, что они сделали с матерью, которую только что увели вместо меня.

— Вероятно, ее уже расстреляли, — холодно говорит мне один из них, — видимо начальник.

— Теперь вам придется расстрелять уже меня, — возражаю я, — где моя мать? где арестованные вами?

— На 37-м бастионе; вас сейчас проведут туда, — отвечают мне.

Но я знаю, где этот бастион, я не нуждаюсь в их указаниях и бегу вперед; они следуют за мной.

Я спешу увидеть мать, которую уже считаю погибшей; я хочу бросить мою жизнь в лицо этим извергам.

Весь двор 37-го бастиона был набит арестованными... О, радость! никогда в жизни я не была так счастлива: я вижу мать; вокруг нее — множество наших друзей.

Я бросилась к коменданту и требовала у него освободить мою мать, так как я сама пришла теперь, чтобы быть арестованной; в то же время солдаты, которые пришли со мною, докладывали ему, в чем дело. Офицер, повидимому, понял нас: мало того, он даже разрешил мне проводить мать до полу-дороги, так как я хотела быть уверенной, что она благополучно дойдет до дому.

Бедная мама сперва не хотела уходить; но отчаяние мое было слишком очевидно; меня поддержали и другие арестованные, которые поняли мои побуждения; полученное мною разрешение проводить мать еще более ее успокоило, и, в конце концов, она согласилась на мои просьбы.

Солдаты, которые пришли со мною, должны были проводить мать до самой улицы Удо; я рассталась с ними на половине дороги и одна вернулась, согласно обещанию, на бастион. Разумеется, я воспользова-

лась временем, пока шла с матерью и постаралась успокоить ее всем, что могла придумать. Я говорила ей, что женщин не расстреливают, что мне грозит всего каких-нибудь несколько месяцев тюрьмы и т. д. и т. д. Но мать не так-то легко было уверить во всем этом: слишком часто я ее обманывала.

— Значит вы нам не доверяете? — спросил меня комендант, когда я вернулась. — Нет, — ответила я.

Я прошла к арестованным. Тут были федералисты с Монмартра, члены наблюдательного комитета, клубы революции; особенно было много национальных гвардейцев из 61-го батальона. Над Парижем лежала целая туча дыма; ветер приносил к нам обрывки сгоревшей бумаги: они садились на нас, словно черные бабочки; канонада все продолжалась.

Прямо перед нами, на насыпи, возвышался столб, приготовленный для казни.

К нам подошел комендант. Он обратился ко мне, указывая на языки пламени, прорывавшиеся сквозь дым.

— Вот дело ваших рук, — сказал он.

— Да, — ответила я: — мы не из таких, которые сдаются. Париж погибнет!

Привели какого-то высокого молодого человека с курчавой головой; он слегка походил на Межи: за это его и арестовали.

Мы стали кричать: «Это не Межи! это другой!»... Юноша покачал головой: «не все ли равно!»

Его расстреляли на насыпи. Он умер, как истинный герой. Никто из нас не знал его.

Мы ждали своей очереди.

Перед нами в один или два ряда выстроились солдаты с заряженными ружьями. Они тоже ждали.

Наступил вечер; кое-где сгустились черные тени, кое-где зажглись фонари. Один из них бросал тусклый свет на носилки, поставленные в углу: на них покоилось тело казненного юноши.

Среди арестованных оказалось двое коммерсантов с Монмартра; бедняги вышли из дому просто ради любопытства, «чтобы посмотреть»; их забрали вместе с другими. — «Мы за себя не боимся», — говорили они: — «мы были скорей против Коммуны и ни в чем не замешаны. Мы объясним в чем дело, и нас выпустят»... Но нам казалось, что и им грозит то же самое, что нам.

Вдруг на бастион прискакала группа блестящих офицеров. Тот, кто был, повидимому, начальником, был человек довольно полный с правильными чертами лица; но его свирепые глаза, казалось, выкатывались из орбит. Лицо его было багрово: точно вся кровь, пролитая в эти дни, выступила на нем, чтобы отметить его печатью Каина; великолепная лошадь стояла неподвижно, словно бронзовое изваяние.

Выпрямившись на своем коне и надменно подбоченившись, он обратился к арестованным.

«Я — Галиффе! Вы считаете меня жестоким, господа с Монмартра; ну, я более жесток, чем вы думаете».

В этом тоне он говорил несколько минут; из его речи ничего нельзя было понять, кроме бессвязных угроз.

Все мы поняли, что обречены на смерть, и стали, по возможности, приводить в порядок свою внешность, чтобы достойно умереть. Нас было несколько сот; мы не знали, придется ли нам выходить на насыпь или же нас расстреляют всех вместе; но, во всяком случае, мы оправили платье, прическу. Я уже говорила, что все мы, люди 71-го года гордились своим пренебрежительным отношением к смерти; к тому же фраза: я — Галиффе! показалась нам ужасно смешной; она напомнила старую-старую песенку из какой-то буколической оперы:

«Я Лендор, пастух этого стада»...

Вот так пастух! вот так стадо! Первые слова этой песенки, пришедшие мне в голову неизвестно как и откуда, вызвали среди нас смех.

«Стреляйте в эту шайку!» загремел взбешенный Галиффе. Но солдаты — пресытившиеся кровью, уставшие убивать, не двигались и смотрели на него тупо, словно в полусне.

Наши бедные коммерсанты, в ужасе заметались во все стороны, толкая арестованных и солдат и стараясь пробиться вперед.

Вся ярость Галиффе обрушилась на них: он приказал взять их и расстрелять... Как бились, как кричали несчастные, не желая умирать! Они умоляли нас позаботиться о их детях — как будто были уверены, что мы останемся в живых; но оба так растерялись, что даже не указали своего адреса.

Напрасно мы кричали: «Да, ведь, они из ваших! Мы их не знаем! Они против Коммуны»...

Один из них был расстрелян не у столба, а на бегу по насыпи, как дичь; другой рвался, привязанный к столбу: так трудно ему было расстаться с жизнью. Кто-то из них крикнул: арестованные говорили, что то было «ах»; мне же показалось, будто я слышала «Анна!» Так звали его дочь.

Когда по возвращении моем с Каледонии, вышел в свет первый том моих «Воспоминаний», ко мне явилась дочь этого коммерсанта. Оказалось, что до той поры никто не знал, что случилось с обоими братьями.

Еще два трупа. Теперь их трое в углу, налево; сзади нас — стена; против — насыпь каземата, на которой красуется освещенный фонарями столб. Это высокая и тонкая жердь из простого выструганного дерева.

Несколько раньше, когда еще было совсем светло, наши любопытные коммерсанты как-то ухитрились разузнать некоторые подробности о дворе, в котором мы были заперты. — «Вы видите насыпь, — говорили они: — это казематы. Вот нас выпустят, тогда мы попросим показать нам бастион».

— Ну, а, скажите пожалуйста, вам приходилось видеть форты? — осведомлялись они.

— Как же — Исси, Монруж, Ванв.

Тут приходилось им давать самые подробные объяснения.

Скоро Галлифе уехал. Нас выстроили в длинную колонну; конные солдаты стали с двух сторон, и мы тронулись, неизвестно куда. Мы шли под мерный усыпляющий топот лошадей; от времени до времени красноватый огонь рассеивал ночную темноту, слышался грохот обвала, гремел пушечный выстрел... Все это было смутно, неведомо, словно в тумане сна; и, однако, ни одна мелочь не ускользала от внимания.

Вдруг, мы стали спускаться в лощину: мы поняли, что приближаемся к ла Мюэтт.

Мы думали, что здесь нам суждено умереть.

Трудно представить себе более прекрасную и вместе страшную картину.

Ночь не была темна; но она была и не настолько светла, чтобы можно было различить все очертания предметов; все формы расплывались, и это удивительно гармонировало с настроением минуты. Дрожащие блики луны, прорываясь между ног лошадей, ложились на узкую дорогу, по которой мы спускались. При свете факелов тени всадни-

ков черной бахромой обрисовывались на земле. Красные повязки на разорванных мундирах федералистов казались кровью, которая алыми струями покрывала солдат.

Длинная вереница пленных змеей уходила вдаль, становясь к хвосту все тоньше и тоньше; так рисуют часто на гравюрах. Я никогда не поверила бы, что так может быть в действительности.

Мы слышали щелканье ружейных курков; потом все стихло; кругом царило молчание и мрак.

— Что вы думаете? — спросил меня один из наших конвойных.

— Я смотрю, — ответила я.

Тут мы опять стали подыматься в гору; вновь растянулась наша вереница; потом была довольно продолжительная остановка.

Мы шли в Версаль.

Действительно, мы пришли туда. Там нас окружила целая туча хлыщей: они выли, как стая волков; иные даже стреляли в нас, так что у соседа моего челюсть оказалась перебитой.

Нужно отдать справедливость нашему конному конвою: он отогнал вертевшихся около нас зевак и шалопаев. Версаль остается позади. Мы все еще идем. Наконец, перед нами подъем, увенчанный зубчатой стеной. Это Сатори.

Дождь лил ручьями. Мы шли по сплошной воде.

Небольшой холм. Нам кричат: «Вверх, на приступ!» И мы подымаемся почти бегом под грохот отдаленных пушечных выстрелов.

На нас наводят митральезы. Мы все-таки идем вперед.

Среди нас была одна бедная старушка. Она рассказывала нам, что мужа ее расстреляли, а ее самое пришлось тащить, чтобы она не отстала, иначе, по ее словам, ее расстреляли бы или зарубили бы, так как это было приказано солдатам. При виде митральез бедная женщина совсем растерялась и уже готова была поднять крик; к счастью я догадалась сказать ей: «Не делайте глупостей, митральезы всегда наводят на людей, которые входят в форт». Старушка поверила и успокоилась. Теперь нам нечего было бояться: версальцы услышат только один крик: «Да здравствует Коммуна!»

Митральезы повернули в другую сторону.

Мои товарищей по плену присоединили к другой группе федералистов, которые лежали на грязном дворе под дождем. Старушку отвели в лазарет (это было так неожиданно в этом месте, которое казалось предназначенным для одних убийств)... «Эту не стоит обыскивать».

все равно ее завтра утром расстреляют!» С этими словами меня повели в каморку, которая находилась рядом с сеновалом; там было уже несколько женщин, арестованных по разным поводам: г-жа Милльер — потому что у нее казнили мужа, г-жа Дерер и Баруа — так как их мужей постигла, как предполагали, та же судьба; Мальвина Пулэн, Мариани, Беатри, Экскоффон с матерью были взяты за то, что помогали федералистам; наконец, тут же была старая монахиня, которую арестовали за то, что она подавала пить умирающим федералистам.

Было еще две или три женщины, которые даже не знали, за что их арестовали; одна из них даже не представляла себе ясно, кто ее арестовал — версальцы или федералисты.

В противоположном углу нашей комнаты сгруппировалось несколько женщин, которые были посажены к нам с умыслом — под предлогом, что они тоже наши; в отместку версальцам я нарочно уверяла всех, что эти женщины — жены версальских офицеров.

Для своих омовений — еще более курьезных, нежели обливания доктора Гренье, эти несчастные пользовались двумя большими кружками с желтоватой водой, взятой из лужи на дворе; эту воду ставили нам для питья.

В этой луже наши победители омывали свои окровавленные руки; тут же отправляли они свои естественные нужды.

По краям лужи образовалась розоватая пена.

Над этой лужей я вспоминала о людях, которые называли нас когда-то своими дорогими детьми, а теперь, словно лишившись рассудка, в опьянении властью, стали душить революцию.

Не так поступил Пелльтан; он сошел со сцены до начала резни.

Ночью, Экскоффон с матерью вытащили из своих карманов сухие чулки, чтобы я сменила свои, которые были совершенно мокры; они достали откуда-то и юбку и принудили меня надеть ее вместо моей, с которой текла вода. Меня мучила совесть, что я пользуюсь такими удобствами, в то время, когда товарищи мои по переходу мокнут под дождем. Мы улеглись прямо на полу и стали рвать на мельчайшие куски те бумаги, которые оставались в карманах у меня и Экскоффон. Я была очень рада, что могу сообщить г-жам Баруа и Дерер некоторые сведения о их мужьях, которых они считали уже погибшими: мне пришлось еще недавно видеть их обоих невредимыми. Бедная г-жа Милльер! ей нельзя было сказать ничего утешительного.

Утром каждая из нас получила по куску солдатского хлеба. При этом мне было объявлено, что меня казнят только завтра.

«Как вам угодно!» — ответила я.

Проходили дни. Коммуна погибла уже давно. Еще в воскресенье, 28-го мая, до нас донесся ее последний пушечный залп: то была агония. Прибыла новая партия женщин и детей; но в Сатори все уже было переполнено, и вновь приведенных отправили в Версаль. С нами осталось только несколько женщин из этой партии; то были «наиболее опасные» — маркитантки Коммуны.

Ночи в Сатори... Трудно представить себе что-либо более ужасное. В камере нашей было окно, смотреть в которое запрещалось под страхом смерти; но стоило ли этим стесняться! В это окно мы видели необычайные вещи.

Под проливным дождем, иногда — при тусклом свете фонаря рисовались тела людей, лежащих прямо в грязи. Они казались грядами черной земли; когда же поверхность воды, заливавшей двор, начинала колебаться, они походили на застывшие волны. Слышался сухой треск взводимых курков, сверкал огонь, и пули градом впились в толпу, убивая, кого попало.

Иногда вызывали людей по именам. Они вставали и шли вслед за фонарем, которым освещали дорогу. Осужденные несли на плечах лопаты и кирки; которыми должны были сами вырыть себе могилу; за ними двигались солдаты экзекуционного отряда.

Печальный кортеж проходил. Затем слышались залпы. Все кончено.

Как-то утром, меня вызывают. Мы обмениваемся рукопожатиями, не надеясь увидеться больше... Мне пришлось идти недалеко; меня оставили в дверях небольшой комнаты, где, за столиком, сидел какой-то человек. Он принялся меня допрашивать.

«Где вы были 14-го августа?»

Я намеренно заставила его рассказать, что такое было в тот день... «А, вы говорите о деле Ла Виллетт! Я была тогда около пожарных казарм».

До этого момента он записывал мои слова, сохраняя довольно корректный вид. С своей стороны я давала ему объяснения самым кротким тоном — забавляясь, как школьница, своей проказой.

«А на похоронах Виктора Нуара вы были?» — задал он мне новый вопрос.

Его щеки начинали краснеть.

«Да, была».

«А 31-го октября, а 22-го января?»

«Перед зданием Думы».

«Что делали вы во время восстания Коммуны?»

«Я была в действующих отрядах».

Он все более и более краснел от гнева. При последних моих словах он с сердцем сломал перо на бумаге.

«Эту женщину в Версаль!» — крикнул он.

Допросу подвергли нас всех. Одни оказались пособниками Коммуны, другие — женами расстрелянных. Нас отправили в Версаль.

В нашу партию вошли опять две или три мнимых «преступницы», из числа тех, которых приставили к нам в Сатори. И в Версале они держались особняком, но уже с большим тактом. — «Нужно вывести на чистую воду все преступления Коммуны!» — заявил мне тот самый агент, который чинил мне допрос в Сатори.

Вот почему и в тюрьме Шантье, мы опять встретились с несколькими из этих шпионов в юбках.

По дороге из Сатори в Версаль на нас набросилась какая-то женщина, которая в своей ярости готова была вцепиться нам в горло. Она не закрывала рта, изрыгая на нас целый поток ругательств. Оказалось, она слышала от кого-то, будто мы убили ее сестру. Вдруг, она испустила радостный крик; так же точно вскрикнула одна из наших спутниц, арестованная где-то совершенно случайно. То была ее сестра, которую та искала напрасно уже несколько дней... «Простите, простите меня», кричала она нам вслед. Солдаты осыпали ее бранью.

Мы прибыли к тюрьме Шантье и вошли в ворота с решеткой в верхней части; за ними открылся обширный двор. Оттуда нас повели в первую залу, где помещалось множество арестованных детей. Здесь мы не остановились: пройдя по лестнице и миновав какой-то квадратный проход, мы очутились в верхнем зале. Это и была наша женская тюрьма. Как раз против первой лестницы находилась другая, деревянная: она вела в помещение судебного следователя, обязанности которого исполнял капитан Брио.

И в этой тюрьме, и в других, с нами вместе оказывались женщины-шпионы.

Наша новая тюрьма — особенно в первое время, — отнюдь не отличалась удобствами.

Днем приходилось сидеть прямо на земле; скамейки к нам поставили значительно позднее. Скамьи же со двора внесли в наше помещение, повидимому, специально для того, чтобы Аппер мог сфотографировать нас. Впоследствии эти фотографии продавались за границей; ими же было иллюстрировано одно quasi (мнимо-) историческое издание с текстом самого нелепого содержания: нас называли поджигательницами и певицами Коммуны; при этом, как и у Аппера, под каждым изображением стояло имя, удостоверяющее нашу личность.

Дней через пятнадцать, или недели через три, нам роздали по связке соломы на каждых двух; до того времени мы спали, как и в Сатори прямо на голом полу. К сухарям — нашей единственной пище до того времени, прибавили по коробке консервов на четырех.

«Что это значит?» — спрашивали мы, пораженные этой неожиданной роскошью: — «уже не начинают ли трусить в Версале».

Но товарищи, продолжавшие прибывать к нам ежедневно, говорили, что террор стал еще сильнее, чем раньше. Просто на просто, в тюрьмах свирепствовала страшная смертность, и версальцам уже надоело возиться с трупами.

По ночам наше помещение, устланное телами, напоминало огромную мертвецкую. Сквозной ветер, дувший со всех сторон, развеивал платки и тряпье, восевшие на бичевках, протянутых над нами, — и при тусклом свете копящихся ламп, помещенных в обоих концах нашей камеры, возле часовых, эти лохмотья реяли над нами, словно крылья зловещих птиц.

Это рубище, которое мы снимали с себя на ночь, чтобы еще более не истрепать его, было единственной нашей одеждой. Если бы даже у нас и было другое платье, в этой обстановке носить его было немисливо; невозможно было и переодеться, так как солдаты поминутно входили и выходили, вызывая куда-то наших шпионок. Несмотря на наши протесты, нас не хотели избавить от них.

Ночь проходила без сна, благодаря насекомым, кишевшим повсюду; но с зарею наша мертвецкая превращалась как будто в сжатое поле. Лучи солнца золотили смятые пустые колосья нашей жалкой соломы, и кругом нас на полу, они сверкали, точно звезды.

Несмотря ни на что, мы разговаривали, смеялись... От вновь прибывающих мы могли узнать кое-что о своих.

Пользуясь услугами немногих счастливых, которых освобождали за отсутствием улик, мы давали им некоторые поручения. Таким образом мне удалось передать моей матери, что я совершенно здорова и чувствую себя прекрасно. Конечно, мать мне не поверила и сама наводила справки.

По полу ползли, извиваясь, тонкие серебристые струйки; они образовали целую сеть, между озерами величиною с хороший муравейник, где, переливаясь, как жемчуг, кишело что-то живое.

То были вши! огромные, с приподнятой, слегка надутой спинкой!.. В них было что-то напоминающее свинью — размерами с мышку. Этих насекомых было так много, что можно было слышать их кипение.

Сколько было среди нас совершенно случайных жертв!

Несколько недель с нами сидела глухонемая. Ее арестовали за то, что она кричала: «Да здравствует Коммуна!»

Была еще старуха восьмидесяти лет; у нее были парализованы обе ноги. Эту взяли за то, что она строила баррикаду.

Другая старуха — тип каменного века, смесь наивности с хитростью; она дня три вертелась около выхода на лестницу, с корзинкой на одной руке, с дождевым зонтиком в другой.

В корзине у нее лежало несколько экземпляров песенки, сочиненной ее «хозяином», — «человеком ученым», по ее словам. Старуха продавала эту песенку, зарабатывая тем свой кусок хлеба. Конечно, версальцы вообразили, что песня сочинена в честь Коммуны. Оказалось, что в ней прославлялось законное правительство!.. Все-таки старуху засадили, и старику пришлось ее подождать.

Сперва наши судьи думали, что мы рассказываем все это нарочно: тогда я показала им один экземпляр злополучной песенки. Она началась так: «Дорогие друзья из Версаля! Пожалуйста в Париж!»

Против этого нельзя было возражать, так было напечатано. Бедные старики затратили на это свои последние гроши, в надежде выручить вдвое.

Следователю пришлось сдаться перед очевидностью. Старуха, сияя от счастья, уже собиралась спуститься по лестнице со своей корзинкой и зонтиков, но вдруг остановилась: очевидно, ей хотелось сказать нам на прощание какой-нибудь комплимент.

«Знаете, — сказала она: — если бы победила Коммуна, мы написали бы так:

«Дорогие друзья из Парижа! Пожалуйста в Версаль!»

Должно быть «хозяин» сочинял свои песенки не без помощи своей старухи.

В тюрьме у нас было и еще развлечение. По воскресеньям к нам являлись с офицерами всякие франтихи. Как забавлялись мы, когда какая-нибудь любопытная сорока из буржуазии распускала свой длинный хвост над кишачей кучей насекомых!

Среди таких посетительниц к нам явилась однажды особа с великолепным античным профилем, но с излишней склонностью к позе. Она обратилась ко мне изысканно вежливым тоном, осведомляясь, *хорошо ли я читаю*. — «Читаю немного», ответила я.

— «В таком случае я оставляю для вас книгу, чтобы вы могли беседовать с богом.

«Оставьте мне лучше вашу газету, которую я вижу у вас в кармане», — отозвалась я: — «Господь бог стал уж очень отдавать Версаль!»

Она повернулась ко мне спиной. Тем не менее, в руке у нее я увидела газету, которую она мне протягивала, держа ее позади себя.

Право же, она не была ни так глупа, ни так неловка, как я думала!

Газета! «Фигаро!» Теперь мы узнаем, в чем нас обвиняют, а, главное, арестованы ли наши друзья.

Мы тихонько передаем газету из рук в руки; сейчас, при посетителях, ее читать невозможно; но, все-таки, мы знаем, что у нас есть газета.

Пока что, я подбираю с полу кусочек угля и начинаю рисовать на стене карикатуры на наших гостей; очевидно, мне удастся уловить сходство, потому что эти господа приходят в ярость.

Мои преступления все умножались; еще раньше я написала на той же стене, что мы требуем избавить нас от версальских шпионов, которых приставили к нам с целью очернить Коммуны.

В-третьих, я бросила в голову жандарму бутылку кофе, которую он хотел у меня отнять. Эту бутылку передала моя мать через решетку входных ворот; я хотела, чтобы этот гостинец оставили у меня, пока бедная мать не уйдет.

Я была вызвана для объяснений к капитану Брио. Тут мера моих злодеяний была окончательно переполнена.

«Я сожалею, что поступила так с этим бедным малым; но дело в том, что там не нашлось офицера», — заявила я.

Впрочем, не меня одну из арестованных можно было обвинить в зного рода проступках. Составился целый список *самых отчаянных* — чинищиц, как говорили наши тюремщики.

С тех самых пор, как меня заключили в тюрьму, мне постоянно задавали вопрос, — нет ли у меня родственников в Париже. Я неизменно отвечала — нет, так как опасалась, как бы их не арестовали.

Как-то раз капитан Брио опять задал мне этот стереотипный вопрос; я ответила, как всегда.

«А у вас нет дяди?» — спросил вдруг Брио.

«Нет», — повторила я. Но капитан держал перед собою раскрытое письмо, и, стоя возле его конторки, я могла прочесть его.

Мой дядя был арестован. Но он не хотел, чтобы ради этого я изменила свой образ действий; напротив, он желал, чтобы для меня его как будто не существовало.

Были арестованы и два моих двоюродных брата — Даше и Лоран; у первого было четверо детей.

«Вы видите теперь, — сказала я Брио, — я была права, отрекаясь от родственников: всех наших арестуют».

Однажды мать Экскоффон собрала около себя человек десять наших. Мы расселись на полу вокруг нее, соблюдая всевозможные предосторожности, чтобы не обратить на себя чьего-нибудь внимания; она нам показала карты, разложенные перед ней в известном порядке.

Карты были строго запрещены в тюрьме. Их подарила старушке одна из вновь прибывших к нам, которую, очевидно, плохо обыскали.

«Я сама не очень-то верю в карты», — оправдывалась перед нами старушка: «но все-таки это курьезная вещь».

«Как страшно отомстит Коммуна армии, магистратуре! То будет стоящая победа народа!» И, высказывая скорее свои собственные предположения, нежели то, что было в картах, мать Экскоффон замечиво повторяла:

«Не скоро это будет, не скоро, — но как оно будет ужасно!»

В этот момент начали выкликать «самых отчаянных»; их вызывали, чтобы отвести в исправительную тюрьму Версаля.

Мишель, Луиза!

Горже, Викторина!

Ш. Фелиси!

Папавуан, Эвладия!

Последнее имя вызывавший выкрикнул изо всех сил. Правда, бедная девушка не была даже в родстве с знаменитым Папавуаном, но все-таки имя ее производило известный эффект в данной обстановке.

Всех нас оказалось сорок. Отправляя нас в Версаль, лейтенант Марсерон хотел озаглавить этой мерой свое вступление в права начальника нашей тюрьмы.

Дождь лил ручьями. Мы ожидали, выстроившись на дворе тюрьмы. Наконец, явился Марсерон. Он начал с извинений, при чем обращался ко мне, как к наиболее «отчаянной». Я ответила ему, что мы ничего лучшего не ждем от версальцев, да и не нуждаемся в этом.

В исправительной тюрьме режим 40 «отчаянных» оказался, к нашему удивлению, сравнительно, мягким. Нам разрешили пользоваться ванной, дали белья и даже допустили свидание с родственниками.

Что же выиграл Марсерон? В его тюрьме все осталось по-прежнему; сменились только лица. Арестованные, прибывшие на наше место, оказались такими же беспокойными, как и мы; вероятно, они еще больше нас причиняли ему хлопот, так как нельзя же было оставить без протестов его новшество — сечение детей веревками. На это не решился ни один из его предшественников.

Не остались без помощи и те несчастные, которые сошли с ума или были близки к этому. Новые заключенные ухаживали за ними также точно, как и мы, нисколько не смущаясь их ужасными воплями. Бедные женщины видели такие страшные сцены, что рассудок их не выдержал. Их приходилось кормить, как маленьких детей.

В один прекрасный день эти несчастные были куда-то увезены. Говорили, что их отправили в дома для умалишенных.

Ужасы, происходившие в тюрьме Шантье при Марсероне, описаны были в свое время г-жами Ардуэн и Кадолль.

В этом аду родилась маленькая Леблан, которой несколько месяцев спустя пришлось совершить вместе с нами, на руках своей матери, путешествие на Каледонию на казенном фрегате «Виргиния».

В конце года тюрьма Шантье была преобразована в мужскую. За переполнением всех мест заключения, женщины из Шантье были препровождены в версальскую исправительную тюрьму.

IV. ВЕРСАЛЬСКИЕ ТЮРЬМЫ. — РАССТРЕЛЫ В
САТОРИ. — СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

На этих страницах
Нет ничего человеческого...
Л. М.

В исправительной тюрьме Версаля возможно было, при некоторых условиях, разузнать кое-что о заключенных в других местах. Хоть эти-то еще были живы!

Мы знали, между прочим, что в тюрьму для подсудимых несколько времени тому назад были переведены Ферре, Россель, Груссе, Курбе и Гастон Дакоста; они содержались в одном коридоре с Рошфором, который водворен был туда несколько раньше.

Мы знали, кому удалось избежать смерти, о ком нет никаких вестей... А между тем, аресты все продолжались. Случалось, что полиция и шпионы совершенно терялись: это бывало нередко, так как везде и во все времена полиция отличалась исключительной глупостью. В таких случаях прибегали к другим средствам.

Вот как рассказывает Одисс Баро об аресте Т. Ферре:

«Отец, как всегда, ушел на работу; дома оставались только две женщины — старуха мать и сестра члена Коммуны.

«Девушка, Мария Ферре, лежала в постели: она была опасно больна, у нее была горячка.

«Версальцы приступили к старухе Ферре; ее засыпали вопросами. «Где скрывается ваш сын?» — грозно спрашивали ее. Она уверяла, что ничего не знает об этом. Да, если бы она и знала, нельзя же требовать от матери, чтобы она выдала своего сына.

«Версальцы еще настойчивей добиваются своего; они стараются подействовать на нее, то увещаниями, то угрозами.

«Арестуйте меня, если хотите; не могу же я сказать то, чего не знаю! Но вы пожалете нас: вы не возьмете меня от больной дочери.

«При одной мысли об этом бедная женщина содрогается всем телом. По лицу одного из агентов скользнула улыбка: у него явилась дьявольская мысль.

«Так вы не хотите сказать, где ваш сын? Ну, что-ж — мы уведем вашу дочь».

«Из груди г-жи Ферре вырвался крик отчаяния и муки. Напрасны ее мольбы, ее слезы. Палачи поднимают больную и одевают ее, не смотря на опасность, угрожавшую ее жизни.

«Ничего, мама, не беспокойся, — говорит Мария: — у меня хватит сил, и ничего не случится; конечно, меня отпустят скоро.

«Девушку собираются увести.

«Перед матерью встает ужасная альтернатива — погубить сына или дать версальцам увести, т.-е. убить, Марию. Напрасно мужественная девушка делает ей умоляющие знаки: несчастная мать вне себя от горя, она теряет голову, она колеблется...

«Молчи, мама, молчи», — шепчет больная. Ее уводят.

«Но бедная голова матери не выдержала.

«Г-жа Ферре сразу ослабела. Она вся в огне, разум ее мутится, бессвязные слова срываются с ее губ. Палачи настораживают уши: они ловят каждое слово, которое может послужить уликой.

«В своем возбуждении бедная мать повторила несколько раз среди бреча: «улица Сен-Совер»...

«Только это им и было нужно. Двое агентов остаются стеречь дом Ферре; остальные спешат за своей добычей. Улица Сен-Совер оцеплена, все дома обысканы: Теофиль Ферре арестован. Несколько месяцев спустя он был расстрелян.

«Прошло дней восемь после драмы на улице Фазилло, и самоотверженная девушка была выпущена на свободу. Но ей не могли вернуть ее матери: она окончательно потеряла рассудок и вскоре умерла в больнице для умалишенных в приюте св. Анны.

Одисс Баро».

Дело магистратуры.

Старик отец также был арестован и был освобожден только после казни сына.

Марии приходилось одной зарабатывать, чтобы помогать своей несчастной семье.

Так как в числе арестованных было несколько членов Коммуны и Центрального комитета, то многие думали, что их будут вскоре судить. Однако, эти ожидания не оправдались. Правительство хотело сперва

подготовить почву для обвинительных приговоров, и с этой целью назначило в первую очередь дела женщин. Конечно, оно выделило не тех, которые в ответ, на предъявленные обвинения, стали бы громко изобличать злодеяния самих версальцев; в первом процессе пришлось фигурировать бедным женщинам, единственное преступление которых состояло в том, что, будучи сестрами милосердия, они с одинаковым усердием подбирали и федералистов, и версальцев и ухаживали за ними, не делая никакого различия между теми и другими. Для этих женщин все раненные были одинаковы, и для всех страждущих они являлись сестрами.

Их было четыре: Елизавета Ретиф, Жозефина Маршэ, Евгения Сюэтан, Евлалия Папавуан. Последняя, повторяем, не имела никакого отношения к знаменитому Папавуану.

Между тем, это злополучное имя постоянно выделяли: реакционеры, пошляки и правительство носились с ним без устали.

До ночи, когда обвиняемые были арестованы, они никогда раньше не встречались.

Федералисты отступали в другую часть города. Четыре сестры милосердия случайно сошлись в доме, где и провели ночь; не знаю наверное, не было ли с ними раненных. Усталых женщин одолевала сон; они по двое ложились на матрац, брошенный на пол, и спали по очереди.

Так провели они ночь. Между тем, обвинение упорно утверждало, что в это самое время они *сообща* поджигали дома. При этом оказалось, впрочем, что они были *пьяны*. Кто знает — быть может несчастные, в самом деле, не стояли на ногах от голода и усталости.

В защитники им были назначены экспромтом солдаты. Трое из этих «адвокатов» отпросились в отпуск на время суда, что и было им разрешено; четвертый, унтер-офицер, защищавший Сюэтан, ограничился на суде одною фразой: «Я предоставляю это дело благоусмотрению суда».

Все обвиняемые давали свои объяснения без всякой утайки. К сожалению, единственным ответом на клевету служило с их стороны простодушное уверение, что они подавали помощь раненым, не взвывая на то, принадлежат ли они к федералистам или версальцам. Дальше этого обвиняемые не осмеливались идти.

За это они были приговорены к смерти.

Такой приговор удивил солдат, за которыми ухаживали когда-то эти женщины. Так же точно удивлялись они, когда федералисты не добывали их, а отправляли в госпитали.

До самого процесса членов Коммуны, правительство остерегалось назначать к разбирательству дела тех, которые могли бы дать должный отпор нелепым обвинениям и гнусным клеветам. А сколько этой грязи собирали тогда некоторые усердные писатели — с Максимом Дюканом во главе!

Правительство старалось подольше проморить федералистов в тюрьмах, на понтонах; оно надеялось, что время поубавит их задор.

Добычей крыс, насекомых и смерти являлись, главным образом те несчастные, которые случайно были задержаны в толпе, и так же случайно уцелели от массового расстрела.

По данным официальной статистики из общего числа заключенных умерло 1179; больных же было 2000.

Но вошли ли в этот счет казненные в Сатори в первые дни и те неизвестные, которых убивали, когда они отставали от партий арестованных, принужденных поспевать за лошадьми конвоя?

А куда девалось множество людей, которые не перенесли ужаса этих дней и потеряли рассудок?

Из Версаля мне пришлось еще раз совершить путешествие к следователю в тюрьму Шантье. Там я пробыла несколько часов. Мне сообщили в это время, что наши душевнобольные были переведены куда-то — как говорили, в приют умалишенных.

Кто мог это проверить? Мы не знали их имен, да и сами они в большинстве вряд ли помнили, кто они.

Наконец, было опубликовано постановление парижского губернатора, объявлявшее, что члены Коммуны и Центрального Комитета, попавшие в руки правительства, предаются суду.

Пусть они понесут законную ответственность!

Имена обвиняемых были расположены в следующем порядке: Ферре, Асси, Урбэн, Билльорэ, Журд, Тренке, Шампи, Режер, Лисбонн, Люлье, Растуль, Груссе, Вердюр, Ферра, Дешан, Клеман, Курбе, Паран.

Состав третьего военного суда, перед которым должны были выступить обвиняемые, был следующий:

Мерлен, полковник, председатель.

Голе, командир батальона, судья.

Де Гибер, капитан, судья.

Мариге, судья.

Кассань, поручик, судья.

Леже, подпоручик, судья.

Лаба, адъютант, унтер-офицер.

Гаво, командир батальона 68-лин. полка.

Сенар, капитан, исполняющий обязанности прокурора.

Процесс начался 17-го августа; всех заседаний было семнадцать.

В зале суда было отведено триста мест для членов Национального собрания.

Две тысячи мест было предоставлено избранной публике; палачи-офицеры регулярной армии, в полной парадной форме, в белоснежных перчатках, встречали роскошно одетых дам и, изящно выгнув стан, провожали их до мест с самыми утонченными поклонами.

Правительство отрицало за членами Коммуны звание политических преступников; однако, само того не замечая, оно признало их таковыми, когда приговорило некоторых из них к простой ссылке: как известно, такая кара назначается за чисто политические преступления.

Данные полицейского расследования, которым руководил сам Тьер, были объединены в чудовищное, фантастическое дело; оно, как нельзя лучше, соответствовало характеру того лица, в распоряжение которого поступило.

Этим лицом был батальонный командир Гаво. Он недавно только вышел из сумасшедшего дома. Ему пришлось завершить труд г. Тьера, наложив на следственный материал печать своего безумия.

По поводу процесса 17-го августа французская реакционная пресса выпускала столь дикие завывания, что не могла не возмутить всех благомыслящих людей за границей.

Лондонский „Standard“ например, был до той поры враждебно настроен к Коммуне. И однако, эта газета находила, что невозможно представить себе что-либо более возмутительное, нежели тон французской печати полусвета во время процесса членов Коммуны.

Ферре отказался избрать себе защитника. Тогда председатель назначил для этой цели Маршана, который оказался настолько порядочным, что ограничился ходатайством о разрешении Ферре самому

прочитать свое показание. К сожалению, Ферре не удалось прочесть все, что он хотел, так как его поминутно прерывали резкие замечания членов суда и яростные крики избранной публики, наполнявшей зал.

Приводим начало и конец речи Ферре:

«После заключения мирного договора, явившегося результатом позорной капитуляции Парижа, республика была в опасности. Люди, пришедшие на смену империи, погибшей в крови и в грязи, цеплялись за власть. Пусть общество их презирало: они замыслили втайне государственный переворот и упорно отказывали Парижу в праве избрать свой муниципальный совет».

«Честные и правдивые органы печати были запрещены; истинные патриоты — приговорены к смерти... Роялисты собирались делить остатки Франции. Наконец, в ночь на 18-е марта, решив, что уже все готово, они попытались обезоружить национальную гвардию и начать массовые аресты республиканцев»...

«Их замысел потерпел крушение, столкнувшись с сопротивлением всего Парижа и с отказом собственного их войска поддержать их. Тогда они бежали и нашли себе пристанище в Версале.

«Париж был предоставлен самому себе. Честные и мужественные граждане его попытались собственными силами водворить в городе порядок и спокойствие.

«Спустя несколько дней, население Парижа было приглашено к избирательным урнам. Так создалась Коммуна.

«Версальское правительство обязано было бы признать законную силу этих выборов, и с помощью Коммуны восстановить мир. Оно поступило обратно. Ему мало было бедствий и разорения, принесенных Франции внешней войной; оно довершило их ужасами междуусобной брани: Оно полно было одной лишь ненависти и мести. Во имя этого оно пошло на Париж и подвергло его новой осаде.

«Два месяца Париж выдерживал ее; наконец, он был взят. В течение десяти дней, с разрешения правительства, в городе убивали граждан и расстреливали их без суда.

«Эти черные дни переносят нас в эпоху Варфоломеевской ночи. — Что в сравнении с ними июньские и декабрьские дни! — Доколе же будут расстреливать народ?!

«Я, член Коммуны, нахожусь в руках ее победителей. Они требуют моей головы. Пусть они возьмут ее. Низостью я никогда не захочу спасти своей жизни. Свободным я жил, свободным и умру.

«Еще одно последнее слово: судьба капризна. Пусть будущее сохранит мою память и отомстит за меня».

Это заявление прерывалось на каждом слове оскорбительными возгласами; однако, те самые, которые протестовали против него во имя «законности», не могли не признать приведенных им фактов... В Лондоне речь Ферре произвела глубочайшее впечатление. Но председатель Мерлен завершил ряд оскорблений, которыми осыпали подсудимого. Тотчас за последними словами Ферре, полковник воскликнул насмешливо: «Память убийцы!» — «Такое заявление может сделать только каторжник!» — добавил неистовый Гаво.

«Все это, — продолжал Мерлен, — не объясняет еще, за что вы попали сюда».

«Это значит, — кратко заключил Ферре, — что я покоряюсь своей участи».

Честь Коммуны восторжествовала, но Ферре погиб.

Защитник попросил было занести в протокол слова Мерлена — «память убийцы». В зале поднялся неистовый рев, а председатель нагло ответил: «Я, действительно, выразился так, как говорит г. защитник: суд примет к сведению ваше заявление».

Но Ферре не пожелал, чтобы такими пререканиями пытались спасти его жизнь.

Журд, при своей невероятной честности, несомненно был бы признан грабителем банка, если бы только на выручку ему не явилась его феноменальная память. У него отняли все его счета; он восстановил их по памяти — с такой ясностью, которая должна была бы устыдить суд.

Но есть люди для которых стыд не существует.

Правда, каждый из членов Коммуны получил из банка по тысяче франков на текущие нужды. Но что значили эти несчастные деньги в сравнении с теми миллионами, которые теперь бросают господа правители на свои увеселительные путешествия и на кое-что похуже!

Шампи и Тренке с достоинством доказывали, что честно до конца выполняли свой долг.

Урбэн вышел с честью из рискованного положения, созданного ему на суде коварством правительства и вероломством агента версальцев — де Монто.

Вся грязь закулисных интриг правительства была разоблачена европейской прессой; напротив, люди Коммуны предстали перед светом во всей своей революционной честности. Но как дорого заплатились они за свое безкорыстие, которое помешало им отдать в руки народа или же совершенно уничтожить храм золотого тельца — парижский банк!

Военный суд приговорил:

К смертной казни — Т. Ферре, Люлье.

К пожизненным каторжным работам — Урбэн, Тренке.

К заключению в крепость — Асси, Билльоре, Шампи, Режер, Ферра, Вердюр, Груссе.

К ссылке — Журд, Рагуль.

К шести месяцам тюрьмы и пятистам франкам штрафа — Курбэ, Дешан, Паран и Клеман были оправданы.

Последних троих спасло то, что они сложили с себя звание членов Коммуны еще в первые дни ее существования.

Так называемая, «комиссия помилований», окрещенная таким именем, несомненно, в смысле иронии, сотояла из следующих пятнадцати палачей:

Мартель, Приу, Бастар, Вуазэн, Батба, Майе, Лаказ, Дюкатель, маркиз де-Кэнзуна, Мервейе — Дювиньян, Тальо, Кон, Пари, Биго, Батби и, наконец, шестнадцатый — Тьер, в качестве председателя.

«Комиссия помилований» отправляла людей на расстрел, соблюдая при этом все формальности, необходимые для *mise en scène* (театральной обстановки).

В ожидании своей очереди, по примеру всех заключенных, мы организовали сношения между двумя тюрьмами. Разумеется, мы заботились о том, чтобы никого не скомпрометировать, если это обнаружится.

Оказалось, что наши предосторожности были не излишни. Сношения наши открылись. Обиднее всего для наших победителей было то, что мы в своей переписке смеялись над этими извергами, как над круглыми дураками. Между прочим, мы рассказывали, что их идиоты — полицейские чины — усердно разыскивали повсюду по карточке, найденной при обыске, давным давно умершее лицо. Повидимому, это случилось с ними частенько.

Этим не исчерпывались наши преступления. К ним присоединилось то, что я посвятила нашим господам и повелителям несколько стихов. Разумеется, я не слишком превозносила их добродетели. Впоследствии несколько строф из этого произведения было напечатано в сборнике моих стихотворений.

Третьему военному суду.

Эти черные дни — дело ваших рук!
Но придут лучшие времена,
И, несмотря, на вашу ярость,
История произнесет над неправедными судьями свой
справедливый приговор.

За вами идут все предатели и продажные души,
С вами — все, кто как хищник, ищет себе добычи.
Кто в этой клике злодеев,
Шпионов, бандитов, распутниц?
Кассэнь, Мариге, Габер, Леже, Гаво,
Голе, Лаба, палач Мерлэн и т. д.

Столица Версаль.

Да, Версаль столица!
Источник разврата и всяких бедствий,
Этот город высоко держит свой светоч.
Его сторожит Сатори,
А бандиты восклицают: — «Как Версаль прекрасен!»
Версаль, старая распутница!
На плечах у нее — саван вместо плаща,
Под истрепанным платьем
Она прячет младенца — Республику.
Бедное дитя! Оно покрыто проказой преступлений.
Скрывая его под своим тряпьем,
Старуха позорит его великое имя.
Что нужно ей, чтобы чувствовать свое могущество?
Ей нужны крепкие стены, солдаты и развратницы.

А рядом с ней, изнывая под позорным гнетом,
Спит Париж сном кладбища,
Париж — сердце мира!
Но тщетны ваши усилия: народ героев
Возвельчит имя Республики.
Кто может остановить движение жизни?
Пришла пора, когда падают с голов короны.
Так поздней, холодной осенью
Падают листья с печальных деревьев.

Л. Мишель.

Версальская тюрьма, октябрь 71-го года.

Нашим победителям.

Мы дошли до пределов позора,
Нет меры нашему глубокому отвращению,
Ужас холодной волной охватывает нас,
И сердце разрывается в груди.
Теперь вы господствуете над нами,
Наша жизнь находится в ваших руках...
Но за сегодня следует желанное завтра,
И среди вас найдется не мало изменников.
Вперед, вперед, по морям, по тучным полям
Вперед, вперед.
Вперед — пусть спелые зерна падают по бороздам!

Постепенно мы узнавали от товарищей, прибывавших ежедневно, новые и новые подробности о жестокостях версальского правительства. Между прочим, нам рассказали, как казнен был Тони Муаллэн, вся вина которого заключалась в том, что он говорил на общественных собраниях. Он обратился к правительству с просьбой разрешить ему узаконить свой брак, чтобы избавить свою жену от неприятных хлопот после его смерти. Разрешение было дано, — и супруги ожидали момента казни окол самого места; при этом, разумеется, несчастная женщина видела все, что происходило.

Узнали мы и о гибели некоторых сторонников версальского правительства, которые пали вместе с другими в Шателе. Там же были расстреляны несколько человек, которые во все время боя в Париже

не выходили из дома; версальцы казнили их потому, что, по слухам, их жены сочувствовали Коммуне. Так был убит, между прочим, г. Тинэр.

Вместе с другими была арестована г-жа Маньер — одна из тех, которые наиболее энергично проводили мысль о необходимости примирения Парижа с Версалем. То была последняя из прибывших в исправительную тюрьму до перевода моего в Аррасскую тюрьму.

Однажды утром меня вызвали в тюремную контору. Я уже давно требовала предания меня суду, полагая, что осуждение на смерть женщины может погубить версальское правительство; поэтому, когда меня вызвали, я думала, что дело идет о какой-нибудь формальности, связанной с предстоящим судом. Однако, оказалось, что меня собираются препроводить в Аррасскую тюрьму; что касается суда, то мне было объявлено, что дело мое разберут, когда будет время; таким образом, мне приходилось сперва отбывать наказание.

Я долго была уверена, что эту гнусность устроил для меня Массе; но потом я узнала, что была обязана этим старику Клеману.

Перед отъездом, я написала жалобу в книгу конторы и требовала, чтобы, по крайней мере, предупредили мою мать, которая должна была явиться ко мне завтра в день свидания. Стоял ноябрь месяц; зима в том году наступила очень рано, и снег шел уже несколько дней подряд.

Контора забыла предупредить мою мать, — и в течение нескольких лет бедная старушка помнила ту стужу, по которой она ехала из Парижа в Версаль, чтобы узнать там о моем отъезде.

Следующим по очереди процессом было дело Росселя; он был приговорен к смерти за то, что из рядов регулярной армии перешел на сторону федералистов.

За ту же самую вину был осужден на смерть унтер-офицер Буржуа.

Дело Рошфора все откладывалось; в ожидании суда его заключили в форт Байар.

По темным корридорам следственной тюрьмы, по государственной тюрьме 71-го года часто проходили прелестные молодые девушки... То были — Мария Ферре с ее черными глазами и темными тяжелыми косами, совсем еще юная дочь Рошфора и две сестры Росселя — Белла и Сара.

В Париже в это время были две женщины, которые ни на минуту не расставались с мыслью о братьях; сестра Делеклюза с гордостью вспоминала о его смерти; сестра Бланки терзалась вечной тревогой за его жизнь.

В ночь на 28-е ноября администрация Аррасской тюрьмы вызвала меня и предупредила, чтобы я была готова к отъезду в Версаль.

Не знаю, в котором часу мы отправились. Было еще совсем темно; шел сильный снег... Меня сопровождали два жандарма. Нам пришлось долго ждать поезда на вокзале, где зеваки смотрели на меня, как на диковинного зверя или пробовали вступить со мною в разговор. Разумеется, я так отвечала этим господам, что ни один из них не решился повторить свою попытку; все они после моей реплики держались на почтительном расстоянии и смотрели на меня, вытаращив глаза.

«Кажется, утром собираются казнить федералистов в Сатори?» — сказал мне один из этих зевак.

«Тем лучше, — ответила я: — это только ускорит народный суд над версальцами!»

Жандармы поспешили увести меня в другую залу.

Мы долго еще ожидали поезда.

На версальском вокзале я увидела Марию Ферре. Бледная как смерть, с сухими глазами, она ехала требовать выдачи тела своего брата.

Жандармы позволили мне перебраться с Марией несколькими словами; за это они оба были уволены потом со службы.

Газета „Liberté“ в номере от 28-го ноября следующим образом описывает казнь в Сатори.

«Осужденные, по-истине, обнаруживают твердость духа. Встав около столба, Ферре бросает на землю свою шляпу; к нему подходит сержант, с намерением завязать ему глаза: но он берет повязку и бросает ее на шляпу. Трое приговоренных остаются одни у своих столбов; три экзекуционных взвода подходят и дают залп.

«Россель и Буржуа тотчас после залпа упали на землю; Ферре один момент еще держался на ногах и затем упал на правый бок.

«Главный полевой хирург, г. Дежардэн спешит к трупам; он делает знак, что Россель мертв и подзывает солдат, чтобы пристрелить Ферре и Буржуа.

За несколько минут до смерти, Ферре написал сестре следующее письмо:

«Версальская тюрьма для одиночных заключенных, камера № 6. Вторник, 28 ноября 1871 года, 5½ часов утра.

«Моя дорогая сестра,

«Через несколько минут я умру. В последний момент я буду вспоминать о тебе. Прошу тебя — потребуй выдачи моего тела и похорони его вместе с прахом нашей бедной матери.

«Если можно, пусть в газетах будет указано время моих похорон, чтобы друзья мои могли проводить меня в могилу. Разумеется, — никакого церковного обряда; я умираю таким же материалистом, как и был при жизни.

«Снеси венок иммортелей на могилу матери.

«Постарайся вылечить брата и утешить отца; скажи им обоим, как я их любил.

«Обнимаю тебя тысячу раз, и тысячу раз благодарю за те заботы, которыми ты постоянно окружала меня; не поддавайся горю и смело смотри в лицо жизни, как часто ты обещала мне. Что касается меня, то я счастлив: приходит конец моим страданиям, и, потому не нужно жалеть меня.

«Все мои бумаги, платье и другие вещи должны быть выданы тебе; деньги же, находящиеся в конторе, я оставляю более счастливым заключенным».

Т. Ферре».

Полковник Мерлэн одновременно принимал участие и в военном суде и в исполнении смертных приговоров.

Как и Париж, вся провинция была залита кровью систематических казней.

30-го ноября, два дня спустя после вышеописанных убийств в Сатори, Гастон Кремье был отведен в Марселе на долину Фаро, идущую вдоль морского берега; незадолго до того на том же месте был расстрелян солдат Паки, перешедший на сторону народа.

Кремье сам скомандовал «пли»; он хотел крикнуть: «Да здравствует республика», но успел произнести только половину последнего слова. После каждой казни солдаты проходили перед трупом; так бывало в Сатори; также точно было и в Марселе, где войска при звуках труб дефилировали мимо убитого Кремье.

Несколько позднее был приговорен к смерти старик Этьенн; впрочем, казнь была заменена для него пожизненной ссылкой.

Книга для посетителей, положенная при входе в дом Кремье была покрыта тысячами подписей. Такая манифестация напугала правительство. Оно увидело, что совесть честных людей не может с ним помириться; тогда оно решило действовать на умы террором.

Год спустя, после провозглашения Коммуны — 22-го февраля, в 7 часов утра, столбы для казней в Сатори опять обагрились кровью. На этот раз были расстреляны трое честных доблестных защитников Коммуны — Лагранж, Эрпэн Локруа и Вердаге. Подобно множеству других, они заплатили своею жизнью за смерть двух генералов — Клемана Тома и Леконта, которые сами погубили себя, несмотря на все попытки Эрпена Локруа спасти их.

29-го марта был казнен Прео де-Ведель; 30-го апреля — Жантон; последний, страдая от ран, притащился на место казни на костылях, но у рокового столба встал прямо и гордо.

25-го мая версальцы расстреляли Серизье, Будена и Буэна, которые убили в майские дни какого-то субъекта, мешавшего обороне Парижа.

6-го июля казнены были Бодуэн и Рульяк, обвиненные в поджоге Сент-Элуа и в защите баррикад.

Прибыв на место казни, они разорвали веревки и начали отчаянно бороться с солдатами. Их убили, как быков на бойне.

«Этим они мыслили», — заметил офицер, командовавший казнью, дотронувшись кончиком сапога до мозга убитых, разбрызганного по земле.

Как в майские дни версальцы громоздили целые горы трупов, так теперь они массажи выносили обвинительные приговоры. Опьяненные кровью сменилось безумной жадью судебных кар. С помощью террора правительство надеялось водворить в стране вечное безмолвие.

Дошла очередь и до журналистов, которым вменяли в преступление обыкновенные газетные статьи. Так был приговорен к смерти Марото, автор известных статей в „Montagne“.

Задачей этой газеты были сообщения, по возможности, самых точных фактических данных. Между прочим, говоря о реакционерах, Марото выразился следующим образом:

«Бывают моменты, когда они доходят до крайних пределов лжи и клеветы, когда язык отказывается им служить; тогда, чтобы придать себе бодрости, они нюхают кровь, которая пенится в стакане девицы де-Сомбрель.

«Они вытаскивают из могилы генерала Бреа, они потрясают саваном Клемана Тома.

«Довольно!

«Вы говорите о ваших убитых! Считите наших! Дада Фавр! Подбери повыше свою юбку, чтобы не украсить ее кровавой каймой, и попробуй, если хватит духу, войти в мясную лавку революции.

«Не мало в ней навалено туш!

«Вот Прериаль с Термидором, вот Сен-Мерри, Трансноэн, Тикетонн.

«Сколько гнусных дней, сколько проклятых имен!

«Но зачем заходить так далеко, зачем тревожить прах минувших лет? Скажите — кто убивал вчера, кто убивает еще сегодня?

«Кто заманил к себе Шаретта и Файи? Кто скликал роялистов в Вандее? Кто натравил Бретань на Париж?

«Кто стрелял в толпу девочек в Нейльи?

«Разбойники!!

«Но теперь красное знамя осеняет не бой, а победу нашу. Трубят трубы, — весь город поднялся. Мы идем на вас, хищники ночи, мы выгнать вас из самого гнезда, и вынесем на свет, чтобы вы хлопали на него глазами.

«Сегодня утром вы предстанете перед судом Коммуны; вы будете судимы и осуждены. Так вам и надо!

«Мститель, точи свой нож о черный камень.

«Да!

«Основывая свою „Montagne“, я дал клятву Марата и Руссо: умереть, если нужно, но говорить правду.

«Я повторяю — пусть падет голова преступников.

Гюстав Марото».

Можно ли удивляться тому, что честные люди возмущались преступлениями Версаля?

Газета „Montagne“, если не ошибаюсь, была выпущена всего на всего в двадцати номерах. Предпоследний, девятнадцатый номер, пошел за собою смертный приговор издателю. Впрочем, правительство

не решилось привести его в исполнение. Смертная казнь была заменена для Марото пожизненными каторжными работами. У меня сохранились отрывки его последней статьи, признанные преступными. Самая статья была написана после отказа правительства освободить Бланки, чтобы, взамен него, получить архиепископа парижского и несколько священников.

„La Montagne“ № 19-й, издание Гюстава Марото.

«Монсеньер, архиепископ парижский.

«В 1848 году, в дни июньской борьбы, на баррикаде был убит прелат: то был монсеньер Аффр, архиепископ парижский.

«Говорят, он вошел на баррикаду, вняв голосу сердца, чтобы, как слугитель неба, напомнить евангельский завет и мановением золотого посоха своего прекратить зловещее пение пуль.

«Эта смерть как бы оправдывала опасения Кавеньяка. Пущена была фанья, будто в руках народа, стертых в кровь кандалами, оказались ключья фиолетовой рясы.

«То была ложь! Доныне никто не знает, откуда был произведен роковой выстрел — ружье ли солдата, или дуло инсургента послало смертельную пулю.

«Но республиканцам, как Каину, пришлось поникнуть головой перед пролитой кровью священнослужителя.

«С тех пор мы стали более образованы и менее суеверны. Довольно, мы не верим уже в Бога; революция 71-го года есть торжество атеизма, и республика наша украшает себя цветами иммортелей.

«Мы исповедуем великую религию труда: она осуждает леность и тунеядство...

«Скорее, сбросьте с себя свои клобуки, засучите рукава, возьмитесь за плуг, погоняйте волов: с песней идти за полевой упряжкой лучше, чем распевать псалмы.

«И не говорите мне о Боге: мы уже не боимся буки, так как слишком давно именем его прикрывают разбой и убийства.

«Во имя Бога Вильгельм пил полной каской самую чистую нашу кровь; во имя Бога войска папы бомбардируют Тэрн. Не нужно нам Бога.

«До сих пор собаки только смотрели на епископов; скоро они примутся кусать их. Наши пули не пощадят священных нагрудников; ни один голос не возвысится против нас, когда расстрелян будет архиепископ Дарбуа.

«Мы взяли Дарбуа, как заложника; если нам не отдадут Бланки, архиепископ умрет.

«Коммуна дала в том свое слово. Если бы она не решилась выполнить свою клятву, народ сделал бы это за нее. Не смейте же осудить ее!

«Пусть правда водворится в судах», говорил Дантон после сентябрьских убийств: «тогда суд народный прекратится сам собою».

«Ах, я очень боюсь за монсеньера архиепископа парижского.

Гюстав Марото».

В первом номере „Montagne“ Марото писал: «Я дал клятву Марата и Руссо — умереть, если будет нужно, но говорить правду». Правда была та, что в ужасных условиях, созданных версальцами, и писать, и действовать иначе было невозможно.

Любопытное совпадение. В тот самый момент, когда я цитировала слова Руссо, ставшие для Марото законом, вскрывались гробницы Руссо и Вольтера. Современники наши хотели узнать, покоятся ли на своем месте ныне столь почитаемые останки.

Да, они лежат нетронуты. Голова Вольтера смеется нам в лицо своим беспощадным смехом, издеваясь над тем, что мы так мало ушли вперед. Остов Руссо покоится тихо, со скрещенными на груди руками.

За то, что Марото говорил правду, он был приговорен к смерти. Но правительство не осмелилось привести в исполнение свой приговор над журналистом — так же точно, как над Сивоком двадцать лет спустя; смертная казнь была заменена для Марото пожизненными каторжными работами; он был сослан в тюрьму на о. Ну.

Марото страдал чахоткой. Он умер, не дождавшись ссылки, 18-го марта 1875 года. Ему было, если не ошибаюсь, всего 27 лет.

Он болен был уже лет шесть; наконец, пришла смерть. Уже 16-го марта с минуты на минуту ждали его конца. Наступила агония. Вдруг Марото приподнялся на постели и обратился к доктору:

«Скажите, — спросил он, — может ли наука продлить мою жизнь до 18-го марта, дня моего рождения?»

«Вы будете живы, — ответил врач, скрывая слезы.

Действительно, Марото умер 18-го марта.

Долгое время после смерти, глаза его казались живыми: они точно видели во мраке приближение суда народного.

За газетные статьи был приговорен к пожизненной каторге и Альфонс Эмбер. Правительство утверждало, что рассуждение газеты „Père Duchêne“ в № от 5-го апреля вызвали арест Шодэ. Между тем, о последнем даже и речи не было в инкриминируемом номере. Приводим несколько отрывков из него.

«Сегодня в первый раз „Père Duchêne“ пишет некоторый *post-scriptum* (примечание) к своим истинно-патриотическим статьям.

«Никогда „Père Duchêne“ не будет так счастлив, как сегодня, — да, счастлив, черт побери!

«Это потому, что дела революции идут отлично, а версальская сволочь подлее, чем когда-нибудь.

«Наконец исполнились заветные желания „Père Duchêne“. теперь он может умереть спокойно.

«Не пройдет и пятнадцати дней, и наша газета в третий раз будет всем сердцем приветствовать торжество социальной революции!

«А знаете ли вы, почему так радуется сегодня „Père Duchêne“ хотя добрая сотня наших верных друзей убита?

„Père Duchêne“ радуется потому, что, как ни подстрекали всякие мерзавцы, все-таки версальцы первые напали на нас.

«Да, *они* — клянемся в том правдивой историей 79 г. французской республики — *они* начали гражданскую войну!

«Правда, ради спасения погибло несколько патриотов.

«Да будет им слава!

«Нация спасена!

«И честь грядущего поколения остается столь же незапятнанной, как и наша.

«Вы, патриоты, погибшие за отечество и во имя социальной революции! Мы лобызаем раны ваши.

«И мы будем помнить всегда, что в вашей крови обновилось наше красное знамя.

(„Père Duchêne“, 5-го апреля 1871 года).

Рошфор был приговорен к заключению в крепость. В вину ему были также поставлены газетные статьи; но особенно повредила ему его выдающаяся роль в деле низвержения империи.

Во всяком случае, статьи, появившиеся в „Mot d'ordre“, тотчас за началом бомбардировки Парижа, приводили Версаль в исступление.

«Беглец Винуа, ныне кавалер Почетного Легиона, запретил издание „Mot d'ordre“ на том основании, будто бы мы с сотрудниками призываем к гражданской войне. Теперь циркуляр Дюфора сообщает нам, что отныне газеты будут подвергаться каре за призыв к примирению. Пусть попробуют несчастные журналисты высказать осуждение тому, что на улицах снаряды убивают женщин, мирно идущих на рынок: пусть осмелятся они предложить хотя бы наилучшее средство прекратить братоубийственную войну. В глазах версальского министра юстиции они приравнены будут к самым закоренелым преступникам.

«Положим, вы отправились в Версаль. Отец ваш остался в Париже. В один прекрасный день вы узнаете, что в комнату к нему влетела бомба с Мон Валерьян и разорвала его в постели. Пусть так. Вы должны кричать, что необходимо продолжать гражданскую войну. Иначе честный Дюфор признает вас врагом собственности и даже семьи.

«Мы часто говорили уже, что нет ничего безпощаднее, чем, так называемые, умеренные. Было бы скверно, если бы они были только свирепы; но на счастье наше, они, вдобавок, и глупы. Сколько, с позволения сказать, министров трудилось над составлением манифеста, над которым хохочут теперь все любители посмеяться! И ни один из этих господ не догадался, что провинция, для которой предназначен этот манифест, вот — вот воскликнет, как один департамент:

«Как! Вот уже месяц они потрошат Париж, их ядра решат общественные памятники и частные дома! Но пусть комунибудь — придет в голову заметить этим господам — не довольно ли? Они заранее объявляют, что такой преступник будет наказан по всей строгости законов. Уж не набрано ли это министерство из клеток зоологического сада?

Анри Рошфор».

Но особенную ярость в Версале вызвали следующие два отрывка из статей Рошфора.

«Бланки был заочно приговорен к смерти. Теперь его отыскивали и арестовали. Хорошо. Что-ж остается сделать правительству после этого ареста? Оно должно вновь привлечь Бланки к суду, чтобы разобрать дело в присутствии самого обвиняемого. Но любители законности, устроившиеся в версальских казармах, нашли это неудобным. Они отказали своему пленнику даже в его законном требовании военного суда и упрятали его в какую-то тюрьму, где он содержится под строжайшим секретом. Теперь никто не знает, где заключен Бланки, жив ли он или умирает.

«Это превосходит уже всякие границы безумия и злобы. Правда при этом ссылаются на закон, который будто бы санкционирует соблюдение тайны — чудовищного и бесполезного злоупотребления; но никогда, и нигде правительственная власть, как бы жестока она ни была, не имела законного права прятать, т.-е. совершенно устранять из жизни обвиняемого. Наш кодекс гласит, что заключенный должен быть при первом требовании семьи показан ей, для того, чтобы она могла убедиться в том, что он жив: иначе его могут умертвить в тюрьме те, которые в том заинтересованы.

«Какой же ответ получила сестра Бланки на свое трогательное письмо, где она требовала, если не свидания с братом, то, по крайней мере, указания, в какой темнице, под каким могильным камнем похоронили его заживо версальские тюремщики? Законовед Тьер, с юриспруденцией Дюфором на пристяжке, ответил, что, пока не будет восстановлен порядок, он не может допустить никаких сношений с заключенным и никаких справок о нем.

«Ну, хорошо! А что говорит статья кодекса, формально воспрещающая подобный произвол? А куда делась законность, на которую вы ссылаетесь при каждом удобном и неудобном случае, и в нарушении которой вы упрекаете Коммуну? В оценке действий Тьера по отношению Бланки двух мнений быть не может: мы имеем дело с злоупотреблением, предусмотренным законом; оно является квалифицированным преступлением, и за ответ свой на требование семьи Бланки, глава исполнительной власти подлежит ссылке на галеры.

А. Рошфор».

Вторая статья Рошфора, пожалуй, еще более затрагивала слабое место буржуазного сердца. Дело шло о крысином гнезде на площади Сен-Жорж. Как известно, первой заботой старого гнома было выстроить себе, на государственный счет, целый дворец на месте прежнего дома.

4-го апреля в „Mot d'ordre“ появилась очень меткая статейка по этому поводу.

«Г-ну Тьеру принадлежит чудесный отель на улице Сен-Жорж: там находится целая коллекция всякого рода произведений искусств.

«Г. Пикар владеет в Париже, откуда он бежал, тремя домами, приносящими огромный доход; г. Жюль Фавр занимает по улице Амстердам роскошное помещение, которое ему принадлежит.

В иллюстрированной газете „Le Voleur“, № 756, 44 год, 29 декабря 1871 года я нахожу отчет о моем процессе, с предисловием, в котором газета, так сказать, представляет меня читателям.

В моем распоряжении остается слишком мало места. Поэтому, могу ли я рассказать о судьбе всех нас. То была мрачная повесть тюремных мытарств, последовавших за страшными днями майской резни... Что касается моего процесса, то для характеристики его я беру несколько строк, предпосланных судебному отчету, помещенному в газете „Le Voleur“. Под руками у меня нет первоисточника: поэтому я пользуюсь перепечаткой статьи в газете „Le Droit“. Замечу кстати, что „Le Voleur“ оказался гораздо менее злостной газетой, чем я ожидала.

Военные суды.

6-й военный суд в Версале.

Новая Теруан.

«В последнем № мы кратко сообщили об осуждении девицы Луизы Мишель. Это — одна из героинь Коммуны; она вызывающе относится к суду и не прибегает ни к запирательству, ни к указаниям каких-либо смягчающих обстоятельств.

«Этот процесс заслуживает более серьезного внимания, и мы уверены, что читатели не посетуют на нас, если мы несколько ближе познакомим их с Луизой Мишель. Ниже мы помещаем ее портрет, воспроизводимый с фотографии Аппера.

«Есть нечто общее между Луизой Мишель и Теруан де-Мерикур, — этой «неистойой вакханкой» террора; тот, кто прочтет дебаты, происходившие в 6-м военном суде, легко уловит эти сходные черты.

«Луиза Мишель представляет собою чисто революционный тип. В восстании Коммуны она играла весьма выдающуюся роль. Можно сказать, что она была, если не душою, то вдохновительницей революционного движения.

«Для учительницы, Луиза Мишель получила прекрасное образование. Она жила на улице Удо, № 24; в последнее время число ее учеников достигало 60. Родители детей, посещавших ее школу, были весьма довольны ее заботами об учениках и, успехами самих детей.

«В качестве преподавательницы, Луиза Мишель пользовалась всеобщей любовью и уважением, ее знали и т. д.»...

Я опускаю все эти восхваления.

«По своим способностям... и т. д.

«Это превосходит уже всякие границы безумия и злобы. Правда при этом ссылаются на закон, который будто бы санкционирует соблюдение тайны — чудовищного и бесполезного злоупотребления; но никогда, и нигде правительственная власть, как бы жестока она ни была, не имела законного права прятать, т.-е. совершенно устранять из жизни обвиняемого. Наш кодекс гласит, что заключенный должен быть при первом требовании семьи показан ей, для того, чтобы она могла убедиться в том, что он жив: иначе его могут умертвить в тюрьме те, которые в том заинтересованы.

«Какой же ответ получила сестра Бланки на свое трогательное письмо, где она требовала, если не свидания с братом, то, по крайней мере, указания, в какой темнице, под каким могильным камнем похоронили его заживо версальские тюремщики? Законовед Тьер, с юристом Дюфором на пристяжке, ответил, что, пока не будет восстановлен порядок, он не может допустить никаких сношений с заключенным и никаки~~х~~ справок о нем.

«Ну, хорошо! А что говорит статья кодекса, формально воспрещающая подобный произвол? А куда делась законность, на которую вы ссылаетесь при каждом удобном и неудобном случае, и в нарушении которой вы упрекаете Коммуну? В оценке действий Тьера по отношению Бланки двух мнений быть не может: мы имеем дело с злоупотреблением, предусмотренным законом; оно является квалифицированным преступлением, и за ответ свой на требование семьи Бланки, главы исполнительной власти подлежит ссылке на галеры.

А. Рошфор».

Вторая статья Рошфора, пожалуй, еще более затрагивала слабое место буржуазного сердца. Дело шло о крысином гнезде на площади Сен-Жорж. Как известно, первой заботой старого гнома было выстроить себе, на государственный счет, целый дворец на месте прежнего дома.

4-го апреля в „Mot d'ordre“ появилась очень меткая статейка по этому поводу.

«Г-ну Тьеру принадлежит чудесный отель на улице Сен-Жорж: там находится целая коллекция всякого рода произведений искусств.

«Г. Пикар владеет в Париже, откуда он бежал, тремя домами, приносящими огромный доход; г. Жюль Фавр занимает по улице Амстердам роскошное помещение, которое ему принадлежит.

«Что сказали бы эти домохозяева — правители, если бы на стук их лопат под Парижем, народ ответил бы ударами лома в их владениях? Что сказали бы они, если бы за каждый дом на Курбвуа, поврежденный версальским снарядом, стали бы разбивать стены палат на площади Сен-Жорж или улице Амстердам?

Анри Рошфор».

Раскрошить немного камня, чтобы спасти массу человеческих жизней!.. Нет, в глазах бесноватых из Версаля это было страшным преступлением. И ярость их не имела границ, когда в лицо им бросали правду.

Сперва решили было предать Рошфора военному суду; потом хотели арестовать его детей. К счастью, их скрыл у себя поскорее книгопродавец с Аркашонского вокзала в Париже; спустя несколько времени, они были увезены оттуда Эдмондом Адан.

Вскоре бешенство версальского Футрике несколько успокоилось. Члены Коммуны были присуждены к смерти, заключены в тюрьмы, отправлены в ссылку; дом его был отстроен с гораздо большей роскошью, чем прежде... Тьер сообразил, что, не будь разорено его старое гнездо, у него не было бы и нового дворца; так как, по мнению его, Рошфор много содействовал разрушению его дома, он решил ограничить меру наказания за его преступные статьи ссылкой на другой конец света. Ему казалось, что это будет лучшим свидетельством о его незлобности.

Итак, 20 сентября 71-го года Рошфор, Анри Маре и Муро предстали перед судом. К ним предъявлены были следующие страшные обвинения:

«Помещение в газете, ныне запрещенной, заведомо ложных слухов, нарушающих общественное спокойствие; соучастие в преступном замысле возбудить гражданскую войну; соучастие в призывах к грабежу и убийству; оскорбление главы исполнительной власти; оскорбление Национального собрания».

Председатель Мерлэн приобщил к делу все статьи „Mot d'ordre“; тут была заметка от 2-го апреля, где Футрике предупреждали, что постараются погубить его каким бы то ни было способом; тут были — статья — от 3-го, где члены правительства обзывались пролазами, рас-

суждения о Бланки, о доме Тьера, о Вандомской колонне... Гаво произнес неистовую обвинительную речь; впрочем, на этот раз его бред не имел слишком большого успеха, и Рошфор был присужден к пожизненному заключению в крепость.

Секретарь редакции „Mot d'ordre“ был приговорен к пожизненной ссылке.

Анри Маре был наказан пятью годами тюрьмы.

Локруа, забредший как-то во время прогулки слишком далеко за черту Парижа, был схвачен версальцами и посажен в тюрьму; там он сидел до самого взятия Парижа. Футрике предлагал было ему на выбор: тюрьму или кресло неприкосновенного депутата в Национальном собрании; Локруа предпочел заключение измене.

Был посажен в тюрьму и Мерис; об этом рассказывала мне его жена, которая посетила меня в заключении.

Если бы можно было, правительство арестовало бы весь свет.

Спустя несколько дней после суда над Рошфором, Гаво окончательно сошел с ума; очевидно, его разум не мог выдержать соприкосновения с идеями, которые развивали перед ним обвиняемые.

Правительство принялось судить детей, питомцев Коммуны; самые младшие были 8, 11, 12 лет, старшие — 14 — 15.

Сколько из них умерло потом, не дожив в исправительных домах до 21 года!

По примеру Англии, выдавать беглецов Коммуны отказалась и Швейцария; вопреки требованию Версаля, она приютила у себя Рауа. Венгрия не захотела также выдать Франкеля. Мэр города Пюто, Рокк де-Филоль, человек неподкупной честности, словно насмех, был приговорен к каторжной тюрьме.

Фонтэн, заведывавший общественным имуществом при Коммуне, человек безусловной порядочности, был присужден к двадцатилетней каторге — за то, что при пожаре Тюльери пропали какие-то безделушки. Серебро Тьера и его мнимые произведения искусства оказались потом в складе мебели и в музеях; они были оценены владельцем непомерно высоко и, с художественной точки зрения, не стоили ровно ничего.

Последняя казнь в Сатори имела место 22 января 1873 года. В этот день были расстреляны члены Коммуны: Филипп, Бено и Декан: они были осуждены за содействие обороне Парижа поджогом Тюльери.

Все трое пали с возгласом: «Да здравствует социальная революция... да здравствует Коммуна!»

В сентябре за то же преступление были казнены: Лолив, Данвеллан и Дешан. «Долой подлецов!» — крикнули они, умирая, — «да здравствует всемирная республика!»

Какой прекрасной должна была казаться эта Республика героям, которые умирали за нее, стоя у рокового столба!

Не даром лилась два года кровь в Сатори. Она оплодотворила собою землю.

Умерла Коммуна, но революция осталась жива. Прогресс человечества непрерывно идет через все эпохи; всякое культурное завоевание есть временная форма, уступающая свое место другой.

4-го декабря, перед военным судом предстал Лисбон, еле держась на костылях, с которыми ему не пришлось расстаться в течение десятилетнего пребывания в каторжной тюрьме. Суд приговорил его к смертной казни; затем, эта кара была заменена для него более медленной смертью — пожизненной каторгой. К счастью, он дождался освобождения.

После него судили Эртебиза, секретаря Комитета общественного спасения.

Правительство отыскивало всех, кто писал против Версаля.

Лепеллетье, Пейрутон заплатились целыми годами тюремного заключения.

Если бы мы пожелали, мы могли бы кассировать приговоры над нами. Дело в том, что военные суды пользовались печатными формулами обвинения, сохранившимися еще от практики имперских судов: при этом, они не изменяли там ни слова. Оттого и происходило, что нас обвиняли согласно докладу и заключениям имперского комиссара.

Но военные суды были единственной трибуной, с которой можно было прославлять Коммуну против ее клеветников и убийц; поэтому мы оставляли без внимания процессуальные нарушения.

«С 18-го марта, Луиза Мишель, если не вовсе забросила свою школу, то, во всяком случае, стала относиться к ней с несравненно меньшим вниманием, так что заведывание учебным заведением почти всецело перешло в руки ее помощниц. Сама Луиза Мишель, под влиянием своего экзальтированного характера, с головою ушла в политику. Она сделалась постоянной посетительницей клубов, где сразу выделялась своими речами, напоминая неистовую декламацию людей 93-го года. Ее рассуждения и теории народного освобождения обратили на нее внимание вождей народного движения; она была принята в их совет и приняла участие в их деятельности».

Как раз с 18-го марта мне реже всего приходилось видеться с товарищами, с которыми, еще задолго до этого дня, мы вели ожесточенные споры из-за моих излюбленных идей. Этим идеям я посвятила свою жизнь, с тех самых пор, как стала сознательно относиться к окружающему и понимать, какие преступления совершаются в нашем обществе. С 3-го апреля до вступления в Париж версальских войск, я только дважды отлучалась из действующих отрядов Коммуны, чтобы на несколько часов отправиться в Париж. — Я состояла в 61-м батальоне; когда он отступил в Париж, я вместе с другими — разведчиками, артиллеристами Монмартра, детьми Коммуны переходила с Кламарского вокзала на Монруж, с форта Исси на От — Брюйер, Нейльи и т. д. — Судьям, вообще, свойственно ошибаться; потому-то и необходимо бывает подробное предварительное следствие: во всяком случае, мои судьи совершенно справедливо признали, что всем сердцем своим и всеми силами своими я была предана Коммуне. — Нет, 6-й военный суд был еще далеко не худшее в сравнении с тем, что пришлось мне видеть впоследствии.

Однако, продолжаю выписку из газеты.

«Такова роль, которую играла подсудимая. В заседании суда Луиза Мишель еще резче оттенила эту роль, внеся в нее новые черты исключительной энергии и мужественности.

«В залу суда Луиза Мишель была введена под стражей. Это — женщина лет 36, роста выше среднего.

«Она одета во все черное; вуаль скрывает черты ее лица от любопытных взоров многочисленной публики; ее походка естественна и уверенна; во всей внешности нет ни малейших признаков экзальтации.

«У нее — развитой, несколько покатый лоб; нос ее широк у основания, что придает ей мало интеллигентный вид; у нее черные густые волосы.

«Самая замечательная черта во всей внешности Луизы Мишель — ее огромные глаза; их пристальный взгляд точно гипнотизирует вас. Она смотрит на судей так спокойно и уверенно, во всяком случае, так бесстрастно, что наблюдатель, который хотел бы уловить на этом лице игру человеческих чувств, невольно теряется и недоумевает.

«Под этой невозмутимой внешностью вы не можете угадать ничего; вы видите только решимость с ледяным спокойствием относиться к военному суду, перед которым предстала обвиняемая, чтобы дать отчет в своих действиях. Вообще, подсудимая держится просто и скромно, спокойно и без всякой рисовки.

«Начинается чтение обвинительного акта; обвиняемая слушает его внимательно и слегка приподнимает свой траурный вуаль, откинув его на плечи. Она, не отрываясь, глядит на секретаря, и на лице ее, от времени до времени, появляется улыбка, как будто бы данные обвинения вызывали в ней чувства протеста или противоречили истине».

Вот сообщение „*Cri du Peuple*“ от 4-го апреля, почерпнутое мною из данных обвинительного акта:

«Ходили слухи, что гражданка Луиза Мишель, столь доблестно сражавшаяся при обороне Парижа, была убита в форте Исси; этот слух оказался ложным. Мы спешим сообщить, что к счастью, героиня поплатилась в этом блестящем деле одним только вывихом.

«Этот вывих Луиза Мишель получила, перепрыгивая через ров; что же касается снарядов, то ни один из них ее не коснулся».

«Обвинительный акт приводит первый куплет песни «Мстители», сочиненной Луизой Мишель.

Чаша преступлений переполнилась;
Нужно смыть их; для этого необходима кровь.
Низкая чернь, спи, ешь и пей!
В печали великий народ.
Там, во мраке, притаились короли.
Они ждут, когда умрет народ: тогда придут они.
Давно, давно уже спит народ,
Давно покоится он в мрачной могиле.

„*Le Voleur*“ стран. 1083 и 1086 г.г. (Цит. по „*Le Droit*“ 29 декабря 1871 года).

Здесь я оставляю в стороне отчет „*Le Voleur*“, и заимствую дальнейшее изложение у Лиссагарэ:

«Я не хочу защищаться, я не хочу и того, чтобы меня защищали, — восклицает Луиза Мишель. — Я всецело принадлежу социальной революции и готова принять на себя ответственность за все свои действия. Вы упрекаете меня за участие в казни генералов. Я отвечу вам: они осмелились стрелять в народ, и будь я там, я не задумалась бы приказать стрелять в тех, которые отдавали такие приказания.

«Поджоги в Париже? Да, в этом я принимала участие. Я хотела задержать вступление версальцев преградой из огня. Сообщников у меня не было; я действовала за свой собственный страх.

«Обвинитель Дальи требует для подсудимой смертного приговора.

«Луиза Мишель. — Вы именуете себя военным судом; вы выдаете себя за моих судей, но действуете более открыто, нежели «Комиссия помилований». Я требую от вас казни в Сатори, где уже пали наши братья. Надо изъять меня из общества: вам приказано это сделать. Ну, что-ж! Комиссар республики прав. Так как всякое сердце, бьющееся для свободы, может рассчитывать только, повидимому, на кусочек свинца, то и я требую своей доли. Если вы оставите мне жизнь, то я не перестану кричать о мщении, и, чтобы отомстить за братьев моих, я потребую суда над убийцами из «Комиссии помилований».

«Председатель. — Я не могу больше позволить вам говорить.

«Луиза Мишель. — Я кончила!.. Если вы не трусы, убейте меня.

«У них не хватило храбрости убить ее сразу: ее приговорили к заключению в крепости.

«Луиза Мишель не была единственным в своем роде явлением. Кроме нее, многие другие и, особенно, Лемель и Августина Шиффон показали версальцам, как страшны парижанки, даже закованные в цепи».

(Лиссагарэ, *Histoire de la Commune de 1871*,
p. 434 и 435, (История Коммуны).

В центральной тюрьме Оберив — старом замке, обращенном в смиренный дом и исправительное заведение, мы ожидали казенного судна, которое должно было нас отвезти в Новую Каледонию. Когда Августина Шиффон прибыла сюда, то, надевая на руку свой острожный номер, она воскликнула: «Да здравствует Коммуна!» — Помнится, мой номер был 2128. Две тысячи сто семьдесят один человек прошли передо мною все двери тюрьмы! Какая вереница!

Г-жу Лемель судили, сравнительно, очень поздно. Она не хотела пережить Коммуну, и заперлась в своей комнате с жаровней горящих угольев. В это время к ней явились, чтобы арестовать ее. Она была спасена от смерти, чтобы предстать перед военным судом.

В ожидании суда, ее поместили в больницу; несколько раз ей предлагали устроить ее побег, но она отказывалась.

Когда г-жа Лемель прибыла в Оберив, мы все встретили ее криком: «Да здравствует Коммуна!» То же самое мы сделали, встречая Экскоффон, г-жу Пуарье, и одну старушку, которая сражалась еще в Лионе в те времена, когда рабочие шелковых фабрик писали на своих знаменах: «Жить работая, или умереть, сражаясь». Имя этой старушки было г-жа Делетра. Она все свои силы отдала борьбе за Коммуну.

Несколько дней в тюрьме, и все было кончено. — Сквозь крошечное окошечко нашей камеры можно было видеть значительное пространство. По правилу, в дни религиозных процессий, заключенные должны были или участвовать в торжественном шествии, или быть запертыми в своей камере. Наступил праздник Тела Господня; со всех концов департамента Об собрались зеваки, которые надеялись увидеть нас в крестном ходу. К их удивлению и разочарованию мы предпочли остаться в нашей тюрьме.

Луиза Мишель.

КОММУНА

Перевод с французского

Примечания О. М. Бескина

М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.com), 2011, к 140-летию Парижской коммуны

воспоминания других участников и современников Коммуны,

документы, исследования, фильмы и радиопередачи скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография

текст разделен на 7 файлов

части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства

Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНИЯ ИМПЕРИИ

I. Пробуждение

II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира

III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны

IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора

V. Процесс в Блуа

VI. Война. Официальные телеграммы

VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

I. 4-го сентября

II. Национальная оборона

III. 31-го октября

IV. От 31-го октября до 22-го января

V. 22-го января

VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы

VII. Росселя и Люлье

VIII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж

IX. Всемирное движение за свободу

X. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

I. 18-е марта

II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета

III. Дело 22-го марта

IV. Прокламация Коммуны

V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже

VI. Атака Версаля. Неизданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса

VII. Воспоминания

VIII. Волна растет

IX. Провинциальные коммуны

X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года

XI. Последние дни свободы

XII. Франк-масоны

XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников

XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

I. Борьба в Париже. — Резня

II. Холодная подачка

III. Бастионы Сатори и Версаля

IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии

II. Возвращение

Приложение.

I. Рассказ Беатрисы Экскоффон

II. Письмо заключенного в Бресте

III. К коммунарам

Примечания

Алфавитный указатель примечаний

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

П о с л е.

I. ТЮРЬМЫ И ПОНТОНЫ. — ПУТЬ НА НОВУЮ КАЛЕДОНИЮ. — БЕГСТВО РОШФОРА. — ЖИЗНЬ НА КАЛЕДОНИИ. — ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Чтобы освободить мир,
Герои жертвуют своей кровью...
От крови краснеет саван,
Развевающийся в руках смерти.
Л. М.

В этой главе мне приходится, поневоле, сокращать свое изложение, чтобы в немногих словах запечатлеть такое множество воспоминаний.

Вновь встает перед моими глазами Оберив. Опять вижу я узкие тропинки, извивающиеся среди елей, обширные дортуары, где ветер дул, словно на палубе корабля, молчаливые вереницы заключенных женщин в белых чепцах и с косынками плиссе на плечах, сколотыми булавкой. Этот наряд делал нас похожими на крестьянок прошлого века.

Нас всех приехало из Версаля двадцать человек. Мы прибыли в фургоне, разделенном на клетки; его ставили на рельсы и впрягали в него тем больше лошадей, чем продолжительнее был переезд.

Об отъезде из Версаля нас предупредили в ночь. Поэтому мы не успели известить о нем своих родных. Следующий день был днем свиданий, точно так же, как при моем отъезде в Аррасскую тюрьму. Сколько других людей, подобно моей матери, явились на утро в Версаль и узнали, что нас отправили в центральную тюрьму, откуда мы тронемся в ссылку!

Вернувшись в Париж, моя мать чувствовала озноб скорее от этой вести, нежели от холода. Только впоследствии, когда она переселилась поближе ко мне, к сестре своей в Клемон, я узнала, что она была опасно больна. В тюрьме мы не имели почти никакого сообщения с внешним миром: редко-редко, и то на несколько минут, к нам допускали ближайших родственников. Все остальное время мы были наедине со своим внутренним миром.

В настоящей главе мне придется чаще, чем раньше, говорить о нас и, в частности, о себе самой. Единственными событиями, нарушавшими однообразие нашей жизни, были появления новых партий ссыльных, которые, впрочем, знали, пожалуй, еще меньше, чем мы. От времени до времени мы слышали барабанный бой на улицах местечка: то глашатай возвещал какой-нибудь новый манифест правительства, останавливаясь в различных местах городка и перечитывая целиком все воззвание. Когда окна тюрьмы с той стороны были открыты, и ветер дул к нам, мы могли слышать, не хуже жителей городка, то, что читалось им по распоряжению властей.

Так слышали мы манифесты г.г. Тьеров, Мак-Магонов, де-Брольи: все они говорили нам, что в худшей из республик все обстоит по-прежнему.

Из того, что я написала в Оберив, у меня уцелело всего несколько стихотворений и несколько отрывков.

От «Женщины — противницы века», напечатанной в «Безбожнике» Анри Пласа, вскоре после нашего возвращения из ссылки, у меня осталось всего несколько листков.

«Совесть» и «Книга мертвых» потеряны, не знаю я также, где находится рукопись «Книга об остроге»: первая часть этого произведения, за подписью № 2182», была написана в Оберив; вторая, отделенная от первой пространством целого океана, закончена была в Центральной тюрьме Клермона, несколько лет спустя, после нашего возвращения. Подписана она была «№ 1327».

От произведений борцов за свободу, как и от жизни их, слишком часто на жизненном пути остаются одни лохмотья.

Перед окнами тюрьмы Оберив расстилалось огромное пространство, покрытое белой пеленой глубокого снега. Залы самой тюрьмы были обширны, всякий звук гулко разносился под их сводами. Все здание напоминало собою какое-то царство сна, населенное мертвецами.

«Даная» отправилась в мае 72-го года. За ней последовали: «Воишельница», «Гаронна», «Вар», «Сивилла», «Орна», «Кальвадос». Но мы не получали еще приказа быть готовыми к отъезду.

Мы ждали, покорившись течению событий. Мы были спокойны, как люди, видевшие смерть целого города; но животворная идея не покидала нас.

От этого времени у меня сохранилось несколько строф. В них вылилось наше тогдашнее настроение.

Зима и ночь.

Центральная тюрьма Оберив, 28 ноября 1872 года.

Бушуйте, зимние ветры, падай, падай снег!
Под твоим холодным саваном живые ближе подходят к мертвецам.
Пусть бесконечно тянется ночь, пусть короче станет день.

Люблю я, под мраком туч,
Внимать вашему угрюмому хору, ели;
Люблю я слушать, как, колеблемые ветром, ваши ветви
Поют в вышине, словно арфы.
Не вернуться к нам никогда
Те, что сошли в жилище теней.
Вечным сном покоятся они,
Давно иль недавно покинувшие нас.
Умрет человек, и тело его облакают в саван,
Чтобы опустить его в сырую могилу;
Когда же, наконец, погребальной пеленою
Оденет и нас всемогущее время?
Но умирает зерно, и из него произрастает колос.
Так, на ниве, орошенной нашей кровью,
Разцветет великое будущее
Под красными лучами восходящего солнца.

Бушуйте, зимние ветры, падай, падай снег!
Под твоим холодным саваном живые ближе становятся к мертвецам.
Пусть бесконечно тянется ночь, пусть короче будет день.

В зимние дни, по дорожкам сада, среди вечно зеленых елей, слышался монотонный и мирный стук деревянных башмаков. То медленно, молча проходили вереницей заключенные, волоча по мерзлой земле усталые ноги.

В этом краю зима сурова, снег глубок: когда он ложится на ветви, они припадают к земле и как будто каменеют.

Мы помещались все вместе, в обширном зале. Туда мало-помалу собирались из разных тюрем женщины Коммуны, уже выслушавшие свой приговор. Некоторые из них, действительно, мужественно защищали Коммуну; другие не имели перед нею таких заслуг.

Г-жа Лемель, Пуарье, Экскоффон, Мария Буар, г-жи Гуле, Делетра, и другие не жаловались на свою судьбу, так как чувствовали, что после своей активной деятельности в эпоху Коммуны, они несут свой приговор не даром.

Не жаловалась и г-жа Ришу, но наказание, которое ее постигло, не было ею заслужено.

Преступление ее состояло в следующем. На площади св. Сульпиция баррикада была так мала, что скорее мешала федералистам, нежели защищала их. Г-жа Ришу увидела это и ей стало жалко напрасно гибнущих людей. С неизменно спокойным видом благовоспитанной женщины, она отправилась прямо к баррикаде, чтобы с помощью других надстроить ее как-нибудь. Рядом с баррикадой оказалась лавка, где продавались статуи святых: не знаю, почему она не была закрыта. Так как камней на баррикаду не хватило, то г-жа Ришу распорядилась заменить их этими статуями, которые были достаточно увесисты для этой цели.

Ее арестовали в тот самый момент, когда, в изящном платье, в перчатках она собиралась выйти из дома. Ей, действительно, пришлось выйти; вернулась же она только после амнистии.

«Это вы распорядились снести на баррикаду статуи святых?»

«Конечно, я, — ответила она, — ведь, статуи — каменные, а те, которые умирали, были живыми людьми».

Г-жа Ришу была присуждена за свой поступок к заключению в крепость. Ее здоровье оказалось до такой степени расшатано, что правительство не решалось отправить ее морем.

Г-жа Луи, уже старая женщина, не сделала ровно ничего: только дети ее сражались против версальцев. Когда ее судили, она позволяла говорить против нее все, что угодно, воображая, что если ее осудят,

то этим спасены будут ее дети. С этими убеждениями она и умерла в Каледонии, и никто из нас, конечно, не решился ей сказать, что по всем вероятностям, дети ее погибли. Она думала до конца, что они не могут дать ей знать о себе.

Г-жа Руссо Брюто, которую мы звали «маркизой» за точеный профиль ее молодого еще лица, обрамленного седыми, высоко зачесанными волосами, напоминавшими эпоху напудренных причесок, была с нами совершенно случайно: ее сослали только потому, что был скомпрометирован один из ее родственников, носивший то же имя. Разумеется, она не была против Коммуны, но, во всяком случае, ссылка в Каледонию значительно революционизировала.

Таково же было положение г-жи Адель Виар. Вся ее вина заключалась в том, что она ухаживала за ранеными. Ее осудили потому, что сочли ее за родственницу члена Коммуны Виара.

В том же преступлении, что и г-жа Виар, были повинны Елизавета Ретиф, Сюэтан, Маршэ, Папауан: все они только оказывали помощь раненым. Тем не менее, они сосланы были в Кайенну, откуда Ретиф так и не вернулась.

Во вторник, 24 августа 1873 года, в 6 часов утра, нас вызвали, чтобы отправить на место ссылки.

Накануне я виделась с матерью и в первый раз заметила, что у нее поседел волосы. Бедная мать!

У нее остались еще родственники — два брата и две сестры. Все они горячо ее любили; одна из сестер, довольно состоятельная, должна была взять ее к себе. Далеко не все, расставаясь со своими, могли быть так спокойны за них, как я: значит мне не на что было жаловаться.

Нас вызывали по списку, присланному правительством; престарелые были исключены из него вместе с больными, которые, оставшись в тюрьме, оказались еще в худшем положении, чем мы в Каледонии. Всех нас было вызвано двадцать человек — если не ошибаюсь, в следующем порядке:

- № 1) Луиза Мишель. 2) Г-жа Лемель. 3) Мария Кайе. 4) Г-жа Леруа. 5) Викторина Горже. 6) Мария Маньян. 7) Елизавета Деги. 8) Адель Дефоссе, по мужу Виар. 9) Г-жа Луи. 10) Г-жа Байль. 11) Г-жа Тайефер. 12) Терон. 13) Г-жа Леблан. 14) Аделаида Жермэн. 15) Г-жа Орловская. 16) Г-жа Брюто. 17) Мария Брум. 18) Мария Смит. 19) Шиффон и Аделина Режиссер прибыли спустя год или два.

Когда мы отправлялись в ссылку, было подсчитано, что версальские суды произнесли уже 32,905 приговоров. Из этого числа было 105 смертных приговоров: к счастью, 33 были постановлены заочно. Столь усиленная деятельность судов все еще продолжалась.

Сорок шесть детей, ниже 16-летнего возраста, были присуждены к заключению в исправительные дома. Правительство наказывало их за то, что расстреливало их отцов, или за то, что несчастные дети были взяты на попечение Коммуной.

Многие из заключенных в тюрьмах умерли; по сообщению правительства таких было 1179 человек.

В 1879 году судебное ведомство произвело общий подсчет своих официальных данных: оказалось, что через версальские суды прошло 5000 солдат и 36,309 граждан.

К этому времени число смертных приговоров достигло 270; из них восемь были произнесены над женщинами.

Результаты такого подсчета были представлены в следующем виде (Лиссагарэ, *Histoire de la Commune*, под датой 1 января 1875 года).

Смертная казнь	270	из них 8	женщ.
Каторжные работы	410	" 29	"
Заключение в крепость	2989	" 20	"
Ссылка	3507	" 16	" и 1 реб.
Заключение в тюрьму	1269	" 8	"
В смирительный дом	64	" 10	"
Общественные работы	29	" —	"
Тюремн. заключ. до 3 мес.	432	" —	"
Тюремн. заключ. от 3 мес. до году	1622	" 90	женщ. и 1 реб.
Тюремн. закл. свыше года	1344	" 15	" и 4 малолетних.
Изгнание	322	" —	"
Полицейский надзор	147	" 1	"
Денежный штраф	9	" —	"
Малолетних моложе 16 л., заключ. в исправит. дом	56	" —	"
Итого	13450	" 197	"

«В этом перечне не имелись в виду ни приговоры военных судов, действовавших вне версальского судебного округа, ни постановления уголовных судов.

«Нужно добавить еще 15 смертных приговоров, 22 — к каторжным работам, 28 — к заключению в крепости, 29 — к ссылке, 74 — к заключению в тюрьму, 13 — к заключению в смирительный дом и еще несколько тюремных заключений. Общее количество приговоренных в Париже и провинции превышало 13,700 человек, в том числе 170 женщин и 60 малолетних».

(Лиссагарэ, *Histoire de la Commune de Paris*).

Первую часть нашего путешествия мы совершили в поместительной карете, так как специальный фургон ожидал нас в Лангре, чтобы отвезти нас оттуда в Ларошель.

Когда наша карета проезжала по Лангру, кажется, близ площади „des Boulets“, из какой-то мастерской вышло пять или шесть рабочих. У них были черные руки с засученными рукавами: должно быть, то были кузнецы. Они приветствовали нас, сняв свои фуражки.

Один из них, совершенно седой, что-то крикнул нам в след; мне показалось, то было: «Да здравствует Коммуна!»

Но возница наш ударил бичом, лошади подхватили карету и она быстро покатила дальше.

В Париж мы приехали ночью, и до утра оставались в фургоне.

В среду, около 4 часов пополудни, мы уже прибыли в Ларошель, где нас поместили в арестный дом.

«Комета» отвезла нас из Ларошель в Рошфор; там мы перешли на «Виргинию».

В течение целого дня за «Кометой» плыли лодки с нашими друзьями. Издали нас приветствовали с этих лодок; мы отвечали, как могли, махая платками; ветер вырвал у меня мой платок: тогда я воспользовалась своим черным вуалем.

Дней пять или шесть мы плыли вдоль берегов, потом земля совершенно скрылась из виду. Недели две спустя после отъезда исчезли и последние крупные морские птицы; только две из них еще некоторое время летели за нами.

Мы были размещены в нижних батареях «Виргинии». То был старый парусный фрегат, еще красиво выглядевший на волнах.

Мы занимали самую большую клетку в задней части штирборта; с нами вместе было двое детей г-жи Леблан — мальчик шести лет и девочка нескольких месяцев, родившаяся в тюрьме Шантье.

В клетке напротив нас находились: Анри Рошфор, Анри Плас, Анри Менаже, Пасдудэ, Воловский и некто Шеврие — один из тех, которые подверглись ссылке без всякой вины.

Нам было строжайше запрещено разговаривать друг с другом из разных клеток. Конечно, это нас не останавливало.

Рошфор и г-жа Лемель заболели с самого начала плавания и не оправились до самого его конца. В нашей клетке также были больные, но впоследствии они оправились. Что касается меня, то морская болезнь щадила меня, как и пули, и мне было совестно, что я нахожу столько прелести в путешествии, в котором Рошфор и г-жа Лемель не видели ничего, кроме страданий.

Бывали дни, когда ветер бушевал и море было бурно. Тогда за кормою корабля, сверкая на солнце, переливались как будто два длинных алмазных ожерелья; несколько дальше они сливались в одну струю, которая долго еще блестела позади.

19-го сентября появилось за нами какое-то подозрительное судно; оно несколько раз подходило ближе, то свертывая, то распуская паруса. Вечером «Виргиния» произвела маневр и дала два предупредительных выстрела; тогда судно исчезло. Ночью, в темноте, опять показались белые паруса, но затем таинственное судно уже не показывалось нам... Не хотело ли оно освободить нас?

22-го сентября на мачтах «Виргинии» показались чайки.

Вот и Канарские острова. Мы проходим в виду острова Пальмы.

Часто я думала о материках, поглощенных морем. Когда-нибудь, покинув свое ложе, воды морские поглотят и нас. Вскроется старая могила, замкнется новая, но вечный прогресс не остановится.

Перед нами — бухты, не защищенные от ветра; вдали возвышается пик Тенериф.

Еще дальше, на фоне неба, смутно рисуется какая-то голубоватая вершина. Что это такое? Горы? или груды облаков?

Домики на острове Пальма сбегают к самому морю; они все белые, точно надгробные камни. С северной стороны, на холме возвышается цитадель.

Островитяне окружают судно, предлагая фрукты. Все это великолепный народ. Быть может, это те самые, предки которых населяли атлантиду?

Затем, мы видим Санта-Катарину, Бразилию.

«Виргиния» тащится на якорях, и перед нами выступает весь полукруг высоких гор, с вершинами, уходящими в облака. Справа виднеются суда, направляющиеся в порт и длинная стена береговой крепости. Мы смотрим на всю эту картину сквозь пушечные люки в верхней части нашей клетки: еще лучше любоваться видами с палубы, куда нас выпускают на прогулку.

Я была в восхищении, когда мы вступили в открытое море, около Капской земли.

До восстания Коммуны, я ничего не видела, кроме Шомон и Парижа. С окрестностями Парижа я познакомилась, когда была в действующих войсках Коммуны. Во время наших тюремных мытарств мне пришлось побывать еще в нескольких городах... И, вдруг, теперь, после того, как я всю жизнь мечтала о путешествиях, я оказался в открытом океане, между небом и водою — двумя пустынями, которые переговаривались друг с другом грозными голосами ветра и волн.

Мы увидели Южный Ледовитый океан. Темной ночью на палубу нашу падал снег.

Как всегда, я выразила свои новые впечатления в стихах. От них у меня сохранилось несколько строф.

В полярном море.

Падает снег, катятся волны.

Мрачно небо, и воздух холоден, как лед.

Корабль скрипит под напором воды

И кругом полу-тьма, полу-свет.

Матросы стали в круг, и поют,

И пляшет грузно, стуча ногами.

Ветер гудит и ревет в парусах,

Словно орган, звуками своими потрясающий воздух.

Люди боятся, как бы их не одолел холод;

И в царстве льдов вспоминают родные песни,

Песни зеленых долин милой Бретани

И воинственные напевы минувших времен.

Шумит ветер, шевелит парусами;

Льется старый наивный напев;

Падает снег; не видно звезд в небесах, —

И глаза невольно наполняются слезами.

Что в старой песне — волшебная сила?
 Что растрогало так наше сердце?
 — То пахнуло на нас Арморикой,
 Повеяло ароматом цветущего дрока;
 То ветер полярных полей
 Трубит в свои медные трубы
 Новый народный напев,
 Легенду грядущих поколений.

Луиза Мишель.

На борту «Виргинии».

Не одна я, в стихах или в рисунках — как придется, заносила на бумагу свои впечатления от новых стран, которые мы проезжали. Однажды я получила от Рошфора следующие стихи, которые он сочинил. Они доставили мне искреннюю радость, тем более, что в них я увидела доказательство того, что несмотря на свою болезнь, Рошфор еще может работать.

Моей соседке по штирборту.

Я говорил Луизе Мишель:
 Мы минуем дожди и жары
 И скоро все мы будем
 У мыса Доброй Надежды.
 Однако, я не замечаю,
 Чтобы мы оставили Францию.

На соленых волнах мы заболели морской болезнью,
 Но разве раньше мы страдали ею меньше?
 Причины были другие, но приступы те же
 И, когда, при толчках корабля, сжимается мое сердце,
 Мне слышится голос родины, которая говорит:
 «Ну, а мне, а мне-то легче? Разве я на розах?»

Мы проходим недалеко от полюса
 Здесь корабль наш сталкивается с льдинами:
 Они плывут, гонимые волнами и ветром.
 Встречая их, я думаю о наших победителях:
 Разве не знаем мы, что сердца этих людей
 Так же жестоки, так же холодны, как льдины.

Тюлень, которого мы видели сегодня,
 Напомнил мне издали
 Лысого Руэ с его жирными руками,
 А пойманные акулы
 Очень похожи на некоторых членов
 Версальской комиссии помилований.

В тот ясный, жаркий день,
 Когда от бизань до фок-мачты
 Наш корабль украсился флагами,
 Мне казалось, простите за нескромность,
 Что я вижу Версаль, разубранный по-праздничному
 По случаю оправдания маршала Базена.

И в том краю, куда мы направляемся,
 Мы будем видеть, как сильный поедает слабого.
 Все будет так, как учат наши законы.
 Что такое закон? Это — «горе побежденным!»
 Я убежден был в этом еще тогда,
 Когда и не собирался ехать в страну антиподов.

Бояться ли нам зубов людоеда?
 Но, ведь, столько раз мы рисковали в них попасться!
 Кто же не знает, что те убийцы,
 Руки которых обагрились кровью в Карнаке,
 Могут дать самому старому дикарю
 Урок того, как лучше поедать людей?

Бедный дикарь готовится себе пищу
 Из трупов, которые найдет на берегу моря;
 Кто же решится сравнить его
 С клеветами погибшего цезаря,
 Которые, ради ничтожнейшего из тиранов,
 Устраивают себе пиршество из тридцати тысяч трупов?

Нельзя отрицать, что, поймав свою добычу,
 Дикарь-людоед с величайшим удовольствием
 Удовлетворяет свой жадный аппетит.
 Однако, прежде чем изжарить своего пленника,
 Он старается откормить его получше,
 Чтобы угостить на славу своих друзей.

Я знаю — есть Пантагрюэль,
 Который не менее жаден и еще более жесток.
 Мак-Магон! Ты ловишь себе на обед
 Детей, женщин, стариков;
 Но прежде, чем их пожрать,
 Ты моришь их голодом.
 Наш ветхий государственный корабль
 Плывет по морю позора,
 Переходя от преступления к злодейству...
 Но таков, как говорят, «нравственный порядок»,
 Если так, то да здравствует Южный океан!
 Будем спокойно плыть на нашей «Виргинии».
 Правда, нам бывает то слишком холодно, то черезчур жарко;
 Нельзя сказать, чтобы наше судно
 Было уж очень уютно:
 Ты ходишь по палубе, и идет град,
 И часовой с своим ружьем
 Грозит тебе и спереди и сзади.
 Нашу мачту, которая гнется под ветром,
 Буря может сломать и сорвать;
 Вода может затопить наш трюм...
 Но скажи, разве все эти полинявшие, выродившиеся князья
 Не испытывают качки
 На своих тронах, подделанных под золото?
 Пусть называют нас мечтателями и даже безумцами;
 Так или иначе, мы знаем свою дорогу.
 Между тем, посмотри, как они мечутся.
 Утешительное зрелище! Глядя на него, ты ясно видишь,
 Что они в отчаянии,
 Так как разбили свой компас.
 Мы можем утонуть на пути,
 Но, не выдавая себя за оракула,
 Я предвижу, что очень, очень скоро
 Их постигнет та же самая судьба.
 Тот, кто идет против течения,
 Неизбежно погибнет, потерпев крушение.

Анри Рошфор.

Ноябрь, 1873 года, на борту «Виргинии».

Сколько писем и стихов пересылали мы друг другу на «Виргинии»!
 Правда, всякие сношения между нами были запрещены; но мы были
 помещены так близко друг к другу, что самый бдительный надзор за
 нами оказывался тщетным.

Мы писали и простые, и широко задуманные рассказы, сочиняли
 стихи... У многих наших поэтов, под шероховатой формой произведе-
 ния, скрывалась, зачастую, благородная мысль.

Один товарищ, слишком ревностный протестант, подарил мне Библию
 с посвящением, которое написал на первом листе; эти стихи
 словно дышали ароматом мирры.

Посвящение я сохранила, Библию же бросила за борт акулам.

Все эти отрывки пропали у меня при обысках, после возвращения
 нашего с Каледонии. Уцелели только стихи Рошфора, которые я оты-
 скала случайно, между страницами одной книги.

Не сохранилось у меня целиком и то стихотворение, которое я
 послала Рошфору; уцелел лишь отрывок его, который я привожу в опи-
 сании своего путешествия.

„На борту Виргинии“.

Взгляните, по волнам и в небесах
 Плывут и блуждают светящиеся туманности.
 То несутся, распустив паруса,
 Неведомые флотилии над безпредельными безднами;
 В воздушном океане — небесные корабли,
 На морских волнах — таинственное мерцание
 Переливающихся огней.

И с воли, рассыпающихся искрами,
 И из небесных пространств, где затеряны целые миры,
 На нас смотрят точно миллионы глаз.
 Все полно смутных трепещущих звуков.
 Мы — на грани новой, легендарной эпохи,
 И галльский петух машет крыльями,
 Приветствуя своим криком с мачты приближение нового
 Бренна.

Зрелище кипящих бездн опьяняет душу.
 Выше вздымайтесь, волны, сильнее бушуйте, ветры!
 Стоит ли влачить существование?
 Мечты наши слишком высоки для жизни!
 Лучше прекратить это прозябание;
 Лучше погрузиться в бездну, и исчезнуть,
 И раствориться в хаосе мировых стихий.

Буря, надувай паруса!
 Выше вздымайтесь, волны, сильнее бушуйте, ветры!
 Пусть молния сверкает над нашими головами,
 Вперед, наш корабль, вперед!
 Зачем тянет этот скучный бриз?
 Циклоны, распустите свои крылья, —
 И помчимся мы над сияющей бездной!

На борту «Виргинии», 14 сентября 1873 года.

Мне много раз приходилось уже рассказывать, как стала я анархисткой во время своего путешествия на Каледонию.

Воспользовавшись спокойным состоянием моря, когда г-жа Лемель чувствовала себя сравнительно лучше, я делилась с ней своими мыслями о том, как влияет на человека обладание властью. Я утверждала, что человек слабый или себялюбивый неизбежно будет, при таких условиях, совершать преступления; если же он энергичен и способен жертвовать собою, то он неминуемо погубит себя. «Я того же самого мнения», — ответила мне г-жа Лемель. Такая поддержка чрезвычайно меня обрадовала, так как я относилась всегда с большим доверием к суждениям г-жи Лемель.

Около мыса Доброй Надежды, альбатросы целыми тучами носились вокруг нашего корабля: мне не приходилось видеть на борте «Виргинии» ничего, более жестокого, нежели те долгие и ужасные мучения, которым подвергали этих птиц. Их ловили, как рыбу, на крючок; затем, связав ноги, их вешали вниз головой, чтобы они околели, ничем не запачкав своих белоснежных перьев. Бедные альбатросы! Как долго, как печально приподымали они головы, стараясь согнуть возможно больше свою лебединую шею! Этим они хотели продлить те ужасные предсмертные страдания, которые отражались в их испуганных, окаймленных черными ресницами, глазах.

Никогда еще в жизни мне не случалось видеть ничего более прекрасного, чем бушующее море у мыса Доброй Надежды, где море и ветер словно старались превзойти друг друга в своей ярости. Наше судно то падало в бездну, то взлетало на гребень волн, которые бешено обрушивались на его стены, стараясь сокрушить их своею тяжестью. Бедный старый фрегат, только ради нас пустившийся в плавание, и еле державшийся на воде, жалобно стонал и скрипел, словно готовый развалиться. Когда он несся по ветру, то казался каким-то остовом корабля; когда же он поворачивал против ветра, то почти исчезал в волнах и его бизань — мачта погружалась в воду.

Наконец, показалась Новая Каледония.

Пройдя через самый узкий, но наименее опасный проход двойного кораллового рифа, окружающего остров, мы вступили в залив Нумеи.

Мы увидели перед собою, точно в Риме, семь голубоватых холмов под синим небом; дальше возвышалась Мон д'Ор, вся в расщелинах, обнажавших красноватую золотоносную землю.

Повсюду виднелись горы с голыми вершинами, с глубокими, зияющими ущельями — следами недавнего катаклизма. Одна гора расслесалась на две части и образовала как бы цифру V: над образовавшейся щелью, с одной стороны, нависли утесы, с другой же их не было.

Существует глупый обычай везде и всегда оказывать предпочтение женщинам. Поэтому и нас хотели было отправить в Бурайль на том основании, что условия там более благоприятны для жизни. Однако, именно потому мы и заявили протест против такого плана — протест, настолько энергичный, что он достиг своей цели.

Мы не хотели, чтобы нам жилось лучше, чем нашим товарищам на полуострове Дюко; поэтому мы решили разделить их участь.

Наконец, нас перевезли на полуостров на шлюпке с «Виргинии». Командир судна понял, что, из боязни обмана, мы не сойдем на другое судно, и только полагаясь на его честное слово, мы согласились покинуть «Виргинию». В случае, если бы нас все-таки повезли в Бурайль, мы решили с г-жей Лемель броситься в море; вероятно, остальные наши спутницы последовали бы такому примеру.

На берегу полуострова нас встретили мужчины, высаженные несколькими днями раньше; они ожидали нас вместе с теми ссыльными, которые первыми прибыли сюда.

Тут оказался ветеран июньской революции, старый Малезье, одежда которого была вся пробита пулями 22-го января.

Тут был и Лакур, — тот самый, который в Нейли так рассердился на меня за игру на органе.

У маркитанта, в качестве подручного, служил красивый и довольно интеллигентный дикарь Дауми; он поступил на это место, желая научиться тому, что знают белые.

На полуострове мы снова увидели Чиприани, Рава, Бауэра. С ними вместе были: старик Круазе, из главного штаба Домбровского, наш давний друг Колло, Оливье Пэн, Груссе, Коледе Тальяк, Грене, Бюрло, член наблюдательного комитета, Шарбонно, Фабр, Шампи — словом масса друзей. Они были повсюду — и из бланкистских кружков, и из действовавших отрядов, и с Кордери дю Тампль. Рошфор, Плас и все те, которые были с нами на «Виргинии», разместились у первых переселенцев.

Первую почту с родины мы получили на «Виргинии»: она дошла к нам не вскрытой. Командир даже просил нас засвидетельствовать, что письма наши были нетронуты. «Моряки совсем не то, что полиция», — сказал он при этом. Однако, на полуострове Дюко, нашу корреспонденцию опять стали подвергать просмотру. Можно ли было при таких условиях ждать длинных писем от людей, которым, в течение ряда лет, приходилось писать для чужих глаз!..

Высаживаясь на полуостров, я думала об одном из самых старых друзей моих — Вердюре. — «А где же Вердюр?» — спросила я с удивлением, не видя его среди других. Оказалось, Вердюр умер.

Так как почта шла к нам три или даже четыре месяца, было очень трудно регулировать свои сношения с родиной. Для этого требовалось много времени. Бедный Вердюр не получал писем ни от кого: он впал в меланхолию и умер. Спустя несколько дней после его смерти, пришел пакет с письмами на его имя.

Когда удавалось, наконец, упорядочить свою корреспонденцию, то можно было ждать ответа на каждое свое письмо месяцев через 6 — 8. Почта приходила каждый месяц, но письмо шло к нам не менее трех месяцев.

И, однако, какую радостью для нас было прибытие почты! Мы бегом взбирались на холмик, на котором стоял дом вагенмейстера, близ тюрьмы, и уносили к себе письма, как какую-нибудь драгоценность.

Но стоило, при отправлении почты, опоздать с письмом на день или один час, и приходилось ждать целый месяц новой оказии.

Ссылные устроили праздник в честь нашего прибытия с Рошфором. Дней восемь мы совершали осмотр острова, отправляясь точно на пикник. Все это завершилось торжественным обедом у Рошфора, — точнее у Груссе с Пэном, где нашему товарищу уже устроили каморку из глины, смешанной с соломой. На наше пришествие явился Дауми с цилиндром на голове, что представляло уморительное сочетание с его профилем дикаря. Он пропел нам пронзительным голосом песню страны Лифон, с переходами, непривычными для слуха европейцев. Впоследствии он любезно помог мне записать эту песню.

Военная песня.

Ka kop...

Méa moa...

Méa qhi...

Méa ier...

Méa rouia...

Anda dio poupa...

Matels matels kachmas...

(Очень хорошо, очень красиво,

Красное небо,

Красный топор,

Красный огонь,

Красная кровь.

Прощайте, привет вам,

Храбрые люди...)

У меня сохранился один этот куплет.

За обедом нашим присутствовала со своими родителями девочка лет двенадцати, Евгения Пиффо.

У нее были огромные глаза, цветом напоминавшие синее небо Каледонии; они освещали все ее личико. Теперь она спит вечным сном на кладбище ссыльно-поселенцев, между утесом из розового гранита и морем. Анри Сюэран поставил на ее могиле памятник из обожженной глины; быть может, его пощадили циклоны...

Когда кто-нибудь из ссыльных умирал, то к месту вечного упокоения его сопровождали, в длинном шествии, товарищи, одетые в белую парусину; в петлице у каждого был красный цветок дикого хлопчатника, похожий на иммортель. Как красива была эта процессия, когда она двигалась по горным дорогам.

На кладбище уже были могилы, усаженные цветами. На холмике земли, насыпанном над гробом Пасс Дуэ, лежали венки, присланные из Франции.

Над могилой маленького мальчика, Теофила Пасса, рос эвкалипт. Пока мы жили там, на всех могилах были цветы. Самоубийца Мерио покоится под зеленью ниаули.

Первый из ссыльных, который умер там, был Берэ: его именем и было названо кладбище. Западная бухта получила имя бухты Жен-теле: так звали первого ссыльного, который построил там свою хижину.

Город Нембо, как древняя Троя, отстраивался постепенно; всякий, вновь прибывший, складывал себе хижину из кирпичей, высушенных на солнце.

Самый город был расположен в долине и имел форму буквы С; на восточной оконечности его находились: тюрьма, почта, лавка маркиганта; с западной стороны он сливался с лесом, по опушке которого, на небольших пригорках, густо разрослись морские травы, начинавшие, очевидно, прививаться на земле; такой переход облегчался тем, что от времени до времени волна родной стихии омывала молодую растительность. В центре С. и находился собственно город, расположившийся у подошвы возвышенности, заканчивавшейся «Северным» лесом; по дороге туда жила семья Дюбо.

Над всеми домами возвышалось здание больницы; несколько ниже него находились два дощатых барака; один из них отведен был для женщин, другой — не имел еще определенного назначения.

Мне удалось использовать это здание. Я стала собирать туда группу молодых людей, которым Вердюр уже начал до меня давать уроки. Некоторые из этих учеников, положительно, обладали большими способностями. Так, например, Сенешаль и Муссо были поэтами, как и Мерио, который, в приступе тоски по родине, решил покончить с собою.

Между западным лесом и морем находился ряд утесов вулканического происхождения. Одни из них возвышались, как гигантские памятники мегалитической эпохи; другие лежали на песке, подобно огромным морским чудовищам; часть берега была покрыта пластами лавы.

Над западным лесом виднеется издали сигнальная мачта; около нее целой тучей вьются ласточки.

Два раза в год лианы, которыми обвиты деревья в лесу, покрываются цветами — почти исключительно желтой и белой окраски.

Листья этих лиан имеет самую разнообразную форму. Листья одного вида напоминают острые стрелы, у других — листья, как у винограда. Помидоровая лиана цветет, как померанец. Лиана фуксия, как снегом, осыпает вершины деревьев сплошной массой своих молочно-белых сережек.

Лиана с листьями клевера цветет букетами, которые свешиваются на тонком стебле и напоминают живой цветок коралла. У другой лианы бывает бесчисленное множество цветов, в виде красных сережек.

Кустарники покрываются крошечными цветочками белой гвоздики. На полуострове растет кустарниковый картофель, с мелкими клубнями на корнях. И цветы, и плод этого растения очень напоминают обыкновенный картофель.

Фасоль на полуострове также имеет вид кустарника. Его голубые цветы испещрены темными жилками и представляют собою едва ли не единственное исключение, среди преобладающего красного, белого и желтого цветов.

Впрочем, на полуострове можно найти и фиолетовый цвет. Этот цвет представлен крошечными анютиными глазками, которые в диком виде растут среди мелких розовых вьюнков, а также крупными кустами резеды, не имеющей запаха.

Рицинус растет повсюду — в лесу, на скалах, среди кустов. В последние дни, перед самым отъездом на родину мне удалось, после долгих поисков шелковичного червя, живущего на рицинусае, найти порядочное количество экземпляров этого растения, покрытых такими червями.

На Новой Каледонии существует много видов растений, дающих хлопок; не мало там и пряжущих насекомых. В лесах нашего полуострова паук-шелкопряд протягивает повсюду свои толстые серебристые нити.

Ни одно из местных животных не имеет яду. Но за то многие завораживают свою добычу: так, например, скорпион привлекает к себе насекомых, а синяя муха заманивает к себе таракана и, увлекши его за собою в ямку, высасывает его.

На каждом дереве живет какое-нибудь насекомое, напоминающее своим видом кору или цветок приютившего его растения.

Гусеницу, живущую на ниаули, невозможно почти отличить от ветки этого растения. Лесные клопы встречаются на полуострове в бесчисленном множестве; их виды бесконечно разнообразны и не имеют свойственного нашим клопам дурного запаха. Каждый вид выбирает свое растение, на листьях которого эти насекомые сверкают, как дра-

гоценные камни. Как в наших лесах краснеет земляника, так в лесах Каледонии во множестве зреют мелкие томаты, величиною с вишню, но весьма ароматные и вкусные.

На полуострове в огромном множестве встречается кустарник, покрывающийся цветами гелиотропа; у него белая древесина, мягкая внутри, как у бузины. Ягоды этого кустарника похожи на ежевику; при выдавливании, из них получается сок, вкусом напоминающий мадеру.

Один вид тамошней лианы с желтыми цветами приносит зерна, узорчатая поверхность которых весьма похожа на рисунок на броне уже исчезнувшей породы черепах. Из под щита этих животных видны были только голова и шея; жили они в море, где и до сих пор около берега можно найти пустые брони.

На небольшой возвышенности полуострова растет морская водоросль с гроздьями фиолетовых ягодок; здесь это растение развивается еще богаче, нежели в своей родной среде: очевидно, оно постепенно становится земным.

Так, под влиянием среды, возникают и развиваются у живого растения совершенно новые органы.

Мы, люди, до сих пор еще не умеем пользоваться своим рудиментарным органом свободы. Пусть разразится циклон, который создаст новый мир, наша природа приспособится к таким условиям, как водоросли, родившиеся в зыбких волнах, привыкают к неподвижной земле.

Псилла — муха-лист, при полете напоминающая несколько сложенных вместе листьев и более редкий вид — муха-цветок встречались мне от времени до времени, на полуострове. Первую я видела четыре раза за десять лет, вторую — два раза, в лесу. Когда ниаули, возраста которого никто не знает, внезапно распадается, то в пыли, остающейся на месте дерева, оказываются еще более редкие насекомые, исчезнувшей породы; очевидно, в продолжении целых веков, они размножаются под покровом тройной листвы и белой коры; в соприкосновении с воздухом, они умирают, как в чуждой им стихии.

Раза два в год, ветер пустыни заносит на Каледонию целые тучи саранчи: тогда земля покрывается точно серым снегом.

Везде, где пройдут эти дети песков, листва, трава, всякие насаждения оказываются уничтоженными; следы беспощадных челюстей виднеются даже на стволах деревьев.

Быть может, сметая саранчу в глубокие ямы, удалось бы лучше удобрить чернозем, лишь тонким слоем покрывающий поверхность Каледонии.

За ридинусы саранча принимается только в самом конце своего нашествия, так что долго, среди всеобщего опустошения, эти растения еще зеленеют.

Я уже рассказывала, как я просила достать мне яички шелкопряда живущего на ридинусе или на тутовом дереве, чтобы акклиматизовать этих червей на ридинусах Каледонии. По этому поводу я обратилась к ученым, которые, вместо того, чтобы прямо выслать мне яички и Сиднея — в восьми днях пути от Каледонии, зачем-то выписали и сперва на Париж. Разумеется, после столь продолжительного путешествия, мои черви доходили ко мне всегда уже вылупившимися. Мне следовало бы догадаться, что раз есть самое растение, должны быть и насекомые, и продолжать свои поиски с большей настойчивостью.

В середине западного леса находился овраг, окруженный небольшими холмами, еще сохранившими едкий запах морской воды. Там растала олива, ветви которой вытягиваются в горизонтальном направлении, как у лиственницы. Я никогда не видела, чтобы какое-нибудь насекомое летало около блестящих, горьких на вкус, листьев этого дерева. Плоды его — мелкие оливки, так же блестящи и отличаются темнозеленым цветом.

Во всякое время дня и года в тени этого дерева бывает свежо, как в гроте; когда вы вступаете под этот навес, то телом и душой сразу овладевает какой-то глубокий покой.

Если под кору какого-нибудь дерева, страдающего от насекомых, вспрыснуть некоторое количество соков этой оливы, то они смешиваются с соками самого дерева, и насекомые скоро оставляют его в покое.

В Каледонии, соки, вообще, очень едки, и потому можно лечить тамошние растения, как лечат животных. Один год на полуострове Дюко все дынные деревья, погибали от желтухи; я попробовала вспрыснуть некоторым из них сок уже заболевших растений: из пяти, четырех деревьев уцелели, между тем все остальные дынные деревья, бывшие на полуострове, погибли.

Недалеко от смоковницы, в западном лесу, росло фиговое дерево баниан; его срубили незадолго до нашего отъезда.

Никогда не приходилось мне видеть более странных насекомых, чем те, которые гнездились под этим деревом, в многочисленных расщелинах скалы: то были толстые белые черви, как личинки майского жука, на голове у них были ветвистые рога, точно у северных оленей.

Мне подалось нечто в роде черной почки, которая в начале была покрыта как бы пленкой; несомненно, это — первая стадия в развитии какого-то насекомого — быть может, псиллы.

Если бы нам разрешено было пользоваться спиртом, можно было бы сохранить этих странных насекомых во всех их метаморфозах.

Между западным лесом и Нембо группами растут ниаули, уродливо изогнутые циклонами. Они кажутся каким-то шествием призраков. В ясные лунные ночи странное впечатление производят их белые стволы, а ветви, — словно руки каких-то гигантов, оплакивающих порабощенную родную землю, тянутся к небу.

В темные ночи ниаули светятся слабым фосфорическим светом. Гусеница, живущая на этом дереве, имеет ту же самую окраску, что и его ветви; она превращается в насекомое в роде стрекозы, крылья и тело которой почти невозможно отличить от листвы ниаули.

Из листьев этого дерева получается род горьковатого чая; цветы его — более чем опиум и гашиш — вызывают сон, сопровождаемый самыми фантастическими грезами, причем спящий, как будто, качается на волнах.

Жрецы, знахари и колдуны каледонских дикарей, — так называемые «таката», пьют настой из цветов ниаули, чтобы вызвать перед собою образы стран, где живут белые, и другие видения, к которым туземцы относятся, как к пророчествам. Вообще ниаули пользуется почитанием, как священное дерево.

Фауна Каледонии не особенно разнообразна. — Там встречаются — очковая птичка, довольно ручная и всегда с любопытством следящая сквозь свои очки за движениями человека, кагу, ноту — голубь, ревущий как дикий зверь, несколько видов земных черепах, множество ящериц, и большие водяные змеи с чрезвычайно короткими зубами; повторяю, впрочем, что ни одно растение и животное на Каледонии не имеет яда. Даже каледонский вампир (нетопырь, большая летучая мышь с головой лисицы), не пьет крови и гораздо чаще питается коками, нежели мелкими птицами. лягушек на Каледонии огромное множество: они квакают самыми дикими голосами. Я уже говорила о синих мухах, скорпионах и саранче; упомяну еще об осах и москитах, которые постоянно носятся целыми тучами. Рыбы на Каледонии очень много: она чрезвычайно разнообразна по видам и окраске. Есть там несколько диких кошек, потомков тех, которых оставил там Кук: они охотятся за рыбой; благодаря постоянной привычке прыгать, задние

ноги у них чрезвычайно развились, так что эти животные приобрели некоторое сходство с кроликом. Единственное опасное животное Каледонии есть акула. Если прибавить к нашему перечню огромную крысу очевидно, спасшуюся когда-то от кораблекрушения, то фауна Каледонии будет исчерпана.

Я говорила уже, что каледонские животные не ядовиты для человека; иначе дело обстоит в их собственных взаимных отношениях. Сидящая муха, чтобы высосать глаза скорпиону, сначала жалит его: вероятно, она отравляет его ядом вроде кураре. Так же поступает оса, которая замуровывает в своем гнезде других мух: она парализует их своим ядом, чтобы они могли легче служить пищей ее личинкам, которые выведутся из положенных в гнезде яиц.

Среди розового вереска, покрывающего вершины холмов западного леса, лежат, подобно развалинам крепости, обвалившиеся скалы; их обвивают лианы с прозрачными, ломкими листьями и с ароматными цветами. Здесь гнездятся большие тысяченожки, которые, как змеи, обвиваются вокруг других насекомых, своих жертв. В том же вереске живет темная и мохнатая, как медведь, паучиха, которая пожирает своего супруга, потерявшего для нее интерес: для этого она опутывает его своей паутиной.

Другое чудовище из мира насекомых — тоже паук, заставляет трудиться над его паутиной маленьких паучков, которых, конечно, он пожирает на досуге.

Только на третий год нашего пребывания на полуострове Дюкмы впервые увидели белых бабочек. Трудно сказать, выводятся ли они однажды в три года, или же появились на полуострове после того, как там были посеяны некоторые европейские растения.

Я часто вспоминаю безлюдный берег моря, где, сидя под корнями пусками, можно было слышать, как где-то всплеснет вода, взбаламученная дракой каких-нибудь крабов... Казалось, дикая природа и пустынные волны живут своей особой таинственной жизнью.

Каждые три года над нами разражались циклоны. Ветер и моревеют, стонут; раздается грозная песнь бури... Кажется тогда, что мысли замирают в голове, и несешься куда-то между черным небом и черным океаном, подхваченная ветром и волнами. От времени до времени страшная красноватая молния раздирает тьму; иногда она кажется синевато-бледной.

Вода льется потоками; слышатся неистовые порывы ветра и волн, — и все это сливается в великолепный и грозный хор.

Ночью циклоны гораздо красивее, чем днем.

По ночам море испускает прелестный фосфорический свет; звезды, рассеянные по темносинему небу, кажутся совсем близко от земли. Сумерек на Каледонии не бывает вовсе; темнота мгновенно наступает, после того, как заходящее солнце словно зажжет море.

Хижина Рошфора находилась на верхней части возвышенности; домик Грене помещался в расселине скалы и был окружен садом, который раскидывался на всю половину горы. Когда хозяином домика овладела тоска, он с яростью начинал взрывать мотыкой неблагоприятную землю; с ним соперничал Жентеле, который перекапывал всю землю на противоположном скате горы. Здесь было настоящее царство грусти.

Немного в стороне, по дороге Тандю, стояла хижина Эре; здесь часто слышались звуки гитары. Этот инструмент сработал из розового дерева старик Круазе, домик которого находился на той же дороге. С другой стороны, недалеко от почты, жил на небольшой возвышенности Плас: тут родились две его дочери и сын-первенец, умерший ребенком. Несколько ниже поселился Бальзан, который делал для нас посуду из старых коробок от консервов, объясняя при этом, что он уроженец Оверни; впрочем, он занимался также химией и вместе со старым бланкистом Шоссадом приготавливал эссенцию из ниаули.

Возле женского барака находилась хижина, сплошь покрытая лианами: здесь жил Пенни с женой и детьми. Дочь его Августина родилась на полуострове.

Дальше стояла кузница старика Мелезье, где он выделывал для нас из старого железа всякие ножи, садовые инструменты и кучу разных вещей.

Рядом жил Лакур, а за ним Провен, бывший барабанщик федеральных войск, который самым неистовым образом бил сбор в Париже в те дни, когда нужно было поднять на ноги весь город.

Два отверстия в виде окон; роскошная корзина молочайника перед входом; внутри — нечто вроде библиотечного шкафа: такова была хижина Бадера.

Маленький домик Шампи находился на возвышенности за городом Нембо. Однажды, мы сидели у него за столом; нас было человек семь-восемь, и нам пришла мысль, что можно раздвинуть стены хижины,

если каждый из нас наляжет на них изнутри... Тут же, на северной стороне, стоял дом Режера с зелеными украшениями в готическом вкусе.

Близ больницы находилась обширная хижина Кервисика, где жил Пасдуэ в ожидании своей жены. Домик Бюрло стоял совсем особняком наверху, где поселился и Руайе; старый Мабиль устроил свое жилище на берегу моря, на Тандю.

Я, как сейчас, еще вижу все эти дома. Перечисление их заняло бы целый том. Когда мы смотрели с горных высот на эти жалкие хижины из необожженного кирпича, покрытые тростником, то они все вместе представлялись нам большим городом доисторической эпохи.

Бегство Рошфора вместе с пятью товарищами по ссылке — Журдом, Паскалем Груссе, Оливье Пэном, Бюльером и Грантиллем — привело в ярость каледонскую администрацию. Экстренно собрался военный совет; губернатор Готье де-Ларешери оказался в отсутствии, так как совершал в это время разведочную поездку на одном из кораблей, стороживших ссыльных; другой корабль был на Сосновом острове... А, между тем, прошло уже сорок восемь часов после побега ссыльных. Разумеется, все наши стражи трепетали от страха быть уволенными. Злоба их была тем сильнее, чем большая радость и веселье царили на нашем полуострове.

Когда надзиратели стали производить перекличку, они убедились, что Рошфора, Оливье Пэна и Грантилля нет налицо; однако, они не сразу поняли в чем дело. Ссыльные сообразили это гораздо скорее; поэтому при перекличке из их рядов стали раздаваться насмешливые возгласы. При имени Бастьена Грантилля, кто-то закричал: «у Бастьена сапоги скороходы: он ушел, чтобы их надеть».

Когда надзиратели отчаянно выкрикивали имя Рошфора, то в ответ им слышалось: «он пошел зажечь свой фонарь *), он обещал вернуться, ступайте, поглядите, не идут ли они!»

Власти были слишком встревожены, чтобы тут же наказать нас за дерзость: они приберегли это удовольствие для будущего. Однако, шумное веселье, царившее между нами, приводило этих каторжников в такую ярость, что, обыскивая хижины беглецов, в надежде напасть как-нибудь на след, они изорвали ни в чем неповинные занавески.

*) Журнал Рошфора назывался фонарем.—О. Б.

Никто не видал беглецов с четверга; побег открылся только в субботу; очевидно, наши товарищи были спасены.

Торговец Дюзер, лодкой которого воспользовался Грантиль, чтобы встретить беглецов с полуострова, был наказан пятнадцатью днями тюрьмы. Его соучастие в побеге открылось совершенно случайно. Хотя беглецы с помощью больших камней и затопили лодку в море, она каким-то образом перевернулась под напором волн и опять выплыла на поверхность, что и послужило уликой против Дюзера.

Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается: Дюзер не только получил вознаграждение за свою лодку, но и был принужден выехать в Сидней, где устроился гораздо лучше, нежели в Нумее; здесь торговля развита весьма слабо, и всякие сделки с туземцами совершаются в кредит.

В моих «Воспоминаниях», изданных у Руа, ул. Сент-Антуан, несколько страниц посвящено характеристике мер, принятых администрацией Каледонии после бегства Рошфора.

Вскоре после этого события, к нам прибыли г.г. Алейрон и Рибур, которые были присланы для устрашения ссыльных; вероятно, правительство надеялось, что подвергая нас притеснениям, оно тем самым заставит вернуться Рошфора. Свою деятельность наше новое начальство начало с самой смешной меры: в течении некоторого времени оно расставляло часовых на горах, окружающих Нембо; можно было подумать, что эти стражи разыгрывают перед нами сцены из драмы Дюма „La tour de Nesle“, среди грандиозных декораций.

Через правильные промежутки времени, с горных вершин раздавался крик: «слушай!», и в лунные ночи можно было видеть черные силуэты часовых, вырисовывавшиеся над нами.

У некоторых из часовых были хорошие голоса: тогда картина была прелестна. Мы выходили к дверям наших хижин, чтобы послушать и полюбоваться.

Потом часовые охрипли; нам надоело смотреть на их силуэты, и эти ночные представления потеряли для нас свою привлекательность. Но все-таки, это было так живописно!

За забавными распоряжениями последовали возмутительные меры. Ссыльных лишили хлеба. Один несчастный ссыльный, почти потерявший рассудок от всяких потрясений, случайно запоздал вернуться домой к положенному часу: в него стали палить, как в зайца.

Разумеется, и при Алейроне с Рибуром мы не отказывались от тайных сношений с внешним миром. Вскоре в Сиднейских и лондонских газетах появились наши письма, в которых мы постарались предать возможно более широкой гласности действия наших палачей.

У меня сохранилось несколько таких писем, появившихся в печати.

Полуостров Дюко, 9 июня 1875 года.

«Дорогие друзья!

«Вот официальные документы, относящиеся к вопросу о нашем переселении, о котором я уже Вам писала.

«Мы соглашались на это переселение только при том условии, если будут приняты во внимание наши протесты — 1) против самой формы сообщенного нам распоряжения и 2) против предположенного режима в отведенном для нас бараке.

«В сущности, нам было совершенно безразлично, в каком месте полуострова мы будем жить; но мы не могли оставить без протеста наглый тон официального распоряжения. Мы решили поставить администрации наши условия, и только в том случае согласиться на переселение, если эти условия будут выполнены.

«Так мы и сделали.

«Вот копия с первой афиши, расклеенной в Нембо 19-го мая: распоряжения администрации, обыкновенно, сообщаются нам таким образом; вместе с тем нас всегда обозначают — «ссыльный такой то. № такой-то».

Постановление.

19 мая 1875 года.

«По распоряжению главного управления ссылкой, должны покинуть поселок Нембо 20-го текущего месяца и перейти в район западной бухты на жительство в отведенном для них помещении нижепоименованные ссыльные женщины: Луиза Мишель № 1; Мария Смит № 3; Мария Кайлье № 4; Адель Дефоссе № 5; Наталия Лемель № 2, по мужу Дюпре № 6».

«Вот наши письменные заявления протеста:

Нембо, 20 мая 1875 года.

«Ссыльная Наталия Дюваль, по мужу Лемель, не отказывается перейти в барак, который предназначается для нее администрацией; однако, она считает долгом поставить на вид следующее:

- 1) Она не может без посторонней помощи переселиться на новое место.
- 2) Она не может сама добывать и рубить дрова, необходимые для варки пищи.
- 3) Она устроила у себя два курятника и возделала свой участок земли.
- 4) Закон о ссылке гласит: «ссылки могут жить группами и семьями»; при этом он предоставляет им право выбирать себе лиц, с которыми они желают войти в сношения. Только на этих основаниях, ссыльная Наталия Дюваль, по мужу Лемель, согласна на совместную жизнь с другими ссылными.

«Наталия Дюваль, по мужу Лемель, № 2-й».

Протест второй:

Нембо, 26 мая 1875 года.

«Ссыльная Луиза Мишель протестует против распоряжения, отводящего ссыльным женщинам жительство в отдалении от поселка, как будто бы пребывание их здесь нарушало благопристойность. Закон о ссылных не делает различия между мужчинами и женщинами; не следует дополнять его незаслуженными оскорблениями.

«Что касается меня, то я не могу согласиться на переселение иначе, как под условием, что мотивы такой меры — разумеется, уважительные — будут преданы огласке посредством афиш, где, одновременно, будет определен предназначаемый для нас режим.

«Ссыльная Луиза Мишель заявляет, что, если мотивы переселения окажутся оскорбительными для достоинства ссыльных женщин, она сочтет долгом протестовать до конца, что бы ни случилось.

«Луиза Мишель, № 1».

«На другой день после нашего протеста, нам сообщили, что мы должны перебраться в течение дня. Разумеется, мы и не подумали торопиться, так как твердо решили не двигаться с места до тех пор,

пока не будут удовлетворены наши требования; при этом мы заявили, что пока этого не будет, нас могут отправить, если угодно, в тюрьму, но мы и пальцем не пошевелим, чтобы очистить свои помещения.

«Впрочем, мы подтвердили, что раз впечатление от наглой афиши будет заглажено и мы не будем стеснять друг друга на новом месте, нам будет решительно все равно, где бы ни жить.

«От нас уходили и опять приходили; нам грозил главный смотритель, который вечером, совсем теряя голову, явился к нам верхом на лошади, чтобы сильнее нас поразить своим величием... Как смеялись мы, когда застоявшаяся лошадь помчала всадника в лагерь, гораздо быстрее, чем ему бы хотелось!

«Дня три или четыре спустя, прибыл главный начальник ссылки, в сопровождении управляющего территорией. Они выпустили вторую афишу, в которой обещали выполнить наши требования и устроить в районе западной бухты хижины на два-три человека, где мы могли бы поселиться, как захотим, так что занимающиеся одним делом, могли бы устраиваться вместе.

«Таким образом, часть наших требований была уже выполнена; однако, сделано было еще не все и при таких условиях нас нельзя было заставить покинуть старые жилища. В тюрьме для всех нас места не оказалось, и потому начальству пришлось волей-неволей уступить нам во всем.

«Теперь мы живем в западной бухте; это очень тяжело для г-жи Лемель, которая так больна, что почти не может ходить. Потому и я, не желая покидать ее, не пользуюсь близостью леса, который так люблю.

«Вот вам спокойный, безпристрастный рассказ о нашем переселении из Нембо в западную бухту полуострова Дюко.

Луиза Мишель, № 1».

Западная бухта, 9 июня 1875 г.

Следующее письмо по своей дате было самым первым; но оно позже дошло по назначению, и было напечатано в одной австралийской газете.

18-го апреля 1875 г., Нембо.

Новая Каледония.

«Дорогие друзья!

«В последнее время несколькими товарищам удалось бежать с места ссылки. От них вы узнали, вероятно, каково приблизительно положение остальных ссыльных. Таким образом, вы знаете, какие пре-

ступные притеснения и злоупотребления своей властью позволяют себе г.г. Рибур, Алейрон и их пособники.

«Вы знаете, что во время управления Рибура тайна нашей переписки нарушалась совершенно открыто. Можно было подумать, что горсть людей, переживших кровавую гекатомбу 71 года, внушает страх убийцам по ту сторону океана.

«Всем вам известно, что во время управления полковника Алейрона, прославленного героя казармы Лобо, один стражник выстрелил в ссыльного, который был уже дома; оказалось, что, отправившись за дровами, этот ссыльный нечаянно перешел дозволенную границу. Незадолго до этого, другой стражник выстрелил в собаку ссыльного Круазе, и ранил бедное животное у самых ног его хозяина. Кто знает, целил ли он в человека или в собаку?

«Сколько новых событий произошло с тех пор! Право, мне кажется, что я позабуду многое — такая их масса! Впрочем, постараюсь припомнить главное.

«Вам уже сообщали, что администрация лишает хлеба тех ссыльных, которые в точном соответствии со смыслом закона, просто являются на переключку и не желают выстраиваться по военному в два ряда. По этому поводу нами был заявлен энергический протест; он показал, что несмотря на попытки вызвать раскол среди нас, при помощи посторонних элементов, намеренно введенных в нашу среду, ссыльные не изменяют своей солидарности.

«После этого, нас лишили съестных припасов, за исключением хлеба, соли и сухих овощей: такому взысканию подвергли сорок пять человек — будто бы за то, что они не хотели выполнять какую-то работу; эта работа существовала только в воображении администрации.

«Такое же наказание постигло четырех женщин; им было поставлено в вину то, что их нравственность и поведение, будто бы, оставляют много желать. Это было наглой ложью. Ссыльный Ланглуа, муж одной из этих женщин, выступил на защиту своей жены и заявил самым решительным образом, что она никогда не подавала повода для таких подозрений: его присудили к полуторагодовому тюремному заключению и к штрафу в три тысячи франков.

«Плас, по прозвищу Верле, также точно заступился за свою подругу, которая пользуется всеобщим уважением среди ссыльных: его на шесть месяцев посадили в тюрьму и назначили ему штраф в пятьсот франков. Во время его предварительного заключения, у жены его ро-

дился ребенок; мать была так потрясена всем происшедшим, что новорожденный вскоре умер. За эту потерю ничто уже не могло вознаградить Пласа.

«Несчастному отцу так и не удалось видеть своего ребенка живым!

«Подобные наказания постигали и других ссыльных. Всем известны достоинства и мужество Чиприани: он просидел полтора года в тюрьме и присужден был к штрафу в три тысячи франков. Приблизительно, той же каре подвергся Фурни: все его преступление заключалось в «дерзких» письмах, которые были вполне заслужены начальством.

«Совсем еще недавно, староста ссыльных, гражданин Малезье сидел как-то вечером перед своей хижиной вместе с товарищами, которые с ним работают. Явился пьяный стражник и стал кричать, что Малезье нарушает ночную тишину. В заключение он ударил его, и вдобавок, старосту нашего еще посадили в тюрьму.

«Справедливость требует признать, что у наших милых победителей за строгостью следует шутка. Те из ссыльных, которые усерднее всех работали с самого начала своего пребывания на Каледонии, оказываются в штрафном списке!

«Одному ссыльному посчастливилось сразу попасть в два списка. В одном — имя его стоит в числе тех, которые подлежат каре за отказ от работы; в другом — он представлен к награде за трудолюбие. И то и другое мы находим в официальной газете Нумеи.

«Я не буду останавливаться на попытке явно провокаторского свойства, имевшей место на вечерней переключке, за несколько дней до прибытия г. де-Притцбюэ. Один стражник, известный своей наглостью, стал было угрожать ссыльным с револьвером в руке; к такой провокации, как и ко множеству других попыток того же рода, мы отнеслись с глубочайшим презрением. Потом г.г. Алейрон и Рибур постарались, разумеется, выгородить себя.

«Вполне вероятно, что за первым штрафным списком скоро последуют новые. Дело в том, что никакой работы у нас быть не может: во-первых, всякие сношения ссыльных с внешним миром были прерваны уже так давно, что вряд-ли кто из нас решится начать какое-нибудь новое дело; во-вторых, ремесло некоторых ссыльных требует известных предварительных расходов, на что у них нет средств. Таким образом, вы легко представите себе наше положение.

«Во всяком случае, эти факты помогут раскрыть, до чего способны пойти в своей ненависти наши победители. Знать это — далеко не лишнее, — не для того, конечно, чтобы подражать им: ведь, мы не палачи и не тюремщики; нет, это нужно для того, чтобы вывести на свет подвиги партии порядка: тогда ее поражение будет окончательным.

«До свидания, быть может, скорого. Если обстоятельства потребуют, то люди, не слишком дорожащие своею жизнью, могут и рискнуть ею, чтобы рассказать на свободе о преступлениях наших господ и повелителей.

Луиза Мишель, № 1».

Когда я вернулась из ссылки, мне было предложено дать официальное показание о режиме ссыльных на Новой Каледонии. Надеюсь, что после приведенных мною фактов, всякий поймет без труда, почему я следующим образом ответила на такое приглашение:

«Палата депутатов.

«Комиссия № 10.

«Господину председателю комиссии по расследованию дисциплинарного режима на Новой Каледонии.

Париж, 2-го февраля 1884 г.

«Г. Председатель!

«Благодарю вас за честь, оказываемую мне предложением вашим дать показание о дисциплинарном режиме на Новой Каледонии.

«Я вполне одобряю образ действий наших друзей, которые стараются пролить свет на преступления тамошних палачей. Но, пока главою государства является г. де-Галиффе, который на моих глазах расстреливал пленных федералистов, я отказываюсь выступать свидетельницей против разбойников Алейрона и Рибура.

«Пусть они лишали ссыльных хлеба; пусть они пытались провоцировать их при перекличке с помощью надзирателей, угрожавших им револьвером; пусть их стражники стреляли в ссыльного, который вечером возвращался домой... Этих администраторов послали на Каледонию не для того, чтобы мы почивали на розах.

«Когда Бартелеми Сент-Илэр — министр, а Максим Дюкан — член Академии;

«Когда совершаются такие явления, как изгнание Чиприани, молодого Морфи и множество других гнусностей;

«Когда г. де-Галиффе опять заносит свой меч над Парижем, и тот же самый голос, который требовал применения всей тяжести закона к разбойникам Ла Виллет, возвышается для оправдания и прославления Алейрона с Рибуром, — тогда я предпочитаю ждать, пока не пробьет час великого суда.

«Примите, г. Председатель, уверения в моем почтении к вам.

Луиза Мишель.

Приблизительно в 77 году крайняя левая обратилась к министру Байо — если не ошибаюсь — с запросом, почему столько людей, достойных уважения, не попали под амнистию. Министр ответил, что некоторые из этих людей отказались от милости правительства и потребовали суда над собою. «Как хотите вы, — воскликнул Клемансо, — чтобы люди, потерпевшие от вас поражение, забыли ужасы ваших репрессий? Вы сами говорите: «мы не забываем»; если вы не забываете ничего, то ваши противники будут помнить все». Клемансо был прав. Мы отвергли милость, так как считали своим долгом не допустить унижения революции, во имя которой Париж был залит кровью.

В конце моего письма от 18-го апреля, я намекала на один проект, который выработывали мы вдвоем с г-жей Растуль. Для сношения с моей соучастницей, я пользовалась коробкой с нитками или другими предметами в этом роде, которую я посылала в Сидней, где жила г-жа Растуль.

Письма были вклеены в дно коробки, между двумя листами бумаги.

Было условлено, что как-нибудь, ночью, после переклички, я выйду по вершинам гор на дорогу в северный лес за сторожевыми постами, где, чаще всего, вместо воды, бывала только жидкая морская грязь и пройду через кладбище в Нумею, соблюдая необходимые предосторожности.

Оттуда, с помощью лица, которое должно было предупредить г-жу Растуль, я предполагала выехать с оказией, при чем спутнику моему было решено заплатить деньги заранее.

Очутившись в Сиднее, я намеревалась расшевелить англичан своими рассказами о подвигах Алейрона и Рибура: мы надеялись, что смелые моряки снарядят бриг и, вместе со мною отправятся за остальными моими товарищами.

Если бы план мой не удался, я должна была вернуться на Каледонию. Нас было всего двадцать ссыльных женщин: нужно было освободить всех или никого.

Наша коробка не вернулась к нам. Когда, возвращаясь на родину, я проезжала через Сидней, то узнала, что письмо наше, вместе с коробкой, попало в руки администрации как раз в тот момент, когда я должна была получить уведомление, что пора приступить к делу.

Власти Новой Каледонии так и не сказали мне ничего по поводу нашего проекта, который был перехвачен ими накануне осуществления. (Воспоминания Луизы Мишель, стр. 304 — 313).

69 женщин прибыли на Новую Каледонию на транспорте «Фенелон», чтобы великодушно разделить с мужьями — ссыльными их горькую долю.

На полуострове состоялось несколько свадеб. Анри Плас женился на Марии Кайе: то была девушка удивительной доброты; в майские дни она доблестно сражалась на баррикадах.

Ланглэ женился на Елизавете де-Ги. Вообще, в ссылке многие из товарищей устроились по семейному. Г-жи Дюбо, Арнольд, Пэн, Дюмулэн, Делавиль, Леру, Пиффо и некоторые другие вновь зажили со своими семьями; дети росли, резвясь под ниаули, и были более счастливы, нежели те, единственным приютом для которых были исправительные дома. Ведь, правительство помнило, что отцы их были расстреляны.

Ссыльные, поселенные на Сосновом острове, были еще более, нежели мы, отрезаны от сношения с миром; их остров находился от нас в двадцати лье морского пути; единственным способом общения с людьми, была для них корреспонденция, которая вся проходила через руки администрации.

Некоторые из ссыльных сходили с ума; к числу таких несчастных принадлежал Альбер Грандье, редактор „*Rappel*“; («Призыв»); все преступление его заключалось в нескольких смелых статьях... Другие теряли терпение, и становились раздражительными. Четверо были осуждены на смерть и казнены за то, что избili одного из своих старост. Один из казненных погиб из-за того, что находился в дружеских отношениях с тремя другими; сам он не трогал никого.

Перед казнью, их провели перед приготовленными гробами. Они шли, улыбаясь и приветствуя смерть — избавительницу.

Солдат экзекуционного отряда била дрожь; осужденные принуждены были успокаивать их.

Перед казнью они поклонились товарищам, ссыльным и, не бледнея, ждали роковой минуты.

Администрация не хотела выдать товарищам их трупов.

Столбы для расстрела выкрасили в красный цвет; так они и стояли на этом месте до самого конца нашей ссылки.

Случалось, что ссыльных с Соснового острова наказывали тюремным заключением. Такое наказание им приходилось отбывать на полуострове Дюко; здесь мы и узнавали от них, как тяжело им живется.

11 марта 75 года, двадцать человек ссыльных с Соснового острова попытались было бежать в Австралию на лодке, которую выстроили собственными руками. 18-го марта того же года, на берег были выброшены обломки этого судна; от беглецов не осталось ни платья, ни куска одеяла, ни одного трупа.

Растерзали ли их акулы, или же съели туземцы одного из многочисленных островков, которыми усеян здесь океан; запутались ли они среди этих неведомых островков и заехали так далеко, что им не удалось выбраться на настоящую землю! — Неизвестно.

Вот имена этих двадцати человек:

Рагуль, Сове, Сави, Демулэн, Гение, Берже, Шабрути, Руссель, Сорель, Ледрю, Леблан Луи, Массон, Дюшен, Галю, Гинь, Адан, Бартелими, Жильберт, Пальма, Эда.

В тот самый день, 18-го марта, когда к берегу прибиты были обломки их лодки, в больнице, на острове Ну, умирал Марото.

Остров Ну — самый мрачный круг этого Дантовского ада.

Там жили Аллеман, Амуру, Бриссак, Альфонс Эмбер, Левье, Кариа, Фонтэн, Дакоста, Лисбонн, Люсилия, Рок де-Филоль, Трэнке, Урбэн и другие. То были самые испытанные наши товарищи, которые были нам дороже всего. Они были скованы двойной цепью и волочили ядро на ноге; их искусственно соединили с самыми отчаянными преступниками: сперва те оскорбляли благородных коммунаров, но затем эти герои внушили к себе уважение даже злодеям.

Представьте себе две руки, которые, округляясь, сближаются над головой; вообразите себе на месте головы небольшой рейд: руки — это полуостров Дюко и остров Ну; в глубине рейда, который как бы вдается между плечами, расположен город Нумея.

Из западной бухты полуострова можно видеть здания на острове Ну; рядом с фермой там возвышается батарея, угрожающая пушками. Как долго, бывало, стояли мы на берегу, созерцая этот пустынный остров.

К концу нашей ссылки, товарищи с острова Ну были переселены к нам, на полуостров Дюко. Для нас то был настоящий праздник — единственный со времени 71 года; но он обошелся нам довольно дорого.

В погоне за беглецами администрация пользуется наименее культурными дикарями-канаками; поймав беглеца, — они, обыкновенно, связывают ему руки и ноги и, продев палку, несут его вдвоем, как свинью... Администрация называет этих дикарей «туземной полицией». Удивительно, что в Париже еще не догадались прислать на подмогу канакам несколько специально обученных отрядов; не менее странно, что дикарей Новой Каледонии не посылают для нужд правительства во Францию.

Властям Каледонии удалось развратить, таким образом, не всех канаков. Некоторые из них не вынесли притеснений, которым их подвергали; вспыхнуло восстание, которое охватило несколько триб *).

Поводом к мятежу послужило то, что колонисты — разумеется из числа покровительствуемых администрацией — похитили женщину туземку. Скот этих колонистов пасся около самых хижин дикарей; администрация наделяла их землю, которая была уже засеяна канаками. Тогда самая храбрая из этих триб, главою которой был знаменитый вождь Атаи, восстала и увлекла за собою другие.

Дикари заставили своих женщин носить в пещеры бермудский картофель, иньям, тарос; из земли был вырыт камень войны, и восстание началось. Канаки были вооружены пращами, копьями, дубинами; белые — горными гаубицами, ружьями и всеми средствами европейских войн.

При Атаи состоял в качестве военного певца бард — человек с искривленным телом и бледно-оливковой кожей; то был таката, т. е. знахарь, колдун и жрец. Вполне возможно, что те «альбиносы» **), которых видел Кук в этих краях, были представителями какой-нибудь вымирающей расы — быть может арийцами, которые сбились с дороги во время морского плаванья или были захвачены каким-нибудь геологическим переворотом ***). Не был ли Андиа последним могикином ****) из этих «альбиносов»?

*) Триба — округ.

**) Альбиносы — люди и животные, страдающие отсутствием в их покровах красящего вещества (пигмента), вследствие чего волосы у них белые, а глаза красные. — О. Б.

***) Геологический переворот — изменение строения земной коры. — О. Б.

****) Могикиане — вымершее в настоящее время индейское племя. Последними могикинами теперь иносказательно называют последних приверженцев какого либо учения. — О. Б.

Певец Атаи, Андиа, пал в сражении; его тело было искривлено, как ствол ниаули, но сердце его было благородно.

Странная подробность! Согласно обычаю предков, Андиа сделал себе *волянку*. Но он жил среди дикарей, и, как дикарь, употребил для своего инструмента кожу одного изменника... Но и сам бард, с его огромной головой на жалком теле карлика, с голубыми глазами, полными блеска — пал за свободу от изменнической руки.

Также погиб и Атаи.

У канаков существует закон, по которому вождь может быть убит только вождем или его заместителем.

Нондо, вождь канаков, подкупленный французской администрацией, поручил Сегону убить Атаи и, для этой цели, вручил ему свое оружие.

Атаи находился между селеньем негров и Амбоа и направлялся к своему лагерю; в это время Сегон, отделившись от колонны белых, указал им вождя, которого легко можно было узнать по его белоснежным волосам.

С пращей, закрученной вокруг головы, с саблей, отнятой у жандарма, в правой руке и с томогавком в левой, в сопровождении трех сыновей и барда Андиа, который действовал копьем, как пикой, Атаи стал лицом к лицу с колонной белых.

Он заметил Сегона. — А, — вскричал он, — так вот ты где!

Предатель смутился под взглядом старого вождя... Но надо было кончать: Сегон метнул в него копьем, которое пронзило Атаи правую руку. Старик занес над головою томогавк, который держал в левой руке... Сыновья его упали на землю: один был убит, два других ранено. «Танго, танго!» (проклятый, проклятый!) крикнул Андиа, бросаясь вперед; но он тотчас пал, сраженный на смерть.

Тогда Сегон подскочил к Атаи и нанес ему несколько ударов топором — словно рубил дуб. Старый вождь поднял было руку, чтобы защитить голову, почти отделившуюся от туловища... Еще несколько ударов, и он пал, наконец, бездыханный.

При виде этого, канаки испустили «крик смерти», который эхом раскатился по горам.

Когда пал французский офицер Галли Пассбок, то канаки почтили его память тем же самым криком. Таков их обычай: они выше всего ценят доблесть.

Голова Атаи была отослана в Париж; что сделалось с головою Андиа — неизвестно.

Пусть в память этих героев поется песнь погибшего барда:

«Таката собирал в лесу траву адуэк, траву войны, ветвь *призраков*.

«Воины разделили меж собою эту траву: она исцеляет раны бойца и делает смертельными его удары.

«В буре несутся духи: то духи отцов. Они ожидают доблестных друзей и врагов; герои всегда будут желанными гостями на том свете.

«Пусть идет прочь тот, кто хочет жить. Настала война, кровь полетится как вода; пусть и трава войны заалеет от крови».

(Воспоминания Луизы Мишель).

В настоящее время Атаи уже отомщен; изменник, передавшийся белым, лишен своего имущества, изгнан из родины и должен сознать, наконец, какое преступление он совершил.

Во время мятежа канаков, ссыльные разделились на два лагеря: одни стояли за канаков, другие — против них. Что касается меня, то я была, безусловно, на стороне бедных туземцев. На этой почве между нами происходили самые ожесточенные споры; однажды, в западной бухте, мы подняли такой крик, что сбежался весь караульный пост, желая узнать, что такое произошло. Нас оказалось всего двое, но мы так вопили, как будто бы нас было тридцать человек.

Съестные припасы доставлялись нам в бухту слугами надзирателей — канаками; эти люди были очень кротки; старались нарядиться получше в свои жалкие лохмотья и, по смеси наивности с хитростью, весьма напоминали крестьян Европы.

Однажды, во время мятежа канаков, в бурную ночь я услышала, что кто-то стучит в дверь моего помещения, — Кто там? — спросила я. — Тайо, — ответили мне. Я узнала голоса канаков, которые принесли нам съестные припасы. («Тайо» — значит друг).

Я не ошиблась: действительно то были канаки. Они собирались, несмотря на бурю, отправиться вплавь на выручку к своим, и сражаться с «злыми» белыми, как они выразились; ко мне они явились, чтобы проститься.

У меня был красный шарф времен Коммуны, который мне удалось сохранить с величайшим трудом: я разорвала его на двое и отдала им эти куски на память.

Восстание канаков было потоплено в крови; туземцы из мятежных триб были расстреляны через десятого. Теперь эти трибы постепенно вымирают; конечно, колония от этого не выигрывает ровно ничего.

Однажды утром, еще в начале нашей ссылки, к нам прибыли арабы в своих широких белых бурнуссах. По их словам, они подверглись ссылке также за то, что восстали против угнетения. Эти люди востока, заброшенные в океан, далеко от их палаток и стад, были чрезвычайно просты и добродушны; при этом они отличались редкой справедливостью. Они никак не могли понять, за что с ними поступали так жестоко. Бауэр, постоянно ссорившийся со мною из-за моих симпатий к канакам, вполне разделял мое увлечение арабами. Мне кажется, что все мы были бы очень рады увидеться с ними еще раз. Между прочим, наши арабы питали самую горячую привязанность к Рошфору.

Увы! Некоторые из них все еще живут на Каледонии; вероятно, там они и кончат свою жизнь. Один из немногих счастливых, которым удалось вернуться, был араб Эль Мокрани. Когда он приехал на похороны Виктора Гюго, то явился в Сэн Лазар, где я содержалась в то время, и намеревался было видеть меня; к сожалению, он не запасся разрешением, и потому мне не пришлось поговорить с ним.

В последние годы ссылки, товарищи, семьи которых остались во Франции, и которые томилась в долгой разлуке, особенно, если у них были дети, получали письма с родины, в которых им сообщали об ожидаемой вскоре амнистии.

Время шло, а амнистии все не было. Бедняги, которые ждали ее, полагаясь на слова неосторожных друзей, умирали один за другим, — часто приходилось нам, растянувшись длинной вереницей по горным дорогам, провожать их прах на кладбище, которое быстро разрасталось. От этого времени у меня сохранилось еще несколько стихов:

Полная луна обливает роскошным светом
Ниаули с их белыми стволами;
Могучие деревья мучительно изогнулись
Под жестоким напором суровых ветров.
Откуда-то, из неведомых бездн,
Вылетают циклоны, взвиваясь к небесам,
И плачет, и завывает по ночам бурный ветер моря,
И поет свою погребальную песнь над могилами бедных
изгнанников.

В вершинах ниаули ревут циклоны;
 Пойте, морские ветры, свою унылую песню!
 Пусть взойдет заря.
 Ночная тьма сменяется ясным утром,
 И то, что было вчера, кажется уже сном.
 Катятся волны, проходит время,
 Придет пора, и пустыня превратится в город.
 На безлюдных скалах, где бьет волна,
 Будет тесниться новое человечество.
 Людям этого грядущего века
 Мы будем казаться такими же дикарями,
 Какие ходят теперь перед нами,
 Кружась в своем странном хороводе.
 Девственные расы человечества
 Сольются с древней исторической кровью:
 Так родится новое, могучее поколение,
 И произрастет человек, как зерно.
 В вершинах ниаули ревут пыльные циклоны;
 Пойте, морские ветры, свою унылую песню!

II. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

По прошествии пяти лет, ссыльные с полуострова Дюко могли переселиться в Нумее — под условием, что они знают дело, которое их может кормить, и не будут обращаться к администрации с требованием сестных припасов и одежды.

При переселении ссыльные получали формальное разрешение на жительство в Нумее; в этом документе указывались гражданские права пред'явителя и его приметы; на оборотной стороне надписывалась официальная формула управления ссылки, следующего содержания:

«Разрешение на жительство.

«Согласно разрешению губернатора от 24 января 1879 года, ссыльному из крепости, такому-то № — дозволяется поселиться в Нумее у...

«Ссыльный обязан являться в контору управления в дни, когда отправляется почта в Европу, в 7 часов утра: этим удостоверяется его присутствие в Нумее; он может пользоваться свободой передвижения

в пределах восьми километров от центра, где живет, и не может менять своего местожительства без особого разрешения.

«Ссылный лишается права на получение от администрации одежды, постельных принадлежностей и сестных припасов. В случае болезни он может быть помещен в одну из больниц для ссыльных, под условием оплаты издержек по его лечению.

Помощник начальника управления ссылки, Ороэ».

Мне несколько раз приходилось пользоваться этим документом для удостоверения своей личности.

Имея права учительницы, я сперва занялась уроками, которые давала детям ссыльных, а также в некоторых других семьях; затем, мэр Нумей, г. Симон поручил мне уроки рисования и пения в городских школах для девочек; кроме того, у меня было довольно много уроков в городе — от 12 до 2 часов и по вечерам.

Каждое воскресенье, с утра до вечера, в мой домик набивались канаки, которые учились у меня с величайшим рвением; для них мне приходилось, конечно, упрощать метод преподавания и делать занятия, по возможности, менее однообразными. Туземцы довольно мило вырезали известные им цветы на деревянных дощечках, которые давал нам г. Симон. Рука их не отличалась легкостью; но, во всяком случае, они недурно схватывали модель, если в ней были подчеркнуты некоторые характерные линии. Голос туземцев был весьма резок; однако, после известных упражнений в сольфеджио, он приобретал несколько большую мягкость и полноту звука.

У меня никогда не было более прилежных и увлекающихся учеников; они приходили ко мне из всех триб. Здесь я познакомилась с братом Дауми: он был настоящий дикарь. Его прислала триба, чтобы продолжать дело образования, начатое братом и прерванное его преждевременной смертью.

Бедный Дауми любил дочь одного белого; отец выдал ее замуж, и молодой канак умер от горя. Гигантский труд — научиться тому, что знают белые, он начал столько же ради своей возлюбленной, сколько ради своей трибы. Он хотел устроить свою жизнь по-европейски.

Мои друзья, канаки, рассказывали мне, что отцы миссионеры *) взимают с туземцев по десяти су, при чем этот налог увеличивается, если канаки поступают к ним в услужение; тем не менее, во время мятежа,

*) Миссионер — духовное лицо, проповедующее христианство среди язычников. — О. Б.

восставшие туземцы не трогали миссионеров. По словам канаков, это происходило потому, что миссионеры учат их читать.

Учат читать! Бедные канаки считают это таким благодеянием, за которое можно простить всякие поборы.

В Нумее я встретила с милым стариком Этьеном — одним из тех марсельцев, которые были приговорены к смерти, а затем помилованы и отправлены в ссылку. Тут же проживал г. Малато — отец, к которому г. Симон, наш мэр, питал величайшее уважение. В колониальной конторе служил мичман Конье, один из моряков, примкнувших к Коммуне. В Нумее жила и г-жа Орловская, бывшая для нас истинной матерью, и Викторина, которая заведывала банями и позволяла нам пользоваться ими, сколько угодно. В Нумее, вообще, наша жизнь протекала чрезвычайно дружно.

Когда я собиралась сесть в лодку, которая должна была отвезти меня в Нумею, Бюрло провожал меня до берега, таща на голове корзину с моими кошками. На дороге мы встретили Жентеле, который, очевидно, поджидал нас, — «Уж не собираетесь ли вы ехать в Нумею со своими „godillots“? — спросил он меня. — Конечно, — ответила я. — Ну, этого не будет, — сказал он. С этими словами он передал мне сверток в серой бумаге: там оказалась пара европейских башмаков.

Всякий раз, как у Жентеле бывала работа, он делал подарки то-варищам. К 18-му марта он всегда накупал вина, и прятал бутылки где-нибудь в кустах, в ожидании торжественного дня.

Настало последнее 14-е июля*), которое приходилось нам провести в ссылке. Вечером, между двумя выстрелами из пушки (пушки в Нумее возвещают наступление дня и ночи) по просьбе г. Симона, г-жа Пено, начальница местного пансиона, один артиллерист и я отправились на Кокосовую площадь пропеть марсельезу.

На Каледонии не бывает ни сумрака, ни зари: тьма наступает мгновенно.

Мы не видели ничего вокруг себя: мы только слышали как волнуетса около нас толпа. После каждого куплета, раздавался хор тонких детских голосов; затем, мотив марсельезы подхватывал оркестр медных инструментов.

Мы слышали как плакали канаки, скрываясь среди шелестящих ветвей кокосовых пальм.

*) День взятия Бастилии.—О. Б.

Г. Симон прислал за нами людей и нас повели в мэрию между двух рядов солдат. Однако оказалось, что туда пришли за мною канаки, чтобы показать мне свой праздник: я извинилась перед белыми и ушла к черным, при чем г. Симон предупредительно снабдил меня шутихами и другими принадлежностями фейерверка.

Каждая триба, которая согласилась принять участие в торжестве, зажгла свой костер на огромном поле, где собрались канаки. Триба Атаи, члены которой были наказаны через десятого, также разложила свой костер, но, когда начался танец, оставшиеся в живых канаки этой трибы, в числе 5—6 человек, вскочили на костер и затушили огонь ногами: это было знаком печали.

Танец канаков производит весьма своеобразное впечатление; особенно любопытен момент, когда все участники длинной вереницей проходят через огонь. Но описанная мною сцена с тушением костра была, действительно, полна величия. Канаки решили отдать одной трибе Атаи все подарки, что мы принесли на всех.

Немного спустя, мы получили известие с последними кораблями, которые пришли к нам, что амнистия уже дана. Одновременно с этим я узнала, что мою мать постиг паралич. Имея уроки и зарабатывая сто франков в месяц в школах, я легко могла собрать какую-нибудь сотню франков, чтобы экстренно выехать в Сидней: такая поспешность давала мне надежду, что я застаю мать в живых.

Перед самым отъездом из Нумей, когда я уже собиралась сесть на судно, которое должно было меня доставить по назначению, я увидела, что весь берег, словно муравьями, покрыт канаками. Так как я не ожидала так скоро амнистии, я хотела устроить школу в туземных поселениях; теперь мои черные друзья пришли, чтобы напомнить мне о моем обещании. «Ты больше не приедешь», повторяли они с горечью. Чтобы утешить их, я с полной верой в свои слова говорила им: «я вернусь к вам!»

Долго потом с своего судна я смотрела на черную толпу канаков, пока она не скрылась из виду. Они плакали, плакала и я сама... Кто знает, быть может, я еще увижу их когда-нибудь?..

Когда мы в'ехали в великолепный, величественный порт Сидней, передо мной открылась картина, равной которой по красоте я, пожалуй, никогда в жизни не видела. С двух сторон, подобно гигантским башням, возвышались утесы из розового гранита: между ними оставался

свободный проход — словно дверь для титанов; как и в Нумее и в Риме, на фоне неба здесь вырисовывались семь бледно-голубых холмов. Можно было смотреть без конца на эту картину: так она была живописна.

Мои документы оказались недостаточными; мне заявили, что я могла найти их случайно и присвоить себе. Пришлось Дюзе, который поселился в Сиднее, удостоверить мою личность. Соглашаясь на это, он оговаривался, что имел уже некоторые неприятности в связи с побегом Рошфора... но из-за меня его никто не побеспокоил, так как Сидней является колонией англичан.

Консул — всей своей фигурой напоминающий курильщика с фламандской картины, сперва не хотел меня отправить на родину с 19 другими ссыльными, которые, заработав кое-что в Сиднее, имели возможность сами собраться в путь во Францию. Ему не нравилось, что я, не спросив никого, явилась в Сидней. Меня выручило обычное хладнокровие, которое часто помогало мне в таких случаях. Я заявила консулу, что очень рада теперь же узнать, каково его решение, так как могу и сама заработать деньги на возвращение во Францию. Для этой цели мне стоит только прочесть несколько публичных лекций.

«А на какую тему собираетесь вы читать? — спросил меня он.

«О действиях французской администрации в Нумее; вероятно, это заинтересует публику».

«А что вы намерены сказать?»

«Я расскажу все то, чего не мог в свое время сообщить Рошфор, не видевший всех ужасов. Я буду говорить о гнусностях Алейрона и Рибура, о причинах восстания канаков, о закабалении чернокожих всякого рода долговыми обязательствами... Право, не знаю, что я буду еще говорить».

Старый курильщик бросил на меня взгляд, которому он пытался придать свирепое выражение и, с треском подписав свое имя на бумаге, подал мне ее со словами: «можете отправляться с прочими!» Мне всегда потом казалось, что, в глубине души, старик вовсе уже не так неприязненно отнесся ко мне.

Таким образом, нас отправилось из Сиднея в Европу двадцать человек; мы ехали на корабле „John Helder“, взяв билеты на Лондон. Наше судно прошло мимо Мельбурна; по внешности этот город значительно уступает Сиднею: но, во всяком случае, он имеет огромные размеры и раскидывается по равнине в виде колоссальной шахматной доски.

Совершая наше кругосветное путешествие, мы проехали Суэцкий канал. — Когда мы были против Мекки*), на корабле нашем умер бедный араб, которого амнистия застала уже еле живым: когда-то он дал обет совершить паломничество в Мекку, если ему удастся вернуться на родину. Аллах оказался не слишком милостивым по отношению к своему бедному почитателю; за то мы, непримиримые враги всякой религии, видели все чудеса нашего пути до самого конца. Мы видели и Красное море, и Нил, где шелестит папирус, и верблюдов, лежащих на берегу и вытягивающих по песку свои длинные шеи.

Какое поразительное зрелище представляют собою эти утесы, обработанные в виде сфинксов! Как трудно забыть необозримое пространство песков, расстилающихся в пустыне.

В конце путешествия нас ожидал сюрприз: нам пришлось восемь дней блуждать в Ламанше среди тумана.

Этот туман был так густ, что мы видели перед собою только слабый свет фонарей нашего корабля, которые казались отдаленными звездами... Мыплыли наудачу; корабельный колокол бил не переставая; ему вторила своим воем сирена... Все это казалось каким-то фантастическим сном.

Все ожидавшие нас, были убеждены, что мы погибли; когда, наконец, мы прибыли к устью Темзы, то друзья наши, выехавшие навстречу к нам на лодках, приняли нас со слезами радости.

Нас встретили с распростертыми объятиями. В Лондоне мы нашли Ришара, Армана Моро, Комбо, Варле, Прене, и старого Марешаля. Тут же оказался и еще более старый изгнанник — Шарантон, который открыл булочную в Лондоне и радушно предлагал первым беглецам, спасавшимся от ужасов кровавой бойни, теплый угол у своей печи и свежий кусок своего хлеба.

Мы были приглашены к обеду г-жей Удино: я как сейчас вижу Дакосту, который ждал нас на лестнице с глазами полными слез. Многие из наших друзей уже уехали. Но мы все же могли рассказать оставшимся, как счастливы мы были там за океаном, когда, в управление Алейрона, несмотря на тысячу препятствий, к нам дошел смелый манифест коммунаров из Лондона.

*) Мекка — священный город магометан. — О. Б.

Нам спели, как десять лет тому назад, песню о добром человеке.

«Добрый человек, добрый человек!
Пора тебе проснуться!»

Сколько воспоминаний, сколько рассказов!

Как часто мы возвращались мысленно к тем, которые уже покоились в земле.

Нас повели в клуб на *Rose Street*; товарищи англичане, немцы, русские — приветствовали наше прибытие и проводили нас на вокзал *New Haven*. При этом лондонские друзья заплатили за нашу дорогу, так как консул принял на счет правительства только те издержки, которые были необходимы для переезда на *John Helder* до Лондона.

В Дьеппе мы встретили Марию Ферре, вместе с г-жей Биа, старым другом Бланки; далее, в Париже нас ожидала шумная толпа людей, которые нас не забыли.

Я увидела вновь свою мать, старого дядю и тетку. Люди, незнающие революционеров, представляют себе, что они не любят своих, так как жертвуют личными привязанностями во имя идеи; в действительности же бывает иначе, они любят их тем сильнее, чем большую жертву приносят.

Снова начиналась революционная жизнь; вместе с тем все сильнее мы начинали чувствовать, какие страдания мы перенесли.

На полуострове Дюко нас, анархистов, было всего-на-всего шесть человек; вернувшись на родину мы нашли уже целые группы людей, того же самого мирозерцания. Чтобы погубить нас в общественном мнении, г. Андрие задумал было создать анархистскую газету; в этом не было никакой нужды, и, во всяком случае, забавно, что умный человек избрал такое средство. Мы и без него познакомили бы общество с нашими идеями.

В настоящее время прошло уже двадцать шесть лет, после великой гекатомбы Коммуны; нищета рабочего класса и гнет тяготеющей над ним внешней силы становятся с каждым днем все ужаснее, — и мы чувствуем, что новый, лучший мир приближается к нам все больше и больше.

Сторожевой матрос наверху мачты умеет различать вдали, на горизонте зловещее пятно, которое обещает бурю; так и мы предчувствуем приближение того, что было уже однажды пережито нами.

В распоряжении моем остается всего несколько страниц, и мне невозможно рассказать в этой книге все то, что пережили мы после возвращения. Для этого потребовался бы новый том. Быть может, он и появится на свет, если только события позволят мне спокойно созерцать это прошлое, которое так быстро уносится от нас вдаль.

С каждой минутой, старый мир все более и более разлагается; близится новая эра; этот процесс неизбежен, как рок, и ничто, кроме смерти, не может его остановить.

Готовится великий культурный переворот: помешать ему может только какой-нибудь мировой катаклизм.

Отдельные группы людей пришли уже к выводам чистой человечности и идеальной свободы: это значит, что переворот уже созревает.

Пусть продажные судьи опять и опять обвиняют в злодеяниях честнейших людей; пусть на скамье подсудимых оказываются невинные; пусть истинные преступники наслаждаются почестями, а правители призывают на помощь к себе слепых рабов... Ничто, ничто не поможет им; солнце должно взойти, и оно взойдет над миром.

Условия жизни становятся тем тяжелее, чем ближе конец старого мира. Вспомним закон 29 июля 1881 года, прозванный «преступным» раньше правительство не осмеливалось применять его к жизни; теперь он действует невозбранно.

В „*Courrier de Londres et de l'Europe*“ от 13 января 1894 года я нахожу официальный документ, касающийся, так называемых, каторжных законов. Я считаю полезным воспроизвести его здесь, так как едва ли многие читатели имеют об этих законах полное представление. Объясняется такое незнание тем, что эти законы принято считать неприменимыми к жизни.

Новые законы.

Циркуляр хранителя государственной печати.

Г. Антонэн Дюбо, хранитель государственной печати, министр юстиции, обращается со следующим циркуляром к генеральным прокурорам республики:

«Г. Генеральный прокурор,

«Законы, только что принятые обеими палатами, не изменяют, по существу, общей политики правительства, которая, по-прежнему, остается верной республиканским традициям и соответствует либерально-прогрессивным стремлениям нации. Эти законы имеют только в виду

сделать более действительными те средства, которыми, по необходимости, правительство обязано охранять общественную безопасность против разрушительных учений, осуществление которых, так называемые, анархисты стараются достигнуть при помощи самых гнусных преступлений. Таким образом, единственной целью новых законов является поддержание порядка, который служит необходимым условием прогресса.

«Мне представляется не бесполезным обратить ваше внимание на некоторые общие начала, которыми вы должны руководиться в вашей деятельности, проводя их с возможно большей твердостью и неусыпностью.

Апология*) преступлений.

«Закон 29 июля 1881 г. оставлял безнаказанным призыв к грабежу и преступлениям, указанным в статье 435 уголовного закона. Правда, прямое подстрекательство, к убийству, грабежу и поджогу объявлялось наказуемым; но апология всех этих преступлений оставалась вне действия законных кар.

Отныне, лица, позволяющие себе апологию грабежа, убийства, воровства, поджога и других преступлений, указанных статьей 435 уголовного закона, будут подлежать карам, установленным в новом законе, наравне с теми, которые прямо подстрекают к этим преступлениям; при этом тяжесть наказания должна будет соответствовать важности преступного акта, вызванного подстрекательством. Новый закон приравнивает апологию преступлений к подстрекательству на том основании, что первая по существу своему является не чем иным, как видоизмененной формой возбуждения к преступным актам; во всяком случае, она представляется отнюдь не менее опасной, нежели прямое подстрекательство».

Статья 49 закона 1881 года.

«Самым важным нововведением закона 13 декабря 1893 г., является изменение статьи 49. Лица, виновные в вышеупомянутых преступлениях, равно как и те, которые подстрекают военных чинов к неповиновению, должны подлежать по закону предварительному заклю-

чению, при чем на их бумаги должен быть наложен арест. Не может быть никаких серьезных оснований к тому, чтобы избавить таких лиц от применения к ним правил о следствии по уголовным делам: судебные власти обязаны действовать по отношению к таким преступникам быстрыми и решительными мерами.

«В интересах общественного порядка, который уже не требует разъяснений, представляется весьма важным, чтобы новые законы применялись неизменно всякий раз, как будут обнаружены указанные выше преступления. В виду этого, совместно с представителями административной власти, вы должны установить самый бдительный надзор за порядком — особенно за некоторыми общественными собраниями, которые стали очагом агитации и смуты, где допускается самое преступное подстрекательство и идет подлинная и открытая пропаганда разрушительных учений. На ряду с этим, вы должны неукоснительно обнаруживать и преследовать лиц, виновных в преступной пропаганде среди войск, с целью склонить их к нарушению долга и дисциплины. Искоренять подобные явления — значит защищать отечество».

Союзы злонамеренных людей.

«Закон 29 июля 1881 г., был бессилён в деле преследования подстрекательства к преступлениям, если это подстрекательство принимало форму апологии преступлений; с другой стороны, наше уголовное законодательство не предусматривало никакого законного средства, которым можно было бы помешать подготовлению преступного акта.

«Таким образом, благодаря чрезмерной свободе, образовались группы, которые связаны между собою общностью идей; ныне они подготавливают бесконечный ряд всевозможных преступлений. Между многими членами этих групп установилось известное соглашение, и в некоторых случаях выполнение задуманного преступного акта предоставляется личной инициативе отдельных анархистов, которые и действуют совершенно самостоятельно; такая тактика позволяет им легче избегнуть правосудия.

«Чтобы виновные не оставались безнаказанными, необходимо было изменить статьи 265 и след. уголовного кодекса, относящиеся к союзам злонамеренных людей. Новые правила карают всякий союз такого рода, независимо от давности его существования и количества его членов; вместе с тем, они дают возможность возбуждать законное

*) Апология — хвалебная, принципиальная защита. — О. Б.

преследование против всякого соглашения, имеющего целью подготовить или совершить известное преступное деяние, направленное против лица или собственности.

«Законодатель намеренно внес слова «определенное соглашение» в новую редакцию 265-й статьи: этим он хотел предоставить самой власти решать, сообразно обстоятельствам, при каких условиях известный договор между двумя или несколькими лицами можно рассматривать как формальный акт, имеющий целью подготовить или совершить преступление. Таким образом, можно квалифицировать известные действия, как преступные, совершенно независимо от того, как удалось осуществить самый замысел.

Изгнание.

«Помимо уже известных кар, статья 266 предоставляет, отныне, право подвергать осужденных в упомянутых выше преступлениях изгнанию из пределов государства. Нет нужды разъяснять вам, г. Генеральный прокурор, что, во многих случаях, такое наказание может явиться вполне действительным средством общественной самозащиты. В самом деле, пребывание в среде нашего общества известных лиц, уже отбывших свое наказание, представило бы несомненную угрозу для общественной безопасности: поэтому изгнание их из Франции представляется вполне целесообразной мерой.

Хранение взрывчатых веществ.

«В дополнение к мерам борьбы против виновников преступной пропаганды, было необходимо изменить статью 3 закона от 19 июня 1871 года, относящуюся к хранению смертоносных или зажигательных снарядов. Всякое лицо, хранящее у себя подобные снаряды без законных оснований, тем самым уже вызывает против себя вполне заслуженное подозрение. Но закон 71 года не мог предвидеть всех средств разрушения, которые изобретены в новейшее время.

«Новая редакция 3 статьи дает возможность возбуждать преследование против всех лиц, хранящих взрывчатые снаряды и вещества без законных оснований и без разрешения властей; кроме того, эта статья карает всякого, кто без законных оснований хранит у себя какое бы то ни было вещество, очевидно предназначенное для составления взрывчатого снаряда.

Общая инструкция.

«Таковы, г. Генеральный прокурор, те новые правила, которые введены в наше уголовное законодательство, согласно постановлению Палат, с целью предоставить вам действительные средства для охраны законных установлений и порядка. Вы должны проводить эти правила в жизнь самым решительным образом. Пусть никакое нарушение закона не останется безнаказанным. Что касается административной власти, то она придет на помощь правосудию всеми средствами, которые имеются в ее распоряжении.

«Вы должны, во всяком случае, действовать совместно с администрацией, проникшись мыслью, что истинным правительством, созидющим общественное благо, может быть только то, все органы которого связаны теснейшею солидарностью.

«Я не сомневаюсь, что согласие легко установится между органами судебной и административной власти, так как те и другие преданы своему долгу и проникнуты сознанием лежащей на них ответственности.

«В случаях, не терпящих отлагательства, а также тогда, когда преступление слишком очевидно, вы можете, без колебаний, самостоятельно возбуждать преследование против виновных; в других случаях, когда по мнению вашему того потребуют обстоятельства, благоволите предварительно сноситься со мною. В большинстве случаев, единственно полезными мерами могут быть немедленные репрессии. В виду этого вы должны позаботиться о том, чтобы вся процедура судебного преследования протекала возможно быстрее; всякий раз, когда вы признаете то необходимым, вы можете назначать чрезвычайные сессии уголовного суда.

«Правительство надеется, что энергическое и неукоснительное применение новых законов сможет полжить конец преступной пропаганде. Страна ожидает от нас действительной защиты. Долг наш — создать ей эту защиту всеми законными средствами, которыми мы располагаем,

«Примите г. Генеральный прокурор, уверения в особом уважении к вам.

Хранитель государственной печати, министр юстиции

Антонэн Дюбо».

То, на что не решалось правительство в 74 году, оказывается возможным для него ныне. В лучшие дни версальского правительства, за какую-нибудь статью в газете, наказывали ссылкой или смертью: то же самое творится и теперь — лучшим доказательство этого может служить процесс Этьевана, осужденного не далее, как на этой неделе. Национальная честь соседних стран не позволяет им выдать осужденного правительству; не будь этого, Этьеван отправился бы на место Сивока в каторжную тюрьму, где умер Мариото. Но ничто не может остановить прогресса знаний; он идет так быстро, что скоро вся ложь рассеется перед светом науки.

Юноши грядущего поколения будут знать больше, чем самые ученые из нас; это новое человечество будет ненавидеть неправду и уважать человеческую жизнь; оно не будет своими костями усеивать Мадагаскар; оно не решится расстреливать, для потехи, несчастных туземцев, если только, как Галиффе или Ваше, не заразится жаждою крови.

Это новое, молодое поколение не пойдет охранять спокойствие палача Абдул-Гамида, чтобы он мог завершить свое гнусное дело. Оно не согласится идти, как испанская армия, на Кубу, чтобы убивать людей, восставших во имя свободы; оно не захочет служить злодеям Монжюика.

Когда то версальское собрание нашло, что гном Футрике слишком уж либерален. Сравнительно с тем временем, мы пользуемся еще меньшей свободой; но великая идея растет и распространяется все шире и вольней. Вспомним клич школьной молодежи, раздавшийся в прошлом году.

Воспрянем духом!

Восстанем, товарищи, во имя святой свободы! Подождем выставки 1900 года: она сразу двинет вперед человеческое знание.

Я кончаю свою книгу 2 января 1898 года. И что же? Перед фотографией открываются новые пути; X — лучи позволяют уже видеть живым то, что умирает под ножом вивисектора; нравы народов становятся все менее и менее жестокими... Неужели можно допустить, что воля и мысль человеческие не будут, наконец, свободны! — Как то лет 6, а может быть и больше тому назад, я сидела в зале Капуцинов, и мысль моя залетела далеко; я мечтала о будущем... Я говорила себе: наша мысль — то же электричество; быть может, удастся сфотографи-

ровать ее когда-нибудь; так как мы мыслим без слов, то на фотографии должны получиться черты вроде зигзагов молнии. Это будет понятно всему человечеству, и явится новой стенографией.

В настоящее время мы можем уже видеть сквозь непроницаемые тела. Неужели мы остановимся на этом?

Наука поможет нам раскрыть тайны мироздания: то будет конец богов. Мы увидим, как в безпредельных сферах совершался и будет совершаться живой процесс вечных изменений... Смелее, братья! Ближится великий жерминаль.

Скептики не хотят видеть, как в море наших страданий показываются зеленые ветви — вестники желанного берега... Пусть они упрямятся! Старое общество разлагается с каждым днем все больше и больше.

На страницах каменной книги или на могильной плите, под которой покоится Поттье, следовало бы вырезать следующие страшные строки:

Я — старый людоед,
Который называется обществом.
Гляди — мои руки красны от крови,
В глазах моих светится хищное сладострастие.
Не один угол в моей пещере
Полон мертвечины и костей.
Подойди, посмотри: я с'ел твоего отца,
И я пожру твоих детей.

Поттье.

Однако, быть может, прежде, нежели это проклятие старому обществу будет высечено на камне, гнусный людоед будет уже мертв. Пришло время нового человечества; оно будет свободно и справедливо, и кровавая колыбель его детства окажется ему уже не по росту.

Париж, 20 мая 1898 года.

Луиза Мишель

КОММУНА

Перевод с французского
Примечания О. М. Бескина
М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
к 140-летию Парижской коммуны
воспоминания других участников и современников Коммуны,
документы, исследования, фильмы и радиопередачи
скачать здесь:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография
текст разделен на 7 файлов
части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства
Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНИЯ ИМПЕРИИ

- I. Пробуждение
- II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира
- III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны
- IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора
- V. Процесс в Блуа
- VI. Война. Официальные телеграммы
- VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

- I. 4-го сентября
- II. Национальная оборона
- III. 31-го октября
- IV. От 31-го октября до 22-го января
- V. 22-го января
- VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы
- VII. Росселя и Люлье

- VII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж
- VIII. Всемирное движение за свободу
- IX. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

- I. 18-е марта
- II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета
- III. Дело 22-го марта
- IV. Прокламация Коммуны
- V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже
- VI. Атака Версаля. Неизданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса
- VII. Воспоминания
- VIII. Волна растет
- IX. Провинциальные коммуны
- X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года
- XI. Последние дни свободы
- XII. Франк-масоны
- XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников
- XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

- I. Борьба в Париже. — Резня
- II. Холодная подачка
- III. Бастионы Сатори и Версаля
- IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

- I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии
- II. Возвращение
Приложение.
I. Рассказ Беатрисы Экскоффон
II. Письмо заключенного в Бресте
III. К коммунарам
Примечания
Алфавитный указатель примечаний

Приложение.

I. РАССКАЗ БЕАТРИСЫ ЭКСКОФФОН.

Беатриса Эври, по мужу Экскоффон, вручила мне, несколько лет тому назад, повесть о своей жизни во время Коммуны и после падения ее. Размеры этого тома позволяют мне привести только те страницы, которые относятся к армии женщин, шедшей под красным знаменем в форт Исси. Этот простой рассказ дает ясное понятие о том, как мужественно парижанки добивались свободы.

«1-го апреля 1871 года, — говорит Беатриса Экскоффон, — одна соседка с удивлением спросила меня, разве я не читала газеты, где объявляется о собрании женщин на площади Согласия. Они хотят идти в Версаль, чтобы помешать кровопролитию.

«Я сообщила матери, что уйду, поцеловала детей и пустилась в путь.

«На площади Согласия я присоединилась к шествию в половине второго. Там было от семи до восьмисот женщин; одни говорили о том, что надо идти в Версаль объяснить, чего хочет Париж, другие — о том, что было семь лет тому назад, когда женщины Парижа также отправились в Версаль, чтобы привести оттуда булочника, булочницу и маленького подмастерья, как выражались в то время.

«Так мы идем до Версальских ворот. Там мы встречаем возвращающихся франк-масонских парламентаров.

«Гражданка де С. А., которая организовала шествие, предлагает остановиться где-нибудь, так как она умирает от усталости.

«Мы занимаем залу Рагаш. Там пришлось выбрать другую гражданку, чтобы руководить экспедицией, потому, что усталость г-жи С. А., после столь продолжительной ходьбы, вызвала нестерпимые боли в ногах.

«Указали на меня, чтобы заменить ее; тогда я встала на бильярд и высказала мысль, что нас не так много, чтобы идти в Версаль, но достаточно, чтобы идти ухаживать за ранеными в действующие отряды войск Коммуны.

«Другие присоединились к моему мнению, и решено было отправиться завтра. Но это произошло только несколько дней спустя. Гражданка С. А. опять могла сопровождать нас до главного штаба национальной гвардии.

«В главном штабе начальник записал мою фамилию и дал пропуск мне и гражданкам, которые пойдут со мною.

«Тогда я спросила, в какую сторону нам идти; мне посоветовали отправиться через Нельи. Так как накануне со стороны Мон-Валерьяна слышалась пальба, то мы хотели посмотреть, не осталось ли в полях неподобранных раненных.

«Нашлось двадцать женщин, пожелавших идти со мною.

«Мы идем по направлению к Нельи. Дорогой многие дают нам корпию и бинты; я купила в одной аптеке необходимые лекарства, и вот, мы рыщем по Нельи, разыскивая неподобранных раненных, и не подозревая, что мы в середине Версальской армии.

«Дойдя до одного места, мы видим жандармов, и, чувствуя опасность, останавливаемся. Но пройти уже невозможно.

«Пропустите нам, — говорим мы; — мы идем ухаживать за ранеными». «Мы слышим, как грохочут пушки, но не можем дать себе отчета, где это».

«Я велела мальчишке, которому дала несколько су, сломать мне ветку дерева, и с нею мы воображали себя непобедимыми.

«Сговорились не упоминать о пропуске, данном Коммуной, и, кроме того, мои товарки советовали мне свернуть красное знамя. Но так как я не сделала этого, мы вдруг увидели себя на одном мосту окруженными жандармами; мы просили их пропустить нас, но они отказали.

«Послали за начальником, лейтенантом, который спросил нас, куда мы идем с этим красным знаменем. Я отвечала ему, что мы идем ухаживать за ранеными, и что мы хотели перейти через мост, так как это приближало нас к месту, где слышится пальба.

«Он с минуту колебался, и в это время одна из наших, забыв о том, что было условлено, сказала, что у нас есть пропуск.

«Как можете вы говорить так, — воскликнула я, — раз у нас пропуска нет?»

«Тогда она поняла и ответила: — я хотела сказать, что пропуск может дать лейтенант, если пожелает.

«Наконец, лейтенант велел жандармам пропустить нас, говоря, что мы только безоружные женщины.

«Когда мы перешли через мост, мы снова услышали грохот пушек. Проходившая мимо женщина сказала нам, что это, должно-быть, в Исси, а когда мы у нее спросили, как нам попасть туда, она велела нам идти дальше и кликнуть с острова лодочника.

«Но, — прибавила она, — вам надо сказать, что вы женщины Коммуны. А то он не перевезет вас в своей лодке.

«Все это происходило еще в самом начале, когда страх не был особенно велик между жителями Парижа, а убийства были не так часты.

«Мы позвали лодочника и сказали ему, что идем ухаживать за нашими ранеными братьями; добряк заставил нас войти к нему, угостил нас и, срубив большую ветку дерева, навязал на нее знамя и дал мне его в руки.

«Когда я переносю мыслью в то время и вызываю в памяти образ этого лодочника, почти старика, который с радостью отдал нам все запасы, бывшие в его хижине, только потому, что мы идем защищать свою идею, — я всегда вспоминаю моего отца в Шербурге. Когда возвращались несчастные ссыльные, он ставил весь дом вверх дном, чтобы доставить им необходимое, и очень часто в числе жертв он находил своих друзей, так как сам был арестован в Шербурге во время государственного переворота 51-го года.

«Когда его выпустили, то в течение девяти лет продолжали читать в казарменных рапортах, что запрещается ходить к часовщику Еври под страхом ареста на месяц в полицейском доме. Ненависть Империи преследовала его так же, как преследовала меня ненависть Версаля.

«Военный суд поставил мне в вину, что я — дочь революционера 51-го года, но никто не прибавил, что этим насилием Империя не смогла добиться даже материальной поддержки, как то бывает в других странах.

«Возвращаюсь к моему рассказу. Я встала на носу лодки, гордо и высоко держа свое знамя.

«Тут мы убедились, что жандармы не намерены дать нам выйти на берег, так как они выпустили по нас пуль пятьдесят, которые, однако, нас не достигли.

«Когда мы переехали на ту сторону, добрый лодочник выразил нам свое удовольствие, что мы так благополучно приняли крещение огня; он всем пожал нам руку, сказав, что, если он нам понадобится, он готов служить нам.

«Так прибыли мы в форт Исси. Там один солдат национальной гвардии узнал меня и сказал, что муж мой также в форте.

«Как я была счастлива рядом с мужем, рассказывая ему, до какой степени благоволила нам судьба! Мне казалось, что все, что с нами должно вперед случиться — случится с обоими вместе, и что даже смерть не разлучит нас.

«В форте я нашла также Луизу, которая ушла с 61-м Монмартрским батальоном; я осталась там недели две в госпитале охотников.

«Около этого времени надо было преобразовать наблюдательный комитет женщин Монмартра, но Луиза, которая начала было это дело во время осады, с гражданками Пуарье, Блэн, Д'Оге, мною и другими, не захотела вернуться из действующих отрядов; тогда я отправилась в Париж, ради наблюдательного комитета, и мы занялись устройством походных госпиталей; приходилось организовать помощь раненым, отправлять сестер милосердия и т. д.

«Я ходила по всем клубам, собирая подписи под петицией, где Коммуна требовала обмена Бланки на архиепископа.

«Из нашего пункта в Элизе Монмартре наблюдательный женский комитет посылал делегации на похороны, оказывал помощь вдовам, матерям, сиротам тех, кто умер за свободу; он работал до самого конца.

«Накануне взятия Монмартра, комитет собрался у меня в доме. Мы особенно старались уничтожить все, что могло скомпрометировать хоть кого-нибудь.

«В меня прицеливались раза три для расстрела, затем отослали в Сатори, куда я явилась одной из первых, и в течение четырех дней спала на дворе, на камнях.

«Меня передали смешанной комиссии; я была вместе с моей матерью, которую арестовали из-за меня; это как бы удваивало мою вичность.

«Нас посадили в помещение вроде чердака, рядом с фуражным магазином; была ночь, дождь лил, как из ведра.

«Тогда явилась Луиза, тоже арестованная, мокрая до костей. Я выжала на ней ее платье, и так как у меня в кармане была пара чулок, я их отдала ей, и мы с трудом разули ее, пока она нам рассказывала, что завтра утром ее должны расстрелять.»

«Мы говорили об этом, как говорили бы о чем-нибудь постороннем, так мы рады были свидеться.»

«Луизу не велели обыскивать при входе, так как собирались расстрелять ее; вероятно, по этой же причине не обыскивали и меня. При мне было не мало бумаг; у нее тоже было несколько, между прочим, приказ выдать один из небольших органов «Нотр-Дам» и перевезти его для уроков пения в школу.»

«Нас было семеро: моя мать, г. и г-жа Милльер, г-жа Дерер, я, Луиза и помощница учительницы ее школы, Мальвина Пулэн. Пришла какая-то женщина от офицеров за моими бумагами, но я ответила, что у меня нет бумаг. И вот, все семеро, мы принялись молча жевать их, что было нелегкой задачей...»

«Когда, в свою очередь, пришел жандармский офицер потребовать бумаги, они были неузнаваемы; я протянула ему два или три листочка, оставшихся в портфеле, но он вернул мне их, сказав очень тихо: «Вы — славная женщина, и если бы все были похожи на вас, не было бы столько жертв».

«Между жандармами встречались люди не такие жестокие, как большинство; может-быть, они вспоминали о том, что их жен и детей кормила Коммуна.»

«Когда я явилась перед смешанной комиссией, этот офицер спас мне жизнь, так как, имея в мыслях все время моего мужа и детей, с которыми я была разлучена, моего старого, больного отца, жизнь которого, может-быть, зависела от спасения моей матери, — я призналась во всем, в чем могла, и даже в том, чего не делала.»

«Он велел увести меня и отделить, сказав: «Несчастливая, вы добьетесь того, что вас расстреляют!»

«Сколько пережито с тех пор! Мы побывали везде. У меня умер отец, мать, мои старшие дети, — я потеряла мужа, смерть которого повлекла за собою крушение всего вокруг меня; тем не менее, в моей памяти живы ужасные драмы в Сатори.»

«Накануне нашего перевода в тюрьму Версаля, в 11 часов вечера расстреляли несчастного гвардейца, потерявшего рассудок и вообразившего, что он убежит, если перейдет через лужу.»

«Его последнее восклицание было: «Мои дети! Жена моя!»

«Не страшнее ли всех горестей, горсть разлуки с теми, кого мы любим?»

«Как часто те, у кого были братья, отцы или мужья, в своем безумном бреде слышали их голоса!»

«Семь женщин сошли с ума в одну ночь; другие раньше времени дали жизнь детям, убитым страданиями матерей. Более сильные пережили все.»

«*Беатриса Еври, вдова Экскоффон*».

Окончим письмом заключенного в Бресте.

II. ПИСЬМО ЗАКЛЮЧЕННОГО В БРЕСТЕ.

«После взятия Шатильона, нас поставили в круг на площади и вывели вперед солдат, находившихся между нами. Их заставляют встать на колени в грязь, и, по команде генерала Пелле, перед нашими глазами беспощадно расстреливают этих несчастных молодых людей, при смехе офицеров, которые отпускают по адресу побежденных всевозможные жестокие и плоские шутки.»

«Наконец, после доброго часа, проведенного таким, образом, нас выстраивают, и мы идем по дороге в Версаль между двух рядов конных.»

«Дорогой нам встречается виновник капитуляции — Винуа, сопровождаемый своим главным штабом. По его приказанию, и несмотря на форменное ручательство генерала Пелле, что наша жизнь вне опасности, собираются расстрелять наших офицеров, которых поставили во главе отряда, грубо сорвав с них знаки их чина; но один из полковников ставит на вид Винуа обещание, данное генералом.»

«Соучастник 2-го декабря пощадил наших офицеров, но приказал немедленно расстрелять генерала Дюваля, полковника его главного штаба и командующего волонтерами Монружа. Эти три храбреца умерли с криком: «Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!» Один конвойный стащил сапоги с нашего несчастного генерала и понес их, как победный трофей. После этого кровожадный Винуа удалился, и мы продолжали наше злополучное и унижительное шествие то шагом, то бегом, глядя по желанию наших конвойных, буквально обливавших нас потоками ругательств вплоть до самого прибытия в Версаль.»

«Здесь перо падает из рук. Действительно невозможно описать прием, сделанный нам в этом городе «деревенщины». Это превосходило по своей низости все, что можно себе вообразить. Нас толкали, ударили кулаков и палок валили на землю, оглушали диким ревом и заставили два раза обойти город, искусно выбирая место для остановок, чтобы лучше подвергнуть нас ярости населения, состоящего из шпионов и полицейских, стоявших по обе стороны улиц, по которым мы проходили. Прежде всего, нас свели в депо кавалерии, где мы простояли, по крайней мере, двадцать минут. Толпа срывала с нас плащи, кепи, манерки. В конце концов ничто не могло спастись от ярости этих иступленных, опьяненных ненавистью и мщением. Нас называли ворами, разбойниками, убийцами, негодьями и т. д. Оттуда мы пошли в казарму Парижской гвардии.

«Нас ввели во двор, где были солдаты, встретившие нас градом насмешек. По приказанию начальствующих они зарядили свои ружья, говоря со смехом, что перестреляют нас всех, как собак. В сопровождении этой солдатской сволочи, мы отправились по дороге в Сатори, где нас в числе 1685 заперли в складе, изнуренных усталостью и голодом, лишив нас даже возможности лечь, благодаря ужасной тесноте; так, стоя, провели мы два дня и две ночи, поочередно ложась на клочок сырой соломы, не имея другой пищи, кроме небольшого количества хлеба, иного питья, кроме вонючей воды, которую наши сторожа черпали из лужи, служившей им в тоже время отхожим местом. Это ужасно, но это так!

«Отобрав у нас все, нас отправили по западной железной дороге.

«Нас поставили по сорока в скотские вагоны герметически закупоренные и лишены света, дав нам на пропитание немного сухарей и несколько кружек воды. Так ехали мы до 4 час. утра субботы, когда мы прибыли в Брест в числе шестисот; остальные пленные были направлены в другие тюрьмы. Напрасно дорогой просили мы нашу стражу дать нам немного воды и чистого воздуха — они оставались глухи к нашим мольбам, угрожая нам револьверами при малейшей попытке к возмущению. Несколько человек потеряли рассудок. Подумайте только! Тридцать один час по железной дороге, взаперти, в таких условиях!

«Нет ничего удивительного в этих случаях сумасшествия; скорее можно удивляться тому, что несчастье постигло не более значительное количество людей.

«Как только мы сошли с поезда, нас отправили тотчас же в Форт Келерн, где мы погребены до сих пор, лишены всяких сношений с внешним миром, почти не имеем известий о наших семьях, так как письма передаются нам распечатанными, равно как и наши отправляются лишь после цензуры. Заключенные в сырых казематах, мы спим на жалких подстилках, кроме того, мы стеснены в пище, и большинство из нас терпит голод. Нам не отпускают двух полных чашек супа и дают едва ли полтора фунта хлеба в день. Для питья дают только воду.

«Гражданин Элизе Реклю, хорошо известный в мире науки, значительно помогает нам переносить нашу печальную судьбу ежедневными беседами, одинаково интересными и поучительными, и всегда проникнутыми в высокой степени идеей справедливости и права. Он поддерживает наши республиканские верования, и многие из нас будут ему обязаны тем, что выйдут из тюрьмы лучшими, нежели вошли в нее.

«Пусть он найдет здесь выражение признательности к его благородным усилиям и глубокого уважения, которое мы все к нему питаем.

«Свобода».

Брюссель, апрель 71 г.

К коммунарам.

III. ОПУБЛИКОВАНО ЛОНДОНСКИМИ
ИЗГНАННИКАМИ В 1874 г.

«После трех лет репрессий и убийств, реакция видит, что террор перестает служить орудием господства в ее ослабевших руках. После трех лет абсолютной власти победители Коммуны видят, что нация, возвращаясь мало-по-малу к жизни и сознанию, ускользает из их тисков.

«Соединенные для борьбы с революцией, но раз'единенные между собою, они ослабляют своими насилиями и истощают своими несогласиями боевую силу, которая служит единственной поддержкой их привилегий.

«В обществе, в котором день за днем уничтожаются условия, предоставившие господство буржуазии, этот класс напрасно старается

продлить свою власть; лелея невозможную мечту — остановить бег времени — он хочет, чтобы нация, увлекаемая революцией, не шла далее настоящего или даже сделала шаг к прошлому.

«Депутаты этой буржуазии, — этот генеральный штаб реакции, основавшийся в Версале, — кажется, не имеют другой миссии, как доказать ее упадок своею политической неспособностью, ускорить ее падение своим бессилием. Одни призывают короля, императора, другие маскируют именем республики усовершенствованную форму рабства, которую они хотят навязать народу.

«Но, каков бы ни был исход версальских попыток, кто бы ни взял верх — монархия или буржуазная республика, результат получится один и тот же: падение Версаля, восстановление Коммуны.

«Мы подошли к одному из тех великих исторических моментов, к одному из тех великих кризисов, когда народ, погибавший, казалось, в своих несчастиях и уже близкий к смерти, с новой силой вступает на путь революции.

«Победа будет дана не одним днем сражения, но борьба начнется скоро, и победителям придется считаться с побежденными:

«Это положение создает для изгнанников новые обязанности. Перед усиливающимся разложением сил реакции, имея в виду возможность более непосредственного действия, уже нельзя довольствоваться заботой о неприкосновенности изгнанников, недостаточно защищать их от полицейских происков — пора соединить наши силы с силами французских коммунаров, чтобы освободить тех из нас, которые попали в руки врага, и приготовиться к возмездию.

«И мы думаем, что пробил час, когда все, что есть живого в среде изгнанников, должно сплотиться и откликнуться.

«Это сделала уже группа революционной Коммуны.

«Наступило время узнать друг друга для тех, кто, принадлежа к атеистам, коммунистам, и революционерам, одинаково понимает пути и цели революции и готов вступить в борьбу, в ту окончательную борьбу, которая должна восстановить революцию, восстановить Коммуну.

«Мы — Атеисты, потому что человек не будет свободен до тех пор, пока не изгонит бога из своей совести и разума.

«Порожденное призраком неведомого, созданное темнотою, использованное ложью и поддерживаемое глупостью — это чудовищное пред-

ставление о существе, о принципе, лежащем вне мира и человека — это представление легло основанием для всех зол, угнетающих человечество, и является главным препятствием на пути к его освобождению. Пока мистическое понятие о божестве будет омрачать мир, человек не в силах будет ни постигнуть его, ни властвовать над ним; вместо знаний и счастья он найдет в нем только рабство, — следствие нищеты и невежества.

«Из этой идеи о существе, находящемся вне мира и управляющем им, произошли все формы рабства морального и социального: религии, деспотизм, собственность, классы, все то, что угнетает человечество и пьет его кровь. Изгнать бога из области сознания, изгнать его из общества, — вот закон для человека, жаждущего знаний, желающего достигнуть цели революции.

«Надо отречься от этого заблуждения, от которого произошли все другие заблуждения, потому что благодаря ему, в течение веков, человек скован, согбен, обездолен, истязаем.

«Пусть Коммуна навсегда избавит человечество от этого призрака его прошлых мучений, от этой причины его мучений настоящих.

«В Коммуне нет места священнику: всякое обнаружение религии, всякая ее организация должны быть изгнаны.

«Мы — Коммунисты, потому что мы хотим, чтобы земля и естественные богатства не были присваиваемы некоторыми, а принадлежали бы Коммуне. Мы хотим, чтобы рабочие, освобожденные от всяких притеснений, ставши, наконец, хозяевами всех орудий производства: земли, фабрик и т. д. — сделали из мира обитель радости, а не горя.

«Теперь, как и раньше, большинство людей осуждено трудиться для поддержания благополучия ничтожного меньшинства надсмотрщиков и господ. Владычество буржуазии, являющееся последним выражением всех видов рабства, сорвало с эксплуатации труда те мистические покровы, которые затемняли ее смысл; правительства, религии, семья, законы и учреждения прошлого и настоящего времени явились, наконец, в этом обществе, где все сведено на простые отношения между капиталистами и наемниками, грубыми орудиями притеснения, посредством которых буржуазия поддерживает свое господство и сковывает пролетариат.

«Завладевая, для увеличения своего богатства, всей прибылью от производства, капиталист оставляет рабочему как раз столько, чтобы тот не умер с голоду.

«Казалось бы, что рабочий, насильно удерживаемый в этом аду капитализма и собственности, не в силах разорвать свои цепи.

«Но пролетариат, наконец, понял самого себя: он знает, что носит в себе зачатки нового строя, что его освобождение будет наградой за его победу над буржуазией, и что лишь только уничтожится этот класс, классов больше не будет, цель революции будет достигнута.

«Мы — коммунисты, потому что хотим достигнуть этой цели, не останавливаясь на полумерах, и компромиссах, которые, отдаляя час победы, служат лишь продолжением рабства.

«Уничтожая частную собственность, коммунизм разрушает одно за другим все учреждения, держащиеся на ней; изгнанный из своего имени, где он засел, как в крепости со своей семьей, богач не найдет больше убежища для своего эгоизма и своих привилегий.

«С уничтожением классов исчезнут все учреждения, стеснявшие индивидуума или целые группы, так как единственным назначением их было поддерживать классы, поработить рабочего хозяину.

«Образование, сделавшееся доступным для всех, принесет с собою то интеллектуальное равенство, без которого равенство материальное не имеет цены.

«Не будет больше наемников, жертв нищеты, разрозненности, конкуренции; настанет время свободных рабочих, распределяющих труд между собою, чтобы достичь наибольшего развития коммунизма, наибольшей суммы благосостояния для каждого. Ибо каждый гражданин найдет наибольшую свободу, наибольшую возможность проявления своей личности при наибольшем развитии коммунизма.

«Этот строй будет достигнут ценою борьбы, но мы хотим этой борьбы, чуждой компромиссов — борьбы непрерывной, до полного уничтожения буржуазии, до окончательного триумфа.

«Мы — коммунисты, потому что коммунизм есть самое коренное отрицание общества, которое мы хотим ниспровергнуть, самый яркий прообраз того общества, которое мы хотим основать.

«Это потому что, будучи доктриной общественного равенства, Коммуна в то же время и прежде всего, является доктриной, отрицающей владычество буржуазии, подтверждением революции. Это потому что, в борьбе своей против буржуазии, пролетариат находит в коммунизме выражение своих интересов, руководящий принцип своих действий.

«Мы — Революционеры, иначе коммунисты, потому что, желая победы, мы принимаем и средства для ее достижения, потому что, понимая условия борьбы и идя на них, мы хотим наилучшим образом подготовить сражение, мы хотим соединить наши усилия, централизовать их, а не рассеять.

«Мы — революционеры, так как, чтобы достигнуть цели революции, мы хотим силою ниспровергнуть общество, которое держится только силою. Мы знаем, что слабость, равно как и законность, убивает революции, что только энергия спасает их. Мы сознаем, что надо завоевать ту политическую власть, которую ревниво оберегает буржуазия, потому что на ней держатся все ее привилегии. В тот революционный период, когда все учреждения современного общества падут, должна утвердиться диктатура пролетариата и держаться до тех пор, пока на освобожденной земле не будут только равноправные граждане нового общества.

«Революция — это стремление к новому строю справедливости и равенства; она несет сама в себе свой закон, и все, что противится ее торжеству, должно быть раздавлено.

«Мы революционеры, хотим Коммуны, потому что мы видим в будущей Коммуне, как и в Коммунах 1793 и 1871 года, не эгоистическую попытку одного города, но торжествующую революцию всей страны: коммунистическую республику. Ибо Коммуна — это революционный пролетариат, вооруженный диктатурой, чтобы уничтожить привилегии, раздавить буржуазию.

«Коммуна — это боевая форма социальной революции. Это революция, вставшая на ноги и победившая своих врагов.

«Коммуна — это революционный период, откуда народится новое общество.

«Мы, долг которых хранить память о погибших и отомстить за них, мы не должны забывать и того, что Коммуна — это возмездие.

«В великой битве, начавшейся между буржуазией и пролетариатом, между современным обществом и революцией, враждебные лагеря так ясно определены, что ошибиться может только глупость или измена.

«С одной стороны все буржуазные партии: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, республиканцы консервативные или радикальные, с другой — партия Коммуны, партия революции, старый строй против нового строя.

«Жизнь уже успела отойти от многих из этих форм прошлого, и разные монархические партии выродились, наконец, в гнусный бонапартизм.

«Что касается до партий, которые, прикрываясь именем республики консервативной или радикальной, хотели бы установить непрерывную эксплуатацию народа буржуазией, но непосредственно, без помощи короля, — то, будь они консерваторы или радикалы — они отличаются не по существу, а лишь по кличкам; они представляют собою не различные направления идеи, а скорее ступени, по которым пройдет буржуазия, пока не найдет в победе народной свою окончательную гибель.

«Притворяясь, что верят в комедию всеобщего избирательного права, они хотели бы навязать народу этот способ периодического надувательства революции; они хотели бы, чтобы партия революции легализовалась, войдя в буржуазный строй и, таким образом, прекратила бы свое существование, чтобы революционное меньшинство покорилося умеренным решениям фальсифицированного большинства, находящегося под влиянием невежества и под гнетом привилегий.

«Радикалы будут последними защитниками умирающего буржуазного строя; вокруг них соединяются все представители прошлого, чтобы в последний раз сразиться с революцией. Гибель радикалов будет гибелью буржуазии.

«Только что пережив разгром Коммуны, напомним тем, кто забыл об этом, что левая партия версальцев, наравне с правой, устроила резню в Париже, и что армия погромщиков принимала поздравления от обеих. Правые и левые версальцы должны быть равны перед ненавистью народа; ибо всегда для борьбы с ним радикалы и иезуиты составляли одно.

«Итак, здесь не должно быть места ошибке, и всякий компромисс, всякий союз с радикалами должен считаться изменой. Ближе к нам, блуждая между обоими лагерями, или даже затерявшись в наших рядах, стоят люди, дружба которых, более опасная, нежели вражда, может отодвинуть бесконечно далеко победу народа, если он послушает их советов, если он разделит их иллюзии.

«Ограничивая, более или менее, средства борьбы и вводя их в рамки борьбы экономической, они проповедают воздержание от вооруженной, политической борьбы.

«Провозглашая теоретически дезорганизацию сил народа, они как будто бы готовы подготовить поражение и подвергнуть безоружный народ ударам его врагов, когда при встрече с вооруженной буржуазией надо будет напрячь все силы для решительного сражения.

«Не понимая, что революция есть сознательно избранный путь человечества к цели, поставленной ему историческим развитием и природой, они заменяют образами своей фантазии реальность вещей и хотят придать стремительному движению революции медленный темп эволюции, которую они провозглашают. Они любят полумеры, они придумывают компромиссы, они губят результаты народных побед, которым они не могли помешать; они щадят побежденных, ссылаясь на жалость; ссылаясь на справедливость, они защищают учреждения и интересы общества, против которого поднялся народ.

«Они клеветают на революцию, если уже не в силах победить ее.

«Имя их — коммуналисты.

«Вместо того, чтобы в революции 18-го марта видеть революционную попытку Парижа покорить всю страну Коммунистической Республике, они видят в ней лишь восстание во имя муниципальных свобод. Они отрицают деяния этой революции, которой они не поняли, — вероятно для того, чтобы пощадить нервы буржуазии, интересы и жизнь которой они так хорошо защищают. Забывая о том, что общество погибает только тогда, когда уничтожаются не только его учреждения и защитники, а также его памятники, его символы, они хотят снять с Коммуны ответственность за заложников и пожары. Они не знают, или притворяются, будто не знают того, что волею народа и Коммуны были поражены заложники — священники и жандармы, — и вспыхнули пожары.

«Что касается до нас, мы несем на себе нашу долю ответственности в этих актах правосудия, которые поразили врагов народа, начиная с Клемана Тома и Леконта, до Аркельских доминиканцев, с Бонжана до жандармов улицы Аксо, с Дарбуа до Шоде.

«Мы принимаем свою долю ответственности за те пожары, которые уничтожали орудия монархических и буржуазных притеснений или служили защитой сражавшимся. Можем ли мы притворяться, что жалеем вековых притеснителей народа, сообщников тех людей, которые вот уже три года, как празднуют свою победу расстрелами, ссылкой, угнетением тех из наших товарищей, которые ускользнули от медленной смерти?

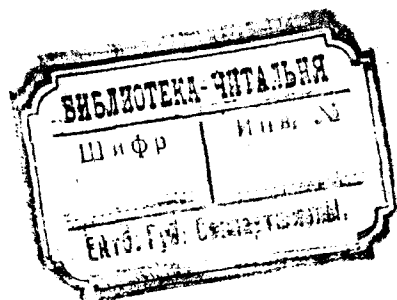
«Перед нашими глазами еще живы эти бесконечные убийства мужчин, женщин и детей; эта резня, от которой кровь народа лилась потоками в казармах, на улицах, в скверах, в больницах, в домах. Вот раненные, зарытые вместе с мертвыми; вот Версаль, Сатори, понтоны, ссылка, Новая Каледония. Вот Париж, вот Франция, согбенная под террором, изнывающая под непрерывным гнетом, под убийствами без конца.

«Французские коммунары, изгнанники, соединим наши силы против общего врага; пусть каждый, кто может, исполняет свой долг!

«Группа: Революционная Коммуна —

Аберлан, Бертон, Брейлье, Карне, Жан Клеман, Ф. Курне, Ш. Дакоста, Делль, А. Дерулья, Е. Эд, Г. Госсерон, Э. Гуа, А. Гулье, Э. Гранже, А. Гюгено, Э. Жуанэн, Ледрю, Леонс, Люльье, П. Малле, Маргерит, Констан-Мартен, А. Моро, Г. Мортье, А. Ольдрини, Пишон, А. Пуарье, Ристо, Б. Закс, Солиньяк, Эд. Вальян, Варле, Виар».

Лондон, июнь, 1871.

Луиза Мишель

КОММУНА

Перевод с французского
Примечания О. М. Бескина
М.: Октябрь. 1923.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
к 140-летию Парижской коммуны
воспоминания других участников и современников Коммуны,
документы, исследования, фильмы и радиопередачи
скачать здесь:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

скан/pdf, дореформенная орфография
текст разделен на 7 файлов
части 1, 2, 3, 4, 5, приложение и комментарии

От издательства
Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АГОНИЯ ИМПЕРИИ

- I. Пробуждение
- II. Литература конца империи. Манифестации в пользу мира
- III. Интернационал. — Основание и процессы. — Протесты интернационалистов против войны
- IV. Похороны Виктора Нуара. Рассказ Рошфора
- V. Процесс в Блуа
- VI. Война. Официальные телеграммы
- VII. Схватка на бульваре Виллет. Седан

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕСПУБЛИКА 4-ГО СЕНТЯБРЯ

- I. 4-го сентября
- II. Национальная оборона
- III. 31-го октября
- IV. От 31-го октября до 22-го января
- V. 22-го января
- VI. Несколько республиканцев в армии и во флоте. Планы
- VII. Росселя и Люлье

- VII. Национальное собрание в Бордо. Вступление пруссаков в Париж
- VIII. Всемирное движение за свободу
- IX. Женщины 70 года

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОММУНА

- I. 18-е марта
- II. Ложь версальцев. Манифест Центрального Комитета
- III. Дело 22-го марта
- IV. Прокламация Коммуны
- V. Первые дни Коммуны. — Меры. — Жизнь в Париже
- VI. Атака Версаля. Неизданный рассказ Гектора Франса и Чиприани о смерти Флуранса
- VII. Воспоминания
- VIII. Волна растет
- IX. Провинциальные коммуны
- X. Армия Коммуны. — Женщины 71-го года
- XI. Последние дни свободы
- XII. Франк-масоны
- XIII. Дело об обмене Бланки на архиепископа парижского и других заложников
- XIV. Конец

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕКАТОМБА

- I. Борьба в Париже. — Резня
- II. Холодная подачка
- III. Бастионы Сатори и Версаля
- IV. Версальские тюрьмы. — Расстрелы в Сатори. — Судебные процессы

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ

- I. Тюрьмы и понтоны. Путь на Новую Каледонию. — Бегство Рошфора. Жизнь на Каледонии
- II. Возвращение
Приложение.
I. Рассказ Беатрисы Экскоффон
II. Письмо заключенного в Бресте
III. К коммунарам
Примечания
Алфавитный указатель примечаний

ПРИМЕЧАНИЯ.

От составителя примечаний.

Примечания эти отнюдь не претендуют на комментирование, изложенного в книге Луизы Мишель. Цель их гораздо уже и скромнее: путем сообщения кратких сведений в отношении лиц упоминаемых в книге, событий, годов, а также путем разъяснения некоторых понятий и иностранных слов—дать возможность мало подготовленному читателю, массовому читателю наших дней, более или менее восстановить фон, на котором развивалось действие Парижской Коммуны.

Если, хотя бы в малой степени, эти примечания помогут массовому читателю—цель их будет достигнута.

Считаю необходимым оговорить: примечания не являются исчерпывающими, причем одна из причин этого заключается в том, что составляя их в провинции, в Твери, не имел под рукой всех необходимых пособий.

О. М. Бескин.

Луиза Мишель (1836—1905) — дочь бедной крестьянки. Двадцати лет сдала экзамен на звание учительницы и учительствовала в Париже, в рабочем квартале — Монмартр, где за горячую, революционную натуру ее звали «Красной девой» Монмартра. Впервые проявила себя энергичной агитацией против империи Наполеона III. Во время Коммуны организовала центральный комитет женщин и принимала участие в вооруженной борьбе до самого конца. Была осуждена и отправлена в ссылку в Новую Каледонию. В 1880 г., по амнистии, вернулась в Париж, где снова взялась за энергичную агитацию и пропаганду. Неоднократно подвергалась аресту и, наконец, по делу одной демонстрации была приговорена к 6-летнему тюремному заключению. В 1886 г. была амнистирована. После Луизы Мишель осталось довольно крупное литературное наследство: «Воспоминания», роман «Ничета», стихи и проч. Л. Мишель примыкала к анархистам.

К ГЛАВЕ I И ПРЕДИСЛОВИЮ.

1) **Бонапарт, Людовик, он же Наполеон III**, французский император — авантюрист. Сын голландского короля (брата Наполеона I). После смерти сына Наполеона (герцога Рейхштадтского) был объявлен главой наполеоновской династии (линии, ветви). Был сослан в Америку во время ньюльской монархии во Францию (1830 г.), так как стоял во главе заговора по ее свержению. В 1840 г. он, сговорившись с некоторыми

влиятельными военными деятелями, высадился во Франции (Булонь), но был арестован и заключен в крепость Гам, откуда бежал в 1846 г. в Англию. После февральской революции 1848 г. он был избран в члены Национального собрания, а затем в президенты Республики. Заместил высшие должности своими ставленниками, заручился сочувствием духовенства, привлек народные массы обещанием мира под охраной сильного правительства. 2-го декабря 1851 г. он произвел государственный переворот, сопровождавшийся резней. Через год он уже император французов и Франция превращается в абсолютную монархию.

2) **Седан** — в 1870—71 г.г., это была одна из наиболее важных французских крепостей на границе Бельгии; в настоящее время эта крепость не имеет значения. Под Седаном во время франко-прусской войны, произошел небывалый в истории разгром французской армии: 2-го сентября 1870 г. сдались 139 генералов, 2,830 офицеров и около 83 тысяч рядовых. Находившийся в Седане Наполеон III написал прусскому королю Вильгельму письмо, в котором признавал себя военнопленным. Этот погром был концом второй империи. 4-го сентября была провозглашена Республика, правда, по существу, стоявшая империи.

3) **Рошфор, граф Виктор Генрих** — публицист и политический деятель. Пользовался огромной популярностью. В 1869 г. был избран депутатом в законодательный корпус, но за нападки на правительство был заключен в тюрьму и освобожден народом во время сентябрьской революции 1870 года. За участие в Коммуне снова

был арестован и сослан в Новую Каледонию, откуда бежал и поселился в Женеве (Швейцария). В 1895 г. был амнистирован, а уже в 1897 г. выступил... противником пересмотра юдофобского, махрово-монархического дела Дрейфуса и горячим сторонником военной реакционной клики. Забыв прошлое, он выступил как ярый националист, враг социалистов и республиканцев.

4) Баденгэ (Бадинг) — имя каменщика, в одежде которого Наполеон III бежал в 1846 г. из Гама (см. прим. 1). Впоследствии ему очень часто в насмешку давалось это имя.

5) Версаль — дворец последних французских королей. С именем Версаля связаны величайшие события во всех французских революциях. В Версале Людовик XVI и придворная шайка замыслили заговоры против народа и пытались, из боязни «черни», предать Францию в руки иностранных держав, чтобы хоть на время удержать власть в своих руках, грабить народ, сохранить свои привилегии и богатства. Во время Парижской Коммуны кровавый Тьер и все правительство, имея своим местопребыванием Версаль и для облегчения подавления «преступного возмущения» продали Париж Пруссии на самых грабительских условиях. Между прочим, в Версале Прусский король Вильгельм I в 1871 г. короновался императором Германии.

6) Гармодий — убийца греческого правителя Гиппарха. Гармодий был на месте зарублен телохранителями. Древние афиняне чтят его, как первого мученика за свободу.

7) Монмартр и Бельвилль — рабочие предместья Парижа.

8) Гаусман — (упоминается в песенке приводимой Л. М.) — префект (начальник полиции) Парижа.

9) Циклон — ураган.

ГЛАВА II*).

ДЕЯТЕЛИ.

10) Бакунин, Мих. Ал-дрович (1814 — 1876) — учитель русских революционеров-бунтарей 70-х г., вождь анархистов. Происходил из старой дворянской семьи. Воспитывался в артиллерийском юнкерском уч-ще. Жизнь провинциального офицера не могла, конечно, удовлетворить этого прирожденного бунтаря; он 21 г. вышел в отставку (против воли отца) и уехал в Москву, где сошелся с кружком писателей Станкевича и Белинского. Бакунин того времени — неопределившийся, шатающийся интеллигент, безадаберный, неуслычивый, но уже проявляющий громадный, буйный пропагандистский талант, захватывающий слушателей. В этот период своей жизни Бакунин совершенно равнодушен к политике, интересуется чистыми философскими вопросами и, в частности, философией Гегеля. В 1840 г. его выписывает за границу его друг Герцен (см. примечание) и здесь, со всей страстью своей натуры окунувшись в бурлящий поток западно-европейской общественности — он обретает себя. Преследуемый германским правительством, он уезжает в Швейцарию. В России он заочно приговаривается к каторге и, таким образом, становится политическим эмигрантом. В 1847 г. в Париже за речь, произнесенную на банкете в память польского восстания — он высылается из Франции. В 1848 г. Бакунин мечтает об организации всеславянской республики (во главе республики он мыслит себя с диктаторскими полномочиями). Далее он принимает личное участие в одной из последних революционных вспышек в Германии 1849 г. (в Дрездене). Его гноят в тюрьмах (Саксония, Австрия), дважды приговаривают к смертной казни и дважды «милуют». В 1851 г. его выдают России, где Бакунина сажают сначала в Петропавловскую крепость, а затем в Шлиссельбургскую. В русских тюрь-

*) Для удобства, примечания к каждой главе в дальнейшем даются в алфавитном порядке с разделением их на отдели: 1) Деятели; 2) Разные и 3) иностранные слова. — О. В.

мах Бакунина падает духом и пишет «пеловедь» Николаю I, в которой раскаивается в своей революционной деятельности. Александру II подает унижительное прошение о помиловании. Это время — темное пятно в жизни Бакунина. Крепость заменяется ссылкой в Сибирь, откуда он бежит, как голыш кончается период упадка общественности, реакции. Его захватывает новый подъем революционного движения. В 1861 г. он в Лондоне. Начинаются крайне путанные годы его деятельности: в порывах к освобождению всех славян у него сливаются анархизм с национализмом, социализм с монархизмом и т. д. В 1863 г. Бакунин активно помогает польскому восстанию. Разочаровавшись в славянском деле, Бакунин со середины 60 годов прошлого столетия, целиком посвящает себя европейскому рабочему движению. К этому времени он окончательно формируется в анархиста. Начинается знаменитая борьба его с Марксом, в которой, чтобы сказать, Бакунин прибегает к самым некрасивым приемам, до антисемитской (антиеврейской) травли включительно. Вступивши в Интернационал, Бакунин внутри такового создает вокруг себя анархистское ядро, так сказать, интернационал в интернационале; все это протельвается скрытно, конспиративно. Основа теоретического расхождения заключается в том, что Маркс, расценивая государство как орган классового господства, доказывает, что с исчезновением классов исчезнет и государство, но он не безразличен к форме государства (республика представляет пролетариату больше возможностей для борьбы) и кроме того утверждает пролетарское государство, «диктатуру пролетариата», как переходную к социализму ступень. Бакунин же объявляя государство абсолютным злом, боролся против участия рабочих в парламентских выборах, категорически отрицая диктатуру пролетариата. Кроме того, Бакунин утверждал, что квалифицированные рабочие, передовики, оравлены буржуазным духом и что опираться нужно на деклассированные, неорганизованные слои рабочего класса (лumpен-пролетариат, босяцкий пролетариат). Все дальше и дальше ведя раскольничью линию вну-

три Интернационала, прибегая к некрасивым приемам, в которых не малую роль играет честолюбие — Бакунин становится злым гением Интернационала. Но в этой борьбе побеждает остро отточенный, гениальный ум и блестящая тактика Маркса и в 1872 г. Бакунина и его группа исключаются из Интернационала. Все же непоправимое зло было сделано — I Интернационал пошел под уклон. Умер Бакунин в Верне (Швейцария) в 1876 г. Несмотря на всю путанность своих теорий, несмотря на некрасивые моменты своей деятельности — все же Бакунин был великим революционером, другом трудящихся.

11) Бебель, Август (1840 — 1912) — основатель и вождь марксистской германской социал-демократии. Родился в Казарме, был сыном фельдфебеля прусской службы, что способствовало тому, что он с малых лет проникся отвращением к прусскому милитаризму — военщине. По профессии своей был токарем и занимался этим ремеслом уже будучи признанным вождем германских рабочих. Началом его революционной деятельности надо считать сближение с буржуазно-свободомыслящими интеллигентскими кружками (в начале 60-х годов), которые вели борьбу с прусским монархизмом, с «бисмарковщиной» (см. примеч.). Переломом для Бебеля является знакомство с Вильгельмом Либкнехтом, через которого он сближается с Марксом (см. примеч.) и Энгельсом, поддерживая с ними оживленную переписку. Природное классовое чутье и восприимчивое Бебелем марксистское учение — выдвигает его уже как деятеля чисто рабочего движения. В 1863 г. Бебель организует съезд германских рабочих обществ самообразования, который был первым этапом строительства марксистской социал-демократической партии Германии. Формально, годом появления германской объединенной с.-д. партии надо считать 1875 г. Во время франко-прусской войны только Бебель и В. Либкнехт голосовали против военных кредитов и присоединения Эльзаса и Лотарингии, за что они и были приговорены к 2-м годам крепости, как з «государственную измену». Последние годы своей жизни Бебель был бессменным председателем Ц. К. своей партии.

Бebelь, в общем и целом, был признанным международным вождем рабочего класса. Являясь одним из замечательнейших ораторов мира, Бeбeль был грозой германского правительства; каждая его речь, каждое выступление было событием.

Бeбeль оставил ряд сочинений, являющихся по сие время основными для марксиста. Из них особенно известны «Женщина и социализм» и воспоминания «Из моей жизни». Характернейшей чертой Бебеля являлась поразительная скромность, затуманивание своей персоны и быстрое осознание своих ошибок.

12) Беккер, Иоанн Филипп (1809—1886) — германский социал-демократ; по ремеслу цветочник. В 30-х и 40-х годах принимал деятельное участие в революционном движении Швейцарии. Активно участвовал в революции 1849 года на юге Германии. Примкнул к Интернационалу сейчас же по его возникновению. Он основал в Швейцарии (гор. Женевы) «Немецкий центральный комитет», который деятельно помогал организации секций Интернационала в Швейцарии, Германии и Австрии.

Интересна присяга, которую давали добровольцы, вступающие в «немецкий легион», организованный Беккером в бурный революционный 1848 год: «Клянемся в верности временному правительству единой, неделимой германской социал-демократической республики. Смерть и уничтожение тиранам и их пособникам! Мы будем бороться до тех пор, пока, или они будут уничтожены, или мы будем стерты с лица земли!»

Беккер, Герман-Генрих (1820—1885) — немецкий революционер коммунистического толка, журналист и народный оратор. Принимал деятельное участие в революционном движении 1848—49 г.г. Был в близких отношениях и одно время примыкал к учению коммуниста Вейтлинга (1808—1871), портного по профессии, который уже в те годы выдвигал в своих трудах такие вопросы, как отобрание государственных и церковных имуществ, полная отмена имущественных обязательств и проч.

Прозвище Германа Беккера было «Красный Беккер».

13) Бисмарк — его историческая кличка «Железный канцлер», ибо это был символ воинственного монархизма. Бисмарк — крупнейшая фигура на политическом горизонте XIX века, представитель прусской феодально-помещичьей партии. Во всей своей деятельности он не разбирался в средствах и направил весь свой позитивный талант к восстановлению единства Германии (она была тогда раздроблена на ряд мелких государств) под абсолютной монархической властью, к восстановлению, как он сам выражался, «железом и кровью». Главной своей задачей, он считал выключение Австрии из всегерманского союза, как опасной соперницы Пруссии (остальные германские государства для Пруссии не были опасны). Рядом ловких политических комбинаций он добивается этого выключения. Австрия повергается Пруссией во прах в битве при Садовой (1866). До этого Бисмарк провел войну с Данией, которую Пруссия в пошлом смысле слова раздавила, отрезав от нее Шлезвиг и Гольштейн.

— Франция Наполеона III, обеспокоенная таким усилением Пруссии требует своего куска в общей расправе со слабейшими государствами (этот «кусочек» был ей в свое время обещан Бисмарком за невмешательство в Австро-Прусскую войну), Бисмарк отказывается. Положение обостряется. В 1870 году вспыхивает Франко-Прусская война (Франция «обеспокоена» усилением Пруссии), во время которой Бисмарк, ловко играя на национальных чувствах, складывает германские государства в единое целое и Вильгельм Прусский коронуется в Версале императором единой Германии.

Бисмарк, шедший к своей цели, играя немцам парламентом, заявляя, что монархия подчиняется только богу, цинично используя все средства для достижения своих целей — является ярким выразителем всей мерзости феодально-помещичьего мракобесия вообще и прусской воинствующей монархии в частности.

14) Вильгельм I, Фридрих Людвиг — император германский и король прусский, дед последнего германского императора, Вильгельма II. Его царствование известно осо-

бой реакционностью и кровавостью. Еще до вступления на престол, в 1840 г., подавил революцию в Бадене. По вступлении на престол, при поддержке князя Бисмарка («Железный канцлер»), начал «твердую» немецкую политику. В год, предшествующий Парижской Коммуне, принял на себя командование немецкой армией и в Версале (см. примеч.), провозгласил себя германским императором.

15) Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — известный русский писатель-публицист (литературное имя — «Искандер»). Начал свою революционно-социалистическую деятельность под влиянием ранних французских социалистов. С 1834 г. по 1840 г. отбывает ссылку в Пермь и Вятку. По возвращении в Москву, сошедший с кружками Станкевича и Белинского, становится одним из вождей «западников» (движение противостоявшее себя «славянофильству», утверждавшему особые, на славянстве основанные, пути развития России; движение это впоследствии вылилось в национал-черносотенство). Все же особо надо отметить, что, будучи врагом славянофильства, Герцен утверждал, что социалистический строй России вырастет из русской крестьянской общины. Эта ошибка Герцена в значительной степени объясняется его разочарованием в укладе западно-европейской жизни, которую он имел возможность изучить в своих скитаниях. Революция 48 года, деятелем которой он являлся, сделала его ярким противником буржуазного конституционализма. С 1857 г. Герцен в Лондоне издает журнал «Колокол», где требует освобождения с землей, отмены цензуры и телесного наказания, гласности суда и прочих реформ. «Колокол» звонил с ожесточением и сыграл выдающуюся роль в общественном движении. Необходимо отметить, что по стилю, по силе пера Герцен почти не находил себе равных. Его произведения читаются с захватывающим интересом и вниманием и в настоящее время. Основой теоретических работ Герцена служила философия Фейербаха. Стройное, блестящее изложение учения Фейербаха было откры-

тием для России того времени. Герцен одновременно являлся высоко-талантливым беллетристом («Былое и думы», «С берега»).

Советская Россия глубоко чтит и застрельщика русского революционного движения: — в 1922 г. во дворе Московского Университета поставлен его памятник.

Все же нельзя не отметить, что Герцен вышедший из «родовитой» барской семьи несмотря на свою передовую революционную деятельность, оставался все же строю своей мысли «барнином».

16) Джонс, Эрнест Чарльз (1811—1868). В 1846 году примкнул к чартистскому движению; пользовался очень большим влиянием. В 1848 году был арестован и на 2 года заключен в тюрьму. По выходе из тюрьмы становится главой движения. На чартистской конференции 1851 г. настаивал на расширении программы чартистов в духе социализма. К публицистическим произведениям оставил много романов и повестей.

Чартизм — рабочее движение в Англии в 40-х годах XIX века. Чартисты требовали: ежегодного парламента, всеобщего избирательного права, тайного голосования, отмены ценза (определенного имущественного положения) для депутатов, назначения последних жалования (дабы дать возможность исполнять депутатские обязанности беднейшим слоям населения) и т.д. Вождями чартистов были О'Конор и О'Бенн. Чартистами были поданы три петиции («чартинг»; отсюда название — чартинг) в 1838 г., 1842 г. и 1848 г. Чартизм предшественником английских социалистических групп.

17) Лассаль, Фердинанд (1825—1867) — один из основателей немецкой социал-демократической партии (поставили ее на «мистические» ноги А. Бебель и В. Либкнехт). Лассаль был выдающимся оратором и стрелом. Происходил из богатой купеческой еврейской семьи. Еще в ранней юности обнаружил блестящие способности и огромную волю. Но эти качества он обратил на служение классу, из которого он выскочил а наоборот обратил их против него.

первым выступлением на общественную арену был бракоразводный процесс графини Гацфельд против ее мужа, крупного прусского помещика. Воспользовавшись этим процессом, Лассаль нанес блестящий удар немецкой бюрократии.

Надо отметить, что, являясь опаснейшим врагом буржуазии, впервые сплотив ряды немецкого пролетариата во «Всеобщий германский рабочий союз», он все же на протяжении своей жизни не мог отрешиться от тяготения к «светскому» аристократическому обществу. Эта черта, собственно, и оказалась для него роковой: — ничтожным немецким офицером, отбывшим у него подругу, он был убит на дуэли.

В бурный 1848 год он был отдан под суд за призыв к неплатежу налогов и бунту. В 1862 г. он разворачивается в полной мере, как политический деятель, борец. Он раз'езжает по всей стране и широко использует свое блестящее красноречие. Его речи — политические события. Некоторые из них, особенно, «Программа рабочих» и «О сущности конституции» не потеряли своей остроты и в настоящее время.

Его первая большая студенческая работа была посвящена греческому философу Гераклиту, первому установившему закон вечного движения, изменения и борьбы. В основе экономических работ Лассали лежал «железный закон» заработной платы. Лассаль доказывал, что в капиталистическом обществе заработок всегда стремится упасть до крайнего уровня, дальше которого начинается голод и вымирание рабочих; выход из этого положения — захват рабочими орудий производства. В своем труде «Система приобретения прав» Лассаль доказывает право революции творить новые законы, создавать новую жизнь.

Но все же, несмотря на все эти, казалось бы марксистские, материалистические положения, несмотря на то, что Лассаль был, в известной степени, учеником Маркса, (он находился с ним в оживленной переписке, Марксовский «Коммунистический манифест» был мощным толчком в работе Лассали) — он не был законченным материалистом. Он верил в самостоятельное значение идей — права, справедливости и т. д. (не

права и справедливости того или иного класса, а права и справедливости вообще). Он придавал громадное значение избирательному праву, говорил о безболезненном (без классовых потрясений) переходе к социализму.

В своей практической революционной деятельности он был иногда неосмотрительно горяч. Наприме, в своей ненависти к либеральной (свободомыслящей) буржуазии, как тормазу истинного пролетарского движения — он дошел до переговоров с Бисмарком, который, конечно, тоже ненавидел либералов, но уж не как тормаз пролетарского движения, а как препятствие к восстановлению «истинной» монархии.

Маркс неоднократно отмечал эти вредные уклоны в теоретической и практической деятельности Лассали.

Эти уклоны и создали в немецкой социал-демократии того времени два течения: строго марксистское, практически руководствуемое Бебелем и В. Либкнехтом, и «лассалевское» во главе с Лассалем и Швейцером.

Но несмотря на все уклоны его деятельности, Лассаль одна из крупнейших, горячих и одаренных революционных фигур, беззаветно преданных делу пролетариата, подоживших первые камни великого здания классового объединения пролетариата (основание «Всеобщего германского рабочего союза»).

Пусть бьющая через край горячность нарушала иногда нужную прямую линию — он отдал свою жизнь на служение делу угнетенных.

18) Либкнехт, Вильгельм (1826 — 1900) — соратник Августа Бебеля. Август Бебель был вдохновителем марксистской немецкой социал-демократической партии, а Либкнехт был ее теоретиком и организатором. Именно встреча в 60-х годах в Лейпциге с Либкнехтом оторвала Бебеля от буржуазно-либеральной кружковщины и бросила его в гущу истинно-пролетарского движения. Вместе с Бебелем Либкнехт был приговорен к 2-м годам крепости за «государственную измену», выразившуюся в голосовании против военных кредитов и отторжения от Франции Эльзас и Лотарингии.

В 1848 году Либкнехт принимал активное участие в германском революционном движении (в Бадене и Пфальце). С сентября 1848 г. по май 1849 г. он сидит в тюрьме, откуда бежит в Швейцарию, а оттуда в Англию, где сходитя с Марксом. Возвращается в Германию после амнистии в 1862 г. С этого времени он ведет жизнь неутомимого агитатора чисто марксистского направления в противовес «лассалевскому» (см. примеч. Лассаль). В 1875 году становится во главе газеты «Форвертс» («Вперед»), являвшейся официальным органом слившихся к тому времени обеих групп германских социал-демократов.

19) Малон, Бенуа (1841 — 1893) — французский социалист, член Интернационала. Принимал участие в Коммуне, примыкая к умеренному меньшинству. В последние дни Коммуны — вышел из ее состава. После подавления Коммуны бежал в Швейцарию, где примкнул к Вакуинну (см. прим.). Со середины 80-х годов прошлого столетия начал издавать журнал «Социалистическое обозрение». Считается основателем «интегрального (собрательного) социализма», представляющего смесь различных учений с научным социализмом.

20) Маркс, Карл (1818 — 1883) — великий экономист, создатель учения о научном социализме, идейный вождь 1-го Интернационала. Учение Маркса — путеводная звезда для всего пролетарского движения.

Родился 5-го мая 1818 г. в г. Трире, в Рейнской провинции. Детство его протекало в исключительно благоприятных условиях; он рос окруженный любовью родных и друзей; при его богато одаренной натуре, колоссальной памяти, он, естественно, мог на любом поприще сделать блестящую карьеру. Но Маркс избрал тяжелый путь борца за дело пролетариата, в то время только организующегося, как класс.

Ознакомившись в Берлинском университете с философской наукой, он примыкает к кружку, так называемых, «левых гегельянцев», революционизировавших учение Гегеля. Из учения Гегеля Маркс заим-

ствует его метод (диалектика), выковывая из него непобедимое оружие критики буржуазных отношений.

С ранних лет Маркс становится республиканцем и сходитя со многими представителями «Молодой Германии», сыгравшей видную роль в революции 1848 г.

Так как в то время единственным поприщем для широкой политической деятельности была журналистика, Маркс, отказавшись от профессорской «карьеры», в 1842 г. делается сотрудником, а затем и редактором «Рейнской газеты». За «резкость тона» «Рейнская газета» в 1843 г. была закрыта. Маркс, со своей молодой женой — товарищем Жени Фох-Вестфален, переезжает в Париж, являвшийся центром кипучей политической жизни. Вместе со своим будущим другом и сотрудником, Фр. Энгельсом, Маркс сотрудничает в парижских немецких изданиях. По настоянию прусского правительства и эти издания были закрыты, а Маркс был выслан из Парижа. Он уезжает в Брюссель (Бельгия).

В феврале 1848 г. во Франции вспыхнула революция; в конце этого месяца Маркс уже был в Париже; во время германской революции Маркс, естественно, принял в ней самое активное участие, став во главе «Новой Рейнской газеты». Контр-революция притянула Маркса к суду. Здесь он произнес блестящую речь и был оправдан, но... выслан из Германии. Он опять приезжает в Париж, но республиканское правительство вновь заставляет его уехать. Наконец, Маркс со своей семьей окончательно оседает в Лондоне (1849 г.). В эмигрантской атмосфере, среди революционных мечтаний, вынужденного бездеятельности и планов почти легкомысленного авантюрного характера, Маркс сохраняет твердую линию, группируя вокруг себя единомышленников: он доказывает, что с 50-х годов революционный период, по объективным причинам, закончился и наступил важнейший момент собирания сил пролетариата. Поэтому он предостерегал от легкомысленных выступлений, которые будут слишком дорого стоить и поведут к ослаблению пролетарского

движения. Ему бросали упрек в «трусости». Зато, когда под давлением реакции, бывшие революционеры потеряли веру, а некоторые оказались перебежчиками — Маркс не упал духом и своими трудами (анализ Французской и Германской революций, «18-е брюмера Луи Бонапарт»), вооруженный твердой экономической и исторической теорией, — вскрыл причины неудачи. Своими же трудами по анализу законов капиталистического развития он доказал предрешенность гибели капитализма под напором пролетариата — победителя.

Подъем рабочего движения в годы предшествующие Коммуне приводит в 1864 году к организации Интернационала, в котором Маркс был членом генерального совета. Он являлся, вонистину, душой Интернационала, потратив максимум своих жизненных сил на борьбу с мелкобуржуазными и анархистскими тенденциями (см. примечан. о Бакунине). После распада Интернационала, Маркс прожил еще 10 лет. Тяжелые материальные условия, болезнь и упорный труд разрушили могучий организм. Он умер 18-го марта 1883 года.

«Человечество сделалось ниже на целую голову, при том на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало за последнее время», писал после его смерти Энгельс, дружба и совместная работа с которым соединяла Маркса целых 40 лет.

Труды Маркса, благодаря исчерпывающему анализу капиталистического общества и таким же исчерпывающим отсюда выводам о путях пролетарского движения служат и будут служить маяком для пролетарского движения во всех странах до его окончательной победы.

Учение Маркса сложилось под влиянием трех сил: германской философии, особенно Гегеля (метод, способ подхода), французского социализма (критика капиталистического строя) и английского рабочего движения (способы борьбы за пролетарское дело).

В исторической науке Маркс создал теорию, известную под названием материалистического понимания

истории, утверждающую, что двигателем истории являются экономические причины и протекающая из них борьба классов.

Главным трудом всей жизни Маркса является «Капитал». Его (совместно с Энгельсом) «Коммунистический Манифест» стал знаменем борющегося пролетариата и заключительные слова его —

«Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» — стали боевым кличем всемирного пролетариата.

21) **Мирамон, Мигуэль (1832—1867)** — мексиканский генерал. С помощью партии церковников, он в 1859 году избран президентом мексиканской республики, но в 1860 году его войска были разбиты войсками партии, добивавшейся реформ (в Мексике в то время происходила междуусобица) и власть перешла к президенту Хуарецу (Жюарецу). Мирамон бежал в Европу, где выпрашивал помощи при дворе разных монархов.

22) **Мишле, Жюль (1798—1874)** — знаменитый французский историк. Характерной чертой его исторических работ, несмотря на его «революционность», является идеализация, возвеличение крестьянства (он сам определял, между прочим, свою семью крестьянской) и, в связи с этим, отрицательное отношение к социалистическим и коммунистическим течениям, «покушавшимся» на частную собственность. Таким образом, в своих трудах Мишле выступает историком мелко-буржуазного направления.

Трезвый ум Мишле заставил его активно выступать против политики Наполеона III и, в частности, против франко-прусской войны, что отчасти видно из книги Луизы Мишель.

23) **Морни, Шарль Огюст Луи Жозеф (1811—1865)** — побочный сын голландской королевы Гортензии и одного придворного из ее свиты (таким образом, по матери, приходился братом Наполеону III). Прославлен, как государственный деятель, пускающийся на всякие авантюры и спекуляции. Он, в качестве министра внутренних дел, помог Наполеону III совер-

шить переворот 2-го декабря 1851 г. Своим участием в дутых спекуляциях он расстроил финансы Франции; он же побудил Наполеона III предпринять роковую для Франции экспедицию в Мексикку.

24) **Оуэн Роберт (1771—1858)** — великий представитель утопического социализма. (Утопический социализм предшествовал научному социализму и исходил не так из выводов, сделанных на основании практического изучения капиталистического строя, как из понятий социальной справедливости будто бы одинаковой для всех людей, к какому бы они классу не принадлежали. Естественно, что призывы о справедливости, направленные к буржуазии успеха не имели). С 10 лет Оуэн самостоятельно добывал средства к жизни. В 19 лет был директором большой бумагопрядильни, затем директором большой фабрики в Шотландии, где работало 2500 человек. Оуэн поставил себе целью улучшить материальное положение рабочих: он ограничил детский труд, сократил рабочее время, повысил плату. В 1812 г. он издает книгу «Об образовании человеческого характера», в которой доказывает, что развитие характера находится в зависимости от материального положения и воспитания. К этому времени планами Оуэна был заинтересован весь мир. Но как только он стал критиковать современное ему общество — его взяли в тюрьму. Оуэн решил проверить свою систему на деле. Он организовал в 1824 г. в Америке коммунистическую общину «Новая Гармония», но, будучи искусственно созданной в обстановке капиталистического окружения, она скоро распалась. Но Оуэн не усвоился. Он делает новые попытки, а в 1832 г. основывает меновой банк для непосредственного товарообмена, причем стоимость товара определялась количеством труда, затраченного на него. Но, естественно, и это начинание Оуэна сорвалось.

Подобно большинству утопистов, он отрицательно относился к политической борьбе рабочего класса, но он оказал огромное влияние на развитие социалистических теорий, предшествовавших марксизму, на профессиональное и кооперативное движе-

ние и на фабричное законодательство. В этом его огромная заслуга перед пролетариатом.

25) **Чернышевский, Николай Гаврилович (1829—1889)** — талантливый русский писатель-общественник и критик, идейный вождь русской интеллигенции 60-х годов, стремившийся к социалистическому идеалу. Сотрудничал в «Отечественных записках». С 1885 г. вместе с Некрасовым редактировал «Современник». Чернышевский был материалистом, понимал великую историческую роль пролетариата, сущность классовой борьбы — одним словом пришел ко многим положениям научного социализма, хотя, повидимому, не был знаком с сочинениями Маркса (издательская царская цензура помешала ему это сделать). Маркс, обычно, очень скупой на похвалы и критиком. Надо отметить, что Чернышевский признавал необходимость революционной диктатуры, причем доказывал, что эта диктатура должна обходиться без особой цепкости. Он говорил, что революционная «энергия состоит в том, чтобы не колеблясь принимать такие меры, какие нужны для успеха». Приходя к строго классовым выводам, Чернышевский в то же самое время является идейным вождем народничества: он полагает, что крестьянская община, может, минуя капитализм, перейти на социализм. В отличие от Герцена, видевшего в общине прирожденную положительную особенность России (Герцен обвинял Европу в поголовном мечанстве) — Чернышевский видел в общине только пережиток, результат медленного развития России по сравнению с западом (Чернышевский отрицал «особые пути развития» России). Правительство Александра II, видя, что Чернышевский стал выразителем революционных чаяний всей молодой России, подтачивало процесс, пользуясь подложными документами. Он был осужден на «гражданскую смерть», сослан в Вилуйск, наиболее дикое место Якутской области (это после двух лет крестной!). В этом забытом углу угасал светлый ум. В 1883 г. (при Александре III) Чернышевскому разрешено было переселиться в Астрахань и

только за год до смерти в 1888 г. в свой родной Саратов. Из научных произведений Чернышевского особое значение имеют примечания к «Основаниям политической экономии» Милля, в которых он подвергает сокрушительной критике основы буржуазной экономической науки. Особенной популярностью пользуется роман его «Что делать?» (написан в тюрьме).

РАЗНЫЕ.

26) Год 89-й — 1789-й год — год великой французской революции.

27) Год 52-й — 1852 г. — год превращения Франции вновь в Империю, год вступления на престол Наполеона III.

28) Кайенна или Французская Гвиана — французская колония на северном берегу южной Америки, долго служившая местом ссылки.

29) Мексика — республика, находящаяся к югу от Соединенных Штатов. Европейцам Мексика стала известна в начале 16-го века. Испанский генерал Кортес железом и кровью прошел по ней, превратив ее в испанскую колонию, с назначаемым Испанией вице-королем (Мексика населяло индейское племя ацтеков). Завоевание и дальнейший наглый грабеж Мексики шел под знаком внедрения христианства. Уже в начале XIX века в Мексике начинают распространяться тайные противоправительственные общества.

В 1810 г. вспыхивает восстание, в котором принимают участие не только индейцы (достигшие большой степени культуры) но и белые. Во главе восстания стал священник Гидальго. В 1811 году Гидальго попадает в плен к правительственным войскам и расстреливается, но с этого времени начинается длительная, жестокая партизанская война. Революционные партизаны действуют успешно. Движение усиливается в связи с введением в Испанию в 1820 году конституции. В 1824 году действия революционных партизан увеличилось провозглашением Республики с конституцией по образцу Соединенных Штатов. Как показатель большой культуры Мексики

надо указать на то, что там рабство было отменено раньше чем в Америке и Англии. Мексика представляла и представляет страну, на которую всегда были направлены алчные аппетиты крупных капиталистических держав.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

30) Плебисцит — общенародное голосование по какому-либо важному вопросу (плебисцит, который привел к власти Наполеона III, был проведен подкупом и нажимом местных властей).

31) Фаталистический, фатальный — роковой, приносящий несчастье. Фатум — судьба, предопределение. Фаталист — верящий в судьбу.

ГЛАВА III.

ДЕЯТЕЛИ.

32) Асси, Адольф-Альффонс (1840) — 17 лет вступил вольноопределяющимся во французскую армию, но вскоре должен был по политическим соображениям бежать за границу (в Швейцарию). Из Швейцарии переехал в Италию, где служил под начальством Гарибальди (см. прим.). После амнистии 1864 г. вернулся во Францию: во время осады Парижа был поручиком в отряде вольных стрелков. Состоял действительным членом Центрального Комитета Национальной гвардии (см. прим.), а впоследствии и президентом (председателем) Центрального комитета. По вступлении версальской армии в Париж был взят в плен. В 2-го сентября 1871 г. приговорен к заключению в крепость. В 1872 г. был сослан на Новую Каледонию (см. прим.) где и скончался.

33) Варлен, Луи Эжен (1839—1871) — французский коммунар, издевательски замученный версальцами. Родился в 1839 г. в бедной крестьянской семье. На 14-м году пришел в Париж и поступил учеником к переплетчику. В это время Варлен не умел еще ни читать, ни писать. Но с громадной, присущей ему энергией, он занялся само-

образованием (начиная с грамоты), урывая на это время от немногочисленных часов отдыха. Светлая голова, громадный организаторский талант, неутомимая энергия быстро делают его вождем передатных рабочих, движением которых он руководит. Варлен организует в Париже первые социалистические кухмистерские. Пройдя громадную школу революционера-организатора, он, наконец, становится одним из первых членов и агитаторов Интернационала во Франции. Конечно, Варлен явился одним из деятельнейших организаторов Коммуны. Вместе с Журдом он занимался финансами Коммуны (ее слабейшее место), но во всю ширь его организаторский талант развернулся по переходе его в интендантство. До последней крайности героически сражаясь на улицах Парижа, он был взят в плен версальцами. Им было мало просто убить Варлена. В течении нескольких часов версальцы, чтобы утонченно продлить его агонию, водили его по улицам Парижа со связанными руками, осыпая его ударами, плевокми, окровавленным. Только после этого его прикончили, издеваясь и при самом расстреле. Во время всей этой пытки Варлен ни на минуту не потерял спокойствия и присутствия духа. Даже враги, издевавшиеся над ним, были смущены его непоколебимым революционным мужеством.

34) Толэн, Анри Луи (1828) — чеканщик и резчик по профессии; по своим социалистическим идеалам близко примыкал к школе «отца анархизма» Прудона. Был деятельным членом Интернационала. 8 февраля 1871 г. был избран в Национальное собрание, где примкнул к крайней левой. В своих социалистических устремлениях был очень неустойчив. Часто искал путей «примирения». По всем этим причинам уклонился от активного участия в Коммуне. Ростки «примиренчества» дали свои пышные всходы: — в 1876 г. Толэн уже дошел до «чинов и орденов» и был избран... сенатором.

РАЗНЫЕ.

35) Бланкисты — последователи одного из самых фанатичных, самых неукротимых и темпераментных революционеров — Огюста Бланки.

Бланкизм — метод революционной борьбы, сводящийся к утверждению, что удачное неожиданное восстание энергичного меньшинства, подготовленное заговором, может служить исходным пунктом социальной революции (вне зависимости от экономических и прочих условий). Бланкизм пользовался успехом среди французских рабочих до 80-х годов прошлого столетия.

Сам Бланки на протяжении своей долгой жизни (1805—1885) организовал ряд заговоров, один смелее другого, против реакционных правительств Франции. Был сторонником прямого революционного действия. Надо отметить все же, что Бланки не отрицал важности пропаганды. Старость не сломила этого льва революции — был членом Парижской Коммуны (Тьер задержал его в качестве заложника). В общей сложности провел в тюремном заключении, ссылке и изгнании 37 лет, но это не могло подорвать его революционной энергии.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

36) Адепт — приверженец, сторонник. Точный смысл — приверженец, посвященный в тайну какой-нибудь секты, сообщества.

ГЛАВА IV.

ДЕЯТЕЛИ.

37) Амуру, Шарль (1843) — по профессии шляпочник, основал в 1863 г. в Нанте (Франция) профессиональный союз рабочих шляпочников; примкнул к Интернационалу. В 1871 г. деятельно пропагандировал в провинции необходимость коммунистической революции. По провозглашении Коммуны был избран членом таковой. После подавления Коммуны был арестован и приговорен к пожизненному заключению. Амнистирован был в 1880 г.

38) Араго Эммануэль (1812) — один из видных деятелей французской революции 1848 года. Впервые выдвинулся на политическую арену как блестящий защитник в политических процессах. Во время революции 48 года был комиссаром Ронского департамента. Был девым республиканцем буржуазного толка. Являлся противником империи Наполеона III.

39) Арну Артур — видный деятель Коммуны, автор обильного труда «Народная история парижской Коммуны».

40) Бонапарт, Пьер — племянник Наполеона I, двоюродный брат Наполеона III. Авантюрист, совершивший ряд убийств. После февральской революции 1848 г. отправился в Париж; был избран на Корсику в Национальное собрание; после вступления на престол Наполеона III получил титул принца.

41) Борджиа (Боржиа) — знаменитый итальянский род, в котором исторически особенно известны Родерико Борджиа (римский папа Александр VI, XV столетия); Чезаре Борджиа — кардинал, целый ряд могущественных итальянских князей. Род этот отличался особенной, болезненной преступностью и распущенностью (несмотря на папские тиары и кардинальские мантии). Убийства из-за угла, подкалывания, отравления, противоестественные половые склонности (как, например, сожительство с родной дочерью) — вот деяния Борджиа. Имя это стало нарицательным для коронованной гнусности.

42) Валлес, Жюль (1833—1885) — сын школьного учителя и крестьянки, сам бывший одно время школьным учителем, прошедший через острую нужду и голод, — он хорошо знал всю мерзость буржуазного общества. Валлес горячий ненавистник буржуазии, но все же прикован к ней по своим навыкам, по строю своего мышления. Это и выделяет его среди членов Коммуны в так называемое «меньшинство», искавшее путей соглашения. Валлес был приговорен к смерти за подстрекательство к поджогам (обвинению, между прочим, ложное). Валлесу удалось бежать в Лондон. Он — талантливый писатель и журналист, создавший свой особый, едкий и желчный, стиль. В 1867 г. издавал газету «Улица», в 1871 г. начал издавать «Крик народа». Валлес оставил после себя довольно крупное литературное наследие, из которого особенную ценность представляет автобиографический роман «Жак Вангра» в трех частях (вторая часть «Бакалавр» есть в русском переводе 1883 г. и третья часть «Инсургент» в издании 1920 г.).

43) Гамбетта, Леон Мишель (1838 — 1882) — виднейший политический деятель, талантливый адвокат и оратор, ярый обличитель империи, член Национального собрания — он являлся сторонником постепенного, не революционного развития. От крайней оппозиции он, во время франко-прусской войны, превращается в яркого националиста, в опору реакционного правительства (ради «чести» Франции); поддерживает все правительственные мероприятия и выступает уже в роли подавителя «мятежного духа». В правительстве, так называемой, «национальной обороне» он был министром внутренних дел. С присущей ему огромной энергией он поднял страну для обороны. Когда Национальное собрание утвердило мир с Пруссией — он сложил депутатские полномочия и уехал «на покой». После Парижской Коммуны он вновь занимает очень важное место на политической арене (в 1879 году избирается президентом палаты), причем тут уж во всю скандализуется его мелко-буржуазная сущность: — к концу 70-х годов он организовал партию умеренных (консервативных) республиканцев, игравшую уже чисто реакционную роль. «Гамбеттст» и реакционер стали словами равнозначущими.

44) Груссе, Паскаль (1845) — уроженец острова Корсика, известный журналист, сотрудничавший в передовых газетах. 22-го марта 1871 года примкнул к Коммуне, в которой одно время был комиссаром иностранных дел. После падения Коммуны был арестован и сослан на Новую Каледонию, откуда в 1874 году бежал через Австралию в Англию вместе с Рошфором (см. примеч.) В Англии скрывался под именем Филиппа Дарья (сохранил это имя в дальнейшем, как литературное).

45) Делеклюз, Луи Шарль (1809 — 1871) — во время Коммуны ему было 62 года. В 1835 г. бежал из Франции от политического преследования в Бельгию. После февральской революции (1848) был главным комиссаром Французской республики в департаменте Севера и Па-де-Кале. В 1849 г. приговорен к ссылке в каторжные работы, откуда ему вскоре удалось бежать в Англию. Вернулся в 1853 г., но был арестован, как член запрещенного обще-

ства и отправлен в ссылку в Кайенну до 1859 г. В 1871 г. был одним из вождей Коммуны (военный министр). Убит на баррикаде при одном из последних штурмов Парижа версальскими войсками.

Делеклюз является великим примером истинного революционного бойца. Чтобы лучше служить революции, он отказался от семейной жизни. Ничто не могло сломать в нем железной энергии, революционной стойкости. Он беззаветно отдал свои силы и жизнь Коммуне, а между тем, он был революционером иной эпохи, иного поколения. Он был проникнут верой в единство (борьба классов, как основа социальной жизни, была ему чужда), в абсолютное значение государства и т. п. Дело Коммуны шло в разрез с некоторыми его убеждениями. Но этот фанатик революции почувствовал в напряжении великих дней Коммуны истинный социальный прогресс; его широкая натура революционера дала ему возможность отрешиться от мертвой буквы старых убеждений. Свои старые навыки и симпатии Делеклюз принес в жертву движению пролетариата, таким образом уйдя от старого, расплывчатого понятия — «народ».

46) Миллер, Жан Баптист (1817 — 1871) — не принимал активного участия в борьбе Коммуны, но версальским палачам достаточно было его старой репутации революционера, чтобы расстрелять без суда и даже без формального установления личности. Его привели к Кантеону (гробница великих людей Франции), заставили силой стать на колени и в таком положении расстреляли. Последними его словами были: «Да здравствует человечество!»

Миллер — сын бочара, пуждался с малых лет и поздно мог заняться своим самообразованием (изучение права). Он издавал «Пролетарий» и опубликовал ряд революционных исследований. По восстановлении империи Миллер был приговорен к 8 годам каторжных работ и в ужасных условиях отбыл их в Алжире (Африка). По провозглашении республики (4-го сентября) он был избран начальником батальона Национальной гвардии.

47) Монтико-де, m-e-elle — см. прим. «Евгения» к VI главе.

48) Нуар, Виктор — псевдоним французского журналиста Сальмона.

49) Оливье Эмиль (1825) — министр юстиции правительства 1870 г., им же составленном. Во время плебисцита, учиненного Наполеоном III, действовал подкупом и подложными голосами. Вообще прославлен рядом подлогов и обманов.

Свою гнусную роль при Наполеоне III объяснял желанием «примирить» либералов (свободомыслящих буржуа) с Империей.

50) Пикар, Эрнест (1821 — 1877) — адвокат, начавший свою политическую карьеру умеренным республиканцем. После падения Империи был одним из самых реакционных членов правительства Национальной обороны. В правительстве Тьера в 1871 г. был министром внутренних дел, причем являлся одним из активнейших политических руководителей зверств майской недели Коммуны.

51) Распайль, Франсуа (1794—1878) — профессор философии, политический деятель, пользовавшийся большой популярностью среди бедноты Парижа, как республиканец и врач. Принимал деятельное участие в революции 1830 г. и 1848 г. После 48-го года был приговорен к 6-ти годам заключения (заменено было изгнанием).

52) Фавр, Жюль (1809—1880) — французский буржуазный политический деятель. Весьма умеренный республиканец. Особо выдвинулся во время второй империи в качестве защитника Орлеана (покушался на жизнь Наполеона III) и лидера (вожака) республиканской группы в законодательном корпусе (собрании). После падения империи был министром иностранных дел в правительстве Национальной обороны, где уже совершенно ничинно и откровенно представлял интересы буржуазии. Лыстия и занкивал перед Тьером. Был идейным руководителем подавления Коммуны со всеми сопроваждавшими ее зверствами. Один из активнейших гонителей Интернационала.

В прошлой своей умеренно-республиканской деятельности отличался подкалыванием к моменту, изображая «суму переметную». Через кровь Коммуны дошел до больших «чпнов и орденов». Умер сенатором.

53) **Флуранс, Густав** (1838 — 1871) — сын ученого Мари-Жан Пьера Флуранса. В 1863 г. сам был профессором университета. Пользовался огромной популярностью в рабочих кругах. Во время, предшествующее Коммуне, видел мало пользы в парламентской борьбе и стоял во главе «партии действия». И он действительно искал этого действия. В 1866 г. он отправляется в Кандию и принимает самое деятельное участие в греческом восстании.

Характерный момент: Когда на собрании, на котором должен был говорить Рошфор, пришла весть об его аресте — Флуранс заявил: «Я провозглашаю революцию и арестую присутствующего здесь полицейского офицера». Толпа народа пошла за ним в Бельвиль и устроила там баррикады, но к утру была рассеяна. Флуранс успел скрыться; был заочно приговорен к ссылке. 26 марта он был избран членом Коммуны. 8-го апреля, при вылазке, во главе организованного им отряда стрелков, был зверски, с издевательствами убит версальцами. После него остался ряд научных трудов.

РАЗНЫЕ.

54) **Консьержи** — название тюрьмы.

55) **«Марсельеза»** — газета Рошфора.

56) **Синдикальные намерения** — существовали в опшываемую Луизой Мишель эпоху, как объединения по профессиям, для защиты своих интересов, рабочих разных специальностей.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

57) **Бравада** — молодечество, хвастовство храбростью.

58) **Агрессивные намерения** — враждебные, наступательные по отношению к коммунистическим планам.

59) **Импровизированный** — сделанный без предварительной подготовки.

60) **Кортеж** — шествие, процессия.

61) **Нулуары** — коридоры, помещения вне зал заседаний в общественных зданиях, куда выходят во время перерывов.

62) **Магистратура** — судебные установления, учреждения.

63) **Мезальянс** — брак с особой «дурного происхождения» (неродовитой).

64) **Секундант** — свидетели при дуэлях.

ГЛАВА V.

65) **Ферре, Шарль Теофиль** — был организатором полиции Коммуны вместе с Раулем Риго. Тщедушное тело этого героя Коммуны вмещало железную волю и мужество. Всегда молчаливый и наружно спокойный, он был весь поглощен делом Коммуны. Как истый герой, он сохранил свое гордое спокойствие и перед лицом военного совета версальцев, приговорившего его к смерти с сопровождением этого приговора гнусными оскорблениями. За час до казни он написал письмо сестре, без лишнего фраз, в котором выявил себя атеистом (безбожником) и материалистом. Надеюсь сломить эту героическую натуру, версальцы не приводили казни в исполнение в течение 3 месяцев, удлиняя, таким образом, агонию Ферре. Но и через три месяца Ферре умер с тем же гордым самообладанием борца, какое отличало его жизнь. Вот его последние слова перед военным советом: «Как член Коммуны, я во власти ее победителей. Они хотя бы моей головы — пусть берут ее. Никогда я не попытаюсь спасти свою жизнь подлостью. Я жив свободным, таким и умру. Прибавлю еще одно: счастье изменчиво. Будущему поручаю я заботу о моей памяти и мою месть».

Подобно другим коммунарам, в личной жизни Ферре переживал огромную трагедию: мать его умерла сумасшедшей от отчаяния; брата держали, как помешанного, в одной из версальских клеток, отец был в плену. Но вся совокупность личных переживаний не могла сломить гордую натуру этого истинного коммунара.

РАЗНЫЕ.

66) **Полишинель** — комическое действующее лицо итальянского народного театра: шут. «Секрет Полишинеля» («шучок Полишинеля») — понятие соответствующее русскому «по секрету всему свету», секрет, который перестал быть секретом, ибо давно всем известен.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

67) **Конспирация** — тайна, заговор, сокрытие тайны.

68) **Префект** — начальник полиции.

ГЛАВА VI.

69) **Евгения** — жена Наполеона III, французская императрица. Происходила из знатного испанского рода Монтижо, откуда и кличка ее «мадемуазель Монтижо». Была одной из вдохновительниц франко-прусской войны, надеясь этим укрепить династию Бонапартов. Во время отъезда Наполеона III ей было вручено управление государством. Она настаивала во время франко-прусской войны на движении к Мецу (категорически возражая против отступления), что было одной из главных причин Седанского поражения. Когда вспыхнула революция она бежала в Англию и принимала участие во всех важных событиях во Франции, руководя Бонапартистской партией.

70) **Мак-Магон** (1808 — 1893) — граф, стоял во главе французских войск во время франко-прусской войны, причем прославился как бездарный полководец. В 1871 году командовал версальскими войсками при осаде Парижа. В 1873 г., когда монархисты искали кандидата в президенты республики, чтобы заменить Тьера (даже этот зверь казался слишком республикански настроенным) — все мнения единодушно сошлись на Мак-Магоне. Он и был избран президентом республики, — это в то время, как он категорически был настроен против «республиканской» конституции. Президентство Мак-Магона — это время чернейшей монархической реакции.

71) **Паликао** (1796 — 1878) — граф — звание, полученное французским генералом Монтанбан за победу над китайскими войсками под Поликао в 1860 г. Такого официального сообщения. На самом же деле титул получен за поднесение императрице Евгении драгоценнейшего ожерелья, вывезенного Монтанбаном во время его китайского похода, сопровождавшегося самым наглым грабежом. В 1840 г. содействовал Луи Бонапарту (Наполеону III) в его высадке во Франции. В 1870 году был назначен военным министром и министром-президентом; был главным виновником разгрома под Седаном.

72) **Руэр Эжень** (1814 — 1884) — при Наполеоне III до 1869 года был премьер-министром. После падения империи был

вождем бонапартистской партии. Руэр отличался самым беззастенчиво-жульническими приемами в политике.

РАЗНЫЕ.

73) **Аустерлиц** — город в Моравии. Здесь в 1805 г. происходила битва между французами, русскими и австрийцами. Блестящим маневром Наполеон I заставил союзные войска обратиться в бегство. Эта победа Наполеона I имела в дальнейшем огромное политическое значение. Аустерлиц — стал нарицательным именем блестящей победы.

74) **18-е Брюмера** — по франц. революционному календарю (9-го ноября 1799 г.) Наполеон I, выдвинувшись в ряде революционных войн, произвел государственный переворот, учредив, так называемое, консульство, причем в качестве 1-го консула он стал фактически правителем Франции (в 1804 г. он добился провозглашения себя наследственным императором).

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

75) **Экипировать** — обмундировывать, снаряжать.

ГЛАВА VII.

ДЕЯТЕЛИ.

76) **Галлифе, Гастон** (1830) — генерал, прославившийся зверской расправой с Парижской Коммуной. Нет тех жестокостей и пыток, к которым бы не прибегал Галлифе. Имя его стало нарицательным для гнусностей палачества. После Коммуны, в 1873 г. он с той же жестокостью подавил восстание арабов в Алжире. В 1899 году был военным министром и дал согласие на возобновление юдофобского дела Дрейфуса.

77) **Лебейф** — генерал, в 1870 году во время франко-прусской войны был начальником генерального штаба.

78) **Лео, Андре** (1829) — литературное имя французской писательницы Малон-Шансе. Ее романы большей частью направлены

против буржуазных предрассудков. В русском переводе имеются: «Возмутительный брак», «Развод», «Идеал в деревне» и некоторые другие.

79) **Россель, Луи** (1844—1871) — полковник, в высшей степени способный и образованный человек. Был делегатом Парижской Коммуны в военном министерстве. Он положил много труда и энергии на организацию военного сопротивления Коммуны. После ликвидации Коммуны некоторое время скрывался, но 7-го июня был арестован. Расстрелян 28-го ноября в Версальской тюрьме Сатори.

80) **Трошо, Луи Жюль** (1815—1896) — в 1870 г. был губернатором Парижа. После падения империи был президентом правительства Национальной обороны.

81) **Эд, Эмиль** (1844—1888) — в августе 1870 года был приговорен к смертной казни, но уцелел благодаря падению империи. 26 марта Эд был избран членом Коммуны, вступил в число членов Исполнительного Комитета и был делегирован в военное министерство. После разгрома Коммуны бежал в Швейцарию, где издавал газету «Ла Реванш» (по-русски — отыгрыш, возмездие). В 1880 году попадает под амнистию и возвращается во Францию, где вновь активно примыкает к бланкистам (см. примеч.). Умер во время одной из своих речей от разрыва сердца.

РАЗНЫЕ.

82) «**Прекрасная Елена**» — оперетта Оффенбаха; представляет собою злоую, едкую сатиру на монархов и героев-богов.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

83) **Досье** — бумаги, относящиеся к следственному делопроизводству, само делопроизводство.

84) **Капитуляция** — сдача (крепости, города).

85) **Стратегия** — военная наука о наиболее выгодных расположениях войск и укреплений.

Часть II.

ГЛАВА I.

ДЕЯТЕЛИ.

86) **Риго, Рауль** (1846—1871) — член и прокурор Коммуны. Версальцы в дни разгрома Коммуны ваткнулись на него на улице. Его поставили к стене и расстреляли. Тело его лежало на улице неубранным в течение нескольких месяцев.

87) **Ферри, Жюль** (1832—1893) — адвокат, госуд. деятель. Вел борьбу против империи Наполеона. Будучи избран в правительство национальной обороны яростно боролся против Коммуны. После подавления Коммуны дошел до большого «полюжения» и был даже президентом сената.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

88) **Энтузиаст** — человек восторженный, воодушевленный, смотрящий на свое дело бодро.

ГЛАВА II.

ДЕЯТЕЛИ.

89) **Жуанье, Пьер** — французский журналист. Во время империи подвергался гонениям.

90) **Тьер, Луи Адольф** (1797—1877) — глава исполнительной власти версальского правительства. Вся шайка зверски подавившая Парижскую Коммуну была его послушным орудием. Даже образ палача Коммуны, генерала Галлифа, меркнет рядом с фигурой этого маленького (его называли карликом), злобного, болезненно жестокого, хитрого политикана. К. Маркс характеризовал его следующими словами: «карлик — чудовище, в котором собралась, кажется, вся классовая испорченность буржуазии».

Не безинтересны некоторые биографические данные его жизни.

Ему обязан, в значительной степени, своим треном Луи Филипп, французский король (1830—1848), сделавший его (услуга за услугу!) членом государственного совета. Далее, как министр внутренних дел, Тьер проводит ряд реакционных мер против печати, суда и проч. В бурный революционный 1848 год Тьер всеми силами стремится помешать рождению респуб-

лики. В законодательном собрании 1849—51 года Тьер является вождем монархистов. Но в 1863 году, учувя слабость правительства Наполеона III, Тьер переходит в оппозицию, отстаивает свободу печати и проч. Своим хитрым поведением он достигает цели, и после падения Наполеона III. Национальное собрание выдвигает его в качестве главы исполнительной власти. Далее идут кровавые дни Коммуны, в которые этот представитель крупной буржуазии разворачивается во всей своей мерзости. 10 августа 1871 г. он избирается президентом республики (до 1878 г.). Ему принадлежит ряд исторических трудов.

Из поколения в поколение проклятием клеймит его пролетариат!

91) **Пиа, Феликс** — свою политическую деятельность начал в революцию 1848 г. Будучи избран членом учредительного собрания, он занял там место среди самых крайних революционных элементов. был выслан за пределы Франции за призыв армии к восстанию. Вернулся он только через 20 лет и стал во главе газеты «Призыв». На него вновь обрушился ряд преследований и он бежал в Англию. 4-го сентября 1871 г. он вернулся во Францию и основал газету «Битва». Был членом Коммуны и после ее подавления ему удалось бежать в Лондон.

Пиа был талантливым журналистом и драматическим писателем. Между прочим, его перу принадлежит ряд мелодрам, из коих особенно известны «Парижские нищие». Все мелодрамы проникнуты духом социального протеста.

РАЗНЫЕ.

92) **Мэр** — во Франции лицо, стоящее во главе городского управления.

93) **Центральный Комитет Национальной Гвардии.** Национальная гвардия была хитро реорганизована правительством Тьера, конечно, для использования ее против пролетариата, но дни, предшествующие Коммуне распустили ее (100,000 национальных гвардейцев из буржуазии покинули Париж) и она стала мощным центром Коммуны, который, к сожалению, не был достаточно использован из-за излишней «демократич-

ности» благородных коммунаров (это одно из слабых тактических мест Коммуны).

3-го марта было обнародовано положение, которым учреждалась республиканская федерация национальных и гвардий. Учреждалось генеральное собрание из делегатов отдельных рот и батальонов; каждый батальон и каждый легион избирали свои местные комитеты. Во главе всей организации стоял Центральный Комитет, в состав которого входили по два делегата от каждого округа, назначаемых, независимо от чина, легионным комитетом и по одному батальонному командиру, избираемому общим собранием всех батальонных командиров округа.

Национальная народная гвардия наряду с регулярной, существовала с перерывами с 1789 г. (Великая Французская революция) в целях защиты от посягательств реакции. После Коммуны, за «крамольное» поведение, она, конечно, была расформирована.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

94) **Канонада** — обстрел из орудий, гуд непрерывных пушечных выстрелов.

95) **Регламентация** — установление правил для какой-либо деятельности.

96) **Трибун** — в прямом смысле — в древнем Риме выборный представитель угнетенных классов (плебеев); в переносном — вождь народа, выдающийся политический деятель.

ГЛАВА III.

ДЕЯТЕЛИ.

97) **Белз, Шарль** (1795—1878) — участник революции 48-го года; в палате 48-го года примкнул к республиканцам и один голосовал против дачи диктаторских полномочий генералу Кавеньяку, военному министру, в целях подавления восстания 23-го июля (этими полномочиями Кавеньяк воспользовался, чтобы утопить восстание в крови. Во время переворота Наполеона III пытался безуспешно поднять восстание в Бретани. Был членом Парижской Коммуны.

98) **Верморель, Огюст** (1841—1871) — талантливый литератор и историк (в

частности — историк церкви). Он был выходцем из буржуазной среды и воспитывался в католической семинарии. Но его горячая, деятельная натура, его острый ум преодолели все это и он беззаветно положил свою жизнь за пролетариат. Он основал и руководил газетой «Французский курьер» и один из первых во время империи, провозгласил лозунги социализма. Когда он был выбран в Коммуну, он немедленно явился для исполнения своего долга, несмотря на то, что он не верил в победу (он принадлежал в Коммуне к умеренно-социалистическому меньшинству). Во время Коммуны он обнаружил кипучую деятельность: был неутомимым оратором, следил лично за укреплением военных позиций Коммуны, вел организационно-государственную работу. Он был всюду, где этого требовали обстоятельства, не считаясь ни с чем. Когда положение Коммуны резко обострилось, Верморель из литератора, оратора превращается в солдата, бойника. Он всюду, где опасность наиболее велика. Верморель был смертельно ранен в сражении и раненным был захвачен в плен версальцами. Его агония, таким образом, протекла при окружающем его злорадстве версальцев. За несколько часов до смерти он встретился с Ферре (см. прим.). в боевой обстановке и обратился к нему со словами: «Видите, Ферре, члены меньшинства исполняют свой долг». «Члены большинства (большинство — наиболее непримиримо настроенная часть Коммуны) исполняют свой» — ответил Ферре.

Исторические сочинения Вермореля «Люди 1848 года» и «Деятели 1851 г.»; имеются на русском языке.

Необходимо упомянуть, что в дни, предшествующие Коммуне, Верморель был оклеветан и взят социалистической партией на подозрение, но он сумел побороть, конечно, и личную обиду.

89) Симон, Жюль (1814 — 1896) — общественный деятель еще эпохи 1848 года. Будучи в 1848 г. членом Учредительного собрания, поддерживал политику Кавеньяка, бывшего подавателя послания в июне 48 г. Член правительства Национальной обороны. В 1875 г. был главой министерства. В своих сочинениях Симон резко выступает против социализма.

100) Чиприани, Амильнар (1845) — итальянский революционер. Участвовал в походах Гарибальди (см. примеч.). В 1870 — 71 г.г. был участником франко-прусской войны. Примкнул к Коммуне и после ее подавления был приговорен к смерти, но смертная казнь была заменена ссылкой (Нумед). Амнистирован в 1879 г. После этого вел активную революционную деятельность в Италии, за что и был приговорен к 10 годам каторжных работ. Маленький штрих для характеристики «демократических свобод»: — Чиприани был избран депутатом, но, по постановлению палаты, избрание его было признано недействительным.

РАЗНЫЕ.

101) Бретонцы — жители севера Франции, Бретани. Наиболее темный и отсталый политический элемент, чем всегда пользовалось французское правительство, набирая их во внутреннюю охрану государства.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

102) Амбразура — оконное углубление в стене; отверстие в стене укрепления для производства стрельбы.

103) Кратер — отверстие вулкана (огнедышащей горы), из которого во время извержения выбрасывается подземной силой раскаленная лава.

104) Химера — несбыточная мечта; уродливая, неденная выдумка.

ГЛАВА IV.

РАЗНЫЕ.

105) Гарибальдийцы (см. прим. Гарибальди).

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

106) Инцидент — неожиданный случай.

107) Резюмировать — подводить итог, кратко излагать выводы из чьих либо слов или из какого-либо события. Резюме — результат такого действия.

108) Скептик — человек, относящийся ко всему с недоверием и во всем сомневающийся.

109) Фанатик — человек горячо, страстно преданный какой-либо идее или делу и готовый на все ради его осуществления.

ГЛАВА V.

РАЗНЫЕ.

110) Гомеровские времена — иносказательно употребляются как давнишние, древнейшие времена; буквально — времена величайшего и древнейшего поэта Греции — Гомера.

111) Омнибус — вместительная карета на 15—25 человек, перевозящая жезлающих между определенными пунктами.

ГЛАВА VI *).

ДЕЯТЕЛИ.

112) Ганнибал — знаменитый карфагенский полководец. Вся его жизнь прошла в непрерывных битвах против римлян (II и III век до Рожд. Христ.). Борьба эта окончилась миром, очень тяжелым для Карфагена (202 г. до Р. Хр.). С этого времени он становится во главе правительства Карфагена. Его реформы пришлись не по вкусу Карфагенской аристократии, он был обвинен в измене и, опасаясь выдачи его Риму, он отравился. Ганнибал известен, как один из наиболее великих полководцев древности.

113) Мольте (1800 — 1891) — начальник штаба Прусской армии во время франко-прусской войны. Один из самых ярких деятелей «бисмарковской» захватной прусской политики. Был крайним реакционером.

114) Пирр — полководец древней страны Эпира. Слово — «пиррова победа» — стало нарицательным для побед, равносильных, но потерям войска, поражению. Пирр одержал победу над римлянами, но эта победа до того истощила силы его войск, что он считал необходимым оставить завоеванную территорию.

115) Шанзи (1823 — 1883) — один из наиболее способных французских генералов во время франко-прусской войны.

*) К ряду названий укреплений и местностей, упоминаемых в настоящей главе, примечания не даются, исходя из того, что вся глава интересна только с военной, стратегической точки зрения. Интересующиеся читатели отсылаются к карте Франции.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

116) Альтернатива — положение, при котором приходится выбирать между двумя выходами.

117) База — основание, фундамент; военных действиях местность, служащая опорным пунктом.

118) Коммуникационная линия — в военном деле — линия сообщений между расположением частей. Коммуникация — сообщение.

119) Концентрация — сосредоточение, стягивание к одному месту. Концентрическое расположение — расположение чего либо во круг одного центра.

120) Методичность — действие по строго обдуманному и определенному плану; регулярное действие, без перебоев.

121) Пассивность — бездеятельность (противопоставляется активности — оживленной деятельности).

ГЛАВА VII.

ДЕЯТЕЛИ.

122) Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — знаменитый итальянский народный герой, посвятивший всю свою жизнь делу освобождения Италии от австрийского владычества. Страстная революционная натура, все же не подымавшая у себя на родине над национализмом (в жизни Гарибальди есть момент, когда он приветствовал короля Виктора Эммануила, как «освободителя родины»). Но его кипучая натура всегда брела его туда, где он усматривал притеснение, несправедливость. Жизнь его полна скитаний и битв. В 1835 году он бежал из Франции. Приговоренный на родине к смерти, он ведет скитальческую жизнь: служил у африканского царька, у южно-американской республики, у временного правительства Рима (1848 год) и т. д. Вокруг Гарибальди собралась, в качестве добровольцев, отважные, революционно-настроенные бойцы (гарибальдийцы).

123) Гюго, Виктор (1802—1885) — известный французский поэт. Был одно время восторженным поклонником Наполеона I, но в 1849 году он со всей свойственной ему

страстностью переходит в республиканский лагерь. Как неукротимый противник переворота Наполеона III, должен был бежать в Бельгию. В изгнании пробыл 18 лет, продолжая свою яростную литературную атаку против империи. В 1870 г. принимал деятельное участие в организации народной обороны. В 1871 г. был избран в национальное собрание в Бордо, где протестовал против заключения мира, но скоро сложил полномочия.

Произведения В. Гюго с неослабевающим интересом читаются по сие время. В одном из своих романов — «93-й год» он воспроизводит эпоху великой французской революции.

124) Ранк, Артур (1831) — был замечан в процессе Орсини, покушавшегося на жизнь Наполеона III, и был сослан в Африку, откуда бежал. Вернулся после амнистии 1859 года. В 1871 г. был избран членом Коммуны, но после декрета о расстрелянии версальских заложников (это было единственное средство ослабить зверства версальцев), вышел из Коммуны. Заочно был приговорен к смерти, но амнистирован.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

125) Кордон — отряды войск, расставленные на некотором расстоянии друг от друга, на случай нападения неприятеля: пункты для осмотра товаров на пограничных областях и т. д. В общем, кордон соответствует понятию — застава.

126) Радикал — сторонник реформ; радикализм в политике известен, как направление буржуазно-реформистское.

127) Урна — 1) кувшинообразный сосуд, широкій снизу и суживающийся вверх; служил у древних для хранения воды, для собирания пепла после сожжения покойников; 2) ящик, в который опускаются записки с подачей голоса за того или иного кандидата на выборах.

ГЛАВА VIII.

ДЕЯТЕЛИ.

128) Огарев, Николай Плат. (1813 — 1877) — видный русский поэт. Его личность тесно связана с Герценом (см. примеч.). В 1832 г. поступил в московский универ-

ситет, где подружился с Герценом и вместе с ним был выслан из Москвы. В 1858 г. он окончательно оставил Россию. Вместе с Герценом издавал «Колокол» и «Полярную звезду». По приезде в Лондон Вакунина всецело поднал под его влияние. После смерти Герцена влачил жалкое существование. Огарев был одним из лучших передовых общественных деятелей России 40-х годов прошлого века.

РАЗНЫЕ.

129) Алжир — французская колония в Африке.

130) Кабилы — коренное население Алжира.

131) Куба — самый большой из группы Антильских островов в Атлантическом океане. На нем богатейшие сахарные, кофейные, хлопчатобумажные и табачные хозяйства. До 1898 г. был колонией Испании, но после испано-американской войны получил «независимость». Все же в настоящее время Куба целиком зависит от Америки.

132) Тред-юнион — название профессиональных союзов в Англии.

133) Шейх — арабский старейшина.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

134) Гуманность — человеколюбие, человечность.

ГЛАВА IX.

РАЗНЫЕ.

135) Алхимия — наука о превращении тел; возникла на востоке, в середине века. Происхождение ее арабское, но получила большое распространение и в Европе. С точки зрения современной науки, деятельность алхимиков, искавших эликсир, обеспечивающий бессмертие и философский камень, могущий превращать любые металлы в золото — конечно, как будто, детская забава: но в своей работе алхимики попутно сделали много ценных химических наблюдений и содействовали подготовке химии, как науки, по возникновении которой алхимия следовала уделом невежд и плутов.

136) Галлия — древнее название Франции и части Италии.

Часть III.

ГЛАВА I.

РАЗНЫЕ.

137) Дагобер — имя древнейшего франкского короля.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

138) Дискредитировать — подрывать доверие; кого-либо умышленно развенчивать в чьих либо глазах.

139) Редут — небольшое, отдельно устроенное укрепление.

ГЛАВА II.

ДЕЯТЕЛИ.

140) Вальян, Мари-Эдуард (1840) — получил образование в немецких университетах, в которых изучал философию и медицину. Активно примкнул к Интернационалу, состоял в его руководящих организациях. Война 1870 года, против которой он, конечно, вел деятельную кампанию, застает его в Германии, но он спешно выезжает в Париж и становится в ряды национальной гвардии. В рабочей среде Парижа он быстро приобретает большую популярность и при провозглашении Коммуны в 1871 г. избирается членом ее. В среде членов Коммуны он принадлежал к числу наиболее решительно настроенного большинства. По вступлении версальских войск в Париж, бежал в Лондон, где сделался членом совета Интернационала. Военный суд заочно приговорил Вальяна к смерти. После амнистии Вальян возвратился в Париж и сделался одним из вождей бланкистов (см. примечание).

141) Вейлер — испанский генерал, просланенный своей жестокостью при подавлении восстания на острове Куба (см. прим.).

142) Дорриан, Пьер Фредерик (1814 — 1873) — французский политический деятель. Был избран в 1869 г. в законодательный корпус, принадлежал к левой его части и подавал голос против франко-прусской войны. После провозглашения республики был назначен министром публичных работ и проявил большую деятельность в укреплении Парижа. В национальном собрании также принадлежал к левой его части.

143) Журд Франсуа (1843) — был из профессии банковским служащим. В 1870 г. был сержантом национальной гвардии, входил в Центральный комитет ее; заведывал финансами Коммуны, проявив на этом поприще большую энергию, но, к сожалению, слишком большую щепетильность в отношении государственного банка. Одной из причин разгрома Коммуны явилось отсутствие у нее средств, между тем как в государственном банке они были. Идя на хитрые уговоры буржуазных спецов финансового дела о необходимости соблюдения «формальностей», Коммуна затягивала петлю у себя на шею.

После падения Коммуны Журд был приговорен к ссылке на Новую Каледонию.

144) Ланглюа, Амодей-Жером (1819) — был деятельным политическим сотоварищем отца анархизма Прудона; сотрудничал в его газете «Народ»; ему Прудон поручал наблюдение за изданием его посмертных сочинений. В свое время, за участие в восстании 13 июня 1849 г. был приговорен к ссылке.

145) Локруа, Этьен-Антуан (1840) — сын французского драматического писателя; в молодости готовился к деятельности художника. Принимал участие в гарибальдийских (см. примечание) походах. В 1871 г. был избран в Национальное собрание, где примкнул к крайним левым элементам. Главным пунктом его программы было ослабление зависимости мест от центра, с развитием самостоятельности общин. Был обвинен в участии в Парижской Коммуне и пробыл в тюрьме до июня 1871 г. Позднее Локруа занимал ряд министерских постов. Являлся одним из самых близких друзей Виктора Гюго.

146) Флокз, Шарль (1828 — 1897) — политический деятель. Был членом национального собрания в 1871 г., где он старался достигнуть соглашения между коммунарами и версальским правительством.

РАЗНЫЕ.

147) Конвент (Национальный конвент) — появился в результате великой франц. революции 1789 г. и являлся революционным представительным собранием (поздан 26-го авг. 1792 г.). Конвент сосредоточивал в сво-

руках законодательную, исполнительную, судебную власть. Его органами или комитеты общественного спасения и опасности. Но партия Конвент делилась 1) монпаньяров или якобинцев — наиболее революционная, левая часть; 2) жиронтов — умеренная часть и 3) так называемое «болото» — центр, отдельные части которого примыкали к тому, кто сильнее. Конвент вел борьбу на два фронта: 1) с силами союза европейских держав, стремившихся восстановить во Франции старый порядок и 2) с внутренними монархическими и умеренными элементами. В связи с тем Конвент пошел на самые решительные меры: установил диктатуру комитетов и ввел общий террор в отношении врагов республики (в этот период, по постановлению Конвента, был казнен французский король Людовик XVI).

Через всю историю Конвента проходят два основных периода — якобинцев и жиронтов, борьба, ареной которой был, конечно, не только зал заседаний Конвента, а Франция. К концу своей деятельности (1795 г.), Конвент постепенно теряет якобинское, ярко-революционное лицо. Важным моментом является падение диктатуры якобинцев, Робеспьера, после чего власть переходит к умеренным элементам — жирондисты возвращаются к власти. 1-го апреля 1795 года парижский батальон путем восстания делает попытку вернуть Конвенту его революционный характер. Восстание было подавлено. Конвент прекратил свое существование 26-го октября 1795 года.

148) **Юпитер** — верховное божество древних римлян: царь и отец людей и богов.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

149) **Анналы** — историческая летопись, повременная запись событий.

150) **Дебаты** — споры, прения.

151) **Инсинуация** — злостный вымысел; обвинение со злостным намерением какого-либо лица или дела.

152) **Контрибуция** — денежное вознаграждение, взимаемое страной — победительницей с побежденной страны.

153) **Легализация** — предание законной силы, узаконение.

ГЛАВА III.

РАЗНЫЕ.

154) **Жирондисты** — см. примеч. о Конвенте.

155) **Федералисты** — так называли французских коммунаров. Происходит от слова федерация, которое, в общем и целом, обозначает наиболее высокую, свободную форму самоуправления.

ГЛАВА IV.

ДЕЯТЕЛИ.

156) **Дюпон, Евгений** (1840) — один из видных членов Интернационала. В 1871 г. был членом Центрального Комитета Национальной гвардии и был выбран в Коммуну. После падения Коммуны бежал в Лондон, где занял место секретаря генерального Совета Интернационала.

157) **Клюзере, Густав-Поль** (1823—1900) — в 1861 году принимал участие в гражданской войне в Америке. В 1870 г. организовал восстание в Лионе, которое было подавлено. Был одним из военных руководителей Коммуны. По подозрению в том, что он подкуплен версальским правительством, был временно заключен в тюрьму Мазас. После разгрома Коммуны бежал за границу. Военный суд заочно приговорил его к смерти. Вернулся во Францию после амнистии.

157а) **Курбе, Густав** (1819—1877) — художник. Был для своего времени революционером области искусства. Вместо обычного во французском живописи изображения салонных сюжетов, он изображал на своих полотнах крестьян и крестьянок, рабочих, каменоломов и т. п. Он смело бросил в затхлую обстановку французских салонов живописи лозунг «реализм», «художественная правда». Он говорил, что художник должен стать выразителем промышленной эпохи, что художник должен быть не только художником, но и современным человеком.

После объявления республики, когда германские войска подходили к Парижу, Курбе обратился к немецким художникам с сильным письмом, призывая их активно помочь

установлению республики в Германии и пригласив их перелить все пушки Германии и Франции в памятник во славу братства народов.

На дополнительных выборах Курбе был избран в Коммуну; он стоял во главе комиссии по охране памятников искусств.

Курбе сыграл значительную роль в издании декрета о свержении Вандомской колонны (построена из пушек, отобранных в битвах Наполеоном I), как памятника милитаризма.

После разгрома Коммуны Курбе бежал в Швейцарию, где и умер.

158) **Лонгэ, Шарль** (1837—1904) — член Интернационала. После подавления Коммуны бежал в Англию. Был женат на дочери К. Маркса.

159) **Потье, Эжен** (1816—1887) — французский поэт-социалист. Он является автором Интернационала, ставшего боевым пролетарским гимном. По социальному положению — рабочий. Активно участвовал в революции 48-го года. Позднее примкнул к Интернационалу. Был членом Коммуны. По подавлению ее бежал в Америку. Вернулся после амнистии 1880 г. и примкнул к марксистской франц. рабочей партии.

РАЗНЫЕ.

160) **7-го жерминаля 79-го года республики**. — 1871 год был 79-м годом, если считать от первой республики после Великой революции 1789 года. 28-е марта будет по революционному календарю 7-ым жерминаля (см. примеч. Жерминаль).

161) **Зуавы** — французское пехотное войско, набираемое во французской колонии Алжире (Африка).

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

162) **Апофеоз** — пышное торжественное завершение; обоготворение.

163) **Апеллировать** — обращаться к высшему органу с жалобой.

164) **Прокламация** — 1) торжественное объявление, обнародование; 2) политическое воззвание к массам.

165) **Санционировать** — утверждать.

ГЛАВА V.

РАЗНЫЕ.

166) **Вандомская колонна** — колонна, выгнутая из пушек, захваченных в боях Наполеоном I. Правительство Коммуны свергло ее как символ милитаризма.

167) **Сорбонна** — была высшим богословским учебным заведением при Парижском Университете (1257—1792). С 1792 года Сорбонна является крупнейшим французским университетом.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

168) **Агрегация** — состояние тел в природе, зависящее от большего или меньшего сцепления их частей (молекул). Наименьшее сцепление — газы, среднее — жидкости, наибольшее — твердые тела.

169) **Виадук** — мост через ущелье, долину или реку, устроенный для проложения дороги.

170) **Инфузории** — маленькие животные простейшего устройства, невидимые простым глазом. Водятся в воде, тине, на сырой земле и проч.

171) **Классификация** — подразделение, по тем или иным признакам на группы, классы, виды.

172) **Коэффициент** — цифровая величина, которой измеряется какое-либо физическое явление.

173) **Метеориты** — каменные или железные массы, летящие из мирового пространства, пронзающие в воздухе в виде огненных шаров и иногда падающие на землю.

174) **Метеорологический** — происходит от слова метеорология — наука, занимающаяся изучением атмосферных (атмосфера — слой воздуха, прилегающий к земле) явлений: влажность, изменение и сила ветра, температура и проч.

175) **Ностальгия** — тоска по родине, принявшая характер душевной болезни, психического расстройства.

176) **Экватор** — воображаемый круг, пересекающий какую-либо планету на две половины.

177) **Эмбриологический** — зародышевый, в зачаточном состоянии; эмбриология — наука о зародыше.

ГЛАВА VI.

ДЕЯТЕЛИ.

178) **Домбровский**, Ярослав (1838 — 1871) — родился в Житомире, воспитывался в кадетском корпусе и был офицером русской службы. Он принял участие в польском восстании 1863 года и был приговорен царским правительством к 15 годам каторги, но успел бежать.

Домбровский играл громадную роль при защите восставшего Парижа. Будучи одним из главных военачальников Коммуны, он с немногочисленными остатками от своих батальонов, под местечком Нейльи, отбивался от неприятеля, располагавшего в десять раз большими силами, вплоть до 20-го мая (дня прорыва версальских войск в Париж). Домбровский в сражениях был истинным примером бесстрашия. За несколько дней до падения Коммуны, он умышленно ринулся и сильнейший огонь, чтобы не пережить поражения и, будучи смертельно ранен — умер.

179) **Реклю**, Элизе (1803 — 1905) — знаменитый французский географ, автор всемирно известного труда «Земля и люди»; по политическим убеждениям был анархист. Во время франко-прусской войны принимал деятельное участие в защите Парижа (в Национальной гвардии), а затем в восстании Коммуны. Военный суд приговорил его к каторжным работам, но таковые были заменены изгнанием. Вернулся во Францию после амнистии в 1879 году.

РАЗНЫЕ.

180) **Тюркозы** — французские войска, набранные из африканских жителей.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

181) **Авангард** — передовой отряд.

182) **Гетры** — матерчатый или кожаный верх для ботинок, на застежках (охватывает икру).

183) **Обсервационный пункт** — наблюдательный пункт.

ГЛАВА VII.

ДЕЯТЕЛИ.

184) **Бодлэр**, Шарль (1821 — 1867) — французский поэт упадочного, декадентского направления.

РАЗНЫЕ.

185) **Марсово поле** — усаженный деревьями плац для маневров под Парижем.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

186) **Демагог** — буквально — народный вождь; в переносном смысле это слово употребляется для обозначения человека действующего на толпу лестью, поддельноушегося под ее вкусы и требования.

187) **Инсургенты** — поданные, восставшие с оружием в руках против правительства.

188) **Фанфарон** — хвастун, выезжающий на пустяк.

ГЛАВА VIII.

ДЕЯТЕЛИ.

189) **Калигула** — римский император (I-й век после Р. Х.), помешанный тиран, царствование которого ознаменовано рядом бессмысленных жестокостей. Ему принадлежит пожелание видеть у римского народа одну голову, чтобы одним же ударом можно было отрубить ее.

190) **Кастелар**, Эмилио (1832—1899) — крупный испанский политический деятель.

191) **Нерон** — один из самых чудовищных по жестокости римских императоров (I век после Р. Х.). Покончил с собой, когда против него поднялось восстание. Нерон — стало нарицательным именем для тиранов, отличающихся особой жестокостью.

192) **Светоний** — римский историк (I—II век после Р. Х.).

193) **Сид** — герой испанских народных преданий, поэм, романсов и драм. Существует драма знаменитого французского писателя Карнеля под названием «Сид».

194) **Тацит** — величайший римский историк (I—II век после Р. Х.). Его труды отличаются удивительно меткими характеристиками исторических лиц и мастерским изображением издевательств над народом римских императоров.

РАЗНЫЕ.

195) **Андалузия** — область в южной Испании.

196) **Барселона** — один из важнейших городов Испании.

197) **Каталония** — северная часть Испании.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

198) **Интерлелляция** — 1) запрос, делаемый каким-либо членом парламента министерству; 2) обращение одного правительства к другому за разъяснением по какому-либо вопросу.

199) **Филантропия** — благотворительность.

200) **Эрудияция** — глубокая и многосторонняя ученость.

ГЛАВА IX.

РАЗНЫЕ.

201) **Франкмасоны** (масоны) — или союз «свободных каменщиков». Франкмасонство возникло в XIII столетии из братств каменотесов. В основе своей франкмасонский союз должен был принимать в свою среду всех без исключения и имел своей целью нравственное самоусовершенствование и совершение дел человеколюбия. Но благодаря своей замкнутости, туманной религиозной обрядности, туманности и расплывчатости целей — масонство имело в своих рядах почти исключительно привилегированную часть общества, интеллигенцию. Первоначально масонство имело исключительно духовный характер, позднее же, под влиянием освободительных идей французских философов 18-го века, принимает светский, международный характер (сохраняя религиозную обрядовую сторону).

В 18-м и 19-м веке в масонских обществах объединялись передовые слои интеллигенции в моменты особенных разгулов реакции. В настоящее время, в связи с широко развернувшимся рабочим движением, в связи с выходом политической жизни на поверхность — масонство окончательно выродилось и остатки его представляют собой кучки безвечных интеллигентов (в большинстве далеко не передового характера), хотящих упрятаться от бурных жизненных волн в свою скорлупу, за изгородь туманных слов о душе, боге и т. д.

Масонские общества называют себя «ложями», делятся на «ордена». Во главе орденов и лож стоят «достоинимые» и «мастера».

В прошлом масонство сыграло свою роль в социальном прогрессе.

В 18-м и 19-м веках масонство широко захватывало передовых русских деятелей.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

202) **Децентрализация** — ослабление зависимости мест от центра.

203) **Конгресс** — широкий международный съезд.

204) **Муниципальный** — городской; **муниципалитет** — городское самоуправляющееся хозяйство.

205) **Функция** — обязанность.

ГЛАВА X.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

206) **Тирада** — краткая, торжественная речь.

207) **Цитата** — дословная выдержка из сочинения какого-либо автора.

ГЛАВА XI.

ДЕЯТЕЛИ.

208) **Курне**, **Фредерик** (1839 — 1885) — в мартовские дни 1871 года представлял собой от одного округа в Коммуне. Оставался одним из последних бойцов на баррикадах. После ликвидации Коммуны бежал в Лондон, где входил в Генеральный Совет Интернационала.

ГЛАВА XII.

ДЕЯТЕЛИ.

209) **Жанна Д'Арк** или **Орлеанская Дева** (1412 — 1431) — французская народная героиня «причисленная к лику святых». Легенда говорит о том, что Жанна Д'Арк, став во главе войска, одержала блестящую победу над англичанами.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

- 210) **Аттрибуты** — принадлежности.
 211) **Конгрегация** — духовное сообщество, духовный орден.
 212) **Ортопедия** — отдел медицины, разъясняющий причины ненормального искривления тела и их лечение.
 213) **Экстаз** — сильное возбуждение, болезненно-восторженное состояние.
 214) **Эмблема** — условный знак какой-либо организации, выражающий ее сущность (например: серп и молот — герб — эмблема Советской России).
 215) **Энтомология** — наука о насекомых.

ГЛАВА XIII.

РАЗНЫЕ.

- 216) **Викарий** — епископ, не имеющий самостоятельной епархии; помощник местного епископа.
 217) **Дантовский ад.** — Данте, знаменитый итальянский поэт 13-го века. Самое известное из его произведений «Божественная комедия», делящаяся на три части: 1) ад, 2) чистилище и 3) рай. Данте в поэтической форме описывает «ужасы» ада.
 218) **Кюре** — французский священник.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

- 219) **Аргумент** — довод, доказательство.
 220) **Аудиенция** — официальный прием кого-либо высоким должностным лицом.
 221) **Монсеньер** — титул, дававшийся в старой Франции принцам королевского дома, а также высшим представителям духовной и светской власти.

ГЛАВА XIV.

ДЕЯТЕЛИ.

- 222) **Марат, Жан Поль (1744 — 1793)** — один из величайших деятелей Великой французской революции, вождь парижского пролетариата. В 1789 г. он издавал газету «Друг народа» (это имя установилось за ним самим). Являлся ярким врагом жирондистов (см. примечание) и призывал

к расправе с ними. Был убит Шарлоттой Корда, бывшей орудием французской буржуазии. Марат — образец стойкости революционного бойца.

РАЗНЫЕ.

- 223) **Жак Боном** — прозвище французских крестьян, которое отражает покорность их. В точном переводе значит — Жак хороший человек.
 224) **Шуаны** — название, данное французским крестьянам, восставшим в 1792 г. против республики, под предводительством контрабандиста Жана Коттеро, прозванного Шуаном.
 225) **Якобинцы** — см. прим. Конвент.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

- 226) **Легитимист** — легитимизм — теория признающая божественное происхождение верховной власти и неограниченность ее.
 227) **Роялист** — монархист.

Часть VI.

ГЛАВА I.

ДЕЯТЕЛИ.

- 228) **Кавеньяк** — генерал, кровавый подавитель восстания парижского пролетариата в июне 1848 года.
 229) **Клеман, Жан Балтист (1837)** — рабочий медник. В 1870 г. выпустил ряд очерков, за которые был приговорен к году тюремного заключения. Был заключен в ссылку по ликвидации ее приговорен к ссылке но успел бежать в Англию, откуда вернулся после амнистии 1880 года.
 230) **Лиссагарэ, Проспер Оливье** — журналист, историк. Его перу принадлежит одна из лучших «Историй Парижской Коммуны». Сам он принимал в ней деятельное участие. Ему удалось бежать в Англию.

231) **Мюрже** — французский писатель, изображавший в своих произведениях жизнь артистической гольфтыбы (богеми).

РАЗНЫЕ.

- 232) **Вандейцы** — участники Вандейских войн. Вандея — одна из западных частей Франции, населенная особенно отсталым

ГЛАВА II.

ДЕЯТЕЛИ.

- 247) **Пеллтан, Камилл** — депутат, вождь умеренных социалистов; в 1902 г. был морским министром.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

- 248) **Анкредитировать** — уполномочить (обычно употребляется в отношении слов или денежных операций).
 249) **Егерь** — охотник.
 250) **Иммунитет** — невосприимчивость (в отношении заразных болезней); неприкосновенность (в политическом смысле).
 251) **Катакомбы** — подземные пещеры.
 252) **Полемический** — содержащий резкие нападки на противоположное мнение; задорный в речи.

ГЛАВА III.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

- 253) **Бастион** — выдающаяся часть крепостной ограды.
 254) **Буколический** — изображающий прелести сельской жизни.

ГЛАВА IV.

ДЕЯТЕЛИ.

- 255) **Вольтер (1694 — 1778)** — главный представитель «просветительной философии» до-революционной эпохи. Имел огромное влияние на умственное развитие всей Европы. За свои сочинения два раза был заключен в Бастилию, а потом выслан из Франции. Во Франции многие его сочинения были «казнены» — рукою палача преданы сожжению, ибо в них говорилось о свободе совести, печати, гласном судопроизводстве и проч. Приобретенное Вольтером имение Ферне, где он в течение 20 лет вел необычайно плодотворную работу, впоследствии во все крупные исторические события, принимая под свою защиту всех потерпевших за свободы, которые он отстаивал — являлось центром, где сосредоточивалась кипучая умственная жизнь того времени. В 1778 г. Вольтер вернулся

темным крестьянством. Население этих мест находилось под влиянием помещиков и попов, каковые подняли его на восстание против республики в 1793 г. Восстание было поддержано Англией и монархистами всех толков и окончилось только в 1800 году. Это было семь лет кровавой гражданской войны. Вандея — стало нарицательным именем для реакции, опирающейся на темные крестьянские элементы.

233) **Монтаньяры** — см. примеч. Конвент.

234) **Каледония Новая** — остров в юго-западной части Великого океана.

235) **Феодализм** — средневековый государственный строй, основанный на закреплении крестьянских и отчасти городских масс за крупными помещиками-феодалами. **Феод** — участок земли, принадлежащий помещику, князю. В этот период государство является разбитым на феодалы, на которых владеют их — царь и бог.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

236) **Антиподы** — жители взаимно противоположных пунктов земного шара, как бы обращенные друг к другу ногами; противоположности.

237) **Vae victis** — Горе побежденным!

238) **Гидра** — многоголовое чудовище.

239) **Негоциант** — купец, ведущий обширную торговлю, в особенности с отдаленными странами.

240) **Обсерватория** — здание, специально приспособленное для физических наблюдений; наблюдательный пункт.

241) **Рекогносцировка** — разведка.

242) **Резрессалия** — решительная строгая мера.

243) **Трансформация** — преобразование, превращение одной формы в другую. Стихийными трансформациями, например, являются изменения земной поверхности.

244) **Фреска** — стенная картина.

245) **Циклон** — ураган.

246) **Элигон** — последыши, люди, развивающие идеи своих предшественников, но значительно более мелкие, чем были те.

в Париж и в этом же году умер. Духовенство отказалось хоронить «безбожного» Вольтера. Прах его был погребен в Пантеоне, гробнице великих людей Франции.

256) **Муален, Тони** — врач по профессии, близко соприкасался с пролетариатом, что его толкнуло на внимательное изучение политической экономии. В 1870 г. был приговорен императорским правительством к 5-ти годам заключения. Во время Коммуны был врачом 193 батальона Национальной гвардии и членом Комитета 12-го округа. Был арестован в мае 71 г. и приговорен к расстрелу. После приговора Муален проявил редкое мужество. За несколько часов до расстрела он захотел оформить перед законом свои отношения с близкой ему женщиной. Ему это было разрешено. В 8 ч. утра последовало официальное вступление в брак, а в 9 час. он уже шел к месту казни. Тело его не было выдано жене.

257) **Руссо, Жан-Жак** (1712—1778) — знаменитый французский философ. Утверждал, что цивилизация (культура городская) испортила и развратила человека; требовал жизни наиболее близкой к природе.

РАЗНЫЕ.

258) **Варфоломеевская ночь** — избиение гугенотов (сторонников церковной реформы) в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. организованное католической церковью при монархической власти.

259) **Галеры** — в древности и в средние века военные суда, приводимые в движение прикованными гребцами (рабами и преступниками). Ссылка на галеры — ссылка на каторгу.

260) **Иммортели** — бессмертники, растения с жесткими неувядающими листьями; иммортели служат символом бессмертия.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

261) **Кассировать** — обращаться с ходатайством об отмене судебного решения, приговора.

262) **Формула** — сжатое, краткое выражение какой-либо мысли.

263) **Экзальтированный** — восторженно возбужденный.

ГЛАВА I.

РАЗНЫЕ.

264) **Арийцы** — народ, вышедший в древнейшие времена из Азии. От этого народа ведут свое происхождение большинство нынешних европейских народов.

265) **Атлантида** — большой материк, лежавший по мнению древних, к западу от Африки и поглощенный океаном.

266) **Бризы** — морские ветры, постоянно дующие на морском берегу.

267) **Галльский петух**. — Галлы — народ, населявший древнюю Францию. Петух — герб древней Франции.

268) **Гашиш** — смола индийской конопли; употребляется для курения и производит одуряющее действие; гашиш подобно алкоголю, отравляет организм.

269) **Компас** — прибор для определения стран света (север, юг, восток, запад).

270) **Кураре** — сильный яд, получаемый из северо-американского растения.

271) **Опиум** — сок, получаемый из незрелых головок мака. Его курят, подобно гашишу. Производит одуряющее впечатление; отравляет организм.

272) **Пантагрюэль** — центральная фигура из романа сатирика Рабле того же названия. Пантагрюэль изображается занимающимся исключительно погоней за наслаждениями и способным так много трапезить и так ни перед чем не останавливаться на доставление себе «земных радостей», что, по характеристике самого писателя, «может быть только королем».

273) **Триба** — округ, населенный одним родом (у народностей на низком уровне развития).

274) **Троя** — город, существовавший в древности на берегу Малой Азии и разрушенный греками во время войны.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

275) **Бурнус** — род плаща у арабов.

276) **Вагенмейстер** — заведующий военным обозом.

277) **Дортуар** — общая спальня.

278) **Катанлизм** — всепоглощающий поглот.

РАЗНЫЕ.

291) **Атеист** — не верующий в бога.

292) **Вивисектор** — лицо, занимающееся опытами над живыми животными, с целью испытать новый метод операции или новое лечебное средство.

293) **Мадагаскар** — один из величайших островов в мире; находится в индийском океане.

294) **Папирус** — древняя рукопись, написанная на бумаге, изготовленной из сердцевины растения папируса.

295) **Сольфеджио** — воспроизведение песни нот без текста; музыкальное упражнение.

296) **Сфинкс** — чудовище с львиным телом и женской головой, почитавшееся древними египтянами как священное. Сфинкс пожирал (по египетской легенде) людей, не разрешавших заданной им загадки (отсюда выражение — загадка сфинкса).

297) **Титаны** — великаны огромного роста, «штурмовавшие небо», согласно древней греческой легенде, в целях свержения верховного греческого божества Зевса.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

298) **Апология** — защитительная речь или сочинение.

299) **Компромисс** — согласие на уступки в целях соглашения.

300) **Фальсификация** — подделка.

ГЛАВА II.

ДЕЯТЕЛИ.

290) **Абдул-Гамид** — турецкий султан конца XIX века, известен под именем «кровавого султана».

«Вы победите. И мир, который ныне рукоплет вашим благородным усилиям, готовится уже праздновать ваш триумф, и вместе торжество всех народов.

«Да здравствует Всемирная Республика!

«Да здравствует Коммуна!

Член военной комиссии *Делеклюз*».

Париж, 10 мая 1871 года.

Мечтатели старались ускорить развязку, но главные испытания были еще впереди. Освобождение Нури было решено в первые дни; он так и не вернулся.

Дом г. Тьера был разрушен, и площадь св. Георгия покрылась мусором и гнездами крыс; это доставило «маленькому человеку» целый дворец.

Впрочем, что значат отдельные лица? Мы, все-таки, ближе стоим к новому миру; если же развитие цветка задерживается, и распускание его не наступает во время, он засыхает.

У владельцев канатных мастерских, в грязнейших притонах разврата скрывались переодетые агенты Версаля.

Коммуна надеялась воспрепятствовать их доступу в Париж, требуя от всех удостоверения личности, но один за другим, словно капля за каплей, они проникали в Париж.

11-го мая г. Тьер потребовал у напуганного и вместе озлобленного нашим сопротивлением собрания, еще восемь дней сроку; он обещал, что после этого все будет кончено.

Заговор пивоваров удалось раскрыть; другие остались необнаруженными.

Версальцам пришлось расстаться с надеждой подкупить людей, которые не были продажны; тогда они начали проводить своих агентов всюду, где можно было сказать хоть слово против революции, приобрести хотя бы одного сторонника.

План их подкупить Домбровского полутора миллионами был нелеп в самой своей основе. Разумеется, глава федеральных войск немедленно сообщил об этом комитету общественного спасения.

Непостижимо, как версальцы могли избрать столь неудачный путь. Домбровский был вождем последнего польского восстания; почти целый

год он выдерживал натиск русской армии; еще позднее он участвовал в войне на Кавказе и командовал воезской армией. Везде он доказал, что не способен быть изменником. Мог ли он стать орудием реакции?

Версальцы то делали шаг вперед, то вновь теряли завоеванную позицию. Смелая мышь не сдавалась и кусала кошку, заставляя ее отступать.

Вечером, 21-го мая назначен был концерт в пользу жертв социальной войны — вдов, сирот и раненных в бою федералистов.

В этих концертах выступало, обыкновенно, столько талантливых артистов, что они бывали истинными триумфами искусства. Агар декламировала там отрывки из „Châtiments“, она пела и марсельезу — голосом столь мощным, что версальцы говорили, будто она «ревет».

В воскресенье, 21-го мая должны были выступить двести исполнителей. — Целый поток гармонии! Спозаранку аудитория была набита битком; все с нетерпением ждали начала. И, однако, сердца болезненно сжимались: в воздухе чувствовалось веяние измены.

Около пяти часов офицер главного штаба Коммуны вышел на эстраду.

«Граждане, — воскликнул он: — г. Тьер обещал войти в Париж еще вчера вечером; он не вошел и не войдет к нам. Я приглашаю вас в следующее воскресенье, 28-го, сюда же, на наш концерт в пользу вдов и сирот пострадавших на войне».

Это заявление было встречено бурными рукоплесканиями.

В это самое время передовые части версальской армии уже вступали в Париж через ворота Сен-Клу.

Предателем явился бывший офицер морской службы по имени Дюкатель. В то время он еще не имел определенных занятий и бродил по линии парижских укреплений, отыскивая слабые места, чтобы указать их версальцам; он знал, как малочисленна армия защитников, и не сомневался, что поиски его увенчаются успехом. Заметив, что ворота Сен-Клу вовсе лишены охраны, он подал знак белым платком и этим вызвал отряд правительственных войск.

В тот же момент появился какой-то морской офицер, версальские батареи умолкли, и регулярные войска двинулись в Париж небольшими частями.

В городе не сразу заметили прекращение канонады; ухо так привыкло к ней, что еще несколько недель спустя после взятия Парижа жителям слышался грохот пушек. Наконец, на странную тишину обра-

тили внимание; одни видели в этом благоприятный знак; другим, наоборот, оно казалось подозрительным. Собравшись на Мон Валерьян, Тьер, Мак Магон и адмирал Потюо разослали повсюду следующую телеграмму:

21-го мая, 7 час. вечера.

«Ворота Сен-Клу только что пали под огнем нашей артиллерии; генерал Дуэ устремился туда; в настоящий момент он вступает со своими силами в Париж. Войска генерала Ламиро и Кленшана уже двигаются вслед за ним.

А. Тьер».

В эту ночь, благодаря измене, без всякого боя, двадцать пять тысяч правительственных войск расположились в Париже.

Денег не было ни копейки, но для образования фонда мы придумали следующее:

Мы брали с собой высокого национального гвардейца, с лицом, похожим на гравюру 93-го года; он шел вперед, примкнув штык к ружью. Одеянные широкими красными шарфами, держа в руках специально приготовленные для этого случая кошельки, мы все трое с мрачным видом отправлялись к богачам. Начинали с церквей. Национальный гвардеец шел по середине, стуча ружьем по плитам; мы шли по бокам, и собирали пожертвования у всех, начиная с священников алтаря. Богомольные дамы, бледные от ужаса, дрожащими руками опускали деньги в наши кошельки; некоторые делали это довольно охотно, все священники давали; затем настала очередь некоторых еврейских и христианских финансистов; давали добрые люди; один аптекарь предложил материал. Больница была основана.

В мэрии Монмартра много смеялись над этой экспедицией.

Если б мы заговорили о ней до удачного конца, то нас, конечно, никто бы не одобрил.

Я хорошо помню день, когда Пуарье, Блен и Эскоффон пришли за мной в школу, чтоб основать женский наблюдательный комитет.

Это было вечером после класса; оне сидели у стены, Эскоффон, с своими растрепавшимися белокурыми волосами, старуха Блен в фетровой шляпе, госпожа Пуарье в капюшоне из красного ситца; без колебания и комплиментов, оне мне просто сказали: «Вам надо идти с нами», и я им ответила: «иду».

В это время у меня в классе было около 200 учеников и учениц; с ними занималась моя помощница и я; здесь были и совсем маленькие дети от трех до шести лет, мальчики и девочки, с которыми занималась моя мать и очень их баловала.

Взрослые девочки моего класса помогали ей по-очереди.

Малюток, детей крестьян, искавших убежища в Париже, прислал ко мне Клемансо; Парижская мэрия взялась кормить их; у них было молоко, конина, зелень, и часто какие-нибудь лакомства.

Раз, когда молоко почему-то запоздало, самые маленькие, не привыкшие ждать, заплакали и мать моя, утешая их, плакала с ними.

Не помню, каким образом я догадалась, что для того, чтобы они дожидались терпеливее, надо им пригрозить, что если они не замолчат, то их отправят к Трошю.

Они испуганно закричали: «мы будем послушны, не отсылайте нас к Трошю!»

Эти крики и терпение, с которым они ждали, доказывали, что парижское правительство не пользовалось у них особенной любовью.

Много говорят о том, что учительницы ревнивы. Я никогда этого не испытывала. До войны мы менялись уроками с моей ближайшей соседкой мадемуазель Потэн. Она давала уроки музыки у меня, я учила рисованию у нее; то она, то я, возили на курсы на улицу Готейфель наших старших учениц. Во время осады, когда я сидела в тюрьме, она вела мой класс.